ВИКТОР ФРАДКИН

Дело Кольцова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальное повествование о последних четырнадцати месяцах жизни расстрелянного по приговору «тройки» писателя — публициста, «журналиста номер один» той поры, организатора журнала «Огонек», автора книги «Испанский дневник» М. Кольцова представляет уникальные материалы: «навечно засекреченное» дело № 21 620 — протоколы допросов М. Кольцова и его гражданской жены; переписку с А. Луначарским, М. Горьким. И. Эренбургом, А. Фадеевым; воспоминания Э. Хемингуэя, брата писателя — публициста художника Б. Ефимова и многих других известных людей. Публикуемые впервые документы воссоздают страшную картину эпохи Большого Террора.

- Виктор Фрадкин
  - ДЯДЯ МИША
  - НОЧЬ НА 13 ДЕКАБРЯ
  - ПЕРВЫЙ ДОПРОС
  - ОБРЕТЕНИЕ ПРИЗВАНИЯ
    -
    - ФЕВРАЛЬСКИЙ МАРТ
    - ОКТЯБРЬ
    - ЖАЛОСТЬ
    - КИТАЙСКИЕ БУДНИ
  - В ГОРОДЕ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ
    -
    - «НИКАКИХ ДВАДЦАТЬ»
    - КРАСНЫЙ КИТЕЖ
    - НЕМЦЫ
    - СЕМЬ ПЕТЕРБУРГОВ
  - НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
    -
    - МАСТЕРУ СОВЕТСКОГО ФЕЛЬЕТОНА
    - МОЯ ВСТРЕЧА С «НЕИСТОВЫМ ЖУРНАЛИСТОМ»
  - 1939 ГОД. ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД. ПЕРВЫЕ «ПОКАЗАНИЯ» В ЗАСТЕНКАХ ЛУБЯНКИ
  - «АНТИСОВЕТСКИЕ» ФЕЛЬЕТОНЫ
    -
    - ИСКУССТВО ЗАЛИЗЫВАТЬ
    - ПОХВАЛА СКРОМНОСТИ
    - ДЕМОКРАТИЯ ПО ПОЧТЕ

        - ЛИЧНЫЙ СТОЛ
    - ЛЮДИ И ФАКТЫ
        -
        - ФАКТЫ
    - СОТРУДНИЧЕСТВО С ГОРЬКИМ
    - КОЛЬЦОВ В АВИАЦИИ
    - ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ
    - «ДЕЛО» МАРИИ ОСТЕН
    - КОНГРЕСС, ЗАДУМАННЫЙ СТАЛИНЫМ
    - ЭПИЗОД С АНДРЕ ЖИДОМ
    - ГОТОВЯТ НОВЫЙ ПРОЦЕСС
    - 1939 ГОД. ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД. СЛЕДСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ…
    - СОСТАВ СКАМЬИ ПОДСУДИМЫХ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ
    - КОЛЬЦОВ В ИСПАНИИ
    - «У ВАС ЕСТЬ РЕВОЛЬВЕР, ТОВАРИЩ КОЛЬЦОВ?»
    - ЧАС РАСПРАВЫ ПРИБЛИЖАЕТСЯ…
    - 1939 ГОД. ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД. ДОПРОСЫ
    - СЛЕДСТВИЕ ЗАКОНЧЕНО
    - ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
    - ТАЛАНТЛИВЕЙШИЙ И НАИВНЕЙШИЙ ЧУДАК СТРАНЫ СОВЕТОВ
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16

Виктор Фрадкин
Дело Кольцова

ДЯДЯ МИША
(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Перед вами — не увлекательное чтиво для любителей детективов. Но прочитать эту книгу от первой до последней страницы необходимо. Особенно представителям поколения, которое выбирает «Пепси». Современная молодежь, свободно, как рыба в воде, плавает по сайтам Интернета, хорошо ориентируется в рейтингах и маркетинге, разбирается в тонкостях пиара, но

имеет весьма смутное представление о том, что такое «коллективизация», «враги народа» или ГУЛАГ. Вот почему именно молодым людям желательно познакомиться с этой книгой, которая поможет им лучше понять историю своей страны прошлого века.

…Над моим изголовьем висят две старые фотографии в застекленных рамках. На одной из них симпатичный мужчина средних лет в кожаной куртке примостился в окопе и что-то сосредоточенно записывает в блокнот. Это — специальный корреспондент газеты «Правда» Михаил Кольцов, которого в народе все называют «журналист номер один». Место действия — Испания, где полыхает гражданская война. Время — 1937 год.

На второй фотографии тоже Михаил Кольцов в той же пропахшей порохом кожаной куртке на перроне Белорусского вокзала в Москве. Он устало улыбается в окружении толпы встречающих. Левой рукой держит своего восьмилетнего племянника Мишу, которого почти не видно за огромным букетом цветов. Это — я.

За малостью лет мои воспоминания о знаменитом дяде носят весьма сумбурный характер. Но сызмальства я знал, что был назван в его честь.

Не помню, чтобы Кольцов заходил к нам домой, где все называли его «дядя Миша», где его любили и, не побоюсь этого слова, боготворили. Отец часто рассказывал нам с мамой о его делах и планах, о поездках и встречах. Несколько раз вместе с отцом я ходил к дяде в известный «Дом на набережной», где мне позволялось разглядывать разные сувениры и листать книжки.

Однажды меня взяли с собой в Ленинград, куда дядя Миша выезжал по делам. Вместе с ним поехали несколько сотрудников и одна молодая симпатичная особа, о которой говорили, что она дочь маршала Егорова. В Ленинграде мне больше всего запомнилась поездка на настоящем извозчике.

Я знал, что дядя всегда очень занят, много работает, часто ездит по стране и за границу и что его принимает сам Сталин. После начала войны в Испании, куда он сразу же был направлен, его популярность достигла невероятных масштабов. Несмотря на отсутствие телевидения, вся страна знала его в лицо.

Помню, как в нашем детском садике воспитательница сказала мне, что было бы хорошо, если бы пришел Михаил Кольцов и рассказал детям об Испании. Я, не задумываясь, ответил: «Он очень занят, потому что ходит только по вождям».

Вечером мама провела со мной душеспасительную беседу на тему о скромности, я усвоил ее на всю оставшуюся жизнь.

Был еще один забавный случай, о котором я услышал дома.

Дедушка Ефим как-то поехал отдыхать в Сочи. Нужно сказать, что по натуре он был молчаливый, застенчивый человек, всегда стоял в стороне от кипучей общественной и творческой деятельности двух своих сыновей и любил столярничать в маленькой мастерской, устроенной им в кладовке. В купе он расположился на верхней полке и не принимал никакого участия в разговоре, который вели его спутники. Но когда кто-то из них стал со смехом цитировать фельетон Кольцова в сегодняшней «Правде», дед не удержался и, свесив голову, сказал: «Между прочим, это мой сын». Обитатели купе были явно поражены. Спустя некоторое время внизу раздался смех по поводу карикатуры Бориса Ефимова, опубликованной в утренних «Известиях». И снова с верхней полки раздался тихий голос: «Это тоже мой сын». Пассажиры тихо перемигнулись и один из них язвительно спросил: «Шаляпин тоже ваш сын?» Обиженный дедушка больше не произнес ни единого слова до самых Сочи.

По малолетству я, конечно, не мог понять, что происходит вокруг. Вроде все было как обычно: в школе мы заучивали наизусть стихотворения о Сталине, читали рассказы о Ленине, смотрели фильмы о подвигах красных командиров, а по радио часто слушали бравурные марши и песню «Если завтра война». Мы знали, что нас окружают враги, шпионы и вредители, которых нужно беспощадно уничтожать. Но вдруг я начал замечать, что дома не слышны шутки, а родители стали мрачными и озабоченными. В нашем подъезде на многих дверях были наляпаны сургучные печати, а жильцы из этих квартир бесследно исчезли.

К нам перестали приходить многие знакомые, которые раньше очень любили мамины угощения. Замолчал телефон. Отец больше никуда не торопился и сидел дома без дела. Куда-то исчезли мамины родная сестра тетя Кларуся вместе со своим мужем и моей маленькой сестренкой Маринкой. Однажды я проснулся от сдержанного разговора взрослых и понял, что в наш дом пришла большая беда.

Хорошо запомнилось, как родители тщательно прятали в старом диване завернутый в тряпье большой портрет Кольцова кисти знаменитого художника И. Бродского. Больше имя дяди Миши не упоминалось, словно его тоже упрятали в диван.

Впрочем, мне о нем напомнили, когда наш пятый или шестой класс принимали в комсомол. Естественно, приняли всех. Кроме меня. В райкоме ВЛКСМ кто-то вспомнил, что мой дядя — «враг народа».

Прошли годы, отгремела война, и настал долгожданный день Победы. Наступила короткая пора надежд, что в этот радостный

миг всенародного торжества «темницы рухнут» и невинные жертвы вернутся домой.

Однажды в дверях нашего дома появился мой двоюродный брат, которого все считали погибшим на фронте. Он ушел добровольцем, будучи студентом театрального училища. Оказалось, что в первом же бою он был тяжело ранен и попал в плен к немцам. Ему пришлось пережить голод, издевательства и побег, пока наша армия не освободила его. Брат был полон светлых замыслов, мечтал о славе и театре.

Вскоре мама печально сообщила: «Толю арестовали. Ему не простили плен». Он был одним из миллионов наших солдат и офицеров, попавших в плен из-за преступного упрямства Сталина, до последнего момента верившего Гитлеру и подставившего под удар свою армию. Но это уже другая тема.

На следующий год после окончания войны отец взял меня в Свердловск, куда, как и в ряд других городов, он ездил рассказывать о Нюрнбергском процессе, на котором присутствовал в качестве специального корреспондента. Впрочем, чтение лекций было прикрытием. На самом деле он хотел проверить дошедший до него слух, что в одном из уральских лагерей содержится дядя Миша. Понятно, что все оказалось выдумкой и никаких следов Кольцова мы не обнаружили, хоть отец и допытывался у местного начальства из «органов». Мы и не могли их обнаружить, поскольку прах дяди Миши давно уже лежал в общей могиле.

На меня самое большое впечатление произвело посещение дома Ипатьевых, где нашла свой конец в 1918 году царская семья. Нам даже показали маузер, хранившийся почему-то в письменном столе коменданта здания (в доме размещалась какая-то «хитрая» контора) и принадлежавший ранее Юровскому. Кажется, в Париже хранится как историческая реликвия нож гильотины, которым казнили Людовика XVI и его супругу Марию Антуанетту. Советская власть предпочитала делать такие дела втихую. По прошествии времени первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б. Ельцин повелел вообще сравнять дом Ипатьевых с землей.

Тогда в Свердловске мне было невдомек, что гнусное, ничем не оправданное убийство Николая II, его жены, детей и обслуживающей августейшую семью прислуги было лишь одним из начальных звеньев в длинной цепи преступлений большевистского режима: умышленно организованный голод на Украине, погубивший несколько миллионов человеческих жизней и породивший в этой богатейшей житнице повсеместные случаи каннибализма; истребление духовенства и казачества; выселение

целых народов и, наконец, такие масштабы политических репрессий, которых не ведало человечество.

Глубоко заблуждаются те, кто считает, что Сталин жестоко расправлялся только со своими противниками и старался искоренить любое проявление инакомыслия. Подавляющее большинство жертв за редчайшим исключением были его убежденными сторонниками, до конца верившими в светлое социалистическое будущее. Сталин безжалостно уничтожал людей, в том числе и близких ему, с единственной целью: установить в стране диктатуру страха, всеобщей подозрительности и полного подчинения. В этом он видел гарантию сохранения своего всевластия. К сему следует добавить, что сам Хозяин страдал сложной формой шизофрении и манией преследования.

Люди моего поколения со школьной скамьи знали, что все мы являемся винтиками в гигантском механизме, имя которому — социалистическое государство, а высший Разум олицетворяет в себе Великий Вождь и Учитель. Наши учебники по истории были подогнаны под марксистские догмы, а в школьных хрестоматиях даже не упоминались Достоевский, Бунин, Есенин, Цветаева и многие другие, чьи произведения, по мнению советских идеологов, не способствовали воспитанию будущих членов коммунистического общества. Сейчас даже трудно представить, каким издевательским «проработкам» подвергались многие поистине великие мастера отечественной культуры. Достаточно назвать Шостаковича, Пастернака, Ахматову. Этот список может быть продолжен. Сталинский режим запятнан кровью Мандельштама, Мейерхольда, Михоэлса и многих, многих других. В длинном перечне жертв одно из мест, увы, принадлежит и Михаилу Кольцову.

Очень часто дома или в беседах с друзьями мы задавались вопросом: почему Сталин отдал Кольцова на растерзание своим палачам? То, что лично он решил судьбу дяди Миши, не вызывает никаких сомнений. Тому есть ряд свидетельств, в том числе и приведенных в этой книге.

Однозначного ответа на этот сакраментальный вопрос, понятно, не существует. Но осмелюсь высказать несколько предположений.

Михаил Кольцов никогда не был диссидентом, не состоял ни в каких оппозиционных партиях или группах, которых полно было в двадцатые годы. Он с первых дней принял революцию и всем своим блестящим талантом и неукротимой энергией служил новому строю. Он, как в популярной песне военных лет, «с „лейкой“ и блокнотом, а то и с пулеметом» сражался в рядах

большевиков. Кольцов шел по льду Финского залива в цепи штурмовавших мятежный Кронштадт. Вместе с летчиком-испытателем сидел на борту двухместного самолета во время сенсационного перелета над Гиндукушем. Он пошел в школу работать учителем, чтобы написать очерк о школьной реформе, которая волновала тогда все общество. Смертельно рискуя, под вымышленным именем он проникал в Венгрию, Болгарию, Югославию — страны, где господствовал фашистский режим. В Париже под видом французского журналиста он заявился в белогвардейский штаб, чтобы взять интервью у видного деникинского генерала. В Сочи он навестил тяжело больного молодого ослепшего писателя. Так вся страна узнала имя Николая Островского и его книгу «Как закалялась сталь». Кольцов редактировал несколько журналов, организовал издательство, между прочим, осуществил издание собрания сочинений Чехова, которого партийные инстанции не «одобряли». Он хватался за решение множества самых разных проблем, по его мнению, очень нужных стране. Будучи человеком отнюдь не богатырского сложения, постоянно страдающий тяжелыми мигренями и бессонницей, он работал на износ, не зная отдыха и спокойного семейного быта.

Кольцов очень остро чувствовал пульс общественной жизни, интерес читателя и всегда стремился быть в самой гуще событий. Наверное, именно это стремление побудило его в двадцатые годы опубликовать в редактируемом им журнале «Огонек» фоторепортаж «День Троцкого». Казалось бы, ну и что? Журнал регулярно вел на своих страницах такую рубрику, в которой рассказывалось о жизни большевистских вождей. Тем более что Троцкий в те годы был самым популярным и влиятельным после Ленина человеком. Однако именно по данному поводу Кольцова вызвал к себе Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин и обвинил его в «сервилизме». Как известно, Хозяин ничего не забывал, а месть называл своим любимым «блюдом», которое лучше всего подавать в холодном виде. И этим блюдом он попотчевал Кольцова спустя почти пятнадцать лет.

Вполне возможно, что Сталин вообще недолюбливал Кольцова. Ему не могли нравиться его «несогласованная» активность, самостоятельность мнений, излишняя запальчивость, которая порой выплескивалась на страницы в его очерках и фельетонах. Кольцов однажды сказал отцу, что в глазах Хозяина он прочитал: «Слышком прыток».

И все-таки решающим фактором в трагической судьбе дяди Миши наверняка стала Испания. Сталин никогда не признавал собственных ошибок, и чем серьезнее они были, тем яростнее был

его гнев на людей, выполнявших его ошибочные замыслы. Испанская авантюра, то есть желание остановить франкистский мятеж, поддержанный всей военной мощью Гитлера и Муссолини, и создать в Испании базу для развития мировой революции, была изначально обречена на провал. Антифашисты многих стран, и прежде всего советские люди искренне пытались помочь испанской республике. Помощь шла отовсюду, формировались интернациональные бригады, повсеместно собирали пожертвования. Но слишком неравными были противоборствующие силы и слишком неорганизованной оказалась республиканская власть. Почти три года полыхала гражданская война, пока генерал Франко не одержал победу и не установил в стране свой полный контроль. Сталин обрушил ярость на всех, кого посчитал виновным в крушении своих замыслов. Среди них оказались многие военные деятели, посланные в Испанию, а также политические советники, и в том числе Михаил Кольцов, который помимо своей журналистской деятельности выполнял ответственные политические задачи.

Таковы были подлинные причины ареста дяди Миши. Понятно, что в материалах «Дела» они, по существу, не нашли отражения. Да и не могли найти. Вся огромная карательная система, созданная больным воображением Сталина, действовала по установленной «технологии». Сначала определялась жертва, из которой выбивались признания в шпионской (варианты разведок были самыми разными) или антисоветской (для экономии времени и бумаги в протоколах допросов писалось сокращенно «ас») деятельности. А затем в зависимости от фантазии дознавателей с учетом вкусов главного Заказчика шел поиск хорошо организованного и законспирированного «подполья». Судя по материалам этой книги, следствие сначала искало «шпионское гнездо» в ЖУРГАЗЕ (Журнально-газетное объединение), который создал Кольцов и где он работал. Но, видимо, это показалось костоломам-чекистам слишком «пресным блюдом». Тогда возникла идея «заговора дипломатов» и в протоколах замелькали фамилии наших ведущих послов и сотрудников Наркоминдела. К этим «заговорщикам», видно, решили для масштабности добавить еще и ведущих мастеров культуры. Но, наверное, в планы Сталина тогда еще не входила организация нового шумного процесса, направленного против интеллигенции, и «дело» Кольцова решили свернуть.

Трудно передать ощущение, с которым я читал подлинники протоколов допросов. Казалось, что на их полях следы запекшейся крови и грязных рук палачей. Становилось плохо при мысли, что переживал совершенно невиновный человек, когда

выводил эти чудовищные строки.

Позволю себе поделиться некоторыми соображениями по поводу самой книги.

Прежде всего нужно сказать, что в ней нет НИЧЕГО о чувствах и раздумьях Кольцова, которые наверняка обуревали его в застенках Лубянки. В протоколах нет НИ ОДНОГО слова, которое могло бы дополнить творческую биографию выдающегося журналиста и писателя. Но об этом ниже.

Зато «дело» позволяет заглянуть на грязную «кухню» и увидеть, как стряпались ведомством Берии и его предшественниками самые гнусные «разбирательства».

С одной стороны, невольно удивляешься, с какой дотошностью следствие ведет свою канцелярию: каждые два месяца дознаватели исправно запрашивают у своего начальства разрешения продлить сроки «работы». Естественно, такое разрешение незамедлительно получается.

А с другой — поражает пренебрежение самыми элементарными формальностями. Это даже не юридический беспредел, а просто издевка над здравым смыслом. Данное «Дело» дает множество таких примеров.

Дядю Мишу, как тогда говорили, «забрали» в ночь на 13 декабря 1938 года по прямому указанию Берии с санкции Самого.

Все необходимые бумаги оформлялись уже ПОТОМ. Ордер на арест подписан наркомом ВД СССР Л. Берией 14 декабря 1938 года. Постановление на арест с подписью того же Берии завизировано генпрокурором А. Вышинским 15 декабря 1938 года. Наконец, только 5 января 1939 года начальник 5 отд. 2 отдела ГУГБ ст. лейтенант госбезопасности Райхман представляет начальству обстоятельную бумагу, основанную на показаниях свидетелей, которая заканчивается так: «На основании изложенных данных считаю доказанной вину Кольцова Михаила Ефимовича в преступлениях, предусмотренных статьей 58–11 УК РСФСР, а потому полагал бы: Кольцова М. Е. арестовать и привлечь к ответственности по ст. 58–11 УК РСФСР». Что же касается содержания упомянутого выше «обоснования», то оно вообще находится за пределами человеческого понимания. В нем переврано все, начиная с фамилии и года рождения арестованного!

В этом смысле «Дело» Кольцова было вовсе не исключением в работе «органов». Составной частью этой книги логично стало и «Дело» его гражданской жены — немецкой коммунистки Марии Остен, которое также полно вопиющих несуразностей. Сущность НКВД проявилась не только в одинаковых методах ведения следствия, но и в его предопределенности и угодливом желании

выполнить полученный заказ. На работе мастеров заплечных дел явно отражалось их понимание того, что в случае, если их заподозрят в недостаточном усердии, они сами окажутся на нарах.

Протоколы допросов, конечно же, не фиксируют характер и категории пыток, без которых немыслимо было ни одно дознание. Теперь уже известно, как пьяные следователи гоготали, когда мочились на голову боевого генерала, как насиловали жен и дочерей на глазах бывших революционеров-ленинцев, как сажали в каменный мешок вместе с крысами видных ученых, как надевали специальные сандалии на деревянной подошве с железной подковой, чтобы оттаптывать половые органы заключенным, и многие другие методы следствия, главным из которых было постоянное и жестокое избиение арестованных. Из материалов, публикуемых в книге, видно, что, отвергнув вначале все предъявленные обвинения, через три месяца пребывания в застенках Лубянки Кольцов начал давать показания, которые от него требовали. Такая перемена поведения легко объяснима.

Надо назвать поименно его мучителей: сержант госбезопасности Кузьминов, старший лейтенант Райхман, капитан Шварцман. О первом из них нечего сказать, кроме того, что это полуграмотное ничтожество. Достаточно почитать составленные им протоколы. Но об этом немного ниже.

О Шварцмане говорили как о жестоком и изощренном специалисте по пыткам, которому обычно поручали «подготовку» деятелей литературы и культуры.

А вот Райхмана мне довелось пару раз видеть в послевоенные годы в Центральном доме работников искусств, где он бывал вместе со своей женой — очень известной балериной. Запомнился низкорослый генерал (прямо скажем, стремительная карьера, если учесть специфику его «работы»!) в ладно подогнанном мундире с голубыми обшлагами, бледная надменная физиономия с короткой седой шевелюрой, холеные руки и распространенный аромат дорогих папирос и французского парфюма. Потом его самого вместе со Шварцманом дубасили до полусмерти в тех же подвалах Лубянки, выбивая признания в шпионской деятельности. Таковы были нравы той эпохи. Сталин считал, что все без исключения, будь то член политбюро или рядовой стукач, должны жить в постоянном страхе. Вот почему огромная машина под названием ГУЛАГ работала без устали круглые сутки, круглые годы, круглые десятилетия.

Кольцова продержали во Внутренней тюрьме 416 дней с момента ареста до расстрела. Только раз его вывезли в Лефортово, где происходило судилище. Надо ли говорить, какие

муки ему пришлось пережить за все эти дни и ночи.

Как ни тяжело, но придется обратиться к его показаниям.

Отец, который хорошо знал характерный острый почерк своего брата, подтвердил, что все написано им собственноручно. Также очевидно, что Кольцов писал под диктовку Кузьминова. Даже в бреду он не мог бы сочинить такую фразу: «… Эренбург И. Г. познакомил меня с французским писателем Андре Мальро, **с которым приехал и которого неизменным спутником он состоял** (подчеркнуто мною — *М.Е.)».* Или такой перл: «…Я был восхищен… его благодушным отношением к буржуазной литературе и прессе, **даже если они были антисоветского направления и нападали на Советскую власть».** Примеры можно продолжить.

Как особую крамолу, в которой следователи не единожды требовали от Кольцова признаться, были надежды на демократические преобразования в связи с принятием в 1936 году «сталинской» конституции. Сама мысль о прекращении религиозных гонений, отказе от монополии внешней торговли, защите свободы прессы и прекращении испанской авантюры считались государственным преступлением.

Но Кольцов не просто пишет под диктовку малограмотного палача. Он старается побольше оговорить знакомых ему людей и прежде всего самого себя. Видимо, он надеялся таким образом «переиграть» следствие, давая совершенно абсурдные и легко опровергаемые, на его взгляд, сведения. Он до конца надеялся, что на предстоящем процессе сможет убедительно доказать свою невиновность. В этом состояло его трагическое заблуждение.

Что же сообщил следствию Кольцов?

Оказывается, во французскую разведку его завербовал Андре Мальро. Вот что сообщает об этом человеке Советский энциклопедический словарь: «А. Мальро (1901–1976), французский писатель, госдеятель; последователь Де Голля. В 1959–69 мин. культуры. Романы навеяны рев. подъемом на Востоке и размышлениями о кризисе зап. цивилизации».

Рассказывая о «порочащих» связях А. Толстого, Кольцов сообщает, что писатель в Париже встречался с Ф. Шаляпиным и невесткой М. Горького. Вся эта полная чушь (казалось бы!) неоднократно повторяется в протоколах допросов.

А чего стоит утверждение, что в Испании он «по трусости оставался всегда в тылу»! Достаточно прочитать «По ком звонит колокол» Хэмингуэя, который вывел Кольцова под именем русского журналиста Каркова.

Но, наверное, даже в самом страшном сне Кольцов не мог представить себе чудовищную картину сталинского правосудия.

В специальном помещении Лефортовской тюрьмы заседала печально известная «тройка» во главе с армвоенюристом В. Ульрихом (личность, прославившаяся участием во многих процессах тридцатых годов). Как гласит протокол, суд проходил «без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей». В тот день, 1 февраля 1940 года, председательствующий очень торопился: ему предстояло провести несколько дел, а за дверьми уже едва стоял на перебитых ногах и ждал своей очереди великий реформатор театра В. Мейерхольд.

Секретарь закрытого судебного заседания военной коллегии Верховного суда СССР так зафиксировал в протоколе последние слова Михаила Кольцова: «Все предъявленные ему обвинения им самим вымышлены в течение 5-ти месячных избиений и издевательств над ним Все его показания не логичны и легко могут быть опровергнуты, т. к. они никем не подтверждены».

Но судьи даже не обратили внимания на эти доводы. Они спешили. Приговор уже был заготовлен заранее. Весь «процесс» продлился менее двадцати минут. Дорога от Лубянки до Лефортово заняла больше времени.

На следующий день, 2 февраля 1940 года дядю Мишу расстреляли. Справку подписал пом. нач. 1-го спецотдела (так, видимо, называлась команда палачей) НКВД СССР Калинин. По злой иронии судьбы свидетельство о совершенной казни подписано однофамильцем формального главы государства, который за пару лет до этого вручил Михаилу Кольцову высшую тогда военную награду — орден Боевого Красного Знамени…

Моему внуку Андрейке сейчас столько же лет, сколько было мальчику на памятной фотографии, встречавшему своего дядю на Белорусском вокзале. С той поры прошло более шести десятилетий. Они вместили в себя многие важнейшие события отечественной истории: пьянящую радость побед и нестерпимую боль утрат. Глядя на внука, невольно задаешься вопросом: что ему предстоит пережить, как сложится его жизнь и что уготовлено ЕГО стране? Конечно, нынешним первоклассникам трудно понять, какие испытания выпали на долю их дедов и прадедов. Хочется надеяться, что моему внуку не придется зубрить марксистскую схоластику и подтягивать песне «Сталин — нашей юности полет» и иже с нею. Дай Бог, чтобы весь этот маразм ушел в невозвратную даль.

Но будущие поколения обязаны знать историю своей страны, чтобы никогда не повторять трагических ошибок прошлого. Их не должны манить громкие революционные лозунги, увлекать бравурные призывы найти и уничтожить врага, у которого другой цвет кожи, иной формы нос или который поклоняется другим

богам. Им не следует слушать сладкие сказки о социалистическом рае или царстве всеобщего благоденствия. Пусть мой внук всегда помнит о судьбе дяди Миши, которого он тоже так называет. В этом ему и его сверстникам безусловно поможет предлагаемая книга.

Михаил Ефимов

НОЧЬ НА 13 ДЕКАБРЯ

Передо мной — объемистая, тяжелая папка с надписью «Дело № 21 620». В правом верхнем углу зловещий штамп — «Хранить вечно».

Что же это за «Дело»? Почему его надо «хранить вечно»? По существу, это ценнейшее свидетельство и характерная примета страшного времени в жизни нашей страны, когда был запущен на полную мощность чудовищный, заботливо отлаженный механизм безжалостного, циничного уничтожения лучших людей страны — от прославленных военачальников, талантливых писателей и выдающихся ученых до простых крестьян, от видных государственных деятелей до рядовых рабочих. Невиданная в истории человечества мясорубка, жертвой которой стали миллионы ни в чем не повинных людей независимо от их общественного положения, социального происхождения, национальности, пола и возраста.

Передо мной — «Дело» Михаила Кольцова.

Мне не довелось видеть Кольцова, не пришлось с ним общаться — я родился через девять лет после его трагической гибели. Но так сложились обстоятельства, что его судьба коснулась моей собственной жизни. Мне не исполнилось еще и двух лет, когда мои родители разошлись, и я вырос в доме своих бабушки и дедушки — художника Бориса Ефимова, родного брата Михаила Кольцова. Таким образом, я оказался в определенном родстве и с самим Михаилом Кольцовым, которого в нашем доме звали «дядя Миша».

Будучи ребенком, я, естественно, не мог понимать бедствий и забот, которые обрушились на нашу семью после ареста и расстрела брата моего деда. Бориса Ефимова изгнали со всех занимаемых им должностей как брата «врага народа», отстранили от работы в печати, где он был достаточно известен как политический карикатурист. Но все это я понял и осознал, когда, после посмертной реабилитации Михаила Кольцова, стали выходить в свет его произведения, был дважды издан его неувядаемый «Испанский дневник», а также дважды опубликована книга «Михаил Кольцов, каким он был», в которой тридцать семь авторов — писатели, журналисты, военачальники, различные деятели культуры — делились своими воспоминаниями о нем, была по достоинству оценена его огромная творческая и общественная деятельность. И судьба дяди Миши стала для меня судьбой родного и близкого человека.

Я пишу эти строки, будучи уже взрослым человеком и

поставив себе целью рассказать о трагической судьбе Михаила Кольцова. При этом мне удалось получить сфабрикованное и сфальсифицированное в недрах НКВД его «Дело», которое, как мы уже знаем, полагалось «Хранить вечно» в строжайшем секрете.

Рассказ о Михаиле Кольцове я хочу начать с воспоминаний своего деда.

«…В Москве продолжается волна репрессий, каждый день узнаешь, что кто-то из знакомых или друзей арестован и что он „враг народа“. Удивительная вещь: человек, которого ты прекрасно знал как достойного и честного, как только попадал в НКВД, признавался во всех смертных грехах. Ходили упорные слухи, что доказательства добываются „в органах“ при помощи зверских избиений и пыток. Верилось и не верилось. Ведь считалось, что там работают самые честные, лучшие люди. Но никто ни с кем не обсуждал эти проблемы. Все были скованы леденящим страхом. Этот страх владел тысячами и миллионами людей. Он поселился в наших душах и нарастал с каждым днем достопамятного Тридцать седьмого года. Какие найти слова, чтобы передать ощущение нависшего над тобой „дамоклова меча“, готовой вот-вот разразиться страшной катастрофы для тебя лично и для всех твоих близких. И при этом сохранять перед окружающими бодрый вид, хорошее настроение, неизменный юмор, полную работоспособность. За себя я как-то не боялся, но за брата, занимавшего видное общественное положение, душа была неспокойна. Ни на минуту я не переставал думать, что где-то в недоступных для простых смертных кабинетах решается его судьба, колеблются чаши роковых весов.

Рано утром 13 декабря 1938 года меня разбудила жена, сказав, что звонит шофер Кольцова Костя Деревенское. Сердце екнуло от недоброго предчувствия.

— Да, Костя. Я слушаю.

— Борис Ефимович… Вы знаете? Вы ничего не знаете?..

— Я все понял, Костя, — ответил я и медленно опустил трубку. А мозг заполонила, вытеснив все остальное, одна-единственная мысль: вот он и пришел, тот страшный день, которого я так боялся… Вот он и пришел…

Описать настроение тех дней немыслимо».

Итак, дед стал братом «врага народа». Все его время уходило, как правило, на хождение по различным приемным и справочным бюро «соответствующих органов» и тюрем: Бутырки, Лефортова и Матросской Тишины — в тщетных и, как скоро стало очевидно, наивных попытках узнать что-нибудь о брате. Многочасовые ожидания в душных коридорах, переполненных такими же, как и

он, угнетенными и растерянными ЧСИР (официальная аббревиатура, означавшая «член семьи изменника Родины»), Томительное многочасовое ожидание неизменно заканчивалось двухминутным, абсолютно пустым разговором с очередным чиновником в погонах, который ничего конкретно не сообщал, поскольку сам ничего не знал.

Единственная ниточка, связывавшая с братом и подтверждавшая его реальное существование, состояла в том, что у деда принимали на имя Кольцова денежные передачи — 30 рублей в месяц. Он приходил в извилистый проходной двор, соединявший Кузнецкий Мост с Пушечной улицей, и входил в невзрачную дверь одной из дворовых построек, на которой висела табличка с маловыразительной надписью «Помещение № 1». Там через крохотное окошко принимали деньги. Опытные ЧСИРы выработали такую практику: в начале месяца вносить сразу 20 рублей, в середине месяца еще 5 и в конце месяца последние 5 рублей. Это, как считали, давало возможность знать, что заключенный еще в Москве, что его никуда не услали и не… еще что-нибудь…

Тянулся месяц за месяцем 1939 года. Хотелось думать, что это хороший признак, что в деле Кольцова намерены серьезно разобраться, что он сможет доказать нелепость клеветнических обвинений и что, выйдя на свободу, он напишет о своих впечатлениях великолепный, мужественный и страстный дневник, не уступающий «Испанскому». Но судьба, увы, отказала ему в этом. Дед ничего не знал о самом родном и близком для него человеке, как будто тот внезапно очутился на другой планете. Существовала, правда, слабая надежда, что, получая свои 30 рублей, Кольцов должен расписываться в их получении (бухгалтерия — везде бухгалтерия, даже в тюрьме…) и видит, от кого поступили деньги. Это говорит ему, что брат на свободе, и, может быть, вселяет слабую надежду.

А было еще и такое: как-то раздался у деда на квартире телефонный звонок. Вот что рассказал он потом об этом:

«— Это Борис Ефимович?

— Да. Кто говорит?

— Это не важно. Вам передает привет МЕК.

Я ничего не понял и принял это за чей-то малоинтересный розыгрыш.

— Вы поняли? — спросил тот же незнакомый голос.

— Не понял, — ответил я. — Но, во всяком случае, за привет спасибо.

— Не поняли? Что ж, тогда всего хорошего.

Я положил трубку и пожал плечами. Чушь какая-то… Людям

делать нечего.

Прошло с полчаса. Я вспомнил этот странный звонок и подумал, что он очень похож на какой-нибудь условный конспиративный сигнал. И вдруг я схватился за голову… Боже мой! МЕК… Да ведь это же — Михаил Ефимович Кольцов!.. Как я сразу не догадался? Но почему этот идиот не сказал просто: привет от брата или от Михаила? Зачем он перемудрил с конспирацией? Я заметался по квартире, надеясь, что этот человек позвонит еще раз. Но он больше не звонил. Видимо, решил, что я отлично его понял, но побоялся продолжать разговор… И я долго казнил себя, что по глупости и недогадливости упустил возможность что-нибудь узнать о брате.

Ни на одну минуту не оставляли меня горькое сознание происшедшей с братом катастрофы и тяжелое ощущение, что я превратился в изгоя общества. Да, я был на свободе, но полностью отстранен от работы в печати. Завидев на улице кого-нибудь из знакомых, поспешно переходил на другую сторону, чтобы не ставить их в неловкое положение необходимостью здороваться с братом „врага народа“. С понятной горечью прочел я текст Указа о награждении орденами большой группы писателей, из которого, разумеется, был своевременно вычеркнут Михаил Кольцов, занимавший в нем поначалу почетное место».

Надо сказать, что арест Михаила Кольцова оставался в первые месяцы незаурядным и сенсационным событием (потом привыкли). Вот что написал или, вернее, продиктовал уже неизлечимо больной Константин Симонов в своей последней книге «Глазами человека моего поколения»:

«…Самым драматическим для меня лично… был совершенно неожиданный и как-то не лезший ни в какие ворота арест и исчезновение Михаила Кольцова. Он был арестован в самом конце тридцать восьмого года, когда арестов в писательском кругу уже не происходило, арестован после выступления в большой писательской аудитории, где его восторженно встречали. Прямо оттуда, как я уже потом узнал, он уехал в „Правду“, членом редколлегии которой он был, и там его арестовали — чуть ли не в кабинете Мехлиса.

…Кольцов был для нас в какой-то мере символом всего того, что советские люди делали в Испании. О том, что очень многие из наших военных, бывших в Испании, оказались потом арестованными — некоторые вышли на волю, а некоторые погибли, — я узнал значительно позже, а о Кольцове мы узнали тогда сразу же. Слух об этом, о его исчезновении, распространился мгновенно. Ни понять этого, ни поверить в это — в то, что он в чем-то виноват, — было невозможно или почти

невозможно. И в общем, в это не поверили…

…С самого начала Великой Отечественной войны пошли слухи, что то на одном фронте, то на другом фронте, в том числе и на Карельском фронте, видели Кольцова, который освобожден, вернулся из лагерей и находится в действующей армии. Находились свидетели этого, вернее, якобы свидетели, которые кому-то говорили об этом, а кто-то говорил об этом еще кому-то, и эти слухи снова и снова возникали, доходили до нас, до меня, например, на протяжении первых двух лет войны… Слухи о появлении на фронте Кольцова отличались особым упорством, связанным с особой симпатией к нему, к его личности, к его роли в испанских событиях, и к его „Испанскому дневнику“, и к невозможности поверить в то, что этот человек в чем-то виноват».

Дальше мы читаем у Симонова:

«В сорок девятом году, когда мы ездили с первой делегацией деятелей советской культуры в Китай (Фадеев был руководителем делегации, а я его заместителем), как-то поздно вечером в Пекине в гостинице Фадеев в минуту откровенности… заговорил о Кольцове и о том, что так до сих пор и не верится, что с ним могло произойти то, что произошло, сказал мне, что он, Фадеев, тогда же, через неделю или две после ареста Кольцова, написал короткую записку Сталину о том, что многие писатели, коммунисты и беспартийные не могут поверить в виновность Кольцова, и сам он, Фадеев, тоже не может в это поверить, считает нужным сообщить об этом, широко распространенном впечатлении от происшедшего в литературных кругах Сталину и просит принять его.

Через некоторое время Сталин принял Фадеева.

— Значит, вы не верите в то, что Кольцов виноват? — спросил его Сталин.

Фадеев сказал, что ему не верится в это, не хочется в это верить.

— А я, думаете, верил, мне, думаете, хотелось верить? Не хотелось, но пришлось поверить.

После этих слов Сталин вызвал Поскребышева и приказал дать Фадееву почитать то, что для него отложено.

— Пойдите, почитайте, потом зайдете ко мне, скажете о своем впечатлении, — так сказал ему Сталин…

Фадеев пошел вместе с Поскребышевым в другую комнату, сел за стол, перед ним положили две папки показаний Кольцова.

Показания, по словам Фадеева, были ужасные, с признаниями в связи с троцкистами, с поумовцами.

— И вообще чего там только не было написано, — горько махнул рукой Фадеев, видимо, как я понял, не желая касаться

каких-то персональных подробностей. — Читал и не верил своим глазам. Когда посмотрел все это, меня еще раз вызвали к Сталину, и он спросил меня:

— Ну как, теперь приходится верить?

— Приходится, — сказал Фадеев.

— Если будут спрашивать люди, которым нужно дать ответ, можете сказать им о том, что вы знаете сами, — заключил Сталин и с этим отпустил Фадеева.

Этот мой разговор с Фадеевым происходил в сорок девятом году, за три с лишним года до смерти Сталина. Разговор свой со Сталиным Фадеев не комментировал, но рассказывал об этом с горечью, которую как хочешь, так и понимай. При одном направлении твоих собственных мыслей это могло ощущаться как горечь оттого, что пришлось удостовериться в виновности такого человека, как Кольцов, а при другом — могло восприняться как горечь от безвыходности тогдашнего положения самого Фадеева, в глубине души все-таки, видимо, не верившего в вину Кольцова и не питавшего доверия или, во всяком случае, полного доверия к тем папкам, которые он прочитал. Что-то в его интонации, когда он говорил слова: „Чего там только не было написано“, — толкало именно на эту мысль, что он все-таки где-то в глубине души не верит в вину Кольцова, но сказать это даже через одиннадцать лет не может, во всяком случае, впрямую, потому что Кольцов — это ведь уже не „ежовщина“. Ежов уже бесследно убран, это уже не Ежов, а сам Сталин».

Рассказ Фадеева нуждается, однако, в фактической поправке, на мой взгляд, весьма существенной. В самом деле, разговор со Сталиным происходил, согласно Фадееву, примерно через неделю или две после ареста Кольцова. Возникает естественный вопрос: откуда за такой короткий срок взялись две папки со столь ошеломившими Фадеева «признаниями» Кольцова? И зачем в таком случае необходимо было допрашивать Кольцова еще тринадцать месяцев? Не потому ли, что в папках, показанных Фадееву, были не «признания» Кольцова, а только те высосанные из пальца, наскоро состряпанные обвинения и «признания», которые еще предстояло из Кольцова выбивать? Может быть, это были просто донесения «сексотов». Ведь по всем, ставшим впоследствии известным, данным Кольцов категорически отрицал возводимые на него бредовые обвинения в шпионаже и организации какой-то подпольной антипартийной группы в редакции «Правды». Он мужественно сопротивлялся больше года, хотя его допрашивал один из самых лютых следователей-извергов — полковник Шварцман. Конечно, это все были только предположения, а полная ясность возникла лишь после

ознакомления с «Делом».

В этой связи хочу рассказать вот что. Много лет спустя мой дед получил от работника Центральной студии научно-популярных фильмов, некоего Рутэса, письмо следующего содержания. Привожу это письмо с соблюдением орфографии автора.

Тов. Ефимов!

Не удивляйтесь, что Вам пишу через «Правду».

Все мои попытки узнать Ваш телефон потерпели фиаско. В 1938–39 годах я был арестован и мое следственное дело вел тот же следователь, что и дело Михаила Кольцова.

Теперь эпизод. Я был вызван к следователю в комнату. Он мне дал прочитать «Испанский дневник», автор М. Кольцов, с требованием, чтобы я там нашел троцкистские установки. Я читал эту книгу М. Кольцова до ареста. Он мне (следователь) сказал «ну и упрямый этот Кольцов, ничего не признает». Я прочитал эту книжку в кабинете следователя (молодой парень, видимо, ему было, наверное, 20–25 лет) и сказал ему, что пусть он эту книгу не вставляет в обвинение М. Кольцову, ибо ее читал И. В. Сталин и одобрил. Далее я ему сказал, что она выпущена многотысячным тиражем и сказал ему еще кое-что.

С уважением М. Рутэс 15.1.88 г.

P.S. М. Кольцов был в жизни героем и умер героем. М. Р.

ПЕРВЫЙ ДОПРОС
1938 ГОД
ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД

«УТВЕРЖДАЮ»
КОМИССАР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ 1 РАНГА (Л. БЕРИЯ)
Согласен 15.12.38 НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТР. ДЕЛ СССР А. ВЫШИНСКИЙ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ[1]

1938 года, декабря «» дня, г. Москва. Я, Начальник 5-го Отделения 2-го Отдела ГУГБ — Старший Лейтенант Гос. Безопасности РАЙХМАН, рассмотрев материалы по делу КОЛЬЦОВА (ФРИДЛЯНДЕРА) Михаила Ефимовича, журналиста, члена ВКП(б) с сентября 1918 года, депутата Верховного Совета РСФСР,

НАШЕЛ:

КОЛЬЦОВ родился в 1896 г. гор. Белостоке (Польша) в семье коммерсанта по экспорту кожи заграницу.

С начала 1917 г. КОЛЬЦОВ сотрудничал в Петроградских журналах.

В летних номерах Петроградского «Журнала для всех» (1917 г.) помещено ряд статей КОЛЬЦОВА с нападками на большевиков, на Ленина.

В 1918–19 г.г. КОЛЬЦОВ сотрудничал в газете ярко выраженного контрреволюционного направления «Киевское эхо».

В № 1 «Киевское эхо» от 13.1–1919 г. в статье озаглавленной «Жалость», КОЛЬЦОВ писал:

«Семьи осужденных или сами расстреливаемые ползали у ног красногвардейцев, плакали рвали на себе волосы, умоляли о пощаде и жалости. В этих случаях расстрел был особенно жестоким и потрясающим».

«Я был в Москве: мне нужно было разделываться за фельетон о чрезвычайке, напечатанный в одной из московских газет. Я провел на Лубянке пятнадцать жутких и душных минут».

В том же «Киевском эхо» за 3.11–1919 г. КОЛЬЦОВ писал:

«Мне довелось видеть первые китайские советские отряды. Просторные казармы у Воробьевых гор. Ряды винтовок, низко стриженные головы. Коммунистические воззвания на стенах. Портрет Ленина. Косые глаза. Высокий, визгливый азиатский

смех. Это очень остро и неслыханно — сочетание восточной „победоносной“ экзотики с дальнобойным железобетонным европейским коммунизмом.

Также буднично и старательно, как мыли по утрам желтые красноармейцы свои жесткие круглые головы — пошли они / неумолимые, наступающие китайцы/ теперь на Волгу, на Украину, стреляют в черные незнакомые дома, опустошают кумирни незнакомых и ненужных богов».

В 1921 году, будучи направленным НКИД в Ригу для работы в газете «Новый путь» КОЛЬЦОВ получал письма от кадетского журналиста ПОЛЯКОВА-ЛИТОВЦЕВА, встречался в Риге с белоэмигрантскими журналистами, в частности с Петром ПИЛЬСКИМ.

Тогдашняя жена КОЛЬЦОВА — актриса Вера Леонидовна ЮРЕНЕВА, приехавшая вместе с КОЛЬЦОВЫМ в Ригу, поддерживала тесное общение с белоэмигрантами.

Со своей женой Елизаветой ПОЛЫНОВОЙ КОЛЬЦОВ познакомился в Лондоне. Она жила там с семьей, семья уехала Англию в начале революции. Одна ее сестра живет в Латвии. Муж ее помещик — дворянин. Ел. КОЛЬЦОВА поддерживает с ней связь.

Семья Ел. КОЛЬЦОВОЙ из Англии переехала в Москву и живет в квартире КОЛЬЦОВА.

Другая жена КОЛЬЦОВА, Мария фон-ОСТЭН, дочь крупного немецкого помещика, перебывавшая в ряде стран и партий, троцкистка. КОЛЬЦОВ сошелся с ней в 1932 г. в Берлине. По приезде в Москву, ОСТЭН сожительствовала здесь с ныне арестованными, как шпионы кино-режиссерами, артистами, немецкими писателями.

Мария ОСТЭН, уехавшая вместе с КОЛЬЦОВЫМ в Испанию, бежала оттуда с немцем Буш во Францию, якобы, из-за опасения репрессий по отношению к ней со стороны республиканского правительства.

В 1928–1929 г.г., в период активной борьбы правых против ВКП(б), КОЛЬЦОВ поддерживал близкую связь с активным правым СЛЕПКОВЫМ. Последний часто посещал квартиру КОЛЬЦОВА.

В период 1930–1931 г.г. КОЛЬЦОВ разделял установки правых. К этому периоду относится его близкая связь с МАРЕЦКИМ и ряд антипартийных проявлений по вопросу коллективизации сельского хозяйства.

По имеющимся данным КОЛЬЦОВ усиленно покровительствовал враждебным соввласти элементам. Так, например, КОЛЬЦОВ поддерживал близкую связь с приехавшей в

1934 г. из Берлина актрисой НЕЙЕР Кароллой (расстреляна как шпионка). После ареста переехавшего вместе с ней ее мужа белогвардейского офицера, бежавшего в свое время в Германию, КОЛЬЦОВ взял НЕЙЕР на работу в редакцию выплачивал ей повышенные гонорары.

По заявлению парторганизации Хабаровского отделения «Бензоскладстрой», КОЛЬЦОВ послал в 1935 г, в Хабаровск положительный отзыв известному троцкисту ФЕЛЬДМАНУ И. А., позже разоблаченному и арестованному.

КОЛЬЦОВ взял на работу в «Правду» родственника БРОНШТЕЙНА, который недавно был арестован.

Родной брат КОЛЬЦОВА — ФРИДЛЯНДЕР (историк), расстрелян органами НКВД, как активный враг, ближайший сподвижник ТЕР-ВАГАНЯНА.

Второй брат КОЛЬЦОВА — Борис ЕФИМОВ — троцкист резко антисоветски настроен, обменивается своими враждебными взглядами с КОЛЬЦОВЫМ.

Материалами, поступившими ГУГБ в последнее время установлено, что КОЛЬЦОВ враждебно настроен к руководству ВКП(б) и соввласти и является двурушником в рядах ВКП(б). Зарегистрирован ряд резких антисоветских высказываний с его стороны в связи с разгромом активного право-троцкистского подполья в стране.

Осужденный участник организации правых АНГАРОВ показал, что КОЛЬЦОВ создавал неблагоприятную обстановку для приезжающих в СССР иностранных писателей и воздействовал на некоторых из них в антисоветском направлении.

«Во время приезда Андре ЖИДА в СССР, я виделся с КОЛЬЦОВЫМ, который рассказал мне, как он думает организовать ознакомление этого „знатного путешественника“ со страной. План этот по существу изолировал А. ЖИДА от советского народа и ставил его в окружение таких людей, которые могли дать неправильное представление о стране. „Посмотрите — добавил КОЛЬЦОВ, что он напишет о нас после всего этого“. При поездке по СССР А. ЖИДА, как известно было ряд инцидентов, в частности в Гори».

(Из показ. АНГАРОВА от 4.XI-37 г.)

Арестованная ЛЕОНТЬЕВА Тамара Константиновна изобличает КОЛЬЦОВА М.Е., как участника антисоветского подполья:

«Позднее, когда КИРШОН и АВЕРБАХ были разоблачены и арестованы, эта группа объединилась вокруг КОЛЬЦОВА Михаила Ефимовича и его жены Елизаветы ПОЛЫНОВОЙ.

КОЛЬЦОВ Михаил является тем скрытым центром вокруг

которого объединились люди недовольные политикой ВКП(б) и советской власти вообще, и в области литературы в частности.

Всем нам было хорошо известно, что КОЛЬЦОВ является очень тонким мастером двурушничества, которому при всех политических поворотах удавалось не выпасть из тележки.

Именно эта уверенность членов троцкистской группы литераторов и послужила основанием к тому, что КОЛЬЦОВ занимал центральное положение.

Его жена КОЛЬЦОВА Е. играла роль хозяйки салона.

Через нее в большинстве случаев получалась информация о ГОРЬКОМ, об Алексее ТОЛСТОМ (она бывала в этих домах), о предполагающихся перемещениях и назначениях в самых различных областях. У Е. КОЛЬЦОВОЙ были очень широкие связи, она бывала в посольствах, была связана с целым рядом иностранцев, насколько мне известно, даже интимно.

Первый откровенный разговор с КОЛЬЦОВЫМ происходил у меня в 1935 году, в связи с моим уходом из „Правды“. В этом разговоре я рассказала ему о действительных причинах моего ухода из „Правды“, о моих антисоветских троцкистских взглядах, находящих отражение в моих литературных трудах.

КОЛЬЦОВ был полностью солидарен с высказанными мной антисоветскими взглядами на политику ВКП(б) и ее руководство и больше того, зная о моих организационных связях с троцкистами, предложил мне перейти на работу в „Жургазобъединение“.

В этом разговоре КОЛЬЦОВ дал мне понять, что партийная организация „Жургаза“ более для меня подходящая, так как секретарь парткома АБОЛЬНИКОВ свой человек и что он, КОЛЬЦОВ, сам состоит в этой организации, которая его не „тревожит“.

Антисоветская работа троцкистской группы, возглавляемая КОЛЬЦОВЫМ, выражалась в том, что на сборищах, происходивших у КОЛЬЦОВА, велись антисоветские разговоры, имевшие определенную политическую направленность.

Обычно разговоры сводились к к-р критике существующих положений в литературе. Нами указывалось „на отсутствие всяких возможностей излагать свои мысли“, так как „при настоящем положении нельзя писать то, что хочешь, а поэтому приходится удовлетворяться фельетонами „о различной добродетельности советских людей““.

„…Я написала несколько рассказов, которые охотно печатал КОЛЬЦОВ в „Огоньке““.

В этих рассказах „Мать“, „Одиночество“, „Посторонний человек“ в завуалированной форме проводилась антисоветская

идея противопоставления индивидуума коллективу, разрыв интеллигенции с массой, обреченность интеллигенции…»

(Из показаний обв. ЛЕОНТЬЕВОЙ от 25.IX-38 г.)

На основании изложенных данных, считаю доказанной вину КОЛЬЦОВА Михаила Ефремовича в преступлениях, предусмотренных статьей 58–11 УК РСФСР,

а потому

ПОЛАГАЛ-БЫ:

КОЛЬЦОВА Михаила Ефимовича арестовать и привлечь к ответственности по ст. 58–11 УК РСФСР.

НАЧАЛЬНИК 5 ОТД. 2 ОТДЕЛА ГУГБ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ
(РАЙХМАН)
«СОГЛАСЕН» ЗАМ. НАЧ. 2 ОТДЕЛА ГУГБ
КАПИТАН ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ:
(ФЕДОТОВ)

«УТВЕРЖДАЮ»
«5» Января 1939 г.
Пом. нач. след, части Лейт. Гос. Без.
(Шварцман)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Об избрании меры пресечения и предъявления обвинения Город Москва 1939 г. января «5» дня

Я, следователь Кузьминов Следственной Части Главного Управления Госуд. Без. НКВД, рассмотрев следственный материал по делу №_ и приняв во внимание, что гр. — н Кольцов Михаил Ефимович, 1898 года рождения, журналист писатель б/ член ВКП(б) с 1918 по 1938 год достаточно изобличается в том, что является участником антисоветской право-троцкистской организации и на протяжении ряда лет вел предательскую — шпионскую деятельность, а потому

ПОСТАНОВИЛ:

гр. Кольцова Мих. Ефимовича привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58 п. 1а, 10, 11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей.

Следователь след части Н. Кузьминов «СОГЛАСЕН»

Ст. следователь

Настоящее постановление мне объявлено «5» января 1939 г.

Подпись обвиняемого Мих. Кольцов
Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР

СССР
Народный Комиссариат Внутренних Дел
Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1939 г. Января мес. 2 дня. Я следователь След, части серж. Госуд. Без. Кузьминов допросил в качестве обвиняемого

1. Фамилия Кольцов

2. **Имя и отчество** Михаил Ефимович

3. **Дата рождения** 1898

4. **Место рождения** г. Киев УССР

5. **Местожительство** г. Москва ул. Серафимовича д. 2 кв.

6. **Нац. и гражд.** (подданство) еврей, СССР

7. **Паспорт** отобран при аресте

8. **Род занятий** журналист — писатель в редакции газеты «Правда»

9. **Социальное происхождение** сын кустаря, отец имел заготовочную мастерскую с применением наемной рабочей силы от 5 до 7 человек (мастерскую отец имел до 1917 г.)

10. **Социальное положение** (род занятий и имущественное положение):

а) до революции отец кустарь, имел наемную рабочую силу от 5 до 7 человек

б) после революции на моем иждивении

11. **Состав семьи** жена Елизавета Николаевна работает сотрудницей газеты «Правда» в Испании.

Отец Ефим Моисеевич и мать Рахиль Савельевна жили на моем иждивении

12.**Образование** (общее, специальное) среднее, не имею

13.**Партийность** член ВКП(б) с 1918 г.

14. **Каким репрессиям подвергался:** судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции Нет

б) после революции Нет

15. **Какие имеет награды** (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. Власти орден Красного знамени и орден Красной звезды.

16. **Категория воинского учета запаса и где состоит на учете** 12-я категория на учете состоял в ПУРККА

17. **Служба в Красной армии** когда и в качестве кого.

Политработник в 1919–1920 г. в Наркомвоенморе в 12 армии, в подавлении Кронштатского мятежа в 1921 году.

18. **Служба в белых и др. к.-р. армиях** (когда, в качестве кого) нет

19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях нет

20. **Сведения об общественно-политической деятельности** Членом СК писат., член Московского совета, депутат Верховного Совета РСФСР, член ЦК профсоюза печатников

ПРИМЕЧАНИЕ. Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а последняя страница и допрашивающего.

Мих. Кольцов

допросил следователь Н. Кузьминов

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Кольцова Михаила Ефимовича

От 6 января 1939 г.

Вопрос: 5 января 1939 года вам предъявлено обвинение в том, что вы являетесь одним из участников антисоветской право-троцкистской организации и, что на протяжении ряда лет вели предательскую шпионскую работу.

Вы признаете себя в этом виновным?

Ответ: Нет, виновным себя в этом не признаю.

Вопрос: Следствие располагает достаточным количеством материалов уличающих вас в совершении этих преступлений.

Предлагаем вам прекратить запирательство и рассказать о своей предательской антисоветской деятельности?

Ответ: Запирательством я не занимаюсь и еще раз заявляю, что я никакой предательской антисоветской деятельностью не занимался.

Вопрос: Следствие вам не верит. Вы скрываете свою предательскую антисоветскую деятельность. Об этом мы будем вас допрашивать. Приготовьтесь.

Протокол мною прочитан в чем и расписуюсь.

Мих. Кольцов

Допросил следователь след, части ГУГБ НКВ.

Н. Кузьминов

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Кольцова Михаила Ефимовича

от 21 февраля 1939 года.

Вопрос: На предыдущих допросах вы упорно отрицали свою виновность в активной антисоветской деятельности.

Следствие требует от вас прекращения запирательства и дачи откровенных показаний о проводимой вами вражеской деятельности?

Ответ: Повторяю, что вражеской деятельностью против советской власти я не занимался (не считая статей 1919 года). Обвинение меня во вражеской деятельности является, повидимому, плодом кливеты или оговора. Как писатель и журналист я работал со всей преданностью партии и советской власти. Этой работе я отдавал все свои мысли и силы.

Вопрос: Какие статьи вы имеете в виду?

Ответ: Я имею в виду, несколько статей написанных мною, в период моего сотрудничества в буржуазных газетах с 1917 по начало 1919 года.

Вопрос: Что это за буржуазные газеты и где они издавались?

Ответ: К числу таких буржуазных газет относятся: «Киевское эхо», «Вечер», «Наш путь», «Вечерняя почта» и вечерний выпуск «Русской Воли».

Что же касается их изданий, то они издавались: в Петрограде, Москве и Киеве. По своему содержанию имели антисоветский характер.

Вопрос: И вы в этих антисоветских газетах принимали активное участие?

Ответ: Нет, я в них лишь от случая к случаю пичатал отдельные статьи и репартерские заметки. В общей сумме за все полтора года мною было напичатано около тридцати статей и репартерских заметок. Часть из печатанных статей и репартерских заметок было направлены на театральные и бытовые темы. В других же содержались политические высказывания, в том числе антисоветские, например посещение Петерса в Чрезвычайную комисию в Москве. В основном, подавляющие большенство этих статей не носили антисоветский характер, однако сам факт напичатывания их в антисоветских газетах, накладывает на меня ответственность.

Вопрос: Какие газеты пичатали ваши антисоветские статьи?

Ответ: К числу таких газет, в которых печатались мои антисоветские статьи, если мне не изменяет память относятся: «Киевское эхо», «Вечер» и возможно вечерний выпуск «почты».

Вопрос: Кем издовалась газета «Киевское эхо»?

Ответ: Издателем ее был Василевский Илья Маркович (Не-буква т-е его псевдоним).

Вопрос: Кто такой Василевский Илья Маркович?

Ответ: По специальности он журналист, издатель и литературный критик.

Вопрос: Вам известно политическое лицо Василевского И. М.?

Ответ: Примерно известно. До Октябрьской революции он занимал левые, антиправительственные позиции. Октябрьскую революцию Василевский И. М. встретил враждебно. Его враждебность по отношению Советской власти вырозилось в том, что им с начала 1918 года и до начала 1919 года издавалась антисоветская газета «Киевское эхо».

Эта газета прикончила свое существование не задолго до установления Советской власти на Украине, а сам Василевский эмигрировал за границу. Там он вступил в группу «Смена вех» и в СССР возвратился, примерно в 1924 году.

Вопрос: Вы потдерживали связь с Василевским в период его прибывания в эмиграции?

Ответ: Нет. Никакой связи я с ним не потдерживал и не знал о его месте прибывания.

Вопрос: А от кудаже вам известно, что Василевский в период его эмиграции примкнул к «сменовеховцам»?

Ответ: Об этом мне известно потому, что Василевский официально участвовал вместе с А. Толстым, Потехиным и другими в сменовеховской газете, издаваемой в Берлине, «На кануне» и вместе с выше названнами сменовеховцами вернулся в Москву.

Вопрос: На какие средства издавалась газета Василевским «Киевское эхо»?

Ответ: Газета «Киевское эхо» издавалась на средства Василевского, она же и служила источником его доходов.

Помню, что финансовое положение газеты было все время трудное и ганарары выплачивались ничтожные.

Вопрос: Где находился Василевский по возвращение его из-за границы и чем он занимался?

Ответ: Мне известно, что он ряд лет выпускал книги своего сочинения, а также работал в журнале «Изобретатель». И на сколько мне известно проживал в Москве и Ленинграде.

Знаю я это потому, что я с ним изредка встречался до 1935–1936 годы.

Вопрос: Вам известны политические взгляды Василевского И. М. после возвращения его из-за границы?

Ответ: При случайных встречах Василевского со мной, он высказывал себя горячим сторонником советского строя и вырожал радость по вопросу имеющихся успехов Советской страны.

Вопрос: Кем издовалась и где издовалась газета «Вечер»?

Ответ: Газета «Вечер» издавалась так же в Киеве в 1918 году в период, когда Украина находилась под властью Гетмана. Редактором названной газеты был Миронов по специальности старый Петроградский журналист профисоонал. Больше мне о нем ничего неизвестно.

Вопрос: Где вы находились с 1916 по 1919 годы?

Ответ: Первую половину 1916 года я находился в Киеве и учился на дому готовился к экзаменам в Петроградском институте. (Психоневрологический). Проживал я совместно с родителями, которые занимались ремесленно-загатовочным (сапожным производством) работал отец в это время на квартире. Я же помимо своей подгатовке к экзамену, давал уроки.

Во второй половине 1916 года я был студентом в г. Петрограде. Студентом я был до весны 1917 года, провидя коникулы в г. Киеве, осенью 1917 г. я вернулся в Петроград, где продолжал учебу, а последние время конец 1917 и начало лето 1918 гг. работал в наркомпросе заведующим кинохроникой. Примерно в начале осени (октябрь) выехал в г. Киев.

Вопрос: В связи с чем вы выехали в Киев?

Ответ: Выехал я в связи с киносъемкой которые проводились Наркомпросом на Украине (в это время в Киеве шли Советско Украинские мирные переговоры).

Вопрос: Каким же образом вы сотрудничали в газетах издаваемых в Киеве, проживая в Петрограде?

Ответ: Я в это время был в Киеве и поэтому пичатал статьи с конца (осени) 1918 до начала 1919 г.

Вопрос: Когда и где вы вступили в ВКП(б)?

Ответ: В партию большевиков я вступил в сентябре м-це 1918 года в г. Москве.

Вопрос: Какая партийная организация принимала вас в ВКП(б). Кто был вашими поручателями (рекомендателями)?

Ответ: В партию меня принимала партийная организация Наркомпроса, однако принятие не было окончательно оформлено и партийного билета я тогда еще не получил. Моими рекомендующими лица в партию были: Луначарский и Левченко.

Вопрос: А когда и где вы получили партийный билет и почему вы не получили его в партийной организации Наркомпроса?

Ответ: Партийный билет, я получил осенью 1919 года в Городском райкоме ВКП(б) г. Москвы.

Не получение мною партийного билета в партийной организации Наркомпроса в сентябре 1918 г. объясняется тем, что прием меня в партию окончательно оформлен не был.

Вопрос: Следовательно ваш прием в партию окончательно был оформлен осенью 1919 года?

Ответ: Да это так.

Вопрос: Ваш прием в партию осенью 1919 года что оформлялся вторично?

Ответ: Лето и начало осени 1919 года я работал в парторганизации Наркомвоена УССР и политотдела 12 армии. При откомандировании меня в г. Москву мне был выдан документ говорящий о принадлежности моей к партии, на основании, которого я и получил партийный билет.

Вопрос: Таким образом устанавливаем, что партийный стаж ваш исчисляется не с сентября 1918 года, а с осени 1919 года. Так это?

Ответ: Нет. Я повторяю, что был принят в партию в сентябре 1918 года партийной организацией Наркомпроса.

Вопрос: Вы будучи коммунистом принимали участие в антисоветских газетах и печатали там антисоветские статьи.

Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, я это подтверждаю и не отрицаю в этом своей вины.

Вопрос: Следовательно вы являясь членом ВКП(б) фактически вели борьбу против партии?

Ответ: Я это отрицаю, борьбы с партией я не вел. Злостного характера мои статьи не носили, хотя я и сейчас через 20 лет не снимаю с себя вины за несколько написанных мною антисоветских статей.

Допрос прерывается.

Протокол с моих слов записан верно, мною прочитан в чем и расписуюсь.

Мих. Кольцов

Допрос продолжался с 21 до 2. 30 часов 22. 11–39.

Допросил:

Следователь след, части НКВД СССР

сержант Госуд. Без.

Н. Кузьминов

С протоколом допроса ознакомлен

Военпрокурор ГВП

25.11.39 21 час.

Итак, перед нами первый документ из «Дела» Кольцова — «Постановление».

Сразу бросаются в глаза явные «ляпы». Первый из них — это год и место рождения Михаила Кольцова. Он родился не в 1896 году, а в 1898-м, не в Белостоке, а в Киеве. Второй — Кольцов в

1917 году не публиковал никаких статей в издании «Журнал для всех». Третий — фамилия второй жены Кольцова не Полынова, а Ратманова, и они познакомились не в Лондоне, а в Москве, поскольку ни сама Елизавета Николаевна Ратманова, ни ее семья никогда в Англии не жили. Она со своей семьей жила в Москве в Малом Головином переулке.

Четвертый «ляп» — Мария Остен, третья жена Кольцова, не была дворянкой, поэтому перед ее фамилией не могло быть приставки «фон». Ее отец был простым фермером. Тем более что Остен — это ее литературный псевдоним, а настоящая ее фамилия — Грессгенер.

В этом «Постановлении» есть еще несколько нелепостей, но о них позднее скажет сам Кольцов на так называемом «суде». В самом конце «Постановления» следователь пишет: «Считаю вину Кольцова доказанной», и это еще до суда, который только и может объявить о том, что вина доказана. Невольно возникает вопрос: если вина уже доказана, то зачем еще что-то расследовать, зачем допрашивать арестованного? Не проще ли сразу выносить приговор? Впрочем, нормальная логика была необязательной для юстиции той поры: ведь судьба арестованного была предрешена заранее и цель «следствия» состояла только в том, чтобы выбивать компромат на последующие очередные жертвы.

Первый допрос Кольцова, как следует из документов «Дела», состоялся через три недели после его ареста. Таким образом, совершенно очевидно, что арестованного допрашивали не сразу, а держали в камере в полном неведении. Это, естественно, делалось преднамеренно — человека пытались сразу же сломить психологически. У арестованного сохранялась иллюзия, что как только он попадет на допрос к следователю с «чистыми руками и горячим сердцем», то все разъяснится и он будет освобожден. Заключенный с нетерпением ждал допроса.

«Дело» Кольцова, состряпанное усилиями следователей, изобилует таким количеством нелепых, искаженных и придуманных «фактов», что необходимо обратиться к подлинной его биографии.

ОБРЕТЕНИЕ ПРИЗВАНИЯ

…Михаил Ефимович Кольцов родился в 1898 году 31 мая по старому стилю, или 13 июня по новому, в городе Киеве в небольшой семье кустаря-ремесленника (обувщика). Фамилия его родителей — Фридлянд. У него был только один брат моложе его на два с половиной года, впоследствии известный политический карикатурист Борис Ефимов. Вскоре после рождения второго сына семья переехала в небольшой невзрачный провинциальный городок Белосток Гродненской губернии, ныне вошедший в состав Польши. В 1906 году Михаил поступил в Белостокское реальное училище. Уже на школьной скамье он проявлял незаурядные литературные способности: он не только отлично писал классные сочинения, но и затеял издание рукописного журнала, для которого сочинял всевозможные забавные заметки о школьной жизни за подписью «Михаил Синдетиконов» («Синдетиконом» назывался популярный в то время клей). Михаил много читал, и в том числе запрещенную тогда литературу, что в конце концов привело к большим неприятностям. Школьное начальство стало на него коситься за вольнодумство и, придравшись к его столкновению с учителем гимнастики, исключило из училища. С большим трудом удалось добиться разрешения держать выпускные экзамены экстерном. Получив аттестат об окончании Белостокского реального училища, Кольцов в 1916 году поступил в Петроградский психоневрологический институт. Однако гораздо больше, чем преподаваемые в этом институте науки, молодого студента влекла к себе журналистика. Его первыми шагами в этой нелегкой, а иногда и опасной профессии, ставшей делом его жизни, было сотрудничество в журнале «Путь студенчества». В этом скромном издании из номера в номер начинают печататься статьи, очерки, интервью восемнадцатилетнего Кольцова. Все они написаны серьезно, толково, со знанием дела, хорошим литературным языком и касаются проблем, волновавших общество в то время. Когда сейчас читаешь эти статьи, то с трудом веришь, что они написаны совсем молодым человеком. Вот отрывок из его статьи, которая называлась «Блажен, кто верует».

«…Прошли эти два года — и в студенчестве опять серый и ненастный будничный день. Уныние, безверие, бездействие, карьеризм, мутные волны мелких страстей и национальной нетерпимости, Бог весть из каких клоак хлынувшие, — все это разъедает и нивелирует учащуюся массу, грозит смешать ее в

одно серое и безрадостное целое.

…А работа, ведь, еще вся впереди. Как встревоженный муравейник, волнуется поднятая войной многомиллионная народная масса. Война всколыхнула ее до основания, возбудила в ней порывы и чувства, пробуждения которых десятилетиями ждали наши отцы. И в этот-то долгожданный и критический момент народу грозит опасность, которой никто не ожидал: он рискует остаться без интеллигенции. В то время, когда он наиболее нуждается в дружески самоотверженной помощи, которая поддержала бы в первых шагах его пробуждающегося самосознания, зафиксировало бы его первые самостоятельные начинания и уберегла бы от темных сил, снова готовящихся в него проникнуть, в это самое время он остается без поддержки…

Свобода, равенство… прогресс, элементарные истины демократического сознания… какие это в наше время трюизмы, ходячие слова, мелкие стертые монеты… Какие чувства, кроме холодного равнодушия, возбуждают они? И может ли наше студенчество понести их в народ, если оно само безучастно и внутренне чуждо им?

Не будем долго думать над разрешением этого вопроса. Не может быть двух решений. Во имя славного прошлого, во имя стоящей на пороге молодой России, студенчество должно поднять и понести распростертые в пыли старые знамена, должно оказаться достойным самого себя и возложенных на него задач!»

В журнале «Путь студенчества» публикуется и беседа начинающего журналиста с А. Ф. Керенским — тогда лидером немногочисленной группы депутатов Государственной думы, так называемых «трудовиков».

А события в стране развиваются бурно и непредсказуемо. Продолжается изнурительная война, нарастает недовольство правящей в стране монархией. И как естественный финал — Февральская революция. Кольцов, как и большинство людей, встретил ее восторженно: наконец в России будет демократия. Вот как он рассказывает о тех исторических днях в очерке, проникнутом искренним волнением очевидца и участника тех событий.

ФЕВРАЛЬСКИЙ МАРТ

1

Я пробираюсь ко дворцу в опасной тьме, под беспорядочные

выстрелы то близко, то вдали, то вдруг совсем над ухом. Фонари потухли, вместо них горит луна, мягкий теплый снег порхает и кроет голубым цветом улицу. Грузовики с людьми проносятся часто орущими, грохочущими видениями, исчезая за поворотом. На Шпалерной, у дворца, нестерпимо светло и шумно. Таврический был раньше тихий, старенький, уютный, с бесшумными дверьми, с вощеными полами, по которым прогуливались под ручку и обнявшись депутаты, скользили вприпрыжку приставы Государственной думы. Сейчас он неузнаваем, блестит далеко во мгле лихорадочными бегающими пятнами, лучится тысячью огней, будоражит и втягивает светлыми щупальцами всю мятежную кровь города. Посреди белого пушистого сада, у самого подъезда, лежит на боку большой роскошный автомобиль, раненое животное, зарывшись разбитой мордой и передними фонарями в снег. Дверца открылась, большие следы ног светлеют на щегольском коврике и ласковой коже подушек. Вокруг него на весь двор сгрудились мотоциклетки, коляски, мешки, люди, целое море людей и движений, бьющее волнами в подъезд.

Внезапный хаос пересоздания расширил, увеличил, сделал громадным, как при родах, старинный дом, вместил в него революцию, всю Россию. Екатерининский зал стал казармой, военным плацем, митинговой аудиторией, больницей, спальней, театром, колыбелью новой страны. Вместе со мной вливаются толпы, несчетные вереницы солдат, офицеров, студентов, девушек, дворников, но зал не тесен, он — заколдованный, вмещает еще и еще. Под ногами хрустит алебастр, отколотый от стен, валяются пулеметные ленты, бумажки, листики, тряпки. Тысячи ног месят этот мусор, передвигаясь в путаной, радостной, никому не ясной суете.

Здесь революция. Но где вожди?

Вождей нет в стихийном, вулканическом взрыве. Они мелькают легкими щепками в бурном беге потока, пытаются повелевать, указывать, хотя бы понимать и принимать участие. Но водопад бьет дальше, тащит вперед, кружит, приподымает и бросает во прах.

Родзянко выходит почтенным старым петухом в зал приветствовать войска. Целый гвардейский полк с офицерами, знаменами и оркестром, пришедший сюда, под расписные амурчатые своды потемкинского палаццо, почтительно застывает перед председателем думы. Он обводит ряды тусклым взглядом старых глаз, подымает породистую птичью голову и окликает, как на параде:

— Зд-рова, ма-ладцы-преображенцы!

Полк отвечает грохочущим рыком, оркестр играет «Марсельезу», дрожат стекла, трепещут уши и ноющей радостью отбивает такт сердце. Офицеры едят глазами новое начальство, репортер в углу трясущимися руками отмечает на блокноте речь возможного президента — Родзянки. Старик уходит в усталом величии, сморкаясь в большой платок, а волны выбрасывают вместо него Милюкова. Профессор нервничает, но черный костюм не испачкан, твердый воротник аккуратно подпирает жесткие бритые щеки с равнодушным румянцем. Он тоже хочет говорить с морем, повелевать им:

— Граждане, приветствую вас в этом зале!

Море слушает и этого, опять стихает, не может сделать этого вполне и, не переставая, клокочет внутренним неугасимым гулом. Ловкие сплетения слов хитреца падают камешками в воду, пропадая и расходясь кругами по бурливой поверхности, не оставляя следов на ней. Еще всплеск — на гребне волны новая щепка. Член думы Керенский вытягивает сухощавый стан на чьих-то крепких руках и, напрягая усталое горло, морща бессонное лицо, выкрикивает стихии:

— То-ва-рищи!

Это слово теплее, нужнее, чем «граждане» и «молодцы-преображенцы». Стихия улыбается чуткому оратору, дарит его водопадом рукоплесканий, обволакивает медным грохотом Марсельезы. В восторге первого освобождения рабочие, солдаты хотят одарить и осчастливить каждого и особенно того, кто нежнее погладит могучую шершавую разогнувшуюся спину народа.

Рядом, за портьерой, совет рабочих депутатов сидит в длинной узкой комнате. Их тоже взмыла и пригнала сюда взбунтовавшаяся полая вода с заводов, из батальонов и морских экипажей. Можно задохнуться от тесноты и волнения на невероятном совещании, которое, постоянно прерываясь, длится уже вторые сутки. О чем говорят все они здесь, потерявшиеся от избытка чувств меньшевики, эсеры и трудовики?.. Говорят не о том, что хотят, не то, что нужно, ибо неизвестно в точности, что нужно в часы хлынувшего потопа и пожара. О чем думают молчаливые притаившиеся, пока немногие большевики?

Совет составляет порядок дня, а молодой солдат с порванным рукавом и красным бантом на штыке прерывает этот порядок:

— Мы для народа Финляндский вокзал захватили! Помощь нам требуется, господа депутаты!

Они обсуждают вопрос о политической эмиграции, а студент в простреленной фуражке кричит:

— Товарищи, назначьте нам санитарную комиссию, иначе

революция погибнет!

Пламя жадно лижет эти сухие сучья, потухшие угли. Они накаляются, пламенеют и на глазах у самих себя облекаются в одежды вождей народа, трибунов, учителей и пастырей. Стихия бурлит, бьется, требует. Эта самая странная в мире революция, рожденная без плана, организации и без вождей, ищет лозунгов и людей. Ей нужны любимцы, избранники, кого можно обласкать, ободрить, приветствовать.

— Максим Горький! Горький!

Он сконфуженно протискивается, мнет барашковую шапку и раскланивается, стараясь скорее исчезнуть за дверью. Тогда толпа ищет другого и находит… Бурцева. Его сажают, окружают тесным кольцом и, молча, радостно разглядывают, не спуская жадных глаз.

— Я всегда работал в тени, не стоял в первых рядах революционеров, — скромно говорит бывший эмигрант и будущий собрат монархистов, потупив очки.

— В тени завсегда способнее, господин товарищ!.. — поддерживают окружающие.

В клетушке, именуемой «Бюро Печати», сбилась русская интеллигенция… Здесь тоже оглушение, растерянность. Вольные говорить что угодно, свободные от цензуры и запретов, эти люди и в пьяной радости, в неизмеримом восторге не обрели голоса, застрявшего в груди.

Герман Лопатин прижимает к седой бороде всех проходящих и, слезясь, бормочет:

— Ныне отпущаеши!

— Да-а!.. Кончилось. Сподобились увидеть конец.

Леонид Андреев теребит пояс и морщит брови. Резко подымает монаший лоб.

— Конец? Вы думаете? А по-моему — начало. — И левой рукой обвивая кольцом волосы вокруг пальца, показывает правой в окно. — Или, вернее, начало конца.

В окно синеют снега, разбуженные первым рассветом. Серая толпа солдат и рабочих снует у ворот, у моторов, у мешков и патронов. Новая освобожденность сделала их жесты твердыми, прямыми, нужными. Ушла вековая обреченность в шагах и словах. Эти уже хотят, ждут и будут добиваться. В спокойном, пока радостном ожидании — значительная и веская угроза.

Медные трубы внезапно грохочут, литавры сыплют битое стекло. Звонкий марш поет о легионах и полчищах, о страшных силах, сбегающихся на последний и решительный бой. Утро идет, снег тает.

2

В комнату «военной комиссии» ворвался Керенский. В дверях лицо его еще было смертельно-устало, сонно и безразлично. С первых слов оно стало напряженным, нервным, нахмуренным.

— Господа офицеры и вы, защитники революции! Только что мне сообщили, что на Забалканском проспекте темные элементы громят винные склады. Наш долг немедленно прекратить разбой, позорящий народное дело. Поручаю это…

Поперхнулся, прищурился на кольцо окружающих и предупредительно уронил высокому, красивому поручику с красной ленточкой на белом гвардейском кресте:

— Вам…

Потом, смутившись кожаной тужурки, добавил озабоченным хриплым шепотом, взяв меня за плечо:

— И вам. Надо следить, чтобы не было эксцессов и кровопролитий.

Выехали на трех грузовиках. Над колесами легли солдаты винтовками вперед. На всех перекрестках люди бестолково останавливали, просили подвезти и долго догоняли крича.

Рядом со мною паренек с Выборгской крепко держал девушку в платке, веселую и усталую. Оба хохотали при каждом толчке грузовика, когда обвисшие люди сваливались хворостом на дорогу.

С угла Литейного и Невского бежали нам навстречу в неистовой радости и энергии.

— Газету возьми-ите!

Соскочили с возбужденным галдежом, потащили с тротуара в машины тюки с номерами.

Их рвали из рук, требовали, выпрашивали, как милостыню, гоняясь за грузовиками.

Против Царскосельского вокзала догорал участок, шла непонятная перестрелка с неведомыми городовыми.

Гвардейский поручик с грузовика махал револьвером и крепко ругался.

Его не поняли и запустили в него горящей головней.

Попало в меня, обожгло волосы; жестоко окровавило гвоздем лицо. Поехали дальше. Винные склады горели, густой дым уксусной гарью сверлил горло.

Паренек с Выборгской кричал кому-то в огонь речь.

Девушка, бледная, с блестящими глазами, омывала мне снегом рану. Я лежал на ее платке, ошалелый от удара, счастливый кровью, солнцем и шумом.

Гвардейский поручик закурил из резного пенькового

мундштука.

Твердым голосом я сказал приготовленную в пути фразу:

— Именем восставшего народа и Совета Рабочих Депутатов предлагаю вам немедленно следовать за нами.

И только тогда поднял глаза на темный дуб кабинета, на высокие, овалом законченные окна казенной квартиры, на шелк абажура, на шнуры телефонов, на конвой солдат, на черную пижаму министра, на бледные веки жены.

— Совершенно верно… Я, собственно, ждал. Как видите, сижу дома. Теперь… впрочем, все равно. Мы, конечно, направляемся в государственную думу? Я звонил Михаилу Владимировичу. Там к телефону подходят чужие люди…

— Да.

Когда супруга белыми руками бесшумно вкладывала в портплед вышитую подушку, термос и евангелие, в стеклянной тишине ожидания хрустнул стук, встрепенувший всех. Высокий солдат, опершийся на письменный стол, смахнул нечаянно флакон с клеем. Кисточка выпала, вязкая струйка ползла по паркету, подтекая под тигровую шкуру с красной каймой. Солдат смущенно вертел кисточку и флакон, не попадая в горлышко.

— Пустяки, не беспокойтесь, пусть…

Солдат передал клей мне, я — министру, министр — жене.

Вышли на улицу, министр посмотрел на высокого солдата, несшего его портплед, на вывески. Чуть-чуть подбодрился и предложил папиросы. Отказались.

3

Во дворе казарм Павловского полка на каменном подъезде стоят носилки, на них мертвый рабочий. Пуля прошла через глаз. Кто-то заботливо наложил на мертвого повязку. До шеи накрыли солдатской шинелью.

— Кто он?

— Неведомо. Пришел вместе с нами и стрелял. Все про рабочий народ песни пел. Занятный. На углу Садовой прикончили. В кармане только ключ и семь рублей, никакого документу. Мы его к себе возьмем. У нас солдатиков поубивали, так мы его вместе со своими и похороним. Потому, как вместе с нами шел. А семь рублей в Совет сдадим под расписку.

4

У лавки стал хвост.

Кто-то продавал масло по шестьдесят копеек всем гражданам новорожденной республики.

По Гороховой улице броневик с огромными красными буквами «Р. С-Д. Р. П.» чуть не опрокинул крохотные санки с двумя финнами. Никто не рассердился, только смеялись и махали друг другу.

В Таврическом полукругом выстроились рядышком столы с разной партийной литературой.

Михаилу Романову в поезде предложили купить проездной билет. От этого факта все пришли в восторг.

Керенский сшил черную куртку и на приемах в министерстве юстиции всем без исключения подавал руку.

На Херсонской улице открылся первый рабочий клуб. Чхеидзе говорил о защите отечества, а Стеклов произнес речь о буржуазии и мировой бойне и перепугал все газеты.

Мы сидели на Невском в кафе, бывшей бирже проституток. Сейчас оно было переполнено до краев невиданной толпой.

Музыканты играли Марсельезу. Кто-то с перевязанной рукой делал сбор на инвалидов.

Нас зажали у стены за мокрым столиком. Мои соседи говорили.

Молодой пулеметчик моргал отравленными газом на фронте глазами и запинался:

— Как мы унутреннего врага победили, значит, теперь супротив внешнего фронт направить должны. Такой выходит ясный результат.

Другой, старик-рабочий в железных очках, подвязанных ниткой, раздумчиво говорил:

— Ну, это еще как посмотреть. Пока Милюковы эти в министрах, нам добра не видать. Дела темны.

Переворот кончился. Началась революция.

Газета «Вечер», № 7, 1918 г.

…Заключительная часть очерка дописана Кольцовым уже при советской власти в 1921 году и последняя фраза не точна: революция произошла, но переворот еще только предстоял. А в России происходят немыслимые раньше события — начинается становление демократии.

Вот хроника некоторых из этих событий.

30 марта 17-го года, в 12 часов ночи; из-за границы через Финляндию прибыл в Петроград вождь российской социал-демократической рабочей партии Г. В. Плеханов, не видевший родной земли около 40 лет.

Для встречи маститого философа и политического деятеля на

Финляндский вокзал собралась огромная масса публики, представители от частей войск, от заводов, делегации от правительства и совета рабочих и солдатских депутатов. Платформа, к которой должен прибыть поезд, была переполнена народом. Рабочие и милиция выборгского района с винтовками выстроились по обеим сторонам платформы, охраняя порядок. Рядом с ними стояли части войск, назначенных для встречи. Каждая депутация была со своим красным знаменем, на которых развевались лозунги: «Да здравствуют земля и воля», «Да здравствует демократическая республика», «В борьбе обретешь ты право свое», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и т. д.

В 11 часов 50 минут показался курьерский поезд. Раздались звуки «Марсельезы».

Первое приветствие сказал Н. С. Чхеидзе.

Г. В. Плеханов ответил краткой речью, призывая к объединению всех верных защитников русской свободы.

…С острова Березань перевезены в Севастополь прах лейтенанта Шмидта и трех матросов, казненных вместе с ним 11 лет назад.

В апреле происходит еще одно возвращение из эмиграции: приезжает после долгого пребывания за границей В. И. Ленин с небольшой группой его соратников. Но, в отличие от остальных эмигрантов, которые попадали в Россию после длительного путешествия через нейтральные страны, возвращение Ленина и товарищей произошло в знаменитом «пломбированном» вагоне через воюющую с Россией Германию.

Ленина на Финляндском вокзале также встречает большая толпа народа во главе с председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе. Кольцов тоже среди встречающих. Взобравшись на оказавшийся на площади броневик, Ленин произнес речь, в которой призывал к свержению Временного правительства, превращению буржуазной революции в социалистическую и немедленному выходу России из войны. Кольцов, как и многие другие, не мог понять, зачем всеми восторженно встреченную Февральскую революцию, свергнувшую монархический строй и давшую возможность России стать свободной республикой, превращать в какую-то другую — «социалистическую».

Продолжают возвращаться и другие видные эмигранты. В ночь на 31 мая, после 42-х лет изгнания, прибыл в Россию вместе с супругой князь П. А. Кропоткин. В Белоострове маститого анархиста встретила огромная толпа.

П. А. Кропоткин обратился к собравшимся с речью, в которой указал, что Россия сейчас совершила великий исторический

переворот, плоды которого необходимо еще закрепить. Угрозой свободе являются Вильгельм и его полки. Если пустить германцев сюда, в глубь России, и на улицах Петрограда появятся германские пулеметы, а в Петропавловской крепости их пушки, — Россия погибнет и дело ее революции также. Борьба с Германией — вопрос спасения России и ее свободы. Все внутренние дела должны отойти на задний план перед общенациональной задачей борьбы с опасным врагом.

А. Ф. Керенский приветствовал Кропоткина речью. Почетного гостя на руках внесли на автомобиль.

Между тем большевики развивали бешеную активность, направленную против Временного правительства. С балкона занятого ими особняка, где раньше обитала небезызвестная балерина Кшесинская, бывшая любовница Николая II, изо дня в день выступал Ленин с зажигательными антиправительственными речами. А вскоре большевики от слов перешли к делу. 3–5 июля в центре Петрограда произошли кровопролитные беспорядки, по сути дела представлявшие собой первую попытку большевиков захватить власть с помощью вооруженной силы. Верные Временному правительству войска подавили мятеж. Поддавшиеся большевистской пропаганде солдаты были разоружены, а их вожаки арестованы. Самому Ленину удалось скрыться, Троцкий, Луначарский, Коллонтай, Раскольников и другие большевистские руководители попали за решетку. Казалось, что большевики окончательно разгромлены. Но произошло нечто парадоксальное: им вернул влияние в массах и развязал руки… контрреволюционный мятеж генерала Корнилова, который незадолго до того завоевал всенародную популярность своим смелым побегом из германского плена. Приказом главы Временного правительства А. Ф. Керенского он был назначен Верховным главнокомандующим. Мятеж Корнилова потерпел неудачу, причем для подавления его правительство призвало на помощь большевиков, тем самым снимая с них обвинения в близости к немцам и ответственность за июльские события. Большевики снова обрели силу и возможность действовать. Результатом этого и явился Октябрьский переворот и захват власти большевиками. Вот как описывает это событие Михаил Кольцов в своем очерке, одном из тех, что послужили поводом для обвинения Кольцова в антисоветской агитации. Он был написан по горячим следам, но впервые опубликован в 1918 году.

ОКТЯБРЬ

1

«Детский» подъезд Зимнего дворца выходит на Неву. Над входом — широкий и круглый фонарь. Желтый свет вяло плещется в мерзлой луже перед входом, на скользких перилах набережной, на черной глади реки.

У освещенного круга подъезда со сдержанным гулом дожидается автомобиль. Вчера и еще сегодня утром длинный и шумный хвост моторов шевелился на набережной. Теперь их мало. Почти совсем перестали ездить в Зимний дворец.

Сзади — Нева и густая цепь юнкеров. Впереди — неумелые и жуткие баррикады из дров. В щелях, между грудами поленьев, женщины-ударницы с винтовками в руках, четыре пулемета и неизвестно кем оставленная телега с кирпичами. А дальше — мрак, пьяные выстрелы и чьи-то злые и яркие ракеты в ночном небе… То ли большевики в Смольном пускают, то ли матросы за Николаевским мостом.

В три часа Смольный предложил Временному правительству сдаться; в четыре — юнкера и женщины-добровольцы прислали сказать министрам, что будут защищать их до последней капли крови; в пять кто-то властно и грубо выключил телефоны, и дворец очутился одиноким обреченным островом посреди Петербурга.

В слабо освещенной приемной напряженно-спокойно и уже нет суеты. Два молодых солдата в бессонной усталости тяжело опустились на подоконник и о чем-то думают.

Из створчатой двери большого кабинета тесной кучкой вышли министры, они почти все здесь — временное правительство последнего состава. Недостает только троих. Верховский уехал неизвестно куда, оставив короткую записку об отставке, Прокопович безнадежно сидит в Мариинском дворце, а Керенский в Гатчине или в Пулкове, или в Красном, или еще где-нибудь там, где есть верные войска временного правительства и временной республики Российского Совета.

Только что кончилось совещание. Переговорено обо всем, не осталось ничего, надо только ждать того или другого, все равно — ждать.

Александр Коновалов заменяет министра — председателя. Пиджак у него помят, один рукав запачкан мелом. Он смотрит в темное окно, потом снимает пенсне и устало щурится на окружающих.

Терещенко медленно проводит рукой по твердому отлично выбритому подбородку. Малянтович улыбается. Вслушивается в тишину.

На площади сразу и громко загрохотали пулеметы. Может, это Керенский подоспел с казачьими сотнями. Или уже идут

большевики.

2

В сумерки вечера тяжелое широкое здание Смольного с тремя рядами освещенных окон видно далеко впереди. По широкой, твердой освещенной дороге, ныряя в неглубоких ухабах, спешат к каменной дыре подъезда солдаты, матросы, скрипят и калошами штатские с поднятыми воротниками, шуршат социалистические автомобили и мотоциклетки.

— Сторонись, черт. Ишь, буржуи, расселись. С дороги.

На ступеньках подъезда зябнет караул. Пулемет Гочкиса, высокий, тощий, с укутанным от мороза железным носом, желчно смотрит на Лафонскую площадь. Солдат-сибиряк курит большую сигару.

В квадратном вестибюле толчея. Кто-то быстро и зазвонисто убеждает товарищей не спешить. «Погодить» и брать у коменданта пропуски.

По коридорам густыми серыми струями текут патрули, команды, пулеметчики. От духоты, от горячего пара человеческих тел замутились электрические лампочки под сводчатым потолком.

Несут патроны.

«Товарищи. Скорей в атаку на корниловское правительство».

Несут хлеб. Мешки с сахаром. Котелки с горячими щами. И чье-то тело в грязной гимнастерке, раненое или уже мертвое, тяжело и неподвижно поникшее на трех парах рук.

…В большом двухсветном актовом зале сгрудилось больше тысячи человек. У стены, между колоннами зажата маленькая трибуна. На трибуне каждые три минуты новый оратор машет кулаками. Глаза. Зубы. Жесты. Проклятие.

Одному оратору мало и трибуны. Он взобрался на случайный утлый письменный столик и возвышается над толпой — короткий, грузный, с седеющей низко стриженной рыжеватой головой, со злыми голубыми глазами. Он нервно мнет солдатский кушак, ожидая, пока толпа стихнет.

«Знаете вы меня, товарищи? Прапорщик Крыленко, редактор „Окопной правды“».

«Знаем — товарищ Абрам. Как же».

«А знаете, товарищи, что нужно сейчас делать? Куда идти?»

«Знаем!»

Заложив палец между пуговицами теплого пушистого серого пальто, крепко зажав зубами папиросу, прислонился молодой

человек в котелке.

Видимо, растерялся в шумных хоромах. Запрокинув голову, вглядывается в сутолоку переворота, в хаос творчества. Задевает взглядом и нерешительно окликает по-французски. Он просит указать справочное бюро.

«Вы — француз?»

Он американец. Анархист. Приехал в Россию смотреть революцию.

«Нравится?»

О да, нравится! За полгода русские сделали больше, чем французы и многие другие за много лет. Они пойдут далеко. Только он не знал, что русские будут так драться между собой. Ведь у русских — Толстой, и они не противятся злу… Очень непонятно. Такой всегда неожиданный русский народ.

Иностранец идет искать справочное бюро. Он и в аду будет искать справочное бюро.

На лестнице, заслышав незнакомый говор, оборачивается рослый бородач-солдат с ведром щей в руках. Руки засучены — крепкие руки с темными тугими жилами, выпачканные в горячей гуще, — счастливые руки раба, сегодня сразившего господина.

У американского анархиста пальто модное, мягкое, толстое, тихое, ласковое.

Газета «Вечер», № 45, 29 ноября, 1918 г., Киев.

Очерк «Октябрь» выразительно передает впечатления очевидца тех событий и, бесспорно, не во всем совпадает с официальной советской историографией — в нем, в частности, отсутствуют эффектный «залп „Авроры“», «героический штурм Зимнего дворца» и другие мифы Октябрьского переворота, вошедшие в школьные хрестоматии. Именно поэтому, видимо, этот очерк включен в «Дело» как одно из доказательств антисоветской деятельности Кольцова.

Мы видим, что Кольцов принимает совершенный большевиками переворот как объективную реальность и с определенным сочувствием. На него не может не произвести впечатление смелость и дерзость немногочисленной партии, взявшей с такой легкостью власть над огромной страной в свои руки. Его захватывает романтика лозунгов, провозглашаемых большевиками: «Долой войну!», «Земля крестьянам!», «Мир хижинам — война дворцам!» и других. Ему многое нравится, но пока он не переходит на их сторону. Вскоре Кольцов знакомится с несколькими довольно видными большевиками, в том числе с Луначарским и Чичериным. Они люди эрудированные, образованные, интеллигентные. Их взгляды широки и демократичны. Кольцов публикует несколько статей в газетах

«Известия ВЦИК» и «Вечерняя звезда». В начале 1918 года он становится заведующим отделом хроники Всероссийского кинокомитета Наркомпроса, возглавляемого Луначарским. В это же время Луначарский дает Кольцову рекомендацию для вступления в партию большевиков. Вот два документа, выданных Кольцову в то время.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Народный Комиссаръ по Просвещению настоящимъ удостоверяетъ, что Михаилъ Ефимовичъ КОЛЬЦОВ командируется для производства фотографической и кинематографической съемки съ русско-украинской мирной конференции въ гор. Смоленске.

Народный Комиссаръ по Просвещению просить все гражданский, железнодорожный и военные власти оказывать всяческое содействие въ исполнении возложенных на даннаго сотрудника Комиссариата обязанностей, предоставляя пропуска и разрешения по возможности вне очереди, ввиду особаго срочнаго значения поручений.

Народный Комиссаръ А. Луначарский

Секретарь

22 апреля 1918 г.

ЧЛЕНУ МИРНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

тов. РАКОВСКОМУ

въ Смоленске

Народный Комиссариатъ по Иностраннымъ Деламъ проситъ оказать содействие М. Е. КОЛЬЦОВУ и Е. М. МОДЗЕЛЕВСКОМУ, командируемымъ Кинематографическимъ Комитетомъ Комиссариата Народнаго Просвещения въ Смоленскъ для производства кинематографическихъ съемокъ мирныхъ переговоровъ.

Временный Заместитель Народнаго Комиссара

по Иностраннымъ Деламъ

Секретарь Канцелярии Народнаго Комиссара и Западнаго Отдела

24 апреля 1918 г.

В апреле Наркомпрос во главе с Луначарским перебирается в Москву, объявленную столицей Советского государства. Кольцов продолжает работать в Наркомпросе. И здесь, в Москве, Кольцов сталкивается с такими фактами, которые вызывают у него возмущение. При ЧК создаются карательные отряды из китайцев, творящие жестокие расправы над мирными людьми, воцаряется

так называемый «красный террор», против которого безрезультатно протестуют многие деятели культуры, и в частности, как известно, Максим Горький.

Об этих жестокостях Кольцов рассказывает в своих очерках, опубликованных уже позже в Киеве. Вот два из них.

ЖАЛОСТЬ
ЭТЮД МИХ. КОЛЬЦОВА

1

В одном из переулков за думой, пониже Софиевской площади легла умирать третьего дня лошадь.

Хозяин уже отпустил ее в последнее путешествие. Высокий, похожий на пирамиду воз с пивными и лимонадными бутылками отпрягли и увезли их на новых свежих конях.

Вокруг тела лошади, на ржавом ноздреватом снегу кто-то скупо посыпал соломы около морды, бросили горсточку грязновато мелкого овса. Лошадь лежала неспокойно. Ее коричневый, бугристый живот с присохшей грязью вздымался часто и судорожно. Жесткая шерсть густо вспотела. Только глаза смотрели спокойно, она разглядывала свои ноги, мокрую гущу мостовой и вывеску портного вдалеке.

Стояли люди. Уходили, приходили. Смотрели лошади в глаза. Господин с портфелем. Швейцар с парадного. Гимназисты. Мужики. Дама, высокая и милая, в каракуле, с румянцем.

Подошли двое солдат. Старший горбоносый, с широкими бровями, другой тяжелый и, кажется, добрый, младший — низенький, с нагайкой. Они смотрели на лошадь долго и раздумчиво. Потом маленький встрепенулся и помахал нагайкой. Жалко скотину очень, ее расстрелять надо бы… мучается.

Швейцар с парадного отнесся к предложению сочувственно. В толпе же возникли разногласия. Мужики и гимназисты одобрили предложение. Дама в каракуле попробовала возражать, но швейцар огрызнулся:

— Жалости в вас, барыня, нету. Лошадь, можно сказать, из сил выходит. Ее безотлагательно прикончить надо.

Она замолчала и пугливо пошла вниз, быстро постукивая по тротуару маленькими ботами.

Высокий солдат слушал спор мечтательно и спокойно. Потом он оглядел всех и нараспев протянул:

— Да-да…

Лошадь смотрела на него мутно и безучастно. Он отошел и

вынул большой, с деревянной ручкой, револьвер. Толпа расступилась. Кухарка с визгом юркнула в подъезд.

Солдат выстрелил два раза, потом посмотрел на револьвер и дал еще один выстрел. По улице шарахнулись извозчики:

— Батюшки, стреляют…

Лошадь неожиданно и жутко завозилась на грязном снегу. Низенький солдат потрогал ее нагайкой. Из соседнего дома испуганным шагом выкатился член домовой охраны, близорукий и глупый студент:

— В чем дело? Что за стрельба?

— А это, господин Комаровский, лошадь мучается. Жалко ее очень… Живая еще, стерва. Валяй дальше.

Студент бережно вынул браунинг и стал рядом с солдатом. Они выстрелили коротким залпом. Потом еще раз. Потом еще.

— А ну-ка, я еще разок… Для верности.

Лошадь уже не двигалась. Толпа стала расходиться.

…Мой случайный знакомый, веселый, рыжий авантюрист, побывавший в самых страшных переделках нашей революции, рассказывает:

— Ведут меня, эти, знаете, красноармейцы, пять человек… И чувствую, совсем ясно чувствую и вижу, что не доведут они меня до места назначения. Понимаю, что ликвидируют меня по дороге. Нюх у меня такой выработался, как в романах пишут: запах смерти. И не то, чтобы на меня злы были… Нет, здесь что-то другое. Их пятеро с винтовками, я один и безоружен, да еще молчу. Им неприятно, тяжело. Стыдно немножко вести меня. А это самое страшное. Я иду, смотрю на них и чувствую, что еще пять минут и совсем одержит их жалость, прикончат они меня у забора. И начал я через силу последними словами ругаться. Самыми распоследними. Теперь мне даже про себя вспомнить их стыдно. Царя ругал, офицеров… Потом Троцкого, всех комиссаров… Женщин, евреев, мать свою собственную последними словами унизил. И чувствую, что дело к лучшему. Солдаты озлились, разошлись, ожили… Стали свирепые у них лица, и я уже не боялся: не было на них этой истошной муки, тоски, этой черной жалости — жалости, от которой человек убить способен. Довели до штаба благополучно.

…Когда в Великоруссии расстреливали Розанова, Меньшикова, монаха Варнаву, повторялось одно и то же.

Семьи осужденных или сами расстреливаемые ползали у ног красногвардейцев, плакали, рвали на себе волосы, умоляли о пощаде и жалости. И в этих случаях расстрел был особенно жестоким и потрясающим. Жестокость эта не от бесчувствия, а от

мутной истошной тоскливой жалости.

Как странно, что московский Петерс, отныне легендарный, расстрелявший несколько тысяч человек и добивавшийся ареста Ленина — как странно, что, когда его самого солдаты повели на расстрел, он тоже валялся в ногах, кричал и плакал о помиловании. Разве не чуял он, неуязвимый от слез и молений человек, твердых законов человеческого милосердия и человеческой жестокости?..

У этого Петерса я был в Москве: мне нужно было разделываться за фельетон о Чрезвычайке, напечатанный в одной из московских газет. Я провел в кабинете на Лубянке пятнадцать жутких и душных минут. Но запомнилась из них надолго одна.

Мы вышли вместе на улицу. Петерс поежился на весеннюю слякоть и стал натягивать на большие руки перчатки. Старые, истертые лайковые перчатки.

Пальцы были на концах продраны и неумело, одиноко, стариковски подшиты толстыми нитками. Так зашивают свои вещи неприятные хмурые холостяки, живущие в прокисших, низких злых меблирашках.

В эту минуту мне стало жалко Петерса.

Газета «Киевское эхо», 13. I. 1919 г.

КИТАЙСКИЕ БУДНИ ФЕЛЬЕТОН МИХАИЛА КОЛЬЦОВА

«Молельня была поругана кощунственно, обидно, бессмысленно. У одних богов были отбиты головы и руки, другие были совсем сброшены с пьедесталов и валялись на кирпичном полу. Посредине сидел на возвышении гигантский Сакья-Муни.

Видимо, солдат ударил бога ломом в верхнюю часть груди: головы не было, на месте левого плеча и шеи желтели осыпающиеся комки сухой глины и только правая рука была поднята с благословением».

Так описывал Вересаев разгром китайской молельни русскими солдатами во время японской войны.

Это было очень тяжело, страшно. Русские солдаты, посланные воевать на Дальний Восток, грабили нейтральных китайцев, убивали их, опустошали дома и оскверняли кумирни.

Маленькие тихие желтые люди, в жизнь которых ворвалась нелепая грубая сила, молча прятали свои чувства к дальневосточной армии, они называли русских солдат общим нарицательным именем — «Ломайло».

«И мне пришло в голову, — пишет Вересаев, — что среди чудовищно-безобразных китайских богов после нашего ухода

появится новый бог, такой же свирепый и безобразный, будет он в косматой черной папахе с чертами русского солдата, и имя этому богу будет — „Ломайло“».

В России тогда очень возмущались жестокостями наших солдат. Жалели пострадавших китайцев и их разгромленные кумирни. Но жалели торопливо, на ходу, одним глазом. Откровенно говоря, было не до того. Шла революция, становилось шумно.

Уже молодой Троцкий говорил в Петербурге речи, уже Трепов не жалел патронов. У Казанского собора разгоняли студентов, а Бальмонт писал социалистические стихи. Все было очень ново, и китайцы со своими кумирнями казались очень несчастными, но не очень интересными. Я не вспомнил бы об этом вовек. Но старая история с китайцами вдруг самым нелепым образом тихо стала вверх ногами. Мы уже не мы. Нет Вересаева и студентов. Нет Трепова, остались одни патроны без Трепова. Вообще нет ничего.

Китайцы тоже стали совсем не китайцами, какими они представлялись нам раньше. Во-первых, они уже не в Китае, а в Москве и даже ближе. Во-вторых, они уже не столь несчастны и никто уже не опустошает их кумирни, а даже наоборот, они что-то серьезно и старательно опустошают.

В-третьих — и в-четвертых и в-десятых…

Вообще, мы, кажется, поменялись с ними местами, как это ни странно вымолвить. Мы, например, полагали, что блага на земле распределены раз и навсегда — Конфуций китайцам, а Троцкий нам. Но и Троцкий какими-то судьбами ушел от нас и попал к китайцам. Что за напасть.

В прежние годы был в общественном сознании такой неопределенный мутный страх: желтая опасность. Что-то далекое и нечеткое. Материал для легких споров после чая. Тема для безработных публицистов в глухое газетное время. Для осуществления желтой опасности нужно было, чтобы «Китай проснулся», «Азия дрогнула», «Молчаливый Восток зашевелился», «Желтые легионы двинулись бы на Европу».

Ничего по-настоящему не проснулось и не зашевелилось. Азия не дрогнула, желтые легионы деловито и спокойно выросли в Москве в купеческом Замоскворечье.

Мне довелось видеть первые китайские советские отряды. Просторные казармы у Воробьевых гор, чисто выметенные полы, ряды винтовок, низко стриженные головы. Короткие фразы команды. Коммунистические воззвания на стенах. Портрет Ленина. Косые глаза. Медленные конфузливо-бесстыдные улыбки на темных лицах. Высокий визгливый азиатский смех. И

тщательное долгое умывание, конечно, из крана.

Это очень остро и неслыханно — сочетание восточной «победоносной» экзотики с железобетонным дальнобойным европейским коммунизмом. Но это были будни. Серые казарменные строгие будни, которые я видел несколько раз, посещая советских китайцев. Также буднично и старательно, по утрам желтые красноармейцы мыли свои жесткие круглые головы, пошли они теперь на Волгу и на Украину, стреляют в черные незнакомые дома, опустошают кумирни незнакомых и ненужных им богов.

А раз будни, надо их принимать.

Ведь будни можно только принимать и покоряться — удивляться им нельзя. Пусть даже среди этих неумолимых наступающих китайцев отыщется свой китайский Вересаев, который будет ужасаться жестокостями своих собратьев по отношению к несчастным забитым русским и писать куда-то в Китай длинные корреспонденции с описанием своих жалостливых эмоций, это тоже будут будни и значит правдиво и правильно.

Нам не надо удивляться новому китайскому гротеску, вынырнувшему в общей пестрой и богатой коллекции нашего времени. Мы не будем разевать на это рот, ведь он у нас перманентно разинут с 1914 года.

Газета «Киевское эхо», 3.II.1919 г.

В ГОРОДЕ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ

…В свой московский период 1918 года Кольцов почти не выступает в печати (газеты и журналы закрыты советскими властями, выходят только «Правда» и «Известия»), тем более, что его увлекает работа, связанная с документальным кинематографом.

Кольцов командируется в Смоленск для съемок переговоров между Советской Россией и независимой в то время Украиной. Затем эти переговоры переносятся в Киев, что очень обрадовало Кольцова, поскольку это дало ему возможность встретиться с родителями и братом.

И вот Кольцов в городе своего рождения. Какой контраст между столицами соседних государств. После суровой Москвы под властью диктатуры пролетариата, оживленный, благоденствующий Киев — столица гетманской «державы» под надежным покровительством германской армии. Полная свобода торговли и такая же полная свобода печати: десятки газет, журналов, не зависящие ни от какой цензуры. Какой простор для журналиста! И как не высказать в этих условиях свои впечатления о большевистских порядках. Так появляются в газетах «Киевское эхо», «Вечер» и других статьи и очерки Кольцова. Он пишет также на разные международные темы, публикует репортаж о своем смелом проникновении в петлюровский лагерь и многое другое. Он увлечен возможностью писать свободно и раскованно, без оглядки на большевистскую цензуру. В этих очерках и статьях нет ничего, направленного непосредственно против советской власти, он пишет только о творимых безобразиях и жестокостях, совершаемых от имени этой власти. Ему не приходит в голову, что в будущем эти очерки и статьи станут одним из пунктов его обвинения в антисоветских преступлениях. Вот некоторые из этих материалов, найденных и заботливо подшитых карательными органами в «Дело» Кольцова.

«НИКАКИХ ДВАДЦАТЬ»

1

Каждый день с неизменной и жуткой аккуратностью отдел происшествий всех газет автоматически выбрасывает очередные строки:

«На мусорных свалках Межигорской ул. найдены трупы 3-х

студентов, убийца не розыскан».

«В паштетной Петрова во время ножевой драки убит некий Александров. Убийцы скрылись».

«В квартиру Рябушевой по Лукьяновской ул. ворвались вооруженные грабители, которые связали хозяйку, отобрали деньги и драгоценности и скрылись».

«На Александровском спуске ограблен на 15 000 рублей купец Матусов».

«Отобрали», «Ограбили», «Нанесли удары»…

И почти всегда — «скрылись»…

Почему — «скрылись»? Неужели киевские бандиты и убийцы неуловимы?

Если враги нашего спокойствия, наших жизней и кошельков так неуловимы и недосягаемы, нельзя их застигнуть «духовно» или, так сказать, психологически.

Кто этот холодный и настойчивый враг, так нагло врывающийся в наши квартиры, хватающий на улице за горло, прилежно сваливающий наши безгласные трупы на свалки и морги?

Где его лицо? Его разбойничьи берлоги? Социальное положение? Имя?..

Совершенно ясно и неоспоримо. «Никаких двадцать». Так зовут того, кто заставляет нас высиживать зимние вечера дома.

2

В старые времена для «преступного элемента» в каждом городе имелись особые кварталы.

В Петербурге — Обводный канал, в Москве — Хитровка, в Одессе — Молдаванка и Гавань, в Киеве — Зверинец. Собственно, ни одна из указанных частей города не добивалась высокой чести быть метрополией пьяниц и воров. Возлагалось на них это назначение обыкновенно волей и привычками городского обывателя, любящего во всем порядок: господа в смокингах на Кузнецком, бродяги — на Хитровке.

Теперь не надо ездить и искать преступников и убийц в их кварталах.

Выйдите на главную улицу, пройдитесь по Крещатику. Ваш враг с Вами. Он проходит мимо Вас рядом с Вашим плечом.

Он сидит рядом в трамвае, обгоняет Вас на извозчике.

Загляните в кафе. Он занял все столики. Вам негде сесть. Он любезничает с продавщицей, он шумит, в ресторане он богат и научился щедро давать на чай.

Приходите в театр, он и тут. Он наполнил верхние ярусы, опускается на нижние, уже готов волной захлестнуть партер.

Вы хотите его узнать. Это довольно трудно. По одежде он одет не хуже Вас.

Его не легко отличить, он не хуже нас с Вами. Пока он молчит. Но вот он заговорил. А раньше… Яшка не дрейфь… Пустил я ему юшку из носа… Манька деньги забрала, халера… Вроде Володи… Пошли хлопцы в миниатюр… Никаких двадцать… И уже перед нами лицо его низколобое и неподвижное, тяжелая скуластая маска. Холодные, пронизывающие и вместе с тем незрячие глаза.

Он ходит между нами и говорит и ругается без стеснения. Чего ему бояться. Он сам и его словечки даже в моде.

А раньше…

Что это значит? Ничего. Бессмысленное сочетание бессмысленных слов. Но оно гуляет по всем улицам, громко раздается в кинематографах и паштетных. Звенит у нас в ушах повсюду. Глухое мычание городского дикаря. Пьяная отрыжка уличной черни.

Никаких двадцать.

Раньше он был неприхотлив. Косушка водки и сушеная вобла.

Теперь у него появились привычки и вкусы, требования к жизни. Помилуй Бог, какие строгие. Он создал целый кодекс для содержателей ресторанов и публичных домов. Он диктует свои желания захудалым кинематографам и уличным издателям.

Он любит дымные и жаркие паштетные за Думой. Там подают пригорелые крепкие шашлыки и дешевое хмельное вино. Оркестрион играет «Как цветок душистый» или «Время изменится». Официантка Настя, опершись о столик, устало считает марки, а сам «Никаких двадцать» мечтательно вглядывается в запотевшее окно и обдумывает очередную встречу с буржуем на Андреевском спуске.

Он очень любит кинематограф. Густая толпа переполняет электро-театры на Б. Васильковской, где дирекция с неизменной щедростью, «не щадя затрат», ставит мордобойные детективные драмы.

«Никаких двадцать» уже привык и к театру. К своему, конечно. Он не ходит еще к «Соловцеву», но и наивная нелепая «собачья комедия», на Подоле, где показывали «Козу» и «Голову Гришки Распутина», больше не удовлетворяет его. Любимое место его — «миниатюр». Там поют частушки, исполняют несравненное, благоуханное «Яблочко» и услужливо рассказывают анекдоты из еврейского и прочего быта.

Еще развлечения: цирк, желтые печатные листки, женщины. В

цирке «Никаких двадцать» чувствует себя легче всего. Здесь, без всяких отступлений и условностей, делают то, что ему нравится. Клоуны дают друг другу пощечины, бьют ногами по голове, плюют в лицо…

Ни в чем так не сказывается лицо киевской черни, как в ее женщинах и отношении к ним.

«Никаких двадцать» с женщинами горяч, жесток и беспощаден.

Он берет от них, что ему надо, жадно, хищно, по-звериному и платит всегда злом, насмешками, позором и грязью.

Он требует покорности рабьей и молчаливой.

«Дашка, не ломайся…»

А последние счеты с любимым существом подводит на Лукьяновских пустырях, обогащая высокую груду трупов в университетском морге.

Итак, он гуляет между нами, спокойный и уверенный, наглый и требовательный, как у себя дома.

Мы привыкли к нему, миримся, спокойно и почти равнодушно слушаем за ухом его «Никаких двадцать» и «а раньше», не протестуем.

Мы не думаем бороться с ним, все так, в порядке вещей…

А ведь он, этот большой «Никаких двадцать», — самое страшное в нашей жизни.

Это он за пятнадцать месяцев утопил Россию в крови и слезах.

И взбунтовавшиеся солдаты, и рабочие, и крестьяне — все это войдет в свои берега, все скоро вернется к порядку и труду.

Городская чернь — никогда.

Пока она существует, она будет опасна и при всех режимах и при всех правопорядках.

У большевиков «Никаких двадцать» служил в комиссарах. Носил фронтовой френч. Беспощадно расстреливая буржуев, носил золотые кольца на всех десяти пальцах заскорузлых рук.

У «самостийников» он был не менее свиреп, подстерегая и старательно уничтожая сторонников ненужной ориентации.

В эпоху реакции он будет усердно служить в «союзе», устраивать погромы и топтать изнасилованных девушек тяжелыми сапогами.

Для нас, «жителей» и «обывателей», он опаснее всяких диктатур, ибо он сам диктатура и сам террор, причем террор постоянный, не страдающий от политической погоды и перемены режимов.

Те же грабежи и убийства, о которых мы читаем петитом в городской хронике — только маленькое временное занятие, он

отдыхает теперь, ненасытный «Никаких двадцать». Отдыхает и растет, все увеличиваясь в размерах среди соблазнов и удовольствий нашего жутко веселого житья. Он гуляет между нами, не обращая на нас никакого внимания… Но пусть, на горе нам, прорвется какая-нибудь плотина, сломается что-нибудь в непрочных механизмах, охраняющих наши тела и спокойствие, и опять мы увидим у своих лиц близко-близко озверелую маску городского дикаря, горилл в пиджаке, необузданной и дикой черни.

Газета «Вечер», 6.12. 1918 г.

…Жизнь в Киеве бьет ключом. Здесь полно петроградских друзей и знакомых. Сюда из Москвы и Петрограда хлынула волна журналистов, писателей, артистов, тех кого не прельщало голодное существование под бдительным оком ЧК. Кольцов общается со старыми киевскими друзьями Ефимом Зозулей, Александром Дейчем, приобретает новых друзей — приехавших из Петрограда поэта Александра Вознесенского и его жену Веру Юреневу, широко известную в стране драматическую актрису. И так случилось, что Вера Леонидовна здесь, в Киеве, оставила Вознесенского и стала женой двадцатилетнего Кольцова.

Кольцов целиком втягивается в жизнь и быт Киева, где он свободно занимается литературным творчеством, общается с добрыми друзьями, испытывает радость близости с любимой и любящей женщиной. Чем-то очень далеким и чужим становится ему все, что связано с Москвой. И в его голове складывается образ призрачной и недолговечной власти, подобной легендарному Китежу. В литературно-художественном журнале «Куранты», редактируемом Александром Дейчем, появляется чрезвычайно выразительный очерк Кольцова — «Красный Китеж». Олицетворение ирреальности возникшего на российских просторах советского строя Кольцов видит в сложной личности Льва Троцкого.

КРАСНЫЙ КИТЕЖ
Троцкий

1

У Намюра тяжело ухают пушки. Валлония и Фландрия распростерты в пыли и крови. Воины Бельгии, Тили Уленшпигли двадцатого столетия, в серых кепи и с вещевыми мешками, устало отодвигаются вглубь к Антверпену. Париж молчит, только

осенние деревья в Венсенском парке тяжело шумят. В Cafe de la Paix — грохот выстрела и падающего тела. Это Жан Жорес склонился простреленной широкой старой грудью на мраморный столик. Первый и последний пацифист «великой войны».

На бульварах жутко громят немецкие магазины. В палате жужжит оппозиция. Иностранные корреспонденты покупают у уличных гаврошей ворохи вечерних газет и шлют длинные срочные телеграммы.

Русские журналисты тоже мобилизованы. Длинные, тоскливые, как изгнание евреев из Иерусалима, эмигрантские споры стали жарче и мучительнее. Свободное от споров, митингов и политических резолюций время все взрослое население русской колонии в Париже тратит на писание корреспонденций и впечатлений. Горы впечатлений! Дождь из впечатлений! Заказные пакеты везут впечатления парижских изгоев в русские газеты.

Лучше всех впечатления у Антида Ото. Умнее всех статьи у Антида Ото. Содержательнее всех корреспонденции у Антида Ото. Они растекаются широкими и красноречивыми фельетонами на столбцах «Киевской мысли» и «Одесских новостей». Читатели от Могилева до Евпатории зачитываются Антидом Ото. Они видят наяву, в пестрых и ловко сделанных картинках, в умелых характеристиках и сравнениях, всю великую борьбу на Западе. Они ясно представляют себе, как кипит портовая жизнь в Марселе, как умирают люди на Марне, как волки когтят в горах альпийских стрелков, как маршируют по французским улицам колониальные войска.

А сам Антид Ото в это время колесит по всей Франции, перескакивает с поезда на поезд. Для своей газеты он повсюду успевает побывать — этот быстрый и обходительный журналист с парламентской бородкой и ловкими движениями. В Булони и в Кале, во Фландрии и в Вогезах, на артиллерийских заводах и в мастерских для искусственных носов. Антид Ото предприимчив и наблюдателен.

Вот госпиталь в великосветском отеле на Елисейских полях. Антид Ото улыбчиво следит за тем, как «аристократка, дочь генерала республиканской гвардии, величественная блондинка г-жа Н., не дрогнув, выполняет самые щекотливые обязанности инфимьерки, делает солдатам желудочные промывания и, держа в руке сосуд, сохраняет grand air de dignite[2], точно героиня классической трагедии Расина». Ему нравится и профессиональная сиделка Леони, корсиканка, очень красивая мужественной красотой. Надеть ей на голову фригийский колпак, и она могла бы быть образом республики…

А вот «молодой араб, которого вначале сильно лихорадило, и

к нему на ночь посадили наедине одну из великосветских сестер. На другое утро она решительно отказалась продолжать этот опыт. Пришлось посадить англичанина-санитара, бывшего циркового атлета, а предприимчивому арабу тубиб (врачиха) погрозила пальцем…»

А вот красивое пятно. «Смуглые головы в тюрбанах торчат изо всех окон и дверей. Форма хаки ярче подчеркивает экзотический тип азиатских солдат, призванных спасать французское побережье от немецкого нашествия…»

А вот англичане у Булони. «Почти из-под каждого синего зонтика наряду с фигурой торговки торчат спина и две крепкие ноги цвета хаки. Вдоль колючей проволоки раздается возбужденное взвизгивание. Несколько десятков шагов по шоссе, и я убеждаюсь, что Булонь выслала на эти передовые позиции цвет своего женского сословия. Но с другой стороны и англо-саксонская раса представлена здесь как нельзя лучше. Ни следа так называемой английской флегматичности…»

А вот те же англичане играют в футбол. «Англичане мигом сделали стойку и вонзились глазами в мяч. Р-ррраз! Капрал хватил по мячу носком…»

«Р-ррраз!» — кричит и Антид Ото за футболистами. Ему нравится спорт, спортсмены и спорт на войне. Передавая панегирическую биографию Джона Дентона Пинкстона Френча, «члена знаменитой семьи графства Гальвей, провинции Коннаут», он с увлечением рассказывает, как Френч под бурскими снарядами не моргнув глазом рассуждал с военным корреспондентом о плохом освещении, мешавшем делать фотографические снимки. В этой кокетливой генеральской браваде Антид Ото видит «военачальника, скрывающегося за лихим спортсменом, за смельчаком, верящим в свою звезду…»

Острое, красивое нравится ему. Он тоскует по интересным жестам и значительным фактам. Он чопорно приподнимает плюшевую эмигрантскую шляпу перед постелью старого капитана, который умирая, посылает на смерть двух своих сыновей, но гораздо больше нравится ему маршал Жоффр, который «прибыл домой на Рождество в штатском платье, простой, как всегда. Никто не скажет, что в его руках судьба Франции. Но зато он помолодел на 10 лет, уверяю вас…»

Его тоскливому, неуемному, как сухая губка, честолюбию, которое порой палящим жаром прет из строки, нужны новые атрибуты. Останавливаясь где-то на биографии Гаврилы Принципа, застрелившего Фердинанда Австрийского, он полупрезрительно замечает, что эпоха «пистолетных героев» уходит в прошлое.

Ему нужен новый крепкий двенадцатидюймовый железобетонный героизм. И он ждет этого, путешествующий фельетонист с беспокойной бородкой.

2

На белой дубовой двери — старая круглая жестянка: «Классная дама». И новенький, наскоро состряпанный плакат: «Комиссариат военных дел П. Т. К.[3]»

Где прежняя жиличка высокой строгой комнаты с целомудренно выбеленными стенами и широкими окнами на Неву? Уехала вместе со своими питомцами в Новочеркасск или где-нибудь в Елабуге отдыхает от петроградских ужасов и страстей?

Новые люди в Смольном.

У стены подле входа в «военный комиссариат» — тесное кольцо солдат, матросов, штатских. Лица у всех — безучастные, окаменевшие, серые от усталости и бессонницы. Но глазами все едят комиссара по военным делам.

Народному комиссару — не впервые. Он привык выдерживать взгляд толпы. А как должно быть трудно выдерживать его на себе — благоговейный и испытующий, молящий и недоверчивый взгляд!

Троцкий привык. Он и сам каждую минуту в наступлении. Неторопливо шевелит тонкими губами и одновременно пощупывает глазами лица собеседников. Тайный вызов: Верите? Боитесь?

Солдатам Троцкий чужд, нов и интересен. Таких они еще не видали. Подвойские и Мураловы, Зорины и Дыбенки — все свои, понятные, взнесенные на высоту стихийной красной волной, выброшенные из недр революции, из ее кроваво-огненного нутра. Лениных и Бонч-Бруевичей они тоже знают — многоречивые интеллигенты, «учителя» в «спинжаках» давно ходят в народ и плохо-ли, хорошо-ли — знакомы с ним. Такие, как Троцкий, еще не являлись…

Он пришел извне, снаружи. Пришел к революции, а не вышел из нее. Не русский и не иностранец. Как будто, еврей, но нет — кажется, не еврей.

Со своего лица, резко семитического, он смел все национальное, все личное, свое. В умных злых еврейских глазах поселил пустоту. От курчавой бородки оставил только один мефистофельский клок — старый знак международных авантюристов.

Он космополит. Он играет в общечеловечность. В этом его выигрыш. Русским людям чужд интернационализм. Во всей русской литературе нет ни одного героя-интернационалиста. И десятки космополитов — людей без отечества.

Солдаты свергли Николая, своего знакомого. Свергли Керенского, своего. А поставили себе — чужого интернационального человека с пустыми глазами и трагическим клочком на подбородке.

Они любят Троцкого. И его глаза. И его голос — пронзительный, скрипучий, скребущий гвоздем по стеклу.

Когда Троцкий говорит, это вулкан, изрыгающий ледяные глыбы. Это Анатома[4], пришедший мириться с людьми. Что он им, умный, отважно-находчивый еврей, этим славянам, неожиданно сырым, лесным, скифам?

Чужое — дорого. Они верят Троцкому. Он им нужен. Он даст хлеба и мир.

…Солдаты не читали статей и фельетонов Троцкого, они не знают, что Троцкий обманул их.

Что он не всечеловеческий, а свой, из Бахмута или Елисаветграда. Что он не вулкан, а хороший фельетонист. Они не знают Троцкого — газетного, сначала умеренно-пылкого автора «Писем» в меньшевистской «Искре». Потом изящного, речистого, с хорошими манерами Антида Ото из «Киевской мысли» и «Одесских новостей». Того, который был удобен и портативен. И свободно укладывался в нижний фельетон «Киевской Мысли». Который не старался дышать лавой, а был очень мил и разговорчив, и не было у него в глазах вселенской пустоты, этого веселого Троцкого — фельетониста.

Вообще, они разнятся характером. Троцкий — революционер и Троцкий — фельетонист. Иногда они даже мешают друг другу.

Бывает, что Троцкий — фельетонист нескромен в отношении Троцкого — революционера.

Недавно в «Известиях» Троцкий гневно осуждал и упрекал всех тех, кто «не хочет уйти в историю» с трагической печатью Робеспьера. Это не по-товарищески. Если Троцкий — революционер жаждет «трагической печати Робеспьера», то зачем Троцкому — фельетонисту об этом разбалтывать.

Ведь от Троцкого — революционера ждали не трагической печати, а мира и хлеба.

Журнал «Куранты», Киев, 1918 г.

…Период германской оккупации Украины подходит к концу. Успешно начавшееся осенью 1918 года наступление немцев на Париж закончилось поражением германских войск. Первая

мировая война проиграна немцами. Результат этого — ноябрьская революция в Германии и бегство кайзера в Голландию. Немцам уже не до Украины. Германские войска уходят из Киева, прихватив с собою и «Гетмана всея Украины». В фельетоне под кратким названием «Немцы» Михаил Кольцов по существу как непосредственный наблюдатель подводит итог германской оккупации. Это одновременно и серьезный политический обзор, и острый сатирический памфлет.

НЕМЦЫ

Если вам нечего делать и вы любите историю, купите в писчебумажном магазине интересную фотографию «Гетман всея Украины в гостях у императора Вильгельма». Теперь это очень дешево.

Они стоя рядом на крыльце императорского замка. Гогенцоллерн слегка опирается на балюстраду, спокойный, немного усталый, будничный и томный в обманчивом сознании своего величия. Руки в карманах, глаза небрежно позируют придворному фотографу — глаза мужчины и крупного игрока, педанта, любителя лошадей и женщин.

Гетман всея Украины смотрит немецкому императору прямо в рот. Вся фигура в струнку, каблуки крепко сомкнуты. На дорогой тонкой черкеске — ни одной лишней складки. Холеное, с широкими белыми бровями, лицо напряжено и улыбается. Пальцы сжимают портупею шашки. Выправка!

На втором плане — клевреты. Германские квартирмейстеры и гетманские господари. Сверкают колонны, пышно цветут пальмы в кадках…

Мы теперь не историки и не собираем старых ненужных открыток. Властные и неробкие руки свалили скоропадский режим в просторную политическую корзину, где уже лежат пестрой грудой Керенские и Корниловы, правительства, кабинеты и диктаторы. Неудачливый гетман займет в летописи наших несчастий не страницу, а всего несколько строк, да и то — петитом, да и то — в подстрочных примечаниях. Восемнадцатый год напомнит Украине не гетмана, а — немцев.

Германские зарядные ящики и походные кухни впервые загромыхали по киевским мостовым 21 февраля. Большевики уходили через Дарницу, освещая заревом пожаров быстрый путь свой. На улицах потрескивали редкие выстрелы. Это вновь пришедшие расправлялись с застрявшими в городе. Мокрая вьюга стлалась над городом. Жители молчали и ждали.

Немцы пришли с реформами. Они начали реформы с вокзала.

Тридцать нанятых германским командованием баб три дня сряду скребли, мыли и чистили темный, грязный, испакощенный киевский вокзал. Полгорода сбежалось на эту диковинку, полгорода смотрело с удивлением и тревогой на яростную борьбу мыла и щеток с проплеванными черными вокзальными стенами.

Тревога была не напрасна. Немцы взялись за нас всерьез. В ответственные и критические для самой Германии дни, на пятом году великой войны, под грохот пушек-колоссаль и скрежет танков, они не удержались от соблазна любимого занятия и, засучив рукава, принялись отмывать Украину.

Чистили вокзалы, улицы, сады, дома, людей и животных. Мыли тротуары, чистили мостовые, устраивали скверы, строили ограды, бараки, мосты, садовые скамейки. С остервенелым упоением прибивали вывески, плакаты, надписи, номера.

Мыли и скребли старательно, жестоко и бездушно. С лица усталой измученной страны мутным ручьем вместе с пылью и грязью стекала кровь.

Кажется, немцы хотели добра Украине. Кажется, они хотели сделать из нее Европу. Кажется, Германии нужно было обзавестись культурной союзницей. И растрепанную всклокоченную хохлацкую голову смешно стригли и причесывали а'ля центральная европейская держава.

Были в середине лета такие дни и недели, когда немецкая работа казалась уже не напрасной. Уверенно-упрямые и торопливые германские парикмахеры начали обретать успех. Из приготовительного класса немецкой культуры вымытый и вычищенный Киев стал переходить в первый.

Уже на смену чистильщикам и метельщикам приехали из Берлина новые мастера. Появились германские и австрийские антрепренеры, переводчики немецких пьес, заведующие «Кунст-пропаганд» на Украине, мюнхенские издатели, франкфуртские кинематографисты и лейпцигские профессора без определенных занятий.

Уж — чудо из чудес! — старый, равнодушный, лукавый Киев стал менять свое лицо и наводить на себя новое, какое-то робко-западное. Уже появилось на улицах что-то от Страсбурга, от Кельна или Будапешта. Уже явились немецкие магазины, «Бир вом фасс», киоски и вывески. В еловцовском театре веселилась и делала сборы венская оперетка, уже сидели в кафе «Эльдорадо» немецкие кокотки с белыми шеями и длинными крепкими ногами, уже лейтенанты, возвращаясь в полночь нетвердыми ногами, чувствовали себя почти на родине.

Русский революционер Борис Донской дополнил последнюю деталь в общей картине. Он убил германского наместника

Эйхгорна. Бессильный жест мести и отчаянья, то, что делают сербы в Боснии, индусы в Бенаресе, многочисленные фанатики во всех оккупированных и аннексированных землях.

И когда торжественная огромная процессия с телом фельдмаршала медленно и тяжело двигалась через вечерний притихший Киев, когда за колесницей при свете факелов шли немецкие легионы, казалось, что это — конец, что через труп своего генерала Германия твердой пятой ступила на Украину, что это, если не навсегда, то надолго, как в Эльзасе или в Галиции…

Все вышло не так. Необъятное величие империи германской, раздувшись угрожающим жутким пузырем, вдруг лопнуло и растеклось красной горячей жижей восстаний, криков, митингов и социалистических штыков. Жутко закачавшись, каменный императорский истукан беззвучно свалился в пропасть. А за ним свалились и все громоздкие затеи империалистической Германии. Немцам пришла пора самим почиститься — где тут отмывать Украину?

Они стихли. Они замолчали, одиноко и осторожно бродят по улицам уже не своего Киева. Они по-прежнему вежливы и аккуратны, но уже угрюмы и бездеятельны. На ночь они запираются. У них совдеп и они хотят на родину.

Директория открыла для них железную дорогу. Через месяц германских солдат уже не будет на Украине. Мы проводим их молчанием. Не будет приветственных прощальных кликов — хмуро и неприветливо гостили немцы у нас. Но не будет и поношений — ведь отбирая одной рукой хлеб, оккупанты другой вооруженной рукой защищали наши дома и кошельки, охраняли запоры и стерегли наш спокойный сон на тихих улицах.

Мы обещаем только одно: что долго будем помнить их.

«Свободные мысли», 23 декабря 1918 г.

Кольцова не могла не волновать информация, поступавшая из Советской России. Эта информация, в основном, приходила от людей, которым удалось бежать из страны, находившейся под властью большевиков. Под влиянием их рассказов и своих личных впечатлений Кольцов пишет очерк-размышление «Семь Петербургов». На этом «эссе» лежит отпечаток растерянности и смятения, которые в тогда царили в Киеве. Надо вспомнить обстановку в городе после бегства гетмана, возвращения Петлюры и возможного прихода большевиков. И не удивительно, что размышления Кольцова обратились к покинутому им Петербургу, некогда блестящей столице огромной империи, а ныне — опустевшему, голодному, скованному страхом городу.

СЕМЬ ПЕТЕРБУРГОВ

Было несколько Петербургов и все разные.

Петербург Невского проспекта. Шумный, гудящий, плоский. Он сдержанно дышал с десяти утра до десяти вечера. Лошади четко выбивали историю своей жизни на деревянных торцах мостовой. Трамваи с трусливым скрежетом цеплялись железными руками за проволоку наверху. Вечером густой несчастной вереницей выходили проститутки соперничать яркостью губ с папиросными красавицами на больших плакатах. Одинокие люди наклонялись к незнакомым женщинам и со значительными лицами говорили неумные вещи. Из подъезда Николаевского вокзала выходили перепуганные приезжие и кланялись конному истукану предпоследнего царя. Посередине улицы шли манифестации людей, прославлявших Сильнейшего.

Этот Петербург Невского проспекта одно время называли Петроградом. Хорошее название для него!

Были еще Петербурги. Петербург Выборгской стороны и Охты — потный, измученный и закопченный город. Город гудков, железных балок и ругательств.

Петербург Васильевского острова — крепкий и грубоватый, немного провинциальный. Там водились в изобилии французские булки, мелкие чиновники с протертыми тужурками, твердолобые профессора, предпочитающие проверенные теории необоснованным гипотезам, и много-много студентов, отдававших симпатии этим самым презренным гипотезам.

Петербург Троицкой улицы. Модисток и дамских парикмахеров. Бесчисленных мадам Ольга, Анет, институтов красоты и перчаточных магазинов. Здесь бродили тихие и строгие модницы в узких юбках и с крашеными губами. Здесь торговали накладными косами, вставными челюстями и духами из Парижа. Здесь стоит большой и сонный дом Толстого с гулким проходным двором, по которому ходят на цыпочках…

Петербург Кирочной и Сергиевской улиц. Тихий, как губернаторская приемная с шуршанием шелковых платьев и автомобильных шин…

Петербург Летнего сада и всех больших и маленьких садов и парков, где от десяти до часу дежурили няньки и младенцы, от часу до трех — гвардейцы и дочери инженеров, а от пяти до семи — неудачные самоубийцы…

Петербург Садовой улицы — с лабазниками, грязными фартуками, меняльными конторами и суетой на мокрых тротуарах…

Их было много, чужих, непохожих маленьких городов, так

цепко слитых в одно и проросших насквозь друг друга. И было любо перебегать в Петербурге из одного города в другой, с одной улицы на другую и преображаться новой жизнью в этом сложном клубке суетного, интересного несчастного города.

…Мы много воевали, потом стали ходить с красными флагами, и кричали, и радовались, и стреляли в друг друга. А все семь Петербургов вдруг сразу быстро и жутко стали умирать.

Сначала замер, притих Петербург Кирочной улицы. Его квартиры опустели, автомобили его обитателей забыли дорогу к Кюба и на Стрелку и стали ездить по другим, совершенно новым дорогам.

Поперхнулись и как-то сразу умолкли гудки на Выборгской стороне, и фабричный Петербург тоже тихо и бесславно умер. А за ним чередой ушли в прошлое и прочие Петербурги.

Теперь в октябре, к годовщине Третьей Революции, совсем мало осталось от семи старых Петербургов. Честным паломником я посетил руины.

Они перемерли почти все семь… Невский проспект долго не хотел сдаваться. В черных впадинах закрывшихся хлебных лавок он поселил магазины «восточных сладостей». Предприимчивые фанариоты совали в голодные петроградские рты рахат-лукум и халву. Потом сладкие греки сразу исчезли, как дым, и на их местах водворились комиссионные конторы. Петербуржцы распродавали свой скарб… Теперь только мертвые лошади, распростертые на мостовой, вперяют холодный взгляд в «комиссионные» выставки.

Летний сад остался. Он решил держаться до конца, упрямый старичок! Младенцы с няньками остались, хотя младенцы стали похожи на старичков, а няньки — на великомучениц. Гвардейцев Летний сад заменил красногвардейцами. Неудачные самоубийцы остались. Их стало гораздо больше — разве жить в Петербурге не значит теперь медленно и неудачливо самоистребляться?

Как странно! Троицкая улица осталась жива. Я видел — там еще хлопают двери. В окнах модных магазинов видны живые лица. Тонкие фигуры в высоких сапожках перебегают из парикмахерских в корсетные. Троицкая решила во что бы то ни стало красить губы!

…На мертвом Васильевском острове в пустом баронском особняке, как на острове, спаслись петербургские писатели. Их несколько человек, они спасаются здесь, кто от голода, кто от социалистической тюрьмы. Они ничего не пишут, долго расхаживают по паркету зал, курят папиросы и считают свои шаги. И время от времени кто-нибудь подходит к окну, смотрит на бесплодную улицу и улыбается…

О Петербурге в последнее время пишут много и страшно. Бывшую столицу изображают мертвым телом, гнилым трупом с глазами на выкате. Но он еще не умер, старый Петербург. По его бледным губам блуждает улыбка такая, как у усталых писателей на Васильевском острове.

Скорей, скорей! Пусть угаснет и эта улыбка, пусть рухнут руины семи старых Петербургов, похоронят под собой нынешних своих властителей и пусть на обломках встанет новый громкий и пестрый город с новой человеческой борьбой, новой суетой, побежденными и победителями.

«Вечерняя жизнь», 3 января 1919 г.

Как я уже упоминал, фельетоны «Жалость», «Китайские будни» и «Никаких двадцать» приведены мною из «Дела» Кольцова. Всего в «Деле» подшито в качестве своеобразного «приложения» десять фельетонов и очерков. Им предшествует следующий документ:

СОВ. СЕКРЕТНО

Зам. нач. ГУГБ НКВД СССР Комиссару государственной безопасности 3-го ранга тов. КОБУЛОВУ Б.З.

Направляю Вам копии антисоветских по содержанию статей М. Кольцова из газет «Киевское эхо» и «Вечер», обнаруженные в материалах Центрального архивного управления.

Газеты «Киевское эхо» и «Вечер» издавались в Киеве в 1918 г. при гетмане и Деникине.

Ст. лейтенант Павлычев.

Из этих десяти фельетонов только три вышеприведенные могут претендовать на роль антисоветских. Остальные — это чисто сатирические или чисто юмористические произведения, никоим образом не связанные с советской властью.

Видимо, очерки и фельетоны Кольцова, опубликованные в других киевских печатных изданиях в 1918–1919 годах, органы НКВД не смогли найти, а может быть просто не знали об их существовании.

В Киев триумфально входят отряды Симона Петлюры. Но их пребывание в Киеве оказывается весьма непродолжительным.

Большинство деятелей культуры, нашедших себе убежище от большевиков в гетманской Украине, покинули Киев одновременно с уходом немцев и падением режима Скоропадского. Кольцов и Юренева остаются в Киеве. Кольцов, естественно, нигде не печатается, большинство журналов и газет, выходивших раньше, перестали существовать, а Юренева продолжает работать в театре Соловцова. Для характеристики

атмосферы этого периода припоминается такой эпизод. Как-то Кольцов с братом возвращались вечером домой, у самого дома их остановил петлюровский патруль и потребовал документы. Кольцов смог предъявить только выданное ему удостоверение из Скобелевского комитета за подписью Луначарского. Бегло посмотрев на выданный в Москве документ, «гайдамаки» поставили обоих братьев к стенке. И с матерной руганью стали снимать с плеч винтовки. Жизнь братьев висела на волоске, но, к счастью, в эту минуту из ворот дома, где они жили, выглянул дворник Григорий.

— Что ж вы робите? — завопил он. — Це ж хлопцы из нашего дома, с двадцать первой квартиры. Студенты!

Петлюровцы заколебались. И в эту минуту из-за угла выехал извозчике какими-то седоками. Петлюровцы бросились ему наперерез, видимо увидев более интересный объект.

А вскоре происходит очередная смена властей в многострадальном городе — почти без боя петлюровцы уходят из Киева, вытесненные красными партизанами, под предводительством Щорса и Боженко. Киев стал столицей так называемой второй Украинской советской республики. Советские власти на этот раз резко отличались от оголтелых большевистских отрядов, вошедших в Киев в феврале 1918 года и чинивших в городе кровавые расправы. На этот раз советская власть носила более цивилизованный характер, хотя, надо сказать, ЧК свое «дело делала»… Во главе правительства стал видный деятель международного коммунистического движения Христиан Ваковский, кстати сказать, недавно возглавлявший советскую делегацию на мирных переговорах, на которые Кольцов был командирован Скобелевским комитетом. В Киеве устанавливается внешний порядок, снова открываются театры и всевозможные студии, выходят газеты. Кольцов возвращается к своей журналистской деятельности. Его очерки и фельетоны публикуются в газетах и журналах, а вскоре он становится и «номенклатурным работником».

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего, т. Михаил Кольцов состоит врид. редактора газеты «КРАСНАЯ АРМИЯ» — органа Политуправления XII Армии, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Редакция просит всех лиц и учреждения, к коим т. Кольцов будет обращаться по делам газеты, оказывать ему полное содействие.

17 сентября 1919 г.

Похоже на то, что советская власть утвердилась в Киеве прочно и окончательно.

Но гражданская война вносит свои коррективы. На Киев надвигается Добровольческая армия, возглавляемая генералом А. И. Деникиным. Части Красной армии под напором противника отступают. Все советские организации эвакуируются из Киева. Вместе с политуправлением покидает город Кольцов и с ним Юренева. Они уезжают в Петроград. Здесь Кольцов становится сотрудником НКИД, где работает в отделе печати. Одновременно его фельетоны и очерки появляются на страницах «Правды». Вот документ того времени:

МАНДАТ

Настоящий мандат выдан тов. Михаилу Ефимовичу КОЛЬЦОВУ в том, что он является корреспондентом газ. «Правда» на Западном и Юго-Западном фронтах. Все военные и гражданские власти и партийные организации просим оказывать тов. КОЛЬЦОВУ всемерное содействие в деле получения необходимых материалов, отправки их и передачи по телеграфу и телефону в Москву.

За Заведующего редакцией

А. Дивильковский 2 июля 1920 г.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гражданская война закончилась. Но вот, в начале марта 1921 года на весь мир прогремело известие о восстании против советской власти в Кронштадте. Военный гарнизон крепости и моряки броненосцев «Петропавловск», «Севастополь» и «Республика», те самые, которые в октябре 1917-го активно способствовали приходу большевиков к власти, теперь выступили под лозунгами: «Советы без большевиков!», «Свободу слова и печати для левых партий!» и др. В Кронштадте создается «Временный революционный комитет». Причиной восстания, несомненно, стало недовольство ухудшением продовольственного положения рабочих, тяжелой для крестьян продразверсткой, жестокостями ВЧК. Ленин и Троцкий подписали приказ, объявляющий кронштадтское движение мятежом, организованным руками французской и английской контрразведок и бывшим генералом Козловским. В связи с этим «бывший генерал Козловский и его сподвижники» объявлены вне закона, город Петроград — на осадном положении. А. Н. Козловский, командующий артиллерией Кронштадта, был одним из десятков тысяч военспецев, служивших в Красной армии. Никакого отношения к восстанию он не имел, но он был единственным бывшим генералом в крепости, что дало основание советской пропаганде объявить мятеж делом рук белогвардейцев. 5 марта в Петроград прибыл наркомвоенмор Троцкий, который в 1917 году называл кронштадтских моряков «красой и гордостью русской революции», а теперь объявил их «контрреволюционерами» и приступил к подготовке штурма Кронштадта. В эти же дни, на собравшемся съезде партии, Ленин заявил, что восстание в Кронштадте опаснее для большевистской власти, чем Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые. Не трудно понять, что фельетонист петроградской «Красной газеты» Михаил Кольцов выступал в печати в соответствии с этими установками, а также принимал непосредственное участие в штурме Кронштадта, когда шел по льду Финского залива вместе с делегатами X партийного съезда. (Среди них, между прочим, был и писатель Александр Фадеев.) Впоследствии Кольцов вспоминал:

«…В морозной мгле, при свечке, колеблемой ледяным вихрем, в ораниенбаумском домишке без крыши, сорванной снарядом, под гром десятидюймовых чудовищ верстал номер „Красного Кронштадта“, чтобы через два часа выбросить с первыми ротами в захваченную крепость».

«Утро в Кронштадте» — так назывался фельетон, написанный

Кольцовым «при свечке, колеблемой ледяным вихрем» и напечатанный в первом номере газеты «Красный Кронштадт». Фельетон этот заканчивался следующими строчками:

«На днях, когда Кронштадтом еще владели белогвардейцы и их господа из английской разведки, я напечатал в „Красной газете“ открытое письмо генералу Козловскому, назначая ему скорое свидание в освобожденном Кронштадте. Мы прибыли на место встречи, но его превосходительства, увы, здесь не оказалось. Куда вы скрылись, почтенный генерал?»

Мне рассказывал дед, что в 1921 году он по приглашению Кольцова побывал в Петрограде:

«— Хочешь съездить в Кронштадт? — спросил меня брат. — Покажу тебе, как было дело.

И вот утро в Кронштадте. Ясное голубое небо. Совсем по-летнему светит солнце. Мы прибыли сюда на катере по еще неспокойным балтийским волнам. Мы ходим с Кольцовым по улицам Кронштадта мимо массивных, еще покрытых пороховой копотью крепостных сооружений, фортов, казематов. Брат рассказывает, показывает, вспоминает:

— Вот здесь мы поднялись на борт восставшего против Советской власти и сдавшегося дредноута. Корабль был весь в снегу. Люди на нем окоченели. Не от мороза — от страха. Они смотрели на нас исподлобья, ждали своей участи… Оказалось, между прочим, что главные орудия, направленные на Петроград, были заряжены двенадцатидюймовыми снарядами и приготовлены к обстрелу города. Решили снаряды не вынимать, а разрядить орудия залпом в море. Это был какой-то чудовищный гром — своего рода салют в честь победы.

Мы пошли дальше.

— А вот тут… — сказал брат, останавливаясь у какой-то кирпичной стены, и голос его дрогнул. — Здесь было так. Здесь стояла группа арестованных мятежников. И среди них — пожилой моряк, до ужаса похожий на нашего папу. Такого же роста, в очках, курносый, с такими же пушистыми усами, за которые ты маленьким любил его хватать, а он при этом делал вид, что хочет тебя укусить. Я остановился и с ужасом на него уставился. Он это заметил и как-то слабо, жалобно улыбнулся. Их всех ждал неминуемый расстрел. Не могу этого забыть…».

Вот документ, сохранившийся с того времени:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Уполномоченный Нар. Ком. Иностранных дел и корреспондент «Красной газеты» товарищ КОЛЬЦОВ Михаил, прибыв в район боевого участка Южгруппы

Финского залива, принял деятельное участие в работе Политотдела Южгруппы, срочно организовал газету «Красный Кронштадт», а затем, согласно словесного приказа Начпоюжгруппы, тов. Милейковского остался при Политотделе до 21/111. 21 г., выпустить агитлистовки и инструктировать газету, переданную Кронштадтской Ревтройке.

Зам. Начальника Поюжгруппы Финского залива. 21 марта 1921 г.

С 1922 года Кольцов становится штатным сотрудником «Правды». Он переезжает в Москву. Любопытно, что в характеристике, выданной ему НКИД, отмечается его талант как публициста, но одновременно, в духе той поры, указывается его «недостаток» — он не всегда посещает партийные собрания.

А вот послужной список Кольцова, составленный в НКИД при переходе на новую работу:

1917 г. Сотрудник газет «Известия ВЦИК» и «Вечерняя звезда»

1918 г. Зав. отделом хроники Всероссийского кинокомитета, редактор «Кино-Недели».

1919 г. Зав. отделом хроники Всеукр. кинокомитета. Зав. Театральной секции Наркомвоена. Начальник Культпросвета 12-й Армии. Нач. Культпросвета Интернациональной Бригады. Замредактора газеты «Красная Армия». Секретарь Лит. Издат. Отдела ПУРа.

1920 г. Секретарь тов. Подвойского, Секретарь Уполномоченного НКИД в Одессе. Уполномоченный Академии Генштаба и корреспондент «Правды» на Юго-Западном фронте. Редактор иностранной радиоинформации НАРКОМИНДЕЛА.

1921 г. Зав. информчастью УНКИД в Петрограде. Военный политработник и редактор газеты на Кронштадтском фронте. Член Агиттройки при П.К.Р.К.П.

Сотрудник «Правды», «Изв. ВЦИК», «Красной газеты», «Гудка», «Красн. офицера» и др. сов. и парт. изданий.

Став штатным сотрудником «Правды», Михаил Ефимович из номера в номер публикуется в газете. Но Кольцову этого недостаточно, и он создает новый журнал, редактором которого и становится, — «Огонек». Вот как об этом рассказывает его брат Борис Ефимов, принимавший самое активное участие в появлении этого журнала.

«…С 1-го апреля 1923 года в Москве начал выходить массовый популярный еженедельник „Огонек“, существующий по сей день. Кольцов привлек к сотрудничеству в новом „Огоньке“

целую плеяду известных писателей и поэтов. Нельзя не вспомнить, что в первом номере „Огонька“ было напечатано знаменитое стихотворение Маяковского „Мы не верим“ по поводу опубликования правительственного бюллетеня о болезни В. И. Ленина.

Помню, как в огромной комнате дома по Козицкому переулку, в которой размещались и редакция, и контора нового журнала, толпились сотрудники и авторы. Все ждали, когда из типографии привезут первый номер новорожденного „Огонька“. Прозвучал телефонный звонок. Кольцов схватил трубку, послушал и стал часто моргать глазами, что у него было признаком неудовольствия или озабоченности.

— Новое дело, — сказал он, — звонит Рябинин из типографии и сообщает, что начальник Главлита Мордвинкин не дает разрешения на выпуск журнала. У него нет возражений по содержанию, но он категорически против названия „Огонек“… Мордвинкин… Мордвинкин, — задумчиво повторил Кольцов. — Послушай, — обратился он ко мне. — А не тот ли это Мордвинкин, у которого ты работал в Киеве в Редиздате?

— Если Владимир Юрьевич, то тот, — сказал я, и в моей памяти возникла довольно причудливая фигура с длинной народовольческой шевелюрой, козлиной бородкой и в высоких желтых сапогах.

— Будем надеяться, что тот, — сказал Кольцов, — и тебе дается срочное и ответственное задание: немедленно мчись в Главлит, во что бы то ни стало пробейся к этому Мордвинкину, пробуди в нем героические воспоминания о девятнадцатом годе в Киеве и вырви у него разрешение. Скажешь ему примерно следующее…

— А если он скажет… — начал я, выслушав брата.

— Не будем терять времени, — нетерпеливо перебил Кольцов, — дуй в Главлит, тебе достали мотоцикл.

Не могу сказать, что промчаться по булыжным мостовым, сидя на тряском заднем седле мотоцикла, было большим удовольствием, — и вошел я в Главлит, слегка пошатываясь. Быстро проскочив мимо зазевавшейся секретарши в кабинет начальника, я сразу увидел, что Мордвинкин — „тот самый“. Повторяя про себя инструкции Кольцова, я присел к его заваленному бумагами письменному столу и напористо заговорил:

— Доброго здоровья, Владимир Юрьевич! Если не забыли — девятнадцатый год, Киев, Редиздат, ваш верный секретарь Ефимов. Не мало с тех пор утекло… хе-хе…

Мордвинкин на меня посмотрел исподлобья, поверх очков, и

то, что он пробормотал, можно было с одинаковым успехом принять и за „как же, как же“, и за „какого черта“. Но, согласно инструкции Кольцова, я стал оживленно рассказывать, какие известные писатели и поэты дали согласие сотрудничать в новом журнале и как подобный массовый журнал нужен широкому читателю.

Немного послушав с угрюмым видом, Мордвинкин прервал мою горячую речь, саркастически скривив рот:

— И поэтому вы решили взять для такого журнала название пропперовского публичного дома?!

— Владимир Юрьевич! — возопил я. — О чем вы говорите?! Какой публичный дом?! При чем тут Проппер?! Кто его помнит?! Это будет совершенно новый, советский „Огонек“ с новым, советским содержанием!

— Допустим, — сухо произнес Мордвинкин. — Так почему в таком случае для хорошего советского журнала вы не возьмете хорошее советское название?! Например, „Красная заря“, „Красный восход“, „Советская быль“? Да мало ли! Нет, разрешения на „Огонек“ я не дам.

И он уткнулся в бумаги, давая понять, что разговор окончен. Я представил себе, как будет разочарован и сердит Кольцов тем, что я не справился с его поручением, и страх придал мне новые силы.

— Владимир Юрьевич! — отчаянно заговорил я, — Владимир Юрьевич, а чем, собственно, плохо — „Огонек“? Хорошее теплое, русское слово! Когда хотят похвалить человека, говорят же: „этот человек с огоньком!“, „зайти к приятелю на огонек“, „в маленькой светелке огонек горит“, ей-богу, Владимир Юрьевич, хорошее название, ласковое, приветливое, увидите, оно всем понравится!

Мордвинкин угрюмо молчал, не поднимая глаз, и перебирал свои бумаги. Я уже решил, что моя миссия безнадежно провалилась. Но тут Мордвинкин тяжело вздохнул, как-то укоризненно покачал головой, вынул из ящика стола листок бумаги, что-то на нем написал и протянул мне, сказав с раздражением:

— Вот. Передадите в типографию.

То было главлитовское разрешение № 8195 на выпуск журнала! Так „Огонек“ остался „Огоньком“, начал выходить в свет и действительно скоро завоевал читательское признание».

В журнале охотно приняли участие наиболее интересные авторы того времени: Катаев, Ильф, Петров, Зощенко, Мандельштам, Эренбург, Бабель и многие, многие другие. Можно сказать, что журнал смог охватить практически все стороны политической, экономической и культурной жизни не только

СССР, но и заграницы. Тираж нового журнала возрастал с каждым месяцем.

Еще из воспоминаний Б. Ефимова:

«Как-то Миша мне сказал:

— А знаешь, меня вчера вызывал Сталин.

Имя Сталина тогда еще не вызывало панического страха, и я очень спокойно спросил:

— А в связи с чем?

— А вот, слушай. Очень любопытно…

И вот что он мне рассказал.

Его вызвали в ЦК. Он поднялся на пятый этаж в секретариат Сталина, постучался и был несколько удивлен, что дверь ему открыл сам Сталин. Они прошли в кабинет, сели, и Генеральный секретарь ЦК сказал:

— Товарищ Кольцов, „Огонек“ — неплохой журнал, живой. Но некоторые товарищи, члены ЦК, считают, что в нем замечается определенный сервилизм.

— Сервилизм? — удивился Кольцов. — А в чем это выражается?

— Да, сервилизм. Угодничество. Товарищи члены ЦК говорят, что вы скоро будете печатать, по каким клозетам ходит товарищ Троцкий.

Кольцов, конечно, был в курсе острой конфронтации между Сталиным и Троцким, но такая грубая откровенность его ошеломила. Ведь Троцкий был членом Политбюро ЦК, председателем Реввоенсовета республики, Народным комиссаром по военным и морским делам, виднейшим политическим деятелем страны.

— Товарищ Сталин, — сказал брат, — „Огонек“ — массовый журнал, рассчитанный на широкий круг читателей, и мы думали, что в наши задачи входит рассказывать народу о деятельности его руководителей. И мы давали очерки: „День Калинина“, „День Рыкова“, „День Троцкого“. А недавно мы дали в журнале фотографию окна, через которое в Баку в 1902 году бежал товарищ Сталин, когда полиция нагрянула в организованную им подпольную типографию.

Подозрительно сощурившись, Сталин посмотрел на брата и сухо сказал:

— Товарищ Кольцов. Я вам передал мнение товарищей членов ЦК. Учтите в дальнейшей работе. Всего хорошего.

Рассказав все это, брат со смехом добавил:

— По сути дела, я получил строгий выговор от Генерального секретаря партии.

Увы, это было нечто большее, чем выговор…»

Незадолго до этого разговора фотокорреспондент «Огонька» Виктор Микулин снял большой материал о Троцком, отдыхавшем в то время в Сухуми. И перед Кольцовым встала дилемма: опубликовать эти фотографии — вызвать гнев Сталина, не опубликовать — вызвать презрение Троцкого, который, несомненно, посчитал бы, что Кольцов струсил. Кольцов решил пренебречь неудовольствием Генсека, для него подозрение в трусости были невыносимо. Шесть фотографий, изображавших Троцкого на охоте, на берегу моря, с женой Натальей Ивановной и другие были опубликованы в очередном номере «Огонька». Генеральный секретарь на это никак не отреагировал, но…

Спустя много лет после этой истории имел место следующий эпизод. Главного редактора «Правды», своего любимца Льва Мехлиса Сталин перевел из «Правды» начальником Главного Политического Управления Красной Армии (ГЛАВПУРККА). Исполнять обязанности главного редактора «Правды» стал Кольцов. Это было, казалось бы, выражением полного к нему доверия. Дальше произошло следующее. Летом тридцать восьмого, вернувшись из Сочи, где отдыхал Сталин, в «Правду» заехал Мехлис.

— Миша! — сказал он. — Хочу рассказать тебе кое-что приятное. Мы как-то говорили с Хозяином о тебе, и он очень хорошо о тебе отозвался. Что ты хорошо работаешь и, главное, полностью изжил вредное влияние Троцкого, под которое ты одно время подпал.

В переводе на простой человеческий язык это означало: «Товарищ Кольцов! Печатание фотографий Троцкого в „Огоньке“ после моего предупреждения я не забыл».

С 1922 года, когда Кольцов стал штатным сотрудником «Правды», он проработал в этой главной газете страны 16 лет вплоть до ареста. За это время на страницах газеты появлялись фельетоны, очерки, путевые заметки, корреспонденции, статьи по огромному спектру проблем, написанные Кольцовым, как правило, интересно, ярким образным литературным стилем, остроумно и оригинально. Они принесли ему поистине огромную всенародную популярность. Стиль Кольцова трудно спутать с чьим-то другим. Среди огромного количества опубликованных в «Правде» фельетонов Кольцова очень малая их часть утратила со временем актуальность, еще меньшая их часть, с теперешней точки зрения может быть отнесена к ошибочным, например «Маска и душа» о Федоре Шаляпине. Но большая часть фельетонов по сей день остаются, к сожалению, злободневными, написанными как будто как реакция на сегодняшние события. К сожалению, потому, что те безобразные явления, о которых в них

шла речь при советской власти, так во многом и остались в теперешней «демократической» России.

В 1928 году в Ленинграде, в издательстве, в «ACADEMIA» в серии «Мастера современной литературы» вышла книга «Михаил Кольцов». Одним из авторов этого сборника был Николай Бухарин. Вот что писал он о совсем молодом журналисте:

«…Характерно, что живая струя нашей новой литературы зажурчала именно тогда, когда эта литература стала прямо и непосредственно опираться на факт. Это отнюдь не случайно: наоборот, здесь видна основная закономерность творчества, хотя бы мало-мальски претендующего на широкое общественно-художественное значение.

Разумеется, потребовалось не малое количество лет, чтобы художественный материал отстоялся, чтобы создалась основа для широкого полотна.

Вот почему у нас началось с разведок в область художественной обработки фактов. И вот почему газетный фельетон — дробная публицистическая форма этой разведки — получил у нас такое значение.

Служа непосредственно практической работе и стоя в непосредственной близости к жизни, такой, какой она есть; освещая ее под углом зрения того, какой она должна быть; художественно ее „объясняя“, чтобы практически ее „изменять“, газетный фельетон оказался в известной степени застрельщиком и пионером революционного реализма.

Михаил Кольцов по праву занимает здесь свое место. Сложнейшая жизнь нашей революции — баррикадная борьба и хозяйственное строительство, война и дипломатия, голод и мощный восстановительный процесс, пафос разрушения и творческая страсть строительного периода, герои и жулики, мученики и вырожденцы, типы старой Великороссии и молодняк окраин, пролетарии, крестьяне, интеллигенты, иностранные офицеры, революционные рабочие Запада, дворцы, тюрьмы, пушки, аэропланы, капиталистические виселицы, „товарищ Маузер“, Днепрострой и Волхов, беспризорные и пионеры — все это в произведениях Кольцова вереницей проходит перед нашими глазами.

Дробные аналитические странички, подчас подымающиеся, однако, до крупных синтетических обобщений, — вот характеристика кольцовских фельетонов.

Читатель может наблюдать, как вместе с революцией росло и творчество Кольцова, несомненно углубляясь и по мастерству языка, и по степени художественного проникновения в обрабатываемый материал.

Характерной чертой Кольцова является также отсутствие провинциализма: он также мало „национально-ограничен“, как и наша революция.

Широкий горизонт, достаточная длина радиуса художественной ориентации Кольцова, наряду с остротой языка, меткостью образной речи и революционной эмоцией, составляющей внутреннюю движущую силу его фельетонов, несомненный художественный рост — дают основание сказать, что автор, уже имеющий за собой крупный и заслуженный успех, как говорят немцы, entwicklung fahig[5] и за его художественной разведкой мы будем иметь еще „тяжелую художественную артиллерию“».

Популярность Кольцова растет. Достаточно вспомнить, как в главной газете страны 12 августа 1930 года почти на целой полосе печатается не фельетон Кольцова, а материалы, посвященные самому Михаилу Ефимовичу. Они опубликованы под заголовком «ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ В „ПРАВДЕ“ тов. М. Е. КОЛЬЦОВА».

Вот два из них.

МАСТЕРУ СОВЕТСКОГО ФЕЛЬЕТОНА

В день десятилетия боевой журналистской работы М. Е. Кольцова на страницах «Правды» шлем горячий привет мастеру советского фельетона.

Мы рады отметить, что тов. Михаил Кольцов является одним из первых военкоров «Правды» и старейших красноармейских редакторов. Активно участвуя в Гражданской войне, Михаил Кольцов не раз показывал пример энергичного и образцового поведения большевика-журналиста на службе обороны социалистической страны.

Особое внимание тов. Кольцов всегда оказывал красной авиации и не раз принимал участие в ответственнейших рекордных перелетах на первых самолетах и моторах советского производства.

В годы мирного строительства тов. Кольцов неизменно возвращался к вопросам укрепления Красной армии и обороны страны, выступая как вдумчивый и квалифицированный наблюдатель процессов роста Красной армии и ее проблем.

П. БАРАНОВ, В. БЛЮХЕР, С. БУДЕННЫЙ, С. С. КАМЕНЕВ, Р. МУКЛЕВИЧ, И. УНШЛИХТ, И. ФЕЛЬДМАН.

Приведу также выступление известного немецкого революционера Макса Гельца:

МОЯ ВСТРЕЧА С «НЕИСТОВЫМ ЖУРНАЛИСТОМ» СОВЕТСКОГО СОЮЗА

«За восемь лет моего пребывания в социал-демократических тюрьмах Германии очень часто моим друзьям и партийным товарищам запрещалось посещать меня. Даже депутатам рейхстага нередко был закрыт доступ ко мне. В тюрьме Грос Стрелиц и Мюнстер случалось, что ко мне не допускали даже моих защитников. Когда ко мне явился адвокат Ласковский, защищавший меня, мне даже не было разрешено протянуть ему руку для приветствия. Да, это было запрещено в республике социал-демократов Эберта, Носке, Зеверинга и Цергибеля! За восемь лет моего пребывания в социал-демократических тюрьмах Германии очень часто моим друзьям и партийным товарищам запрещалось посещать меня. Даже депутатам рейхстага нередко был закрыт доступ ко мне. В тюрьме Грос Стрелиц и Мюнстер случалось, что ко мне не допускали даже моих защитников. Когда ко мне явился адвокат Ласковский, защищавший меня, мне даже не было разрешено протянуть ему руку для приветствия. Да, это было запрещено в республике социал-демократов Эберта, Носке, Зеверинга и Цергибеля!

При таких обстоятельствах надо считать настоящей сенсацией удачу советского журналиста, который проник „контрабандным способом“ прямо в мою камеру.

Мы, узники Зонненбургской тюрьмы, правда, слыхали о русском правдисте, о „неистовом“ Михаиле Кольцове, но никто из нас не знал его лично, и нам не могло даже прийти в голову, чтобы журналист из Советского Союза проник внутрь железного кольца нашей изоляции. Тюремная администрация, директор тюрьмы и все служащие страдали прямо-таки неописуемым страхом перед всем, что идет из Советского Союза.

И вот однажды тов. М. Кольцов предстал передо мной в кабинете директора Зонненбургской тюрьмы.

Вот он здесь, он приветствует меня, вот он обнимает меня, исполненный жизнерадостности и солидарности.

Эта волнующая встреча принесла мне неописуемую радость. Она осталась для меня в памяти как незабываемое сильное переживание. Товарищ из первого рабочего государства явился с приветом от русских рабочих и крестьян и передал этот привет немецким товарищам, томящимся в тюрьме!

Находчивость тов. Кольцова сумела побороть хитрость тюремной администрации. Если бы директор Зонненбургской тюрьмы знал, кто со мной разговаривал, он бы в ярости немедленно приказал отвести меня обратно в камеру, а тов.

Кольцову указал бы на дверь. Михаил Кольцов понял это, и поэтому сумел изобразить из себя моего хорошего старого знакомого, и к тому же не русского.

Еще неделями и месяцами после этого события мы разговаривали в тюрьме об удаче „неистового журналиста“. Эта удача принесла огромную радость всем нам и значительно отвлекла нас от ужасного одиночества тюремного заключения.

В Москве я взволнованно припомнил все обстоятельства этой поразительной встречи, — когда снова пожал руку тов. Кольцова».

Проходят годы, наполненные большими и сложными, драматическими событиями. И вот…

1939 ГОД. ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД. ПЕРВЫЕ «ПОКАЗАНИЯ» В ЗАСТЕНКАХ ЛУБЯНКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей)

1939 года, «23» февраля. Я, следователь Следственной части НКВД СССР — Сержант госбезопасности КУЗЬМИНОВ, рассмотрел следственное дело 21 620 по обвинению КОЛЬЦОВА Михаила Ефимовича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58 п.1а, 10, 11 УК РСФСР —

НАШЕЛ:

На основании имевшихся материалов в НКВД СССР, свидетельствующих об активной антисоветской и шпионской деятельности, проводимой КОЛЬЦОВЫМ М.Е., 14-го декабря 1938 года КОЛЬЦОВ М.Е. был арестован и привлечен к уголовной ответственности.

В процессе ведения следствия и несмотря на проведенный ему допрос более 20 раз, КОЛЬЦОВ М.Е. виновном себя не признал.

Учитывая, что срок ведения следствия окончился 14/II-39 г., а имеющимися материалами КОЛЬЦОВ М.Е. изобличается, как руководитель антисоветской организации в системе печати и проведении им шпионской деятельности на протяжении ряда лет, поэтому руководствуясь ст. 116 УПК РСФСР

ПОСТАНОВИЛ:

Для полноты вскрытия всей преступной деятельности КОЛЬЦОВА М.Е. и связанных с ним по антисоветской деятельности лиц, возбудить ходатайство о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей на 1 м-ц, т. е. до 14-го марта 1939 года.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДСТВ. ЧАСТИ НКВД СССР

СЕРЖАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: (КУЗЬМИНОВ)

«СОГЛАСЕН»:
ПОМ.НАЧ.СЛЕДСТВ.ЧАСТИ НКВД СССР
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (ШВАРЦМАН)

В постановлении указано, что обвиняемый допрошен 20 раз. В деле имеется два протокола допроса. На основании постановления ЦК и СНК каждый допрос должен быть запротоколирован.

Срок следствия продлить до 14.3.1939.
Военпрокурор ГВП Д. Кишаев
25.2.39.

Первый допрос Кольцова состоялся 5 января, второй, как это следует из «Дела», — 21 февраля. Но оказывается, что их за это время было «более 20», как сообщает сам следователь сержант Кузьминов. За то, что он не запротоколировал эти «более 20» допросов, прокурор его пожурил. Поэтому, видимо, о допросах в период с 21 февраля по 9 апреля в следующем обращении к прокурору о продлении сроков следствия Кузьминов не упоминает. А в том, что они были, можно не сомневаться. Итак, Кольцова допрашивают три месяца, как позже мы узнаем из материалов следствия, «его били по лицу, по зубам, по всему телу». Очевидно, применялись и другие зверские методы, о которых можно прочитать в воспоминаниях людей, прошедших через сталинские застенки. При этом (характерная деталь) тщательно соблюдается вся бюрократическая, канцелярская часть производства следствия — по сути абсолютно беззаконного, циничного, — аккуратно пишутся всевозможные постановления, утверждения, разрешения и т. д.

К примеру, в протокол обыска наряду с изъятыми документами, письмами, наградами, личным оружием и т. д., вносятся денежные суммы, в том числе «Испанские купюры — 10 купюр» и «Иностранные деньги металлические — 39 шт.».

Известно, что у каждого человека существует предел возможностей выносить пытки, и, видимо, у Кольцова он наступил через три месяца «допросов». И он решает давать самые нелепые, с его точки зрения, показания, которые он потом опровергнет на суде. Кольцов, вероятно, рассчитывал, что суд будет состоять не из таких же «кузьминовых», а из людей нормальных, более разумных и рангом повыше.

23 марта Кольцов своей рукой пишет первые показания.

9 апреля они появляются в «Деле» уже в виде машинописного текста.

ЛИЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ КОЛЬЦОВА Михаила Ефимовича от 9 апреля 1939 года.

Мелко-буржуазное происхождение и воспитание создали те элементы мелко-буржуазной психологии, с которыми я пришел в период Октябрьской революции на советскую работу и впоследствии в большевистскую печать.

Начав с работы в Наркомпросе под руководством А. ЛУНАЧАРСКОГО я был восхищен его «свободными» либерально примиренческими взглядами в отношении целого ряда враждебных советскому государству фактов и явлений и, в частности, его благодушным отношением к буржуазной литературе и прессе, даже если они нападали на советскую власть. Характерным для моей личной психологии того времени было мнение, что можно одновременно работать в советских органах и нападать на эти же органы на столбцах буржуазных газет, еще существовавших в этот период.

Подобные взгляды не оставались только взглядами. На практике, в 1918–19 годах я принимал участие в буржуазных газетах и даже поместил в них несколько статей антисоветского содержания, выражая свое раздражение по поводу репрессий, которые советская власть применяла к своим врагам.

В этот период, приехав в командировку для киносъемок советско-украинских переговоров в Киеве, я приобщился к атмосфере местной буржуазной печати и, начав с заметок и фельетонов «нейтрального» содержания на общие темы, дошел до враждебных антисоветских высказываний, описывал «душные минуты, проведенные в чрезвычайке» и прочие клеветнические небылицы о советской жизни. Я подвизался, главным образом, в киевской газете «Эхо», издаваемой бульварным антисоветским литератором ВАСИЛЕВСКИМ, и в газетах «Наш путь», «Вечер» и журнальчике «Куранты», носивших также антисоветский характер.

Начав позднее работу в советской печати, я во многом сохранил элементы той же мелко-буржуазной психологии, которая впоследствии не раз приводила меня к другим антипартийным и антисоветским преступлениям, в которых я признаю себя виновным.

Окончание периода военного коммунизма и оживление промышленности создали возможность выпуска наряду с ежедневной печатью также иллюстрированных журналов. Начав работать в этой области, я принес, однако, в нее ту же мелкобуржуазную психологию.

В 1923 году я начал редактировать иллюстрированный

журнал «Огонек». Это время было первым периодом НЭПа, и, практически извращая линию партии в области издательского дела, я ориентировал содержание журнала, главным образом, на рыночный спрос, заботясь не об идеологическом содержании журнала, а об угождении читателю — покупателю, об обслуживании его всякого рода «сенсациями». В журнале помещался низкого качества литературный материал и снимки, а также рекламного характера очерки о деятельности разного рода учреждений, наркоматов и их руководителей.

В 1923 и в 1924 г. в «Огоньке» были помещены хвалебного характера очерки и снимки Троцкого, Радека, Рыкова, Раковского «за работой». Хотя эти враги народа в этот период еще не были полностью разоблачены и занимали видные посты — все же помещение подобных рекламных материалов лило воду на их мельницу.

Из видных троцкистов у меня в период 1923–1924 г.г. были встречи с Раковским и Радеком, являвшихся в моих глазах тогда людьми авторитетными, заслуживающими уважения и оказавшими на меня тогда вредное политическое влияние. Личная судьба троцкистов во мне вызывала сочувствие и обращение с ними казалось чересчур суровым. Я проявлял антипартийное сочувственное отношение к людям, оказавшимся худшими врагами и предателями советского народа, и имел колебания по вопросу о методах борьбы партии с троцкистами. Лично с Троцким я не имел личного знакомства, однако в 1919 г. написал хвалебную статью о нем и, как указал выше, помещал фото Троцкого в «Огоньке» в 1923–24 г.г.

В 1932 году у меня возобновилось знакомство с РАДЕКОМ. Оно не носило антипартийного характера. РАДЕК отзывался крайне восторженно о международном и внутреннем положении СССР, о партии и правительстве и уверял, что бывшие троцкисты теперь работают лояльно преданно.

По мере того, как журнал «Огонек» разросся в издательство, вокруг него постепенно сформировалась группа редакционных и литературных работников, частью аполитичных, частью чуждых советской власти, являвшаяся в своей совокупности группой антисоветской.

Не имея ясно оформленных политических установок и задач, группа придерживалась буржуазно-деляческих взглядов на советскую печать, считая пригодным к напечатанию лишь то, что может быть занимательным для публики, привлекать ее и что выходит из-под авторского пера или редакторского карандаша участников группы. Эти взгляды осуществлялись и в практической работе, приводя зачастую к выпуску

недоброкачественных и вредных изданий.

В своем обиходе группа являлась носителем разного рода политических недовольств и антипартийных разговоров. Нередко я сам вел подобные разговоры.

В группу в основном входили: АБОЛЬНИКОВ С.Я., ЧЕРНЯВСКИЙ Л.Н., ЛЕВИН Б.М., ПРОКОФЬЕВА С.Е., ЗОЗУЛЯ Е.Д., БИНЕВИЧ А.И., ГУРЕВИЧ С.Д., РЯБИНИН Л.С., КАРМЕН Р.Л., ПЕТРОВ Е.П.

Подавляющее большинство участников названной группы привлекалось к работе лично мною либо с моего согласия и ведома.

Литературная продукция данной группы и издательства (за исключением тех изданий, которые имели автономные редакции) также выпускалась либо под моей редакцией, либо с моего ведома, и за нее я тоже несу полную ответственность.

Из отдельных участников группы — с ЧЕРНЯВСКИМ Л.Н. я был знаком по работе в «Правде», откуда он был снят в 1930–31 году решением ЦК, как связанный с «левацкой» группой ШАЦКИНА — ЛОМИНАДЕ. На работу в «Огоньке» поступила сначала его жена, ЧЕРНЯВСКАЯ А.Я., затем лично он. Работая в издательстве в качестве редакционного работника, а затем зам. директора, ЧЕРНЯВСКИЙ, равно как и его жена, являлись источником разного рода антисоветских разговоров, якобы, исходивших из руководящих кругов, ложных слухов о перемене в политике партии и т. д. Он был тесно связан с КРИНИЦКИМ А.Н., работавшим в последние годы секретарем Саратовского обкома. В отношении литературно-издательской работы ЧЕРНЯВСКИЙ придерживался взгляда, что советская литература как таковая совершенно не существует и для поднятия культурного уровня масс она не нужна — ее может с успехом заменить иностранная переводная литература, стоящая на несравненно более высокой ступени.

ГУРЕВИЧ С.Д. в прошлом был активным троцкистом и лично знаком с семьей Троцкого, с сыном которого, СЕДОВЫМ, он вместе воспитывался в школе. На работу в «Огонек» он был горячо рекомендован своими родственниками НОРЕНБЕРГОМ и НОРИНОЙ Ф.Е. Будучи восстановлен Контрольной комиссией в рядах партии и пройдя партийные чистки, ГУРЕВИЧ начал в «Огоньке» с небольшой технической работы, затем продвинулся на более ответственную, редакционную, и заведовал бюро фельетонов при издательстве. На партийных собраниях и чистках он выступал с большими покаянными речами и подробными описаниями своей былой антипартийной работы, что создало ему репутацию раскаявшегося и разоружившегося человека. Однако

при этом ГУРЕВИЧ продолжал разносить антисоветскую троцкистскую клевету, источником которой являлись его родственные и дружеские связи с НЮРИНОЙ Ф.Е., КАЛМАНОВИЧЕМ М. (б. Наркомсовхозов), ГЕРЧИКОВЫМ (замнаркомсовхозов) и своим тестем ЛЕВИНСОНОМ (зам. нач. Санупра Кремля). В частности, ГУРЕВИЧ занимался антисоветскими разговорами об М. И. КАЛИНИНЕ, со слов ГЕРЧИКОВА. ГУРЕВИЧ был тесно связан с писателями Ильфом, Петровым Е. П. и Левиным Б. М., с которыми вел подобного же рода антисоветские беседы.

Положение ГУРЕВИЧА подкреплялось тем, что он, примерно до осени 1936 года был, несмотря на свое прошлое, засекречен Наркомвнуделом. Несмотря на явную недопустимость сохранения в аппарате издательства бывшего троцкиста ГУРЕВИЧА и его вредную роль — он, при моей поддержке, оставался на редакционной работе вплоть до второй половины 1937 года, когда он был исключен из партии. Но и после этого он уцелел в издательстве — правда, на технической работе, в почтовой экспедиции. Как мне сообщил секретарь парткома АБОЛЬНИКОВ, против полного увольнения ГУРЕВИЧА из издательства имелось тогда указание из аппарата НКВД. Лишь в самом конце 1937 или в начале 1938 года ГУРЕВИЧ был окончательно освобожден от работы в издательстве. После этого он дважды обращался ко мне, прося какой-нибудь литературно-переводческой работы, но у меня такой для него не оказалось.

ЛЕВИН Б.М., писатель и журналист, вошел в коллектив «Огонька» как активный литературный сотрудник. Принадлежа в прошлом к троцкистской оппозиции и отойдя затем от нее, ЛЕВИН сохранил, однако, антипартийные взгляды на положение писателя и журналиста в советской стране, считая, что здесь они не имеют достаточной «свободы выражения». В своих произведениях «Жили два товарища» и «Юноша» он воспевает тип одиночки, отрывающегося от советской партийной среды, вступающего в конфликт с ней, трагически кончающего самоубийством.

ЛЕВИН был с 1929–30 годов в приятельских отношениях со мной, ПРОКОФЬЕВОЙ, ГУРЕВИЧЕМ и ЗОЗУЛЕЙ и обменивался с нами своими антипартийными мнениями о бесчувственности и безучастности партийной среды к воспитанию и формированию молодого человека и его индивидуальности.

Примерно зимой 1932 года ГУРЕВИЧ и ЛЕВИН по поручению издательства (моему и ПРОКОФЬЕВОЙ) отправились на Урал, на Вишерский бумажный комбинат, с личным письмом ПРОКОФЬЕВОЙ С.Е. к начальнику комбината — нарковнудельцу

БЕРЗИНУ, по которому они добились от него внеплановой отгрузки бумаги издательству. После этого ГУРЕВИЧ И ЛЕВИН установили постоянную связь с БЕРЗИНЫМ из Москвы и в Москве.

В последние годы ЛЕВИН сблизился с писательницей ГЕРАСИМОВОЙ В.С., бывшей женой писателя ФАДЕЕВА А.А., которая примыкала к группе при «Огоньке» и полностью разделяла взгляды ЛЕВИНА. И с ЛЕВИНЫМ и ГЕРАСИМОВОЙ у меня были дружеские отношения вплоть до последнего времени.

БИНЕВИЧ А.И. перешел в мае 1937 года на работу директора издательства «Огонек» из Наркомпроса РСФСР, где он был секретарем б. наркома БУБНОВА, работая при нем в течение многих лет. БИНЕВИЧ был рекомендован на работу Феликсом КОНОМ, который был ранее связан с ним по газете «Красная звезда». Кроме того я раньше лично знал БИНЕВИЧА и хорошо к нему относился. Придя в издательство к моменту моего вторичного отъезда в Испанию, БИНЕВИЧ договорился со мной о том, что в мое отсутствие будет как директор бережно относиться к кадрам издательства, т. е. иными словами, сохранит на работе всю подобранную мною в предыдущие годы группу. Так оно произошло и на деле. Вскоре, однако, БИНЕВИЧ был отделом печати ЦК снят с работы директора за засорение кадров издательства политически сомнительными людьми. Использовав свой отпуск, он стал хлопотать о возвращении в издательство на какую-нибудь другую должность. Мое предложение работать завхозом или агентом по сбору объявлений его не удовлетворяло. Он написал письмо ЕЖОВУ Н.И., который его знал по совместной работе в ЦК. В результате, по-видимому, указаний Н. И. ЕЖОВА и поддержки Феликса КОНА, мне позвонил зам. зав. отделом печати ЭРЛИХ М.М. и от имени отдела порекомендовал допустить БИНЕВИЧА к работе пом. редактора журнала, что я и сделал. БИНЕВИЧ пробыл на этой работе до своего ареста летом 1938 года.

ЗОЗУЛЯ Е.Д. начал свою деятельность в буржуазной печати, в одесских газетах и в петербургском журнале «Сатирикон». Познакомившись в 1917 году, я сохранил с ним дружеские отношения в последующие годы. Одновременно со мной он начал работать в «Огоньке» и постоянно ведал в нем литературной частью.

ЗОЗУЛЯ подходил к печатанию в «Огоньке» литературных материалов с тем же мелко-буржуазным мерилом, что и я. Он культивировал аполитичные рассказы, очерки и стихи, выхолащивая в политическом отношении журнал. Он до крайности сузил круг авторов журнала, руководясь в печатании их соображениями семейственности и кумовства. Благодаря моей

постоянной поддержке ЗОЗУЛЯ прочно устроился в «Огоньке» и в текущей редакционной работе играл роль соединяющего звена в тесной группе литераторов при журнале.

Особым его покровительством пользовались АБОЛЬНИКОВ С., ЗАРУБИН И., КОЛОСОВ М. В групповых целях ЗОЗУЛЯ принимал и печатал недоброкачественный литературный материал членов группы. При мне он играл роль прихлебателя.

РЯБИНИН (РУБИНШТЕЙН) Л. С. был до 1927 года одним из руководящих работников в «Огоньке», являясь его ответственным секретарем и в мое отсутствие фактически ведал журналом. Человек авантюристический, безграмотный (в прошлом прапорщик царской армии) до «Огонька» работал в ГПУ, уполномоченным или начальником отделения и в РОСТА (ТАСС). В «Огонек» он втащил своего помощника из ГПУ, РЯДНОВА П.Я., который занял должность управделами издательства. РЯБИНИН и РЯДНОВ привлекали на работу в издательство антисоветских людей, как например, троцкистов ШАТУНОВСКОГО Я.М., ЯСНОГО, БЕЛОЭМИГРАНТА ДЮШЕНА. РЯБИНИН был связан с бывшими чекистами ПЕТЕРСОМ Я., САМСОНОВЫМ Т., также с бывшим секретарем МК — БАУМАНОМ. РЯБИНИН и РЯДНОВ имели конфликт со мной и ПРОКОФЬЕВОЙ и были сняты с работы, после чего РЯБИНИН пошел на работу в «Союзфото», а РЯДНОВ вернулся в ГПУ (кажется, он работал в НКВД до конца 1938 года).

В 1936 г., будучи командирован в «Правду» на работу в фотоотдел, РЯБИНИН обратился ко мне за рекомендацией и получил ее.

КАРМЕН Р.Л., журналист, фото-репортер и кино-оператор, работал в «Огоньке» с 1923 года, пользуясь покровительством моим и ЗОЗУЛИ и являясь моим учеником в газетно-журнальной работе.

Работая в «Известиях» КАРМЕН был близко связан с ТАЛЕМ и КРИВИЦКИМ, поселил последнего у себя на квартире и после его ареста сохранял его архив. В 1938 году КАРМЕН вел антисоветские разговоры о разгроме старых партийных кадров.

АБОЛЬНИКОВ С.Я. работал в начале в журнале «РОСТ» (под редакцией КИРШОНА В.) и был активным рапповцем. Затем перешел на работу секретаря журнала «Огонек» и секретаря парторганизации. АБОЛЬНИКОВ был человек подхалимского склада, носителем обывательских антипартийных слухов и исполнителем указаний моих и ПРОКОФЬЕВОЙ С. Е. АБОЛЬНИКОВ покрывал и поддерживал антипартийных и антисоветских людей в издательстве.

ПРОКОФЬЕВА С.Е. была со мной знакома с 1919 года, когда я

работал с ней и ее мужем — ПРОКОФЬЕВЫМ Г.Е. (б. Замнаркомвнудела) в политотделе XII армии. Затем я их потерял из виду, вновь встретился около 1927 года и пригласил ПРОКОФЬЕВУ на работу в издательство. Здесь она была редактором «Женского журнала», затем, до мая 1937 года директором издательства. В этой должности ПРОКОФЬЕВА по моим указаниям и с моего ведома организационно осуществляла вредный деляческий курс в работе издательства и поддерживала в нем чуждые враждебные элементы.

Перечисленные антипартийные и антисоветские дела лиц, входивших в группу при «Огоньке», мне были известны, я их, покрывал и в этом являюсь виновным.

Возобновив знакомство с ПРОКОФЬЕВЫМИ, я бывал у них на дому и на даче. Здесь часто бывали также работники НКВД — МИРОНОВ, ФРИНОВСКИЙ, ШАНИН, СТАНИСЛАВСКИЙ, ГОРЯНОВ, ФЕЛЬДМАН, а также директор Промбанка — ПОПОВ Н.В., Наркомторг — ВЕЙЦЕР, его жена Наталья САЦ, поэт ЛУГОВСКОЙ, артисты БЕРСЕНЕВ и ГИАЦИНТОВА. Времяпрепровождение носило домашний, легкомысленный характер. Иногда ПРОКОФЬЕВ рассказывал мне о своих огромных успехах в борьбе с вредительством и в области перевоспитания осужденных вредителей. Он уверял, что силами вредителей, находившихся в его ведении, он может выполнять ряд хозяйственных задач, например, по конструкции машин и предметов вооружения гораздо быстрее и лучше, чем соответствующие хозяйственные организации и Наркоматы.

В конце 1936 года, находясь в Испании, я узнал из газет о назначении ЯГОДЫ и ПРОКОФЬЕВА в Наркомсвязь, а затем получил письмо от ПРОКОФЬЕВОЙ С.Е., где среди прочего говорилось, что «Георгий стал почтарем, и очень доволен своей новой работой». Приехав в апреле 1937 года в Москву, я дважды посетил ПРОКОФЬЕВЫХ на дому. При первом посещении я лишь на ходу видел ПРОКОФЬЕВА. При втором моем приходе он был в очень мрачном настроении. На мой вопрос, чем объясняется арест ЯГОДЫ, он сказал, что это связано с денежными злоупотреблениями. Я спросил также — чувствует ли себя он, ПРОКОФЬЕВ, сопричастным к делам ЯГОДЫ. Он ответил, что как заместитель наркома он ответственен за многое, совершенное ЯГОДОЙ, о чем он знал и не сигнализировал, в частности, за какие-то махинации ЯГОДЫ с драгоценностями. На другой день ко мне на квартиру пришла ПРОКОФЬЕВА С.Е. в почти невменяемом состоянии и рассказала, что вскоре после моего ухода ПРОКОФЬЕВ арестован. Она согласилась, с тем, что дальнейшая ее работа в издательстве невозможна и отправилась

сдавать дела.

Через несколько дней она вновь посетила меня, прося о предоставлении ей площади в доме издательства, так как ее выселяют из дома НКВД. Услышав, что предоставить ей площади нельзя, она сказала: «Мне только остается просить НКВД арестовать меня». О встречах и разговорах с ПРОКОФЬЕВЫМИ я сообщил Н. И. ЕЖОВУ тогда же. Я, однако, считаю себя виновным в связи с семьей ПРОКОФЬЕВЫХ.

Основной литературно-политической моей работой была работа в «Правде». До конца 1930 и начала 1931 года я имел здесь функции только литературного сотрудника со стороны, внутри редакции не работал, а приносил фельетоны, большей частью на мною же выбранные темы. По работе я преимущественно был связан с М. И. УЛЬЯНОВОЙ, а также с И. И. СТЕПАНОВЫМ-СКВОРЦОВЫМ, Е. ЯРОСЛАВСКИМ, позднее — с В. ПОПОВЫМ-ДУБОВСКИМ, Д. МАРЕЦКИМ, М. КАНТОРОМ, являвшимися членами редколлегии.

Раз или два в год в редакции появлялся БУХАРИН, в текущей работе участия не принимавший. Отношение со стороны БУХАРИНА и МАРЕЦКОГО ко мне было хорошее, хотя они не имели близкого общения со мной, ограничиваясь предложениями почаще давать фельетоны.

В редакции происходили, в 1928–29 годах, при участии бухаринской школы, ряд закрытых совещаний, на которые я не был допущен. Полагая, что это совещания по редакционной работе, я не раз просил М. И. УЛЬЯНОВУ разрешения присутствовать на них, на что получал ответ, что совещания по специальным вопросам и мое присутствие не требуется. Я чувствовал себя беспризорным и в отношении ответственности за те свои фельетоны, где разоблачались бюрократизм, головотяпство, вредительство. Помещая эти статьи, редакция не интересовалась фактическим материалом, положенным в их основу, а затем, когда на фельетоны поступали возражения от затронутых ими лиц — направляла дела в ЦКК, устраняясь от ответственности и предоставляя мне самому защищать в ЦКК свою правоту.

Все это создавало у меня настроение изолированности и оторванности от газеты, которое владело мною до 1930–31 года, когда я больше вошел во внутреннюю жизнь редакции, уже при новом руководстве. У меня сохранились, однако, личные отношения с М. И. УЛЬЯНОВОЙ и Д. МАРЕЦКИМ, который обратился ко мне, в 1930 году, однажды за материальной помощью.

С 1930–31 годов, при новом руководстве «Правды»,

отношение ко мне редакции стало более близким и руководство — конкретным и активным. К моей работе были предъявлены определенные политические требования в направлении ее большей заостренности и большего применения к очередным задачам партии. Я стал работать непосредственно в редакции и соприкоснулся с ее внутренней жизнью — насколько это позволяли мне частые разъезды.

В составе работников «Правды» к 1934 году сформировались две группы, взаимно враждовавшие.

В первую группу входили: БОГОВОЙ И.В., ПОПОВ Михаил, НИКИТИН А.Е., НАЗАРОВ А. И. КАПУСТИН А.И., СОЛОВЬЕВ В.С., ТАЛЬ Б.М., КОБЕЛЕВ М.М., ПОТАПОВ Е. К ней также примыкали ДАВИДЮК А.М., ИВАНОВ П., ДАНИЛИН.

Группа эта, по политическому характеру правая, антипартийно и антисоветски настроенная, в своей деятельности стремилась препятствовать борьбе «Правды» против правых, ослабить или отстранить удары, направленные на БУХАРИНА и бухаринцев, помешать разоблачению на страницах газеты правой, антигосударственной вражеской работы.

Конкретно эта деятельность выражалась в отсеивании и отстранении поступавшего в газету материала, компрометирующего правых руководителей, в саботаже оперативных указаний руководства газетой и Центрального Комитета, в постоянных попытках дискредитировать руководство и, наконец, в терроризировании несогласных с группой работников. НИКИТИН в партийном отделе часто выхолащивал или просто задерживал корреспонденции о право-троцкистских делах в партийных организациях. Аналогичного поведения придерживались ПОПОВ и СОЛОВЬЕВ в промышленном и транспортном отделах, КОБЕЛЕВ в отделе советского строительства, НАЗАРОВ и РЕЗНИКОВ в отделе искусств, КАПУСТИН в отделе писем рабочих и колхозников.

Войдя в состав редколлегии, БОГОВОЙ и ПОПОВ стали смелее проводить свою правую линию и иногда действовать совершенно открыто. В разговорах они осуждали и высмеивали выступления «Правды» против Бухарина и Осинского в 1935–36 годах, квалифицируя их, как газетную конкуренцию «Правды» с «Известиями». ПОПОВ доказывал, что поскольку БУХАРИН является редактором «Известий», в отношении него недопустим тон, принятый «Правдой», — то же по поводу ОСИНСКОГО, в связи с полемикой с ним о работе ЦУНХУ[6]. В дни составления этих статей БОГОВОЙ и ПОПОВ демонстративно не появлялись в редакции, подчеркивая этим, что не несут ответственности за эти выступления.

В области культуры группа вела линию на жестокую расправу с кадрами интеллигенции, оглушая заезжательской критикой лучших писателей и художников. Извращая указания ЦК о борьбе с формализмом, та же группа, в период, когда БОГОВОЙ и ПОПОВ руководили газетой, зачисляла в формалисты чуть ли не всех деятелей искусств, вплоть до Алексея ТОЛСТОГО и художника ГЕРАСИМОВА.

В своем обиходе группа составляла сплоченное целое, устраивала частые пьянки, часто уединялась в редакционных помещениях, позволяла себе антисемитские выходки и издевательства над армянами, грузинами, украинцами, хулиганские замечания по адресу М. КАЛИНИНА (НАЗАРОВ), Л. КАГАНОВИЧА (ПОПОВ).

ПОПОВ М.И. был тесно связан с работавшим в МК троцкистом ФУРЕРОМ, который ежедневно посещал его в редакции. НИКИТИН был в тот же период (до середины 1936 года) близко спаян с троцкистом МУШПЕРТОМ.

С арестом БОГОВОГО, переходом ПОПОВА в газету «Труд» и уходом НАЗАРОВА, НИКИТИН и ДАВИДЮК спешно перестроились и в 1938 году помирились с новым руководством «Правды». Однако НИКИТИН всеми мерами оберегал и поддерживал уцелевшие в редакции осколки правой группы: КАПУСТИНА А.И., КОБЕЛЕВА М..М., СОЛОВЬЕВА В.С., хотя пребывание некоторых из них в газете наносило работе большой вред.

СОЛОВЬЕВ В.С., правый, продолжал до самого последнего времени оставаться ленинградским представителем «Правды» — хотя саботировал освещение жизни и работы Ленинграда и ленинградской партийной организации, либо изображал ее в искаженном свете. Под его руководством ленинградский пункт «Правды» превратился в гнездо чуждых людей. Несмотря на это СОЛОВЬЕВ, благодаря поддержке НИКИТИНА оставался на работе почти до конца 1938 года.

КАПУСТИН А.И., тоже правый, руководил важнейшим отделом писем рабочих и колхозников, являвшимся основным каналом связи «Правды» с широкими массами трудящихся и фактически парализовал этот отдел. При ежедневном поступлении в «Правду» более 500 писем со всех концов страны и большого аппарата читчиков, оплачиваемых сдельно с письма, КАПУСТИН по целым шестидневкам не находил достойным напечатания в газете ни одного письма, а валил письма в архив либо рассылал их с препроводительными бумажками по ведомствам и местным организациям, так что сплошь и рядом жалобы рабочих и колхозников попадали в руки тех самых

головотяпов и врагов, на которых они жаловались. Состав читчиков в отделе писем, дающих направление каждому письму, был сильно засорен. Всем этим Отдел озлоблял трудящихся авторов писем и оказывал прямую помощь врагам.

КОБЕЛЕВА М.М., политически разложившегося человека, положение которого в «Правде» стало критическим, НИКИТИН перебросил в издательство «Огонек» и когда я приехал в Москву, он просил меня защитить КОБЕЛЕВА, если ему будут грозить слишком большие неприятности.

В другую антисоветскую группу работников «Правды» противопоставлявшую себя первой, входили — РОВИНСКИЙ Л.Я., ЛЕВИН Б.Е., КРУЖКОВ Н.Н., КРАСИНА Н., ГЕРШБЕРГ С., ИЗАКОВ Б. Р., ЗАСЛАВСКИЙ Д.О., ЗЕНУШКИН С.С., АЗИЗЯН А., РЫКЛИН и ряд корреспондентов «Правды» на местах. К этой же группе принадлежал я, играя в ней одну из руководящих ролей. Впоследствии к группе примкнули НИКИТИН А.Е., ДАВИДЮК А.М., КАПУСТИН А.И.

И раньше, в годы 1923–27, у меня были антипартийные колебания — по вопросу о борьбе с оппозицией, в которой я долго видел лишь чисто-идеологических противников партии и не признал превращения «оппозиционеров» в антисоветскую банду, в передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Подобного же рода колебания и недовольство возникли у меня в конце 1937 года, когда, по возвращении из Испании, я находился под сильным впечатлением размаха репрессий в отношении врагов народа. Этот размах мне казался преувеличенным и ненужным.

Антипартийными и антисоветскими являлись и мои колебания во время выборов в Верховный Совет: в выдвижении по каждому избирательному округу лишь одного кандидата я находил умаление советской демократии.

Мне представлялся несправедливым и подбор ряда кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, в частности таких кандидатов, как литератор СТАВСКИЙ или тот же НИКИТИН. Мне казалось, что моя работа, опыт и заслуги как журналиста-общественника дают больше оснований для выдвижения именно меня, а не их, в кандидаты. Эти настроения создались у меня еще в Испании, и я их излил в письме в ЦК, заканчивая просьбой отозвать меня в Москву. Вообще, мнение о своих заслугах и о полезности для партии было исключительно высокое, что делало меня до крайности снисходительным к отрицательным моим сторонам.

Колебания у меня также были по вопросу о политике партии и правительства в области высшей школы. Специализация высших

учебных заведений мною рассматривалась как сужение кругозора советской интеллигенции и понижение ее культурного уровня.

Во время столкновения у озера Хасан у меня возникли колебания по вопросу о политике правительства в этом конфликте. Я считал, что следует, используя момент, пока Япония увязла в Китае, развить операцию у высоты Заозерной и отбросить японцев подальше от советских границ.

Антипартийные и антисоветские вражеские разговоры на эти темы я вел с РОВИНСКИМ, НИКИТИНЫМ, ДАВИДЮКОМ, ЗАСЛАВСКИМ, ЛЕЖНЕВЫМ, РЫКЛИНЫМ, КРАСИНОЙ. Эти разговоры всегда подогревались информациями о новых арестах и смещениях, которые ежедневно со своими вражескими комментариями притаскивал НИКИТИН из аппарата ЦК, а также сплетнического характера аналогичными «новостями» от ДАВИДЮКА и ЛЕВИНА из партийного отдела.

РОВИНСКИЙ в 1938 году играл в работе газеты ведущую роль. Имея в своем ведении основные рычаги редакции, секретариат и местную сеть, он подбирал в их состав людей только полностью послушных ему. Меньшевик в прошлом, РОВИНСКИЙ вносил в текущую работу беспринципность и карьеризм. Он нередко использовал для вредной шумихи местную сеть, для чего, совместно с ЗЕНУШКИНЫМ С.С. подстрекал ее на демагогические извращения и культивировал тип корреспондента «шумовика», охотника за антипартийными сенсациями. Такими являлись корреспонденты — КОТЛЯРОВ, ШВАРЦШТЕЙН, ПЕВЗНЕР, ОРЛОВ, ПОРТНОЙ, СОЛОВЬЕВ, ежедневно по телеграфу, по телефону и почтой чернившие руководство республиканских и краевых организаций. Поступавшие от них и других корреспондентов легковесные, огульно очерняющие материалы, почти никогда не проверенные, публиковались в газете или посылались, как важные сигналы, в отделы ЦК.

Корреспонденты местной сети, подстегиваемые к этому редакцией, часто присваивали себе функции работников НКВД, занимаясь составлением и присылкой сводок на темы, никак не подходящие для газеты. Так например, корреспондент ШВАРЦШТЕЙН докладывал о массовых расстрелах в Карельской АССР, корреспондент ВИГДОРОВИЧ — о военных складах на Дальнем Востоке, корреспондент ПЕВЗНЕР сообщал простой телефонограммой об исчезновении или самоубийстве Наркомвнудела УССР — УСПЕНСКОГО.

В карьеристических целях аппарат редакции и издательства использовался для угождения ответственным работникам и установления тесной связи с ними. Примером этого может

служить связь секретариата «Правды» с УГАРОВЫМ А.И., который проталкивал в газету рекламные материалы о своих разъездах по области и о работе секретариата МК.

Подхалимство и карьеризм особо проявились при организации выпуска «Иллюстрированной газеты» под редакцией ЕЖОВОЙ Е.С. Заботу и ответственность за выпуск этого третьестепенного дрянного изданьица приняли лично на себя РОВИНСКИЙ, как секретарь «Правды», и НИКИТИН, как зав. Отделом печати ЦК. Из помещения «Правды» был выселен один из отделов и в его комнатах устроен кабинет ЕЖОВОЙ и ее сотрудников. Типографии было приказано выбрасывать из машин партийную литературу, лишь бы поскорее выпускать очередные номера «Иллюстрированной газеты».

Проявляя приспособленчество и карьеризм, РОВИНСКИЙ вместе с тем пренебрежительно относился к указаниям, которые давал ЦК по редактированию «Правды», и воспринимал эти указания свысока, с раздражением.

В период печатания в «Правде» «Краткого курса истории ВКП(б)» он в карикатурном виде изображал заседания комиссии ЦК, на которых он несколько раз присутствовал и, якобы, непонимание руководителями партии особенностей газетной работы.

Такое же недовольство указаниями ЦК проявляли в отделе партийной жизни ДАВИДЮК и ЛЕВИН. Они были особенно раздражены вниманием, которое проявлял к работе этого отдела Г. М. МАЛЕНКОВ. Каждое его замечание по материалам партийного отдела они воспринимали, как ненужное вмешательство. При этом ДАВИДЮК возмущался тем, что Г. М. МАЛЕНКОВ не проявляет к нему лично достаточного уважения и не заслушивает его докладов. Он именовал себя: «дважды утвержденный и трижды не принятый ЦК».

В отношении литературы и искусства на страницах «Правды» в 1938 г. соблюдался вражеский курс крайней нетерпимости и охаивания культурных кадров. Вина за допущение подобного курса ложится на меня, в чьем ведении как члена редколлегии находился отдел литературы и искусства. Особенно грубыми и несправедливыми выступлениями в этой области были в последнее время заметка РОВИНСКОГО против ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА и статья КЕМЕНОВА о художнике БОГОРОДСКОМ. Был намечен еще ряд таких выступлений.

ИЗАКОВ Б.Р., человек авантюристической складки, в прошлом связанный с правыми в профсоюзах и Профинтерне, ранее снятый за антисоветское поведение с должности корреспондента «Правды» в Лондоне, злобно критиковал

международную политику СССР, издевался над советской позицией в лондонском комитете по невмешательству и делал предсказания, что «в будущей войне Советский Союз потеряет Дальний Восток и Украину».

С конца 1937 и начала 1938 года в «Правде» особенно развилась вредная антипартийная практика так называемой «организации статей». Заключалась она в том, что по заданию редакции сотрудники связывались со знатными людьми промышленности, сельского хозяйства. Красной армии и от их имени фабриковали статьи для газеты. Формально это носило характер литературной помощи при изложении мыслей того или другого известного стахановца, агронома, партийного работника или героя Советского Союза. На практике же — мастера сих дел вовсе не трудились излагать мыслей и опыта выдающихся людей, а сами изобретали мысли и заявления, которые подсовывали этим неопытным в газетном деле людям, уверяя их, что «так надо писать», «так требуется для „Правды“». Главным мастером подобных фальсификаций в редакции являлся ГЕРШБЕРГ С., зам. зав. экономического отдела, близкий человек ТАЛЯ и М. ПОПОВА, газетчик буржуазного пошиба.

Были случаи, когда формальные авторы статей протестовали перед редакцией, заявляя, что за их подписью на страницах газеты опубликованы непринадлежащие или чуждые им мысли. Эти случаи точно известны секретариату редакции.

В августе 1938 года НИКИТИН сообщил членам редколлегии, что по его сведениям ЦК недоволен содержанием газеты и особенно подбором статей. Это опять вызывало наше раздражение, и РОВИНСКИЙ предложил написать письмо секретарям ЦК с просьбой принять нас: «Пусть скажут, чем они недовольны, — а то на всех не угодишь». С этим проектом мы согласились, но он осуществлен при мне не был.

В писательской среде у меня было близкое знакомство с В. ВИШНЕВСКИМ, В. КАТАЕВЫМ, Е. ПЕТРОВЫМ, С. КИРСАНОВЫМ, И. ЭРЕНБУРГОМ, Б. ЛЕВИНЫМ, В. ГЕРАСИМОВОЙ. Я не входил в РАПП, но был в хороших отношениях с Л. АВЕРБАХОМ и В. КИРШОНОМ. Связь с ними у меня порвалась на почве жесткой критики, которой «Правда» подвергла рапповское руководство в 1931–32 году. После ликвидации РАППа и создания единого союза писателей АВЕРБАХ и КИРШОН оказывали давление на А. М. ГОРЬКОГО и прибегали к его защите. В нескольких беседах я убеждал ГОРЬКОГО во вредной роли руководителей бывшего РАППа и в необходимости совсем отстранить их от литературного движения. Одна из таких бесед состоялась у меня на квартире, с участием членов

редколлегии «Правды».

С 1935 г. мне давались поручения по организации связи советских писателей с зарубежными и по созданию широкого антифашистского фронта писателей в международном масштабе. До этого здесь орудовал РАПП, отталкивавший своей вредительской сектантской политикой значительное число иностранных писателей, симпатизировавших СССР. За рубежом связями с иностранными писателями монопольно ведал И. ЭРЕНБУРГ. Его советами и оценками я руководился в начале работы. ЭРЕНБУРГ уверял, что иностранные писатели — люди «чрезмерно-чувствительные» в отношении советской действительности, что им не следует докучать вопросами о поддержке СССР и разговоры с ними на эту тему могут привести только к обратным результатам. Я вначале находился под влиянием ЭРЕНБУРГА, и лишь впоследствии, ознакомившись с истинным положением в иностранных литературных кругах, убедился во вредности линии ЭРЕНБУРГА и антисоветском поведении его и окружающей его группы невозвращенцев и эмигрантов (САВИЧ, ПУТЕРМАН, МИЛЬШТЕИН, ФОТИНСКИЙ).

Решение создать международную ассоциацию писателей было принято в 1934 году, в августе, во время всесоюзного съезда писателей в Москве. На совещании у М. ГОРЬКОГО с участием иностранных писателей-делегатов был намечен созыв большого антифашистского литературного конгресса и, на базе его, — литературной организации (до этого в области писательских связей орудовало лишь «МОПР» — узко сектантское объединение рапповского типа). Подготовительную работу взяли на себя постоянно проживающие в Париже МАЛЬРО, АРАГОН, БЛОК, ОРЕНБУРГ. Кроме того, ГОРЬКИЙ обратился телеграфно к Р. РОЛЛАНУ и А. ЖИДУ с просьбой поддержать это дело и получил их согласие.

Весной 1935 г., приехав в Париж в период подготовки конгресса, я застал конфликт между его организаторами. Большинство французов и Эренбург требовали максимально широкого состава приглашенных, включая сюда колебавшихся в вопросах о коллективной безопасности и лозунге «неделимого мира», вокруг которых шли споры в этот момент. БАРБЮС и АРАГОН стояли за более узкий состав конгресса, за приглашение только коммунистов и близко сочувствующих партий. Я стал на сторону ЭРЕНБУРГА, доверяясь его взглядам и оценкам. В результате — конгресс был созван на очень широкой базе, вплоть до участия в нем католических писателей. В число делегатов просочилось немало правых элементов.

Председательствовавший на конгрессе АНДРЭ ЖИД всячески

демонстрировал свои восторги перед СССР и коммунизмом, однако одновременно, за кулисами, проявлял недоброжелательство и враждебность к советским делегатам и иностранным коммунистам. ЭРЕНБУРГ, являвшийся уполномоченным Андрэ Жида и французов, заявил от их и своего имени недовольство составом советской делегации, в частности, отсутствием ПАСТЕРНАКА и БАБЕЛЯ. По мнению А. Жида и ЭРЕНБУРГА, только ПАСТЕРНАК и Бабель суть настоящие писатели и только они по праву могут представлять в Париже русскую литературу. После первых выступлений советских делегатов А. Жид заявил, что восхваления хорошей жизни писателей в СССР производят на конгресс очень плохое впечатление — «получается, что писатели являются в России сытой привилегированной кастой, поддерживающей режим в своих шкурных интересах». На третий день конгресса А. Жид передал через Эренбурга ультиматум А. С. ЩЕРБАКОВУ и мне: или в Париж будут немедленно вызваны ПАСТЕРНАК и БАБЕЛЬ, или А. Жид и его друзья покидают конгресс. Одновременно он явился в полпредство и предъявил В. П. ПОТЕМКИНУ такое же требование. ПАСТЕРНАК и БАБЕЛЬ были вызваны и приехали в последний день конгресса.

С ПАСТЕРНАКОМ и БАБЕЛЕМ, ровно как с Эренбургом, у А. Жида и других буржуазных писателей ряд лет имеются особые связи. А. Жид говорил, что только им он доверяется в информации о положении в СССР — «только они говорят правду, все прочие подкуплены». После конгресса БАБЕЛЬ длительно оставался в Париже, где постоянно проживает его жена, эмигрантка Евгения БАБЕЛЬ.

Связь А. Жида с ПАСТЕРНАКОМ и БАБЕЛЕМ не прерывалась до приезда Жида в Москву, в 1936 году. Уклоняясь от встреч с советскими деятелями и отказываясь от получения информаций и справок о жизни СССР и советском строительстве, А. Жид в то же время выкраивал специальные дни для встреч с ПАСТЕРНАКОМ на даче, где разговаривал с ним многие часы с глазу на глаз, прося всех удалиться. Зная антисоветские настроения ПАСТЕРНАКА, несомненно, что значительная часть клеветнических писаний А. Жида, особенно о культурной жизни СССР была вдохновлена ПАСТЕРНАКОМ.

А. Жид пишет, что у него «окончательно раскрылись глаза (т. е. он окончательно переменил фронт в отношении СССР), начиная с Тифлиса». Со слов МАЛЬРО я знаю, что в Грузии А. Жид подвергся большой обработке со стороны местных писателей, в частности Т. Табидзе, П. Яшвили, Жгенти, Джавахишвили, которые изливали ему свои контрреволюционные

настроения. Там же, в Грузии Жид имел встречу с каким-то вернувшимся из ссылки контр-революционером (фамилия мне неизвестна) который беседовал с ним и прочел ему запрещенную антисоветскую поэму ЕСЕНИНА, переводя ее на французский язык.

Спутники, приезжавшие с А. Жидом из Франции — Эрбар, Ласт, Шифрин, Дабит и Гийу, также способствовали клеветническому направлению книги Жида. Первые трое из них говорили по-русски и это служило для всей группы формальным поводом уклоняться от переводчиков и вообще от всякого контроля их встреч и подлинности их бесед.

Немецкая группа в ассоциации возглавлялась Фейхтвангером, Реглером, Бределем, Брехтом, Бехером (три последних — коммунисты). Фейхтвангер, познакомившись на первом конгрессе с советскими писателями, поднял вопрос об издании в Москве антифашистского немецкого литературно-художественного журнала. Его просьба была мною передана и выпуск журнала разрешен с начала 1936 года, под названием «Дас Ворт». Журнал вышел под редакцией Фейхтвангера, Брехта и Бределя. В Москве журнал редактировал Бредель, секретарем редакции была М. Остен.

После отъезда Бределя и Остен московским редактором «Дас Ворт» остался. Ф. Эренбек и секретарем — А. Бамдас. В этот последний период Фейхтвангер проявил крайнюю нервность и недовольство положением журнала. В ряде писем и обращений в ЦК (через парижское полпредство) он жаловался, что журнал находится в тяжелом положении, и материальном, и литературном, что все три редактора, находясь за границей, оторваны от редакции, что советская цензура задерживает литературный материал, что авторы получают гонорар с огромным опозданием и т. д. Единственный выход из создавшегося положения он видел в переводе издания журнала в Париж, с тем, однако, чтобы расходы по изданию оплачивались из Москвы. По этому поводу я направил в ЦК возражение, указывая, что при переходе в Париж журнал может попасть под чуждые влияния и тогда лучше совсем закрыть его. Однако закрытие «Дас Ворт» лишало бы антигитлеровскую немецкую печать одного из последних журналов. Поэтому НИКИТИН дал от отдела печати ЦК указание — сохранить журнал в Москве и удовлетворить просьбы Фейхтвангера об упорядочении редакционной работы и своевременной выплате авторам гонорара.

Я и ЭРЕНБУРГ входили в секретариат Ассоциации писателей. Я поддерживал связь с Ассоциацией из Москвы, Эренбург был постоянным представителем при секретариате в Париже.

Информации его носили характер обескураживающий и панический. Согласно этим информациям, подавляющее большинство иностранных писателей занимают враждебные или, в лучшем случае, нейтральные позиции в отношении Советского Союза и вообще антифашистская работа среди интеллигенции сейчас невозможна.

После первого конгресса Ассоциации писателей в Париже, в 1935 году, я и А. С. ЩЕРБАКОВ (тогда секретарь Союза советских писателей) имели резкое объяснение с Эренбургом, указывая ему на возмутительность его враждебно-пренебрежительного отношения к советской литературе и принижения всего советского перед иностранцами. Он ответно упрекал нас в «квасном патриотизме».

ЭРЕНБУРГ враждебно относился к БАРБЮСУ, Арагону, МУССИНАКУ и другим писателям-коммунистам, высмеивал их и старался дискредитировать. Он был против созыва второго антифашистского конгресса писателей, доказывая, что «сейчас не время, в России идут процессы, можно раздразнить троцкистов, они явятся на конгресс и тогда советским делегатам не поздоровится». Спор мой с ним по этому поводу кончился в марте 1937 г. указанием из Москвы о желательности созыва конгресса в 1937 году. Тогда он сказал: «Можно, значит, еще протянуть до 31 декабря 1937 года» (конгресс был все же проведен в июле).

Он считал «недемократичным» неприглашение Андрэ Жида на конгресс и излишними выступления, которые были сделаны советскими делегатами против троцкистов и правых.

Советская делегация на конгресс приехала совершенно не подготовленной, без написанных выступлений. Секретарь Союза — СТАВСКИЙ деморализовал делегацию, расколов ее на две части беспринципной склокой.

СТАВСКИЙ и ВИШНЕВСКИЙ выделяли себя среди остальных, требовали для себя особых привилегий перед своими товарищами и перед иностранными делегатами. ВИШНЕВСКИЙ во время конгресса появлялся пьяным и приставал к иностранцам-писателям с провокационными выходками — например: «мы сегодня ночью в одном месте постреляли десяток фашистов, приглашаем вас повторить это вместе на следующую ночь». Такое поведение и слабая подготовка советских литераторов производили на членов конгресса тяжелое впечатление. Я несу за это ответственность, как руководитель делегации.

Второй конгресс дал возможность изменить руководство Ассоциации писателей, удалив из него Андрэ Жида. Ведущую роль в нем получили коммунисты — АРАГОН, МУССИНАК, БЛЕК, РЕГЛЕР, БРЕДЕЛЬ и беспартийные, прочно стоящие на позициях

поддержки СССР — Ж. Р. БЛОК, МАЛЬРО, ДЮРТЕН, ФЕЙХТВАНГЕР, Генрих МАНН. База Ассоциации, однако, несколько сузилась, в связи с отходом от нее колеблющихся элементов.

Воспользовавшись затруднениями общеполитического характера во Франции, Эренбург занял открыто враждебную позицию в отношении руководства Ассоциации и стал высмеивать все усилия писателей — коммунистов Арагона, Блека и других сохранить единый фронт с сочувствующими. Он уверял иностранных писателей, что связь с русскими невозможна, в виду официально проповедуемой в СССР «ксенофобии» (ненависти к иностранцам). С другой стороны, он писал в Москву о невозможности контакта с западной интеллигенцией.

Лично посетив Москву в начале 1936 года, ЭРЕНБУРГ развил и обобщил свои информации. Он заявил мне, что массовые аресты и последние судебные процессы отталкивают от нас западную интеллигенцию, что «мы сами себя изолируем» и что «дальше будет еще хуже». Это произвело на меня большое впечатление, совпадая с моими настроениями в тот момент.

ЭРЕНБУРГ просил меня следить за тем, чтобы в Москве не очень нападали на лево-буржуазных иностранных писателей, даже если кто-нибудь из них временно согрешит выступлением против СССР — «надо, мол, дать ему время передумать».

Я согласился с ним.

Во время процесса право-троцкистского блока я предложил присутствовавшим в зале писателям написать свои впечатления и в целях пропаганды послать их за границу. ЭРЕНБУРГ отказался это сделать и стал отговаривать других: «На эту тему полезнее будет помолчать». Его также приводила в ярость популяризация истории русского народа. В этом он видел проявление реакционного шовинизма: «Александра Невского уже произвели в большевики, теперь очередь за святыми Сергием Радонежским и Серафимом Саровским — это производит за границей отвратительное впечатление».

Таким образом я признаю себя виновным:

1. В том, что на ряде этапов борьбы партии и советской власти, с врагами проявлял антипартийные колебания.

2. В том, что высказывал эти колебания в антипартийных и антисоветских разговорах с рядом лиц, препятствуя этим борьбе партии и правительства с врагами.

3. В том, что создал и руководил до самого момента ареста антисоветской литературной группой при редакции журнала «Огонек», приводившей антисоветский буржуазный курс в области журнально-редакционной работы.

4. В том, что принадлежал в редакции «Правды» к антисоветской группе работников (Ровинский, Никитин и др.) ответственных за ряд антипартийных и антисоветских извращений в редакционной работе и несу наравне с ними ответственность за эти извращения.

5. В том, что совместно с ЭРЕНБУРГОМ И.Г. допустил ряд срывов в работе по интернациональным связям советских писателей.

(М. КОЛЬЦОВ)

ПОКАЗАНИЯ КОЛЬЦОВА, НАПИСАННЫЕ ЕГО РУКОЙ И ПОЧЕМУ-ТО НЕ ВОШЕДШИЕ В МАШИНОПИСНЫЙ ТЕКСТ

До лета 1937 года я находился в личной, семейной связи с немкой Марией Остен. Познакомился с ней в 1932 году в Берлине, где она работала в коммунистическом издательстве «Малик». До меня с ней были знакомы ряд немецких партийных работников и писателей: Пик, Геккерт, Гельц, Киш, Вайскопф, Герцфельде и русские: М. Горький, Федин, Тынянов, Маяковский, Эйзенштейн, Зархи. Все отзывались о ней очень хорошо. Она происходила из семьи богатого кулака-крестьянина, в 17 лет порвала вместе со старшей сестрой с семьей, затем вступила в компартию, написала ряд очерков из жизни крестьянства и батраков, напечатанных в коммунистической печати и книгу «Грабли голода» на ту же тему. Я подружился и сблизился с М. Остен. Приехав со мной в Москву, она сначала жила отдельно, с 1933 года поселился вместе с ней. Мы взяли на воспитание двоих детей — сначала немецкого мальчика — пионера и, впоследствии, испанского ребенка. В 1934 году М. Остен написала большую книгу о жизни детей в СССР: «Губерт в стране чудес». Кроме того она печаталась в «Немецкой центральной газете», в русских журналах, а впоследствии — в немецком журнале «Дас Ворт».

М. Остен встречалась с немцами: В. Пик, Ф. Геккерт, Ф. Далем, В. Бредель, Э. Киш, В. Герцфельде, Э. Вайнерт, И. Бехер, А. Шарер, Т. Пливье, Отвальд, Э. Буш, Гармс, Э. Пискатор (с последним она была близко связана раньше в Берлине). С русскими: Ю. Анненковой (редактор «Немецкой центральной газеты», К. Радеком, С. Эйзенштейном, П. Ионовым (редактор в Гослитиздате), Горкиной (лит. переводчик), Уразовым, Лисицким, Смольской, Шейниной (работники «Огонька»), Зархи, Гендельштейном (кино-работники).

В Испании М. Остен была со мной с августа 1936 года и

работала как корреспондент московской немецкой газеты по начало ноября 1936-го, когда она, по предложению Фейхтвангера поехала с ним в Москву. Здесь она оставалась до марта 1937 года, и опять вернулась в Испанию.

Летом 1937 года я от разных лиц узнал, что у Марии возникла связь с певцом Э. Бушем и имел с ней объяснение. После этого чисто личные отношения у меня с ней прекратились. Я, однако, продолжал помогать и поддерживать ее, считая себя морально обязанным не бросать ее на произвол судьбы, в нужде и заброшенности, которые испытывают политэмигранты. Возвращаясь в Москву, я оставил ей денег, а проездом в Париже попросил в Ассоциации о предоставлении ей работы. С начала 1938 года Остен переехала в Париж, здесь она работала при Ассоциации в качестве помощницы Фейхтвангера и Бределя по журналу «Дас Ворт».

Из Москвы я весь 1938 год, до самого ареста, поддерживал связь с Марией Остен. Она несколько раз писала мне о желании приехать и вновь поселиться в Москве. Я был согласен с ее временным приездом, но был против ее постоянного жительства, так как не видел для нее работы, квартира ее была заселена, а совместная жизнь со мной уже раньше пришла к концу.

После ареста, на следствии мне было объявлено, что М. Остен была связана со шпионами и сама обвиняется в шпионаже. Лично я ей доверял и считал честным человеком, но этим не оправдываю себя и признаю виновным в этой связи.

ЛИЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ КОЛЬЦОВА М.Е.

В 1932 году я сблизился с К. Радеком (которого раньше знал по немногим встречам в 1923–24 годах), со Штейном Б. Е., Уманским К. А. и Гнединым Е. А. Так как я до этого лишь случайно занимался международными вопросами, то они взялись меня просвещать по ним, особенно Радек. Основной темой ряда разговоров со мной еще в период Женевской конференции была сначала тема об ориентации СССР. Он доказывал, что единственный природный союзник СССР это Германия, что Рапаллский договор — величайший документ советской истории, что Германия, даже порабощенная Версалем, всегда будет надежной опорой и что связь с ней надо держать и крепить во что бы то ни стало. Он объяснял далее, что существует группа «энтузиастов советско-германской дружбы», которая борется за нее неустанно, что он является покровителем этой группы и что мне следует к ней примкнуть. Он назвал Штейна, Уманского,

Гнедина, Миронова, Виноградова. Эти люди — объяснил он — накопили важные связи с немцами и политически необходимо эти связи питать изнутри страны, в чем я, Кольцов, могу прекрасно помочь.

В дальнейших, более интимных разговорах, он стал подчеркивать, что де я со своими способностями могу очень выдвинуться на этом деле, играть большую роль — так как Уманский и другие — узкие профессионалы-наркоминдельцы, а я и он вносим сюда «свежий политический воздух».

(1)[7]его помощником Мироновым. Нередко к нам присоединялись Радек и Гнедин. В разговорах критиковалась и высмеивалась внешняя политика СССР, работа НКИД и «стариков-полпредов» — Сурица, Майского, Хинчука. При некоторых разговорах присутствовал американец-журналист Луи Фишер, близкий друг Уманского.

«Помощь», которая потребовалась от меня, заключалась в регулярной политической информации о внутренней жизни СССР, которая передавалась немецким журналистам. Необходимость этой помощи внешне мотивировалась тем, что де мол немцы не удовлетворяются официальной информацией, и для поддержания с ними хороших отношений нужно давать им подлинную картину, реальные факты и оценки, держать их в курсе политической жизни страны.

Практически это выразилось в том, что я через Миронова сообщал:

1) о различных известных мне, но еще неопубликованных распоряжениях правительства, о назначениях и смещениях партийных и советских работников,

2) комментарии к этим фактам, т. е. известные мне причины того или иного назначения или смещения,

3) характеристики советских деятелей, тех, кто интересовал немцев, оценка влиятельности, веса и их настроений, например: Шверника, Мехлиса, Постышева, Косарева, Яковлева, Бубнова, Косиора и других,

4) сведения об интеллигенции, ее отдельных представителях и их настроениях — например, о президенте Академии Карпинском, В. Мейерхольде, В. Немировиче-Данченко, А. Толстом, О. Шмидте и т. п.

(2) Сведения эти я сообщал устно Миронову при личных встречах у меня на квартире, иногда в редакции, а в отдельных случаях — по телефону. Он себе при этом делал заметки. Лично я был знаком с двумя корреспондентами: Басехесом и Юстом. От встреч с ними я уклонился, боясь компроментации и беседовал с ними на общие темы только в общественных местах, на приемах.

После фашистского переворота в Германии Радек и Гнедин высказались в том смысле, что фашизм в Германии — дело временное, что местное германское посольство целиком настроено против Гитлера, а тем более корреспонденты, что связь с этими людьми надо продолжать, и даже укреплять, ибо они представляют основную кадровую Германию, с которой еще придется иметь дело. Уманский и Миронов поддерживали это мнение — и, конечно, я тоже, так как этим оправдывалась преступная шпионская связь, в которую я уже втянулся.

В 1933 году два раза Радек, Гнедин, Уманский, Миронов и я были в германском посольстве на чаю. Шли разговоры о возможности сохранения между Германией и СССР деловых отношений и посол Дирксен доказывал возможность этого. Радек отпустил пару острот по адресу Гитлера и немцы, включая посла, эти шутки поддерживали. Выйдя из посольства, Радек сказал: «Видите, с этими людьми можно иметь дело».

Передача шпионской информации продолжалась до сентября 1933 года, когда я уехал в Париж. После моего возвращения, ко мне опять обращался Миронов, державший шпионскую связь. Я стал уклоняться от ответов, намекая на преступность и опасность этого дела. Уманский при встречах больше не говорил о немцах.

Летом 1934 года, в присутствии моем, Радека и Уманского, Миронов заговорил о том, что «бедный Юст» не знает возвращаться ли ему в Германию — «там ему здорово попадет». На это я сказал, что надо, наконец, перестать якшаться с немецкими инкорами, ведь это — не что иное, как шпионаж в пользу фашистской Германии. Радек ответил: «Вам надо было об этом подумать раньше». И добавил: «Мы все в этом виноваты. Давайте поставим на этом крест». Все были встревожены этим разговором. Тем не менее Миронов обратился ко мне еще 2–3 раза за разными справками, примерно, до ноября месяца 1934 года, когда передача шпионской информации для немцев замерла и о ней больше не упоминалось.

(3) При некоторых разговорах на квартире Уманского присутствовал американец-журналист Луи Фишер, много лет близко связанный с ними обоими, особенно с Уманским. Фишер имел на Уманского огромное влияние и обращался с ним свысока. Уманский подчинялся его мнениям по всем политическим вопросам и не скрывал от него ничего.

В Москве живет семья Фишера, жена и двое детей, советские граждане. За границей и в Москве у Фишера были большие связи. Он был связан с Радеком. Уже в конце 1935 года Радек при Фишере сказал мне: «Вы напрасно не дружите с Фишером. Он стоит того. Он связан с нами. Надо ему помогать». Я обещал

Фишеру оказать содействие, когда оно ему понадобится. Впоследствии он обращался ко мне в Испании.

В Берлине в 1932 году я познакомился с моей второй женой Марией Остен, немецкой коммунисткой. Она работала в коммунистическом издательстве «Малик», была знакома с рядом немцев — коммунистов — писателей, а также с советскими писателями. До меня ее знали Горький, Эренбург, Федин, Маяковский, Тынянов. (В это время в Берлин приехал Горький и мы дважды обедали вместе.) Она уже ездила в СССР в 1929 году по делам издательства и хотела поехать опять, на более продолжительное время, работать. По моему предложению она поехала со мной вместе. У нас началась связь, которая перешла в семейное сожительство. М. Остен работала в московской немецкой газете, в журнале «Дас Ворт» и писала книгу о немецком мальчике-пионере, которого мы усыновили. У нее были широкие связи в среде политэмигрантов, в частности, с Геккертом, Пиком, Бределем, Кишем, Пискатором, Отвальдом (арестован), а также литераторами Фединым, Тыняновым, режиссером Эйзенштейном и другими. Она была тесно связана с редактором «Центральной немецкой газеты» в Москве Юлией Анненковой, впоследствии арестованной, и бывала у Радека. Некоторые из ее знакомств были подозрительны (например, с Пискатором, с Отвальдом) и разговоры, которые велись, носили антисоветский характер, но так как я уже сам был повинен в более значительных преступлениях — я молчал и продолжал покровительствовать Марии. В 1935 году она ездила со мной в Париж, а в 1936 году — в Испанию. Через три месяца, по просьбе Фейхтвангера, знавшего ее раньше, она поехала с ним в Москву и пробыла здесь до весны 1937. Летом, по ее возвращении в Испанию, я узнал, что она находится в связи с немцем-певцом Бушем. Наша личная связь на этом прервалась, однако, возвращаясь в Москву, я оставил Марии денег и устроил для нее работу в Ассоциации писателей в Париже. Я поддерживал с ней переписку почти до самого ареста. Она намеревалась приехать в начале 1939 года в Москву.

Летом 1934 года, на съезде писателей в Москве Эренбург И. Г. познакомил меня с французским писателем Андре Мальро, с которым приехал и которого неизменным спутником он состоял. Он отрекомендовал его, как «исключительного человека», расписывал его популярность и влияние во Франции и очень рекомендовал с ним подружиться. У нас с ним и Эренбургом было несколько встреч, закрепивших знакомство. Когда по инициативе М. Горького был поднят вопрос о созыве международного писательского конгресса и создании ассоциации

писателей, Мальро заявил, что берет это на себя.

В мае 1935 года, в Париже, в период организации конгресса, Мальро и Эренбург тесно сблизились со мной. Мальро развивал широчайшие планы мировой ассоциации писателей и всей интеллигенции, которая будет оказывать огромное влияние на политическую и культурную жизнь всего мира, устраивать «интеллектуальные забастовки», диктовать свою волю правительствам, причем мы будем всем этим управлять и руководить. Видя мое увлечение всеми этими грандиозными планами, Мальро повторил эти разговоры со мной наедине, тут же перешел к вопросам о трудностях. Он пожаловался на отсутствие поддержки ему со стороны французской компартии, на грубость и узость Марти, Дюкло, Барбюса, на препятствия которые ему ставят, потому что он не в партии, на отсутствие поддержки полпреда (Потемкин) и т. д. В ответ на это я предложил ему работать рука об руку, обещал все уладить, «умолять всех чиновников» в компартии и полпредстве и тут же прочел ему целую лекцию о бюрократизме в Коминтерне и Наркоминделе, в партийных и советских органах, о косности и отсталости этих органов, изолирующих страну от западной культуры. Мальро слушал очень внимательно и наконец сказал: «Все это мне очень полезно знать. Ведь не даром про меня болтают, что я секретный агент Кэ дорсэй (министерства иностранных дел). Он добавил: „Не смущайтесь. Теперь такое время, что каждый писатель должен быть разведчиком. Ведь и наш добрый друг Эренбург давно уже работает на нас. За это ему при любых условиях будет обеспечено французское гостеприимство. Будем работать вместе и помогать друг другу. Можно наделать больших дел“».

Будучи таким образом завербован Мальро для французской разведки, я в ряде откровенных бесед дал ему характеристику положения в СССР, в городе и в деревне, внутрипартийной жизни и обрисовал отдельных, интересовавших его деятелей, политических, военных и хозяйственных, их настроений за и против советской власти, за и против войны, за и против военной помощи Франции, за и против Германии.

(4) Перейдя после этого на откровенную ногу с организовавшим мою вербовку Эренбургом, я ознакомился со «штабом» людей, служащих ему для связи и для выполнения поручений, которые он получал из Москвы от Бухарина. В этот «штаб» входят: эмигрант Путерман, журналист О. Савич, оставивший СССР в 1925 году, испанец-анархист Герасси и его жена, полька-галичанка Стефа. С Бухариным Эренбург дружен еще со школьной скамьи, и они взаимно всегда помогали друг

другу. Во время гражданской войны Бухарин устроил проезд Эренбурга из белогвардейской Грузии в дипломатическом вагоне через Москву в Берлин. Став редактором «Известий», Бухарин в его лице получил удобного представителя в Париже. В Москве агентами Эренбурга являются Валентина Мильман, писатели Бабель, Лидин, Лапин и Хацревин, передающие ему информацию через Мильман. В колонии Эренбург был связан с Членовым и Навашиным. Впоследствии, в 1935 году, при приезде Бухарина в Париж, Эренбург организовал ему связь с эмигрантами.

От Мальро я узнал, что А. Толстой, в период своей эмиграции, тоже был завербован французами и англичанами и, кроме того, используя поездки за границу, поддерживает свои прежние связи с русскими белогвардейцами, в частности, во время конгресса Толстой поселился отдельно от других советских делегатов и принимал у себя белых. Придя к нему один раз без предупреждения, я застал у него семью Шаляпиных, француза Вожеля и Н. А. Пешкову (невестку Горького).

(5) Вожель, разведчик по русским делам, журналист, был близок в полпредстве с Розенбергом, Сокохиным, Гиршфельдом и б. Графом Игнатьевым, сейчас находящимся в Москве на военной службе. Московские друзья и осведомители Вожеля — В. Михайлов (редактор «Журналь де Моску», Толстой и Мейерхольд. В Париже Вожель снабжал Толстого деньгами и постоянно угощал его. Вожель работал в контакте с Мальро и Эренбургом, которые связали его со мной. Вожель сопровождал министра Лаваля в Москву.

Конгресс писателей прошел целиком под руководством Мальро, предоставившего формальное председательствование Андре Жиду. Во время конгресса Мальро и Жид предъявляли ультиматум — вызова в Париж их друзей Бабеля и Пастернака. Так как я не в силах был провести это, они лично отправились к полпреду В. Потемкину и через него добились этого.

После конгресса, весной 1936 года Мальро приехал в СССР. Здесь он посетил со мной А. Андреева, Г. Димитрова, А. Косарева, затем вместе со своим младшим братом, Бабелем и мною поехал в Крым к Горькому, где пробыл три дня. Горький был в восторге от широчайших планов завоевания мира через интеллигенцию, развернутых Мальро, и целиком одобрил их. Мальро уехал, оставив в Москве своего брата, Роллана Мальро, который поселился на квартире у Бабеля. Я информировал Андре Мальро обо всем, что знал в данный момент. Затем я начал оказывать младшему Мальро содействие по его внедрению в советскую жизнь, но вскоре начались события в Испании и я уехал.

В Париже я застал Мальро организующим французскую

неофициальную помощь испанским республиканцам. Так как сообщение было в этот момент прервано, он сказал, что предоставит мне для перелета военный бомбовоз, и, действительно, на другой же день дал мне «Потез», на котором я перелетел Пиренеи. Он сам прилетел следом за мной в Барселону, а затем в Мадрид, где развернул свою интернациональную эскадрилию. На первых порах она играла некоторую роль, но затем разложилась, так как состояла из всякого международного уголовного и шпионского сброда, вдобавок, плохой летной квалификации. У Мальро начались конфликты с Марти, с правительством, с компартией, он разругался со всеми и уехал до 1937 года, когда он появился на втором конгрессе писателей. Здесь у меня с ним произошел конфликт из-за Андре Жида. Я предложил, чтобы кто-нибудь из французов отмежевался от этой клеветнической книжки. Друг Жида, Мальро, как председатель французской делегации, не только отказался допустить это, но потребовал, чтобы вопрос о Жиде вообще не подымался на конгрессе. Тогда я обратился к испанцу Бергамину, который огласил на конгрессе заявление о книжке Жида от имени испанской и южно-американской делегаций. Это привело Мальро в ярость, и мы перестали с ним разговаривать до последней встречи в Париже.

В сентябре в Мадриде ко мне явился Луи Фишер, приехавший как корреспондент американской печати, напомнил мне о рекомендации Радека и предложил обмениваться информациями. Он также многозначительно добавил: «Я надеюсь, что вы мне будете помогать здесь, как в Москве помогали Уманскому и Миронову». Этим он дал понять, что знает о моей шпионской связи. Я обещал информировать его о том, что знаю. Он уже был связан с Розенбергом, его старым знакомым. При ближайших нескольких встречах я рассказал ему о скрытой борьбе между Ларго Кабальеро и коммунистами, официально поддерживавшими его, далее — о затруднениях при взятии Алькасара, о прибытии первого советского парохода с продовольствием (до опубликования об этом в печати). Он интересовался перспективами военной помощи со стороны СССР. Я ему разъяснил, что она может быть только в случае организации в Испании регулярной армии. Я его также познакомил с военным атташе Горевым и его помощником Ратнером.

В связи с приближением фашистов к Мадриду и переездом правительства Фишер вскоре уехал в Валенсию. Здесь он поселился у Негрина, министра финансов и впоследствии главы правительства, которого знал ряд лет по Америке и стал его

советником. Он взял на себя также снабжение интернациональных бригад. В Валенсии Фишер связался через полпреда Розенберга с советскими военными, в частности, с Берзиным, Мерецковым, с представителями НКВД Никольским («Орлов») и Белкиным. Вообще связи и осведомленность его были огромны. Примерно в январе 1937 года он приехал на несколько дней в Мадрид и познакомился у меня с Павловым Д. Г., командовавшим бронетанковыми силами. Вместе они посетили и осмотрели интернациональный батальон (или роту) танковой бригады. Затем он уехал, сначала в Женеву, с Негрином, затем в Америку — ибо, как он сказал «У меня там беспризорный Костя (Уманский)». Фишер, являясь, по словам Миронова и Никольского, американским шпионом, по-видимому, имеет связи и с Германией.

Я оказал в Испании покровительство также Кармену Р. Л., связанному со мной еще по «Огоньку» в Москве, репортеру и кинооператору.

Тыл Испании был в это время настоящей ярмаркой шпионов всех стран. Сюда перебрался, расположившись в Барселоне, Эренбург со своим «штабом». Савича он устроил на службу в ТАСС, Путермана[о] — в военную цензуру, Стефу держал при себе секретарем, а ее муж определился в разведывательное управление. Личные связи Эренбурга были особенно сильны среди анархистов. С ними он вел переговоры от имени Антонова-Овсеенко, при котором состоял. Осенью 1937 он вернулся в Париж. Здесь мы виделись втроем с ним и Мальро и примирились после конфликта на конгрессе. Мальро просил меня по приезде в Москву отослать оттуда его брата, так как обстановка там и его пребывание становятся опасными. Я это ему обещал и сделал.

Весну 1938 года Эренбург провел в Москве (о встречах и разговорах с ним в этот период я уже показывал). Уезжая, он указал мне на Валентину Мильман, которая осуществляла связь между ним и его группой в Москве и просил, если будет что-нибудь важное, передать через нее. Он передал привет от Мальро, который опять уехал в Испанию.

В мае 1938 года в Москве позвонил Луи Фишер и попросил заехать, так как он приехал только на два дня и через час уезжает. Я говорил с ним минут 10 (в передней) — в комнатах шла укладка. Он сказал, что приехал за семьей, но она не получает паспортов на выезд, хотя Ежов обещал ему дать их. Задержка (или отказ) в выдаче паспортов его крайне тревожила, так как его семья дружила с семьей уже арестованного Миронова. В Москве он успел, по его словам, повидать только Литвинова. Он торопился в Париж и в Испанию, к Негрину, советником и

агентом по закупке оружия он по-прежнему состоял. Он предполагал вскоре опять вернуться в Москву за семьей и тогда поговорить подробно об Испании. На этом связь с ним закончилась.

Таким образом я признаю себя виновным:

1) В том, что, будучи завербован Радеком К. Б., передавал с 1932 по конец 1934 года шпионскую информацию германским журналистам через посредство Миронова Б. М., при участии и содействии Уманского К. А.

2) В том, что покрывал и содействовал М. Остен в ее связи с антисоветскими шпионскими элементами в среде немецких эмигрантов.

3) В том, что, будучи завербован Мальро А. и Эренбургом И. Г., сообщал им с 1935 по 1937 год шпионские сведения для французской разведки.

4) В том, что оказал содействие американскому шпиону Луи Фишеру в Испании с 1936–1937 году и сообщал ему шпионские сведения о помощи СССР Испании.

ВСТАВКИ

Радек правильно учел мою мелко-буржуазную психологию и авантюризм. Я устремился по указанному им направлению и втянулся в этот политиканско-шпионский кружок. Вскоре у меня установилась тесная связь с работавшим тогда в Отделе Печати Наркоминдела Уманским.

Миронов говорил, что инкоры имеют представление о некоторых из этих лиц, но им важно мое мнение, как хорошо разбирающегося в людях и знающего обстановку, в которой они работают. Это помогало им ориентироваться.

Виноградов Б. Д., работавший в этот период секретарем полпредства в Берлине, иногда наезжал в Москву и наряду с докладами в Наркоминделе, всегда делал доклады Радеку, который ему очень покровительствовал. Он также примыкал к числу «энтузиастов германо-советского сближения». В последний раз он появился в январе 1938 года и рассказал, что был исключен из партии, но восстановлен и вновь послан за границу, по указанию Ежова Н. И., которому оказывал за границей важные услуги.

Он также просил совершенно объективно сказать ему, каковы сейчас шансы Троцкого и его людей в СССР. Я ответил, что совершенно объективно эти шансы равны нулю. Он сказал, что таково мнение и его французского правительства.

В другой раз, в 1937 году, приехав вместе с женой Людмилой

Крестинской (племянницей Крестинского Н. Н.), Толстой поселился вместе с Марией Бенкендорф-Будберг, своей старой приятельницей, агентом Интеллиженс Сервис, известной по делу Локкарта.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОЛЬЦОВА МИХАИЛА ЕФИМОВИЧА от 16-го мая 1939 года

Вопрос: Будучи изобличенным в изменнической деятельности, вы признали, что на протяжении ряда лет вели шпионскую работу в пользу некоторых иностранных разведок. Вы, однако, продолжаете умалчивать о ряде существенных фактов и обстоятельств вашей предательской деятельности.

Вам предлагается дать подробные и исчерпывающие показания о всех ваших преступных действиях и связях?

Ответ: В своих предыдущих показаниях, я в общих чертах рассказал следствию о своих преступлениях перед партией и страной, допускаю, что я мог кой-какие обстоятельства и факты упустить, в процессе дальнейшего следствия я попытаюсь это восполнить.

Вопрос: Мотивы ваших «упущений» нам ясны. Предупреждаем вас, что при попытках с вашей стороны стать на путь ложных или не до конца искренних показаний, мы изобличим вас и заставим рассказать правду?

Ответ: Я согласен правдиво отвечать на поставленные мне следствием вопросы. Запирательство я прекратил и то, в чем я виновен — признал.

Вопрос: В чем конкретно вы признаете себя виновным?

Ответ: Я виновен в том, что начиная с 1923–24 г.г. разделяя по существу взгляды троцкистов, я скрывал это от партии.

Я виновен также в том, что в 1932 г. был привлечен РАДЕКОМ к антисоветской работе и в течение ряда лет снабжал германские разведывательные органы шпионскими сведениями.

Я виновен далее в том, что став на путь предательства интересов советского государства, я впоследствии в 1935–36 г.г. дал согласие вести шпионскую работу и в пользу французской разведки и такую работу вел.

Я виновен, наконец, в том, что оказывал в 1936–37 г.г. содействие и снабжал шпионскими сведениями американского журналиста Луи ФИШЕРА.

Вопрос: Начнем с существа вопроса — вашей шпионской деятельности. Расскажите подробно о всех фактах вашего предательства?

Ответ: Мне придется начать с некоторых обстоятельств, предшествовавших моей непосредственной шпионской работе.

Вопрос: Можете начать с этого, только покороче. Нас интересуют конкретные факты вашего предательства.

Ответ: Мое сползание с партийных позиций началось задолго до того, как я оказался по ту сторону баррикад — в лагере контрреволюции.

Мелко-буржуазное происхождение и воспитание, а главное враждебное антисоветское окружение, в котором я находился в период Октябрьской революции, предопределило мое недоверчиво-враждебное отношение к пролетарской революции, что впоследствии, безусловно, сыграло известную роль в том, что я оказался в рядах врагов советской власти.

Начав с работы в Наркомпросе, под руководством А. ЛУНАЧАРСКОГО, я был восхищен его «свободными» либерально-примиренческими взглядами в отношении целого ряда враждебных Советскому государству фактов и явлений и, в частности, его благодушным отношением к буржуазной литературе и прессе, даже если они были антисоветского направления и нападали на Советскую власть. Это отношение и взгляды на враждебную Советской власти буржуазную печать я воспринял, как должное.

Вопрос: Это были не только взгляды. Известно, что вы выступали в буржуазной печати с контрреволюционными клеветническими статьями против политики Советской власти?

Ответ: Да, подобные мои взгляды не оставались только взглядами. Работая в советских органах, я одновременно нападал на эти органы на столбцах буржуазных газет. На практике это выражалось в том, что в 1918–19 г.г., сотрудничал в буржуазных газетах: в киевской газете «Эхо», издаваемой бульварным антисоветским литератором ВАСИЛЕВСКИМ, и в газетах «Наш путь», «Вечер» и журнальчике «Куранты», носивших также антисоветский характер. Я поместил в них ряд статей враждебного антисоветского содержания, по поводу репрессий, которые советская власть применяла к своим врагам, я описывал «душные минуты, проведенные в чрезвычайке» и прочие клеветнические небылицы о советской жизни.

Начав позднее работу в советской печати, я сохранил элементы той же мелко-буржуазной психологии и враждебности пролетарской диктатуре, которая впоследствии не раз приводила меня к другим антипартийным и антисоветским преступлениям.

В 1923 г. и в 1924 г. я систематически помещал в «Огоньке» хвалебного характера очерки и снимки ТРОЦКОГО, РАДЕКА, РЫКОВА, РАКОВСКОГО «за работой». Из видных троцкистов у

меня в период 1923–1924 г.г. начались встречи с РАКОВСКИМ и РАДЕКОМ, являвшихся в моих глазах тогда людьми авторитетными, оказавшими на меня вредное политическое влияние.

Вопрос: В чем выразилось это политически вредное влияние. Вы стали троцкистом?

Ответ: В том, что я по целому ряду вопросов стал разделять точку зрения троцкистов и был несогласен с партийной политикой в этих вопросах. Таковыми были вопросы о советской и партийной демократии, которые мне казались недостаточными; о положении интеллигенции, которая представлялась мне находящейся в загоне; о советской международной политике, которую я считал слишком пассивной, ведущей страну к изоляции, и самое главное о борьбе с врагами партии и народа, которую я находил слишком суровой и немилосердной.

Вопрос: Говорили ли вы партии об этих ваших «сомнениях»?

Ответ: Нет, открыто я по этим вопросам не выступал.

Вопрос: Стало-быть скрывали свое несогласие с политикой партии и сочувствие троцкистам?

Ответ: Да, скрывал.

Вопрос: Стало-быть вы уже в 1923–24 г.г. были обманщиком, двурушником в партии? Так?

Ответ: Да, это верно.

Вопрос: Но вы и здесь не договариваете, ваша роль уже и в тот период не ограничивалась только пассивным двурушничанием?

Ответ: Организационно я тогда с троцкистами связан не был. Единственным моим практическим шагом в смысле оказания содействия троцкистам явилась усиленная популяризация мною ТРОЦКОГО и его приспешников на страницах журнала «Огонек» после издания контрреволюционной книги «Уроки Октября» и полученного им в связи с этим отпора в партии.

Эти мои троцкиствующие взгляды продолжались у меня и в 1927–28 г.г., они еще более усилились и укрепились во мне в период 1931–32 г.г. и вызвали во мне настроения недовольства и вражды против руководства партии.

В это время в журналистской среде появился РАДЕК, вернувшийся из ссылки, с ним я начал периодически встречаться. Выступая внешне, как раскаявшийся оппозиционер, РАДЕК вначале и со мной взял такой же тон, однако, встречаясь со мной от времени до времени и нащупав мои антисоветские настроения, найдя во мне сочувствие, РАДЕК стал раскрывать передо мной свое истинное лицо.

Мое близкое общение и откровенные разговоры с РАДЕКОМ

показали мне, что «раскаяние» РАДЕКА, его «ортодоксальность» — только внешняя маскировка, за которой скрывается старый кадровый троцкист, резко враждебно настроенный к политике партии, ненавидящий руководство партии.

Вопрос: Вы знали не только настроения РАДЕКА, для вас не было секретом его преступная практическая работа. Расскажите об этом?

Ответ: Вначале я о практической стороне его антисоветской деятельности не знал, но по мере того, как РАДЕК втягивал меня в проводимую им антисоветскую работу — это для меня становилось ясным.

Вопрос: Ближе к делу. Как вы связались с РАДЕКОМ по антисоветской работе?

Ответ: Антипартийные, антисоветские разговоры со мной РАДЕК начал сперва с критики текущей политики Советского правительства, якобы упускающего важные международные позиции.

Он выдвигал тезис, что близкая связь СССР с буржуазно-демократическими государствами внесла бы много передового в отсталую советскую жизнь. Я соглашался с ним так, как питал большую симпатию к прелестям буржуазно-парламентского режима и был готов оказывать содействие проникновению их в СССР.

РАДЕК далее стал доказывать мне, что во внешнем капиталистическом мире единственным природным союзником СССР является Германия, что Рапаллский договор'— величайший документ советской истории, что Германия всегда будет надежной опорой и что связь с ней надо держать и крепить во что бы то ни стало.

Из дальнейших бесед с РАДЕКОМ я узнал, что существует группа «энтузиастов советско-германской дружбы», которая борется за нее неустанно, что он является покровителем этой группы и что мне следует к ней примкнуть. Как участников этой группы он мне назвал: ШТЕЙНА Б.Е. УМАНСКОГО К.А., ГНЕДИНА Е.А., МИРОНОВА Е.М., ВИНОГРАДОВА Б.Д. Эти люди, — объяснил он, — накопили важные связи с немцами, и политически необходимо эти связи питать изнутри страны, в чем я, КОЛЬЦОВ, могу им помочь.

Вопрос: Какие цели преследовала эта группа и в чем реально должно было выразиться ваше содействие ей?

Ответ: Группа эта работала в Наркоминделе и в центральных газетах. Это были люди морально и политически разложившиеся, чуждые политически советской власти и антисоветски настроенные, многие годы жившие или воспитывавшиеся за

границей и имевшие там широкие антисоветские связи. Эту группу лиц РАДЕК использовал для своих троцкистских целей в области международной политики.

«Помощь», которая потребовалась от меня, заключалась в регулярной политической информации о внутренней жизни СССР, которая передавалась немецким журналистам — агентам германской разведки. Необходимость этой «помощи» вначале внешне мотивировалась тем, что де, мол, немцы не удовлетворяются официальной информацией, и для поддержания с ними хороших отношений нужно давать им подлинную картину, реальные факты и оценки, держать их в курсе политической жизни страны.

В дальнейших разговорах РАДЕК стал подчеркивать, что де я со своими способностями могу очень выдвинуться на этом деле, сыграть большую роль, так как УМАНСКИЙ и другие — узкие профессионалы-наркоминдельцы, а он и я вносим сюда «свежий политический воздух».

Вопрос: И вы согласились стать шпионом?

Ответ: РАДЕК правильно учел мою мелко-буржуазную психологию и авантюризм. Я устремился по указанному им направлению, вначале не зная еще полностью, какие цели им преследуются, и втянулся, в этот политиканско-шпионский кружок. Вскоре у меня установилась теснейшая связь с работавшими тогда в отделе печати Наркоминдела — УМАНСКИМ и его помощником — МИРОНОВЫМ. Нередко к нам присоединялись РАДЕК и ГНЕДИН. В разговорах критиковалась и высмеивалась внешняя политика СССР и распространялась клевета на руководство партии.

При ряде таких разговоров присутствовал американец — журналист Луи ФИШЕР, близкий друг УМАНСКОГО, оказавшийся, как об этом мне впоследствии стало известно, крупным агентом американской разведки. О нем я более подробно остановлюсь ниже.

Вопрос: Ваша вражеская работа не ограничивалась только злопыхательством по адресу партии и советской власти.

Вам придется рассказать о вашей практической изменнической работе, которую вы проводили?

Ответ: Практически мое участие в этой шпионской группе выразилось в том, что я через МИРОНОВА сообщал агентам германской разведки ОСТУ, БАСЕХЕСУ и друг, шпионам, работавшим в качестве корреспондентов германских газет, о различных, известных мне, неопубликованных распоряжениях правительства; о назначениях и смещениях партийных и советских работников, о намеченных важных выступлениях

газеты.

Я дополнял эти сведения комментариями, т. е. сообщал известные мне причины того или иного назначения или смещения; давал подробные характеристики советских деятелей, тех, кто интересовал немцев, оценки их влиятельности, веса и их настроений, в том числе ряд фактов компрометирующего характера в отношении ряда лиц.

Помню, например, что я сообщал о ШВЕРНИКЕ, МЕХЛИСЕ, ПОСТЫШЕВЕ, КОСАРЕВЕ, ЯКОВЛЕВЕ, БУБНОВЕ и КОСИОРЕ.

Я передавал также подробную информацию об интеллигенции, ее отдельных представителях, например, о бывш. президенте Академии КАРПИНСКОМ, В. МЕЙЕРХОЛЬДЕ, В. НЕМИРОВИЧЕ-ДАНЧЕНКО, А. ТОЛСТОМ, О. ШМИДТЕ и других.

МИРОНОВ говорил, что немцы имеют представление о некоторых из этих лиц, но им важны мои характеристики, как хорошо разбирающегося в людях, знающего обстановку и имеющего доступ в среду ответственных партийных и советских работников.

Эти шпионские сведения я сообщал МИРОНОВУ при личных встречах, у меня на квартире, а иногда в редакции.

Вопрос: А вы расскажите, с кем из агентов немецкой разведки вы были непосредственно связаны. Назовите их фамилии?

Ответ: С БАСЕХЕСОМ и ЮСТОМ я был лично знаком, но я избегал встреч с ними и непосредственной передачи им шпионских материалов, боясь скомпрометироваться. МИРОНОВУ это было легче делать, так как он работал в Наркоминделе и его связь с иностранными корреспондентами казалась вполне естественной.

Вопрос: Вы скрываете свою связь с агентами германской разведки?

Ответ: Нет, я говорю так, как было.

Вопрос: Как долго продолжалась ваша шпионская связь с немцами?

Ответ: Передача мною шпионской информации для немцев продолжалась до сентября 1933 года, когда я уехал в Париж. После моего возвращения МИРОНОВ, непосредственно осуществлявший шпионскую связь с немцами, по поручению РАДЕКА, а впоследствии сам РАДЕК и УМАНСКИЙ обратились ко мне с требованием продолжить мою шпионскую информацию немцев. Несколько таких поручений я выполнил, а затем (примерно с ноября 1934 г.) стал уклоняться от этого.

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому, что после прихода в Германии к власти фашистов и в связи с резким изменением взаимоотношений между Германией и СССР связь с немцами стала весьма опасной.

Вопрос: Но ведь вы же снабжали немцев политической информацией до ноября 1934 г., а к этому времени, как известно, у власти в Германии уже давно находились фашисты, стало быть до 1934 г. вы работали на фашистов, почему же после этого вы вдруг прекратили эту работу?

Ответ: Я уже и в первое время тяготился своей шпионской работой; когда в 1934 г. РАДЕК, МИРОНОВ и УМАНСКИЙ обратились ко мне с предложением продолжить эту работу, я им прямо сказал, что сейчас опасно вести эту работу.

Вопрос: И что они вам ответили?

Ответ: РАДЕК мне цинично ответил, что об этом надо было мне раньше подумать.

Вопрос: Стало быть вы продолжали шпионскую работу в пользу немцев и после 1934 года?

Ответ: Нет, я отказался от этой работы.

Вопрос: Это ваше заявление явно неправдоподобно. Вы работали как на до-фашистскую Германию, так и на фашистскую. И то и другое — измена родине.

Непонятно, в связи с чем вы якобы отказались от этой работы?

Ответ: Я уже сказал, что к концу 1934 года в стране сложилась такая обстановка, что работать на немцев стало значительно труднее, к этому нужно добавить, что германские журналисты, в том числе те, которым МИРОНОВ передавал шпионские сведения, были к этому времени высланы из пределов СССР.

Вопрос: Вы безусловно врете. Связь с германской разведкой вы поддерживали до последнего времени и об этом вы нам еще покажете. А сейчас расскажите, кто такой Луи ФИШЕР, которого вы выше упомянули?

Ответ: Луи ФИШЕР американец, журналист, имеющий за границей и в Москве очень большие связи. Он был близко связан много лет с УМАНСКИМ и РАДЕКОМ, особенно близок он был с УМАНСКИМ, на которого имел огромное влияние и обращался с ним свысока. УМАНСКИЙ подчинялся его мнениям по всем политическим вопросам и ничего от него не скрывал.

С ФИШЕРОМ я познакомился на квартире у УМАНСКОГО в 1934 г. Он присутствовал и принимал участие в наших антипартийных антисоветских разговорах на квартире у УМАНСКОГО, о которых я выше показывал.

В 1935 году РАДЕК отрекомендовал мне ФИШЕРА, прося

оказать ему содействие.

Вопрос: Какое содействие? В чем?

Ответ: ФИШЕР делал неоднократно попытки сблизиться со мной, но я его недолюбливал и эти попытки отклонял. По-видимому, об этом он сообщил РАДЕКУ, так как при встрече с РАДЕКОМ и ФИШЕРОМ в конце 1935 года РАДЕК мне сказал: «Вы напрасно не дружите с ФИШЕРОМ, он стоит того. Он связан с нами, надо ему помогать».

Вопрос: Уточните, о какой связи с ФИШЕРОМ и о какой помощи ему шла речь?

Ответ: Смысл этой фразы состоял в том, что ФИШЕР является доверенным лицом РАДЕКА, МИРОНОВА, ГНЕДИНА и УМАНСКОГО и что я должен снабжать его соответствующей политической информацией, какую давал для немцев.

Вопрос: Иначе говоря, РАДЕК предложил вам оказывать шпионские услуги агенту американской разведки Луи ФИШЕРУ?

Ответ: Да, но должен оговориться, что в то время РАДЕК мне прямо не сказал, что ФИШЕР является агентом американской разведки. Это я понял из характера поручения, которое мне РАДЕК дал в отношении ФИШЕРА. С ФИШЕРОМ, как со шпионом, я столкнулся гораздо позднее.

Вопрос: Когда?

Ответ: В сентябре 1936 года, в Испании.

Вопрос: Как это произошло?

Ответ: В сентябре 1936 г. Луи ФИШЕР приехал в Мадрид, как корреспондент американской печати. Явившись ко мне, он попросил подробной информации о состоянии дел в Испании и о перспективах советской помощи республиканцам, при этом он мне напомнил рекомендацию РАДЕКА, давая мне понять, что ему известен характер моих взаимоотношений с РАДЕКОМ. Я его подробно информировал по интересовавшим его вопросам, в частности о положении в Испании и перспективах советской помощи и обещал и впредь оказывать ему подобные услуги.

При ближайших нескольких встречах я его дополнительно проинформировал о состоянии компартии Испании, о скрытой борьбе между коммунистами и Ларго КАБАЛЬЕРО, официально поддерживавших его.

Луи ФИШЕР попросил меня ввести его в советские круги Мадрида. Я познакомил его с военным атташе ГОРЕВЫМ и его помощником РАТНЕРОМ, которым охарактеризовал его, как человека, заслуживающего доверия.

Вопрос: С кем еще из советских граждан ФИШЕР установил связь в Испании?

Ответ: ФИШЕР связался с бывш. полпредом РОЗЕНБЕРГОМ, а

через него с несколькими советскими военными: БЕРЗИНЫМ, МЕРЕЦКОВЫМ и с представителями НКВД НИКОЛЬСКИМ («Орлов») и БЕЛКИНЫМ, последние мне подтвердили, что ФИШЕР является видным американским политическим разведчиком, имеющим влияние в Вашингтоне и осуществляющим связь с испанскими социалистами (группа Прието-Негрин).

Вопрос: Имели ли эти лица отношение к шпионской деятельности ФИШЕРА?

Ответ: На этот вопрос мне трудно ответить. Знаю только, что они встречались, более подробно характер их взаимоотношений мне неизвестен.

Вопрос: Встречались ли вы с ФИШЕРОМ после приезда в СССР?

Ответ: Только один раз. В мае 1938 года он мне позвонил в Москве и попросил заехать, так как он приезжал только на два дня и через час уезжает. Он сказал, что приехал за семьей, но она не получает паспортов на выезд, хотя ЕЖОВ обещал ему дать их. Задержка (или отказ) в выдаче паспортов его крайне тревожила, так как его семья дружила с семьей уже арестованного МИРОНОВА.

В Москве он успел, по его словам, повидать только ЛИТВИНОВА. Он торопился в Париж и в Испанию, к НЕГРИНУ, при котором он состоял советником и агентом по закупке оружия. ФИШЕР предполагал вскоре опять вернуться в Москву за семьей и тогда поговорить подробно об Испании. На этом связь с ним закончилась.

Вопрос: По этому вопросу вы еще всей правды не сказали, мы к нему впоследствии вернемся. Сейчас расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы стали агентом французской разведки и какую предательскую работу в СССР вы вели по ее заданию?

Ответ: Летом 1934 года, на съезде писателей в Москве, ЭРЕНБУРГ И.Г. познакомил меня с французским писателем Андре МАЛЬРО, с которым он приехал и неизменным спутником которого состоял. ЭРЕНБУРГ отрекомендовал его, как «исключительного человека», расписывал его популярность и влияние во Франции и очень рекомендовал с ним подружиться. У нас с ним и Эренбургом было несколько встреч, закрепивших знакомство.

Когда, по инициативе М. Горького, был поднят вопрос о созыве международного писательского конгресса и создании Ассоциации писателей, МАЛЬРО заявил, что берет это на себя.

В мае 1935 г., в Париже, в период организации Конгресса, МАЛЬРО и ЭРЕНБУРГ тесно сблизились со мной. МАЛЬРО

развивал широчайшие планы мировой ассоциации писателей и всей интеллигенции, которая будет оказывать огромное влияние на политическую и культурную жизнь всего мира, устраивать «интеллектуальные забастовки», диктовать свою волю правительствам, не исключая и Советского государства.

Видя мое увлечение всеми этими планами, МАЛЬРО повторил эти разговоры со мной наедине и тут же перешел к вопросу о трудностях. Он пожаловался на отсутствие поддержки ему со стороны французской компартии, на грубость и узость МАРТИ, ДЮКЛО, БАРБЮСА, на препятствия, которые они ему ставят, на отсутствие поддержки полпреда (ПОТЕМКИНА) и т. д.

В ответ на это я предложил ему работать рука об руку, обещал все уладить, «уломать всех чиновников» в компартии и в полпредстве и тут же прочел ему целую лекцию о бюрократизме в Коминтерне и Наркоминделе, в партийных и советских органах, о «косности и отсталости» этих органов, изолирующих страну от западной культуры.

МАЛЬРО слушал очень внимательно и, наконец, сказал: «Все это мне очень полезно знать. Ведь недаром про меня болтают, что я секретный агент Кэ Дорсэй (министерства иностранных дел.

И добавил: „Теперь такое время, что каждый писатель должен быть разведчиком“».

Несколько позднее МАЛЬРО вернулся к этим разговорам и мне конфиденциально сообщил, что ЭРЕНБУРГ И.Г. сотрудничает с французской разведкой и за это ему при любых условиях будет обеспечено французское гостеприимство и покровительство. В заключение МАЛЬРО предложил мне через него оказать услугу французской разведке политической информацией.

Вопрос: Иначе говоря, МАЛЬРО предложил вам стать агентом французской разведки?

Ответ: Да, к этому свелось предложение МАЛЬРО, он предложил мне стать политическим агентом французского правительства.

Вопрос: Вы согласились?

Ответ: Да.

Вопрос: За какую мзду?

Ответ: Денег я не получал.

Вопрос: Из каких же соображений вы пошли в услужение французской буржуазии?

Ответ: Обстоятельства моего политического падения, вам уже известны, к моменту вербовки меня МАЛЬРО я уже совершил ряд изменнических актов по отношению к своему государству. Я понимал, что в любую минуту могу быть разоблачен. МАЛЬРО же мне обещал, что «двери Франции для меня всегда будут

открыты». Это обстоятельство было для меня весьма важно.

Вопрос: Следовательно французская разведка обещала вам покровительство и гостеприимство в случае провала. Правильно мы вас поняли?

Ответ: Да, правильно, и это было одной из причин, почему я согласился сотрудничать с французской разведкой.

Вопрос: Эти ваши расчеты, как видите, не удались. Вас своевременно арестовали. Ответьте, какие поручения были вами получены и как вы практически реализовали эти шпионские задания?

Ответ: Будучи таким образом завербован МАЛЬРО, я в ряде откровенных бесед дал ему подробную характеристику положения в СССР, в городе и в деревне, внутрипартийной жизни и обрисовал отдельных, интересовавших его деятелей, политических, военных и хозяйственных, их настроений за и против советской власти, за и против войны, за и против военной помощи Франции, за и против Германии.

МАЛЬРО также усиленно интересовался, каковы сейчас шансы ТРОЦКОГО и его людей в СССР. И по этому вопросу дал ему подробную информацию, рассказав, что мне было известно о деятельности троцкистов в СССР.

Вопрос: Ваши показания носят весьма общий характер. Шпионскую работу вы вели не только в области политической разведки. Мы требуем от вас до конца откровенных показаний?

Ответ: Я вам рассказываю о преступлениях, которые совершил, больше за мной ничего нет.

Вопрос: Вы врете, следствию известно, что вы вели широкую разведывательную работу в пользу ряда иностранных разведок. Об этом вам придется дать подробные показания, а сейчас расскажите, с кем из французских разведчиков, кроме МАЛЬРО, вы поддерживали связь?

Ответ: С ВОЖЕЛЕМ.

Вопрос: Кто он такой?

Ответ: ВОЖЕЛЬ — журналист, разведчик по русским делам, работавший в контакте с МАЛЬРО и ЭРЕНБУРГОМ. Он был близок С РОЗЕНБЕРГОМ, СОКОЛИНЫМ, ГИРШФЕЛЬДОМ и б. графом ИГНАТЬЕВЫМ, находящимся сейчас в Москве на военной службе. Во время поездки ЛАВАЛЯ в Москву, ВОЖЕЛЬ его сопровождал.

Вопрос: Назовите все известные вам шпионские связи ВОЖЕЛЯ в СССР?

Ответ: Московскими друзьями и осведомителями ВОЖЕЛЯ являются: МИХАЙЛОВ — редактор «Журналь де Моску», МЕЙЕРХОЛЬД и ТОЛСТОЙ.

Вопрос: Они вам известны, как агенты французской

разведки?

Ответ: Первые два являются близкими друзьями ВОЖЕЛЯ и постоянно информируют его по всем интересующим его вопросам. Были ли они официально завербованы французскими разведывательными органами мне неизвестно, а что касается А. ТОЛСТОГО, то я слышал, что он является агентом французской разведки.

Вопрос: Откуда вы это знаете?

Ответ: От МАЛЬРО. Он рассказал мне, что А. ТОЛСТОЙ был завербован французами и англичанами еще в период своей эмиграции и что ТОЛСТОЙ, используя поездки за границу, поддерживает свои прежние связи с русскими белогвардейцами, в частности с БУНИНЫМ.

Лично я был свидетелем того, что во время конгресса писателей в Париже, ТОЛСТОЙ поселился отдельно от других советских делегатов и принимал у себя белых. Придя к нему, я застал у него ВОЖЕЛЯ, семью ШАЛЯПИНЫХ и Н. А. ПЕШКОВУ — невестку ГОРЬКОГО.

В другой раз, в 1937 году, приехав вместе со своей женой Людмилой КРЕСТИНСКОЙ (племянницей КРЕСТИНСКОГО Н.Н.), ТОЛСТОЙ поселился вместе с Марией БЕНКЕНДОРФ-БУДБЕРГ, своей старой приятельницей, известной, как агент «Интеллиженс-Сервис», принимавшей близкое участие в деле ЛОККАРТА.

Вопрос: Вы показали, что ЭРЕНБУРГ является давнишним агентом французской разведки. Имел ли он отношение к вашей вербовке?

Ответ: Да, имел.

Вопрос: Какое?

Ответ: МАЛЬРО мне впоследствии рассказывал, что идея вербовки меня принадлежала ЭРЕНБУРГУ. Он подал эту мысль МАЛЬРО, он же познакомил и сблизил меня с ним.

После того, как с ЭРЕНБУРГОМ у меня установились близко-доверительные отношения, он меня познакомил со своим «штабом», в который входили: эмигрант ПУТЕРМАН, журналист О. САВИЧ, оставивший СССР в 1925 г., испанец-анархист ГЕРАССИ и его жена полька-галичанка Стефа. Не вдаваясь в подробности, друзья ЭРЕНБУРГА ПУТЕРМАН и САВИЧ мне тогда сообщили, что эти люди служат ему для выполнения каких-то особых заданий БУХАРИНА.

Вопрос: ЭРЕНБУРГ имел отношение к преступной деятельности БУХАРИНА?

Ответ: Да, мне известно, что ЭРЕНБУРГ И., будучи единомышленником БУХАРИНА, являлся его представителем в Париже и выполнял там, по заданию БУХАРИНА, какие-то

специальные задания.

Вопрос: Какие именно?

Ответ: В курс этих заданий ЭРЕНБУРГ меня не вводил.

Вопрос: Расскажите более подробно все, что вам известно об антисоветской связи ЭРЕНБУРГА с БУХАРИНЫМ?

Ответ: Со слов ЭРЕНБУРГА мне известно, что с БУХАРИНЫМ он был дружен еще со школьной скамьи и они всегда взаимно друг другу помогали.

Во время гражданской войны БУХАРИН устроил проезд ЭРЕНБУРГА из белогвардейской тогда Грузии в дипломатическом вагоне, через Москву в Берлин.

Став редактором «Известий», БУХАРИН в лице ЭРЕНБУРГА получил удобного представителя в Париже, маскируя свои истинные отношения и близость с ним служебными отношениями.

В 1935 г. при поездке БУХАРИНА в Париж, ЭРЕНБУРГ организовал ему встречи с эмигрантами.

Вопрос: С кем?

Ответ: Фамилии мне неизвестны.

Вопрос: МАЛЬРО знал о связи ЭРЕНБУРГА с БУХАРИНЫМ?

Ответ: По этому вопросу я с МАЛЬРО не говорил, но, зная отношения его с ЭРЕНБУРГОМ, полагаю, что он знал об этом.

Вопрос: Вы не все рассказали о вашей изменнической работе в пользу французской разведки. Вернемся к этому вопросу?

Ответ: В основном я рассказал все. Я упустил только следующее обстоятельство: когда весной 1936 г. германские войска заняли Рейнскую область, МАЛЬРО находился в СССР. По его просьбе я его подробно информировал о настроениях советских политических кругов, в связи с этим фактом.

МАЛЬРО интересовался реальностью перспектив франко-советской взаимопомощи. Я его убедил в том, что рассчитывать на помощь СССР в этом вопросе не приходится, так как о боеспособности французской армии сложилось весьма скептическое мнение, и что СССР использует франко-советский пакт только, как козырь против Германии. С этой информацией МАЛЬРО уехал в Париж, оставив в Москве своего брата Роллана МАЛЬРО, который поселился на квартире писателя БАБЕЛЯ.

По поручению МАЛЬРО, я стал оказывать младшему МАЛЬРО содействие по его внедрению в советскую жизнь, но вскоре начались события в Испании и я уехал туда.

В Париже я застал МАЛЬРО. Он предоставил мне для перелета военный бомбовоз, на котором я перелетел Пиренеи. Сам он прилетел следом за мной в Барселону, а затем в Мадрид, где развернул свою интернациональную эскадрилью, которая

вскоре разложилась, так как он ее составил из всякого международного уголовного и шпионского сброда, вдобавок, плохой летной квалификации.

Вскоре в Испанию приехал помощник МАЛЬРО по шпионажу — ВОЖЕЛЬ; он расположился в Барселоне, вслед за ним и ЭРЕНБУРГ со своим «штабом». САВИЧА он устроил на службу в ТАСС, ПУТЕРМАНА в военную цензуру, СТЕФУ — держал при себе секретарем, а ее муж определился в разведывательное управление.

Таким образом французская разведка проникла в наиболее важные и уязвимые участки республиканского фронта и тыла.

Вопрос: Вот вы и расскажите о своей предательской роли в этом деле?

Ответ: В Испании МАЛЬРО во мне не нуждался, так как располагал широкими связями и большими возможностями и обходился без моей помощи.

Вопрос: Это ваше заявление не соответствует действительности. Мы требуем от вас исчерпывающих показаний о всей вашей подрывной работе в Испании?

Ответ: Я рассказал все, в чем был виновен и о всех своих антисоветских и шпионских связях. Больше мне показать нечего.

Вопрос: Вы продолжаете скрывать свою подлую, изменническую работу в Испании и не рассказали полностью о всех фактах вашей шпионской работы в пользу германской разведки.

Предупреждаем вас, что об этом вам придется рассказать следствию.

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан.

КОЛЬЦОВ.

Допросили:

НАЧ. 6 ОТД. 2 ОТДЕЛА ГУГБ — КАПИТАН ГОСУДАРСТ. БЕЗОПАСНОСТИ: (ВИЗЕЛЬ)

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ НКВД — ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТ. БЕЗОПАСНОСТИ: (КУЗЬМИНОВ)

Итак, перед нами два документа из «Дела»: «добровольные», собственноручные показания Кольцова и протокол допроса. При чтении этих документов становится ясной «технология» составления так называемых протоколов допроса. Скорее всего, этих допросов просто не было, а следователи брали текст собственноручных показаний, выбитых у Кольцова, выбирали из них нужные им куски и вставляли в протокол допроса, добавляя в него, по своему усмотрению, все, чем они хотели усугубить его вину, после чего заставляли подписать каждую страницу

«протокола».

Читая «признания» Кольцова, можно сделать вывод, какие же именно факты из многогранной деятельности Кольцова стали причиной его ареста, а точнее, за что Сталин казнил Кольцова. Перечислим «претензии» к Кольцову. Первая — публикация в журнале «Огонек» литературных и фотографических материалов о Троцком и других деятелях правительства и компартии, позднее ставших «врагами народа». Вторая — публикация в «Правде» острых, критических фельетонов и очерков, разоблачавших всевозможные безобразные явления советского быта. Третья — провал, с точки зрения Сталина, парижского Международного конгресса писателей в 1935 году. Четвертая — визит в СССР французского писателя Андре Жида и, как результат этого визита, — книга впечатлений о его поездке. Пятая — поражение сторонников республики в Испании, где Кольцов играл видную роль в республиканском руководстве.

«АНТИСОВЕТСКИЕ» ФЕЛЬЕТОНЫ

В «Деле Кольцова» содержатся обвинения в том, что на страницах «Правды» публиковались материалы, порочащие советскую власть. Такие публикации действительно были, но они порочили не саму власть, а людей, эту власть олицетворявших — тупоумных «высокопоставленных» чиновников, зажравшихся партийных вельмож, проворовавшихся военных начальников, высмеивали безудержное и глупое бахвальство о преимуществе всего советского. Вот несколько таких фельетонов.

ИСКУССТВО ЗАЛИЗЫВАТЬ

О хулиганстве, мордобоях, о кражах и прочих уголовных преступлениях правильнее всего сообщать в хронике происшествий. Желательно с указанием, задержаны ли и наказаны преступники, а если нет, то производят ли следствие милиция и уголовный розыск.

Совершенно излишне сопровождать информацию подобного рода морально-этическим разбором, нравоучительными пояснениями и заголовками. Хотя это у нас еще и делается.

Человек влез ночью в окно, долго, кряхтя и вытирая со лба пот, взламывал несгораемый шкаф, забрал содержимое и скрылся. А заметка об этом гласит:

«Не понимают принципа общественной собственности».

Трое здоровенных дядей напали на рабочего, долго избивали его, потом поставили под кран с холодной водой и затем опять били. А их поучают:

«Побольше чуткости к живому человеку».

Гражданин украл на фабрике комод, притащил и поставил у себя в комнате. А о нем говорят:

«Не оправдал себя на практической работе…»

Часто это делается просто по глупости, по заскорузлой неподвижности сонных мозгов, по тупому чиновничьему равнодушию.

Часто, но не всегда.

Бывает, что люди притворяются идиотами, не состоя ими на самом деле. Привычными, обмелькавшимися формулами они прикрывают действия из ряда вон выходящие, гладким тренированным языком зализывают поступки, не нуждающиеся ни в какой оценке, кроме статей уголовного кодекса.

У города Старая Русса есть Фанерный завод № 2. При этом заводе — пожарная охрана. Мы не знаем, как сия организация

вела себя в борьбе со стихией огня. В другом отношении она проявила себя бесподобно. Два года подряд банда хулиганов, фактически существовавшая под фирмой пожарной охраны, терроризировала рабочий поселок Парфино.

Если кто-нибудь из рабочих и вообще из жителей поселка появлялся навеселе на территории завода или просто на улице, пожарные молодцы схватывали его и тащили в депо, открыто избивая по пути.

В депо пожарные связывали своим пленникам руки, привязывали ноги к шее, кидали на каменный пол, клали под кран с ледяной водой или в конюшню между лошадьми.

После избиений люди лежали по нескольку дней, лечились, иногда неделями не выходили на работу по бюллетеню.

Чтобы не иметь никаких забот с пожарами, хулиганы попросту запретили топить печи в заводских общежитиях. Когда рабочий Ветров заявил протест начальнику охраны Малашникову, его схватили, зимой без шапки и пальто, сволокли в депо, и там Малашников самолично его избил.

Безнаказанность хулиганов сделала их буквально грозой поселка и на заводе. Бригадир Ершова, пожаловавшись на работницу Иванову, как на лодыря, просит начальника цеха не рассказывать Ивановой, кто жаловался.

— Ее муж пожарник, он может и нож в бок пырнуть, а ведь у меня дети.

На фоне таких преступлений уже пустяками кажутся кражи, подлоги Малашникова и его помощников Чижова, Сенина, Алиева, их фальшивые расписки друг другу, хищение комодов и прочего заводского добра.

С приходом на завод нового директора кончилась круговая порука, пострадавшие, не боясь мести, стали подавать жалобы, дело пошло в прокуратуру.

Сейчас, в конце января этого года, состоялся суд над преступниками из пожарной охраны. Малашников получил девять лет тюрьмы, Сенин и Алиев — по семь, Чижов — четыре года, Крутов — три.

Но смотрите, как округло и гладко преподносят это страшное дело старорусская и парфинская партийные организации, их печатные органы.

Газета «В бой за фанеру» поучает:

«Развернув большевистскую самокритику, мы можем и должны выявить и изгнать из наших рядов притаившихся кое-где классовых врагов, жуликов и всех тех, кто мешает социалистическому строительству».

Сказано без запинки, но не добавлена еще одна совсем

простая вещь. Редактор почтенного органа «В бой за фанеру» работает на заводе пять лет заведующим спецотделом и не раскрывал своих уст в защиту избиваемых людей, пока хулиганов не взяла за шиворот прокуратура!

Газета «Трибуна», орган Старорусского райкома ВКП(б), со своей стороны заявляет:

«Развернув большевистскую самокритику, мы можем и должны выявить и изгнать из наших рядов всех притаившихся кое-где классовых врагов, жуликов и всех тех, кто мешает социалистическому строительству».

Как видите, орган райкома даже не дал себе труда сказать свое слово о парфинских преступлениях. Он просто списал до буквы заклинание заводского редактора, пособника и покрывателя хулиганов и преступников.

В том же номере «Трибуны» мы читаем список исключенных из партии по проверке партийных документов в старорусской организации. И здесь находим наших кумов-пожарных.

Исключен «за невыполнение партустава и нежелание повышать свой идейно-политический уровень Сенин Алексей Прокофьевич, фанзавод № 2».

Исключен, «как не оправдавший себя на практической работе Чижов Алексей Антонович, фанзавод № 2».

Старорусский райком зализывает грязные, позорные пятна. Как густо зализывает! Как нечестно, как непартийно!

К лицу ли это районному комитету? Достойно ли поступать так перед лицом рабочих, видевших преступления парфинских хулиганов?

Пусть партийная организация Старой Руссы отдаст себе в этом отчет.

ПОХВАЛА СКРОМНОСТИ

Будто бы в городе Казани, на Проломной улице, жили по соседству четверо портных.

Заказчиков мало было, конкуренция злая. И, чтобы возвыситься над соперниками, портной Махоткин написал на вывеске: «Исполнитель мужских и дамских фасонов, первый в городе Казани».

А тогда другой взял да изобразил: «Мастер Эдуард Вайнштейн, всероссийский закройщик по самым дешевым ценам».

Пришлось третьему взять еще тоном выше. Заказал огромное художественное полотно из жести с роскошными фигурами кавалеров и дам: «Всемирно известный профессор Ибрагимов по последнему крику Европы и Африки».

Что же четвертому осталось? Четвертый перехитрил всех. На его вывеске было обозначено кратко: «Аркадий Корнейчук, лучшей партной на етай улицы».

И публика, как утверждает эта старая-престарая история, публика повалила к четвертому портному.

И, исходя из здравого смысла, была права…

Бывает — идет по улице крепкий, храбрый боевой полк. Впереди полка — командир. Впереди командира — оркестр. Впереди оркестра — барабанщик. А впереди барабанщика, со страстным визгом, — босоногий мальчишка; и из штанишек сзади торчит у него белый клок рубашки.

Мальчишка — впереди всех. Попробуйте оспорить.

С огромным разбегом и напором, собрав крепкие мускулы, сжав зубы, сосредоточив физические и моральные силы, наша страна, такая отсталая раньше, рванулась вперед и держит курс на первое место в мире, на первое место во всех отраслях — в производстве, потреблении, в благосостоянии и здоровье людей, в культуре, в науке, в искусстве, в спорте.

Курс взят наверняка. Дано направление без неизвестных. Социалистический строй, отсутствие эксплуатации, огромный народный доход через плановое хозяйство и прежде всего сам обладатель этого дохода, полный мощи и энергии советский народ, его партия, его молодежь, его передовики-стахановцы, его армия, его вера в себя и в свое будущее — что может устоять перед всем этим?

Но хотя исход соревнования предрешен, само оно, соревнование, не шуточное. Борьба трудна, усилий нужно много, снисхождения, поблажек нам не окажут никаких — да и к чертям поблажки. Пусть спор решат факты, как они решали до сих пор.

Оттого досадно, оттого зло берет, когда к боевому маршу примешивается мальчишечий визг, когда в огневую атаку путается трескотня пугачей.

Куда ни глянь, куда ни повернись, кого ни послушай, кто бы что бы ни делал, — все делают только лучшее в мире.

Лучшие в мире архитекторы строят лучшие в мире дома. Лучшие в мире сапожники шьют лучшие в мире сапоги. Лучшие в мире поэты пишут лучшие в мире стихи. Лучшие актеры играют в лучших пьесах, а лучшие часовщики выпускают первые в мире часы.

Уже самое выражение «лучшие в мире» стало неотъемлемым в словесном ассортименте каждого болтуна на любую тему, о любой отрасли работы, каждого партийного аллилуйщика, каждого профсоюзного Балалайкина. Без «лучшего в мире» они слова не скажут, хотя бы речь шла о сборе пустых бутылок или

налоге на собак.

Недавно мы посетили библиотеку в одном из районов Москвы. Там было сравнительно чисто, прибрано, хорошо проветрено. Мы похвалили также вежливое обращение с посетителями. Отзыв не произвел особого впечатления на заведующую. Она с достоинством ответила:

— Да, конечно… Это ведь лучшая в мире библиотека по постановке работы. У нас тут иностранки были, сами заявляли.

Этой струе самохвальства и зазнайства мало кто противодействует. А многие даже поощряют. Особенно печать. Описывают вещи и явления или черной, или золотой краской. Или магазин плох — значит, он совсем никуда не годится, заведующий пьяница, продавцы воры, товар дрянь, или магазин хорош — тогда он лучший в мире, и нигде, ни в Европе, ни в Америке, нет и не будет подобного ему.

Еще предприятие не пущено в ход, еще гостиница не открыта, и дом не построен, и фильм не показан, а бойкие воробьи уже чирикают на газетных ветках:

— Новые бани будут оборудованы по новому усовершенствованному принципу инженера Ватрушкина, а именно: будут обладать как холодной, так и горячей водой. Впервые вводится обслуживание каждого посетителя индивидуальной простыней. Впервые в мире будут радиофицированы и телефонизированы парильные отделения, — благодаря чему моющийся сможет тут же, на полке, прослушать курс гигиены, навести по телефону любую справку или подписаться на любой журнал.

— В смысле постановки дела гостиница равняется на лучшие образцы американских отелей, хотя во многом будет их превосходить. Каждая комната в гостинице снабжается индивидуальным ключом. Каждый жилец сможет вызвать по телефону такси. Пользуясь почтовым ящиком, специально установленным на здании гостиницы, проживающие смогут отправлять письма в любой пункт как СССР, так и за границу.

— По производству ходиков советские часовые фабрики прочно удерживают первое место в мире.

— После окраски фасадов и установки дуговых фонарей Петровка может стать в первом ряду красивейших улиц мира, оставив за собой Унтер ден Линден, Бродвей, Елисейские Поля и Нанкин-род.

И, принимая у себя репортера, киномастер в шикарных бриджах цвета птичьего гуано рокочет уверенным басом:

— Наша первая в мире кинематография в лице своих лучших ведущих представителей готовится дать новые великие фильмы. В

частности, лично я напряженно думаю над сценарием для своей ближайшей эпопеи. Сюжет еще не найден. Но ясно одно: по своей новизне этот сюжет не будет иметь прецедентов. Не определились также место съемок и состав актеров; но уже имеется договоренность: район съемок будет самым живописным в мире, актерская игра оставит за собой все, что мы имели до сих пор в данном столетии…

Если какой-нибудь директор небольшого гиганта по утюжке штанов отстал от жизни и недогадлив, тот же репортер, как дрессировщик в цирке, умело равняет его на искомую терминологию.

— Реконструкция брючных складок производится у вас по методу «экспресс»?

— Безусловно. А то как же. Как есть чистый экспресс.

— Любопытно… Чикаго на Плющихе… Растем, нагоняем… А это что? Там на табуретке?

— Это? Да как будто газета, вечерочка.

— Н-да, маленькая читальня для удобства ожидающих… Ловко! И цветочек рядом в горшке. Небольшая, уютно озелененная читальня дает назидательный урок американским магнатам утюга, как надо обслуживать выросшие потребности трудящегося и его конечностей… Ведь так?

— Безусловно. А то как же.

Эта глупая трескотня из пугачей особенно обидна потому, что тут же рядом идет подлинная борьба за мировое первенство, и оно подлинно достигается на подлинных цифрах и фактах.

Ведь это факт, что наша страна стала первой в мире по производству тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин, по синтетическому каучуку, по сахару, по торфу, по многим другим материалам и машинам. Не смешно ли рядом с этим хвалиться первым местом по выпуску ходиков?

Мы вышли на второе место в мире по чугуну, по золоту, по рыбе.

Сосредоточив все мысли своей молодой головы, Ботвинник добился первого места на Международном шахматном турнире. Но место пришлось поделить с чехословаком. А все-таки Ботвинник собирает силы, готовит новые битвы за международное, за мировое первенство.

Наши рабочие парни-футболисты пошли в бой с лучшей буржуазной командой Франции. Пока проиграли — факт. Но проиграли более чем прилично. Мы верим, что скоро отыграются. Но и это будет признано только на основе неумолимого факта же: цифры на доске футбольного поля должны будут показать это, и

никто другой.

Парашютисты Советского Союза держат мировое первенство своей ни с чем не сравнимой храбростью. Три молодых героя побили рекорд подъема на стратостате, но заплатили за это своими жизнями, — разве не оскорблением их памяти звучат зазнайство и похвальба людей, зря, без проверки присваивающих своей работе наименование «лучшей в мире»!

А проверку мирового качества надо начинать со своей же собственной улицы.

Московское метро, по признанию всех авторитетов, несравненно лучше всех метро на земном шаре. Но оно и само по себе хорошо, здесь, в Москве, для жителей своих же московских улиц. Москвич усомнился бы в мировых качествах своего метрополитена, если ему, москвичу, езда в метро доставляла бы мучение.

Вот представим себе такую картину.

Часовой магазин. Входит покупатель, по виду иностранец, солидный, важный, строгий. Требует карманные часы. Только получше.

— Вам марки «Омега» прикажете? Прекрасные часы, старая швейцарская фирма.

— Знаю. Нет. Что-нибудь получше.

— Тогда «Лонжин»?

— Лучше.

— Что же тогда? Может быть, Мозера, последние модели?

— Нет. Лучше. У вас ваших московских, «Точмех» — нет?

— Есть, конечно. Но ведь очень дороги.

— Пусть дороги, зато уж на всю жизнь. Все эти швейцарские луковицы я и у себя могу достать. А вот из Москвы хочу вывезти настоящий «Точмех»…

Мы ждем, что эта волшебная картина скоро станет четким фактом. А пока не стала — будем, среди прочего, крепко держать первое место в мире по скромности.

1936 г.

ДЕМОКРАТИЯ ПО ПОЧТЕ

Избирали президиум, избирали почетный президиум.

Избирали мандатную комиссию, избирали редакционную комиссию. Просили избранных товарищей занять места. Занимали места. Оглашали приветствия. Пели «Интернационал». Просили в зале не курить. Делали обеденный перерыв. Обедали. Опять заседали. Слушали приветствия. Приняли подарки. Ораторы, разгоряченные, в мыле, опустошали графины. В

президиум стрелой летели озабоченные записки: «будет ли кино?», «я третий раз прошу слова, а вы меня затираете», «почему не избран в президиум Анри Барбус?»… Словом, окружная партийная конференция заседала.

Тов. Ушаков, первый секретарь и руководитель организации, зорким оком опытного лекаря наблюдал за пульсом, температурой и общим состоянием своей паствы.

Несколько раз закоченевшие от сидения и речей делегаты взывали о закрытии прений. Окружной вождь делал из этих записок кораблики и окунал их в чернильницу.

— Еще пусть потреплются. Не взопрели еще. Сок из них не вышел.

— Устали все очень. Смотри, многие уже второй день на конференцию не приходят. Надо бы кончать.

— Никак нельзя. Худо-бедно, а еще день-полтора пусть помусолят.

— Так ведь потом еще с резолюциями возня!

— Ерунда, дело знакомое. Резолюцию тогда надо вынимать, когда народ в последнем издыхании. А тут еще человек двадцать совсем свежих, вот один, стерва, даже смеется. А этот яблоко грызет как ни в чем не бывало. Пусть их укачает дотошна, тогда можно и с резолюциями.

На седьмой день конференция была совсем готова. Половина делегатов позеленела от слушания речей, как от морской болезни. Другая половина нейтрально дремала или делала покупки по магазинам.

И тогда мудрый товарищ Ушаков встал, небрежно держа на ладони толстую пачку листов.

— Товарищи! Тут вот у меня резолюция… О задачах парторганизации, ну, там и о работе окружкома… Я думаю, народ устал, так что разрешите не оглашать? А?

Конференция встрепенулась. Измочаленные делегаты хмуро переживали внутреннюю борьбу.

— Надо бы все-таки того… прочесть. Неудобно как-то не читая.

Ушаков игриво сощурил глаза.

— Собственно говоря, читать особенно незачем, одна формальность. Все всем известно, притом публика тут вот жалуется — очень устали. Так, может, не читать, а?

— Может, прочтем, товарищ Ушаков? Уж все равно, столько сидели — посидим еще…

— Если хотите, прочту, пожалуйста, мне что… Только уж не пеняйте, они у нас во какие!

Окружной секретарь угрожающе взмахнул стопой густо

измаранной бумаги. По рядам прошла опасливая дрожь.

— Ладно, чего там, пожалуй, не стоит, Ушаков, читать.

Руководитель торопливо спрятал бумаги в портфель.

— Дело ваше, уговаривать больше не буду, не хотите читать и не надо. Считаем резолюции в основе принятыми.

— А как же с поправками быть? С дополнениями?

— Это, пожалуйста, вносите.

— Как же вносить, если мы резолюции не слышали? Товарищ Ушаков?

На это председатель окружной конференции, уже сходя с трибуны, благожелательно улыбнулся:

— В газете резолюции прочтете, тогда и пришлите поправки — по почте. У нас ведь демократия!

1929 г.

ЛИЧНЫЙ СТОЛ

Сначала разговор быстро и бодро плывет по широкой, полноводной реке. И вдруг как-то незаметно его относит в узкую, унылую, неподвижную заводь.

— Значит, после выходного давайте приступайте к работе. Откладывать не приходится, дело стоит.

— Пожалуйста, за мной задержки нет. Могу прийти завтра оформляться.

— Вот именно. Зайдите в личный стол. Я ему от себя позвоню, столу. А вы привезите паспорт и характеристику с предыдущего места работы. Больше никаких формальностей не надо.

— Видите ли… Я не так уж уверен, что характеристика будет красивая…

— Почему же? Ведь вы отличный мастер, об этом все знают. Ведь ваши работы премированы на выставке. Какая же может быть характеристика?

— У меня там были недоразумения с завкомом. Из-за общественной нагрузки с ними поспорил. Очень сильно поспорил. Они мне под конец обещали: «Свои люди — сочтемся». Боюсь, они в характеристике сочтутся.

— Н-да. Это хуже. Это гораздо хуже! Надо вам что-нибудь придумать.

— Чего же придумывать. Вы-то меня знаете?

— Я-то вас знаю…

— Ну вот, вы и объясните личному столу, что я за работник, что за человек. Это для него важнее, чем отзыв каких-то неведомых людей.

— Так-то оно так. Да разве столу такие вещи объяснишь? Стол таких тонкостей не понимает. Столу бумажка нужна, на то он стол личного состава.

— Но ведь он вам же и подчинен, стол. Напишите сами ему бумажку, если хотите иметь меня на работе.

— Хотеть хочу. Но бумажки, откровенно говоря, писать не буду. С такими вещами не шутят. Бумажка есть документ, а за документ отвечать надо, понятно? Неужели вы не можете выцарапать с места работы хоть какой-нибудь отзыв? Ну, не характеристику; хоть справку, пустяк, ерундовину какую-нибудь. Что, мол, работал у нас с такого по такое-то и что… ну и все. Хотя бы так! Не для меня, для стола это нужно. А без этого, извините, я вас брать не рискну.

А то бывает и наоборот. Разговор медленно трясется по проселочным ухабам и вдруг сразу выкатывает на легкое, удобное, гладкое, шоссе.

— Да я десятый раз объясняю, не могу я тебя взять! Скандал получится, пойми. Ведь тебя тут все как облупленного знают, какой ты есть работник и какие с тобой там были истории. Немедленно поставят вопрос.

— И пусть поставят. Скажешь, что все это были сплетни, что характеристика хорошая, что оттуда ушел по собственному желанию и что вообще — в чем дело?

— Какая характеристика? Разве тебе там дали хороший отзыв?

— А как же. Согласно уговору. Когда заварилась эта каша, я сам пошел и предложил: или освобождайте «по собственному желанию» с хорошей характеристикой, или увольняйте с преданием суду, но уж тогда я из вас пыль повыбью — во всех инстанциях от Эркака до прокурора такого порасскажу, что не обрадуетесь. Ну, они тоже не идиоты: сейчас же отпустили, а составить характеристику дали мне самому.

— Что же ты молчал, чудак! Столько времени зря проговорили. Лети в личный стол, зачисляйся. Копию с характеристики мне оставь, пусть под руками находится.

Человек работает — год, два, пять, восемь лет. Хорошо работает: жарко, весело, успешно. Им довольны, отмечают, ценят, премируют, держатся за него. Пишут о нем в газетах.

Хорошая слава пошла о человеке. Пошла и дошла до того угла, где у человека некогда случился плохой эпизод. Или просто — притаились недруги, конкуренты, завистники.

Тогда из угла побредет за человеком бумажонка.

Она пойдет медленно, семеня ножками, как насекомое. Но обязательно догонит человека.

Бумажонка невзрачная, на серой бумаге, слепым шрифтом отбитая, с плохо оттиснутым штампом, с неразборчивыми подписями и глухим содержанием.

В бумажонке осторожно и туманно говорится, что имярек, который работает у вас, в свое время где-то проявил себя весьма отрицательно, что, по имеющимся данным, вел себя антиобщественно, что, по поступившим заявлениям, устраивал пьянки, что, по создавшемуся впечатлению, является элементом отсталым и пассивным.

У кого имеются такие данные? Куда поступили заявления? От кого? Когда? Пять лет назад? У кого создалось впечатление? Почему создалось? Как создалось? Создалось ли?

Ничего в глухой бумажонке не разъяснено. Она написана хмуро, невнятно, сквозь зубы. Проверить бумажку трудно, часто невозможно. А все-таки бумажка действует.

Ее обносят по кабинетам, бережно прячут в личном столе. И сразу стол, возомнив себя ужасно бдительным, начинает прищуриваться на человека, новым косым взглядом рассматривать его отличную работу, отодвигать хорошего работника в сторону, в тень, в задние ряды. Сам человек, не понимая причины, грустит и мучается от перемены обстановки и отношения к нему; он думает, что стал хуже работать, что в чем-то провинился, в чем-то ошибается. А на самом деле — эта тихая, лживая бумажка, никем не проверенная и никем не подтвержденная, исподтишка гложет его труд, его отдых, его спокойствие.

Бывает и еще хуже. Талантливый ученый-медик, аспирант большого столичного института, недавно вернувшись из научной командировки, узнал, что отчислен из аспирантуры. Он спрашивает о причинах — причин не объясняют. Идет в Наркомздрав, просит проверить, выяснить, восстановить — не восстанавливают, не проверяют, не выясняют. Человек ходит вне себя, ничего не понимает, он на грани умопомешательства. Совершенно случайно узнал, что его отчислили… за шпионаж. За шпионаж отчислить от аспирантуры — и только? Ученый обратился в бюро жалоб Комиссии советского контроля. Бюро произвело расследование, — оказалось, что кто-то, неизвестно кто, звонил по телефону в институт, в личный стол и, даже не назвав себя, объяснил, что аспирант занимается шпионажем. Этого было достаточно, чтобы мгновенно уволить давно хорошо известного работника. Только вмешательство бюро жалоб восстановило его в институте…

В Винницком лесном тресте уволили лесовода Баяновича «как офицера царской армии». Повсюду знали Баяновича как

отличного и честного специалиста, всюду рады были бы иметь его. Но, взяв в руки бумажку об увольнении, отскакивали от него, как от чумы. По сути же дела, Баянович был еще до мировой войны помощником лесничего. На войне был в самом деле поручиком, но уже в семнадцатом году и затем восемнадцать лет подряд работал по лесному хозяйству, работал честно, хорошо. Бумажка подсекла эту долгую работу. Вдобавок газета «Лесная промышленность» заклеймила Баяновича в залихватской заметке… Понадобилось опять участие Советского контроля, чтобы Наркомлес набрался храбрости и дал Баяновичу работу.

Зина Ошанская работала много лет, и хорошо, уборщицей дома отдыха в Западной области. Но приползла откуда-то бумажка: Ошанская — дочь попа. Личный стол, а за ним и прочее начальство взволновалось. Посмотрели в делах — уборщица никогда не скрывала своего происхождения. Все равно: чтобы уберечься от бумажки, уволили уборщицу с ее ответственного поста. Профсоюз и даже его областной отдел подтвердили увольнение. Только в Москве пересмотрели это дело. Ну, если в Москве, тогда пожалуй. Тогда еще можно доверить дочери попа подметать комнаты в доме отдыха. Московская бумажка перекрывает бумажку смоленскую. Личный стол успокоился.

Чем в конце концов занимаются все эти личные столы, отделы кадров, группы по найму? Кого они подбирают — работников или бумажки со слепо пришпиленными к ним живыми людьми?

Конечно, святая обязанность каждого секретариата, каждого делопроизводства, каждой канцелярии собирать и тщательно хранить все точные документы и сведения о людях. Без этого обойтись нельзя. Но надо же разбираться и в смысле этих бумаг, в значении и ценности каждой из них!

Проверка партийных документов показала, что может произойти, если полагаться только на бумажки, не сверяя их с живым человеком. Проходимцу нетрудно спрятаться за добродетельной бумагой и обратно: старая, бессмысленная, иногда лживая бумажка может спеленать сильного, честного, полезного обществу работника.

Они называют себя бдительными, эти столоначальники, для которых — сначала бумажка, а затем человек. Но бдят они преимущественно на страже своего собственного благополучия, личной своей безответственности, личного спокойствия, за счет чего угодно, и прежде всего за счет бережного отношения к живому человеку.

1936 г.

…Время выхода в свет фельетона «Личный стол» — 1936 год… Это за год до начала так называемого Большого террора, хотя, если сказать точнее, это шестой год террора, поскольку террор начался в 1930 году с разгрома крестьянства. И его жертвами стало гораздо больше людей, чем в 1937–1939 годах. Различие и в том, что тогда Сталин обошелся без громких политических процессов, а просто эшелонами отправлял людей в ссылку и на расстрел. 1936 год — это год процесса Зиновьева, Каменева и 14 их «соучастников». Уже пересажали и перестреляли «бывших дворян» и «приспешников капитала», «кулаков», «вредителей». Широкой волной по стране катится шпиономания. А в голове Вождя и Учителя дозревает грандиозный план чистки партии, армии и НКВД. Скоро начнут сажать не определенные социальные группы, а всех подряд, по малейшему подозрению в нелояльности к системе.

И именно в этот момент Кольцов в «Правде» публикует свой «Личный стол». Вряд ли Сталин пришел от фельетона в восторг. Надо думать, что в феноменальной памяти Хозяина появилась еще одна зацепка против Кольцова: «Э-э… товарищ Кольцов, так вы против бдительности…»

Как же мог в этой зловещей атмосфере появиться в «Правде», на страницах которой из номера в номер печатались назойливые призывы к бдительности, к выявлению и разоблачению притаившихся «врагов народа», фельетон, остро и едко высмеивавший эту самую патологическую «бдительность»? Скорее всего, это стало возможным потому, что Мехлис отсутствовал (он уехал в отпуск) и Кольцов, как член редакционной коллегии, руководил делами редакции. Кольцов прекрасно понимал, что «наверху» этот фельетон вряд ли придется по вкусу, но он верил в здравый смысл и чувство юмора Сталина. Будущее показало, как он глубоко ошибался.

…В показаниях Кольцова фигурируют имена многих людей. Изучив их, можно понять, какие «антисоветские группы» хотели сформировать следователи НКВД. Первая — это практически весь редакционный актив, ведущие журналисты газеты «Правда», вторая группировка — редакция Журнально-газетного объединения (ЖУРГАЗ), третья — деятели культуры и четвертая — высокопоставленные сотрудники НКИД (Народный комиссариат иностранных дел). То есть в его, Кольцова, «показания» предполагали, видимо, заложить компромат на участников задуманных Сталиным будущих процессов. К моменту ареста Кольцова многие из упоминаемых им в его «показаниях» сотрудников «Правды» уже прошли через застенки НКВД и были расстреляны. Это Никитин, Боговой, Давидюк, Кобелев. После ареста Кольцова из перечисленных им сотрудников «Правды» никто не был репрессирован, за исключением Кружкова, который был арестован во время войны совершенно по другому «делу» и, к счастью, уцелел.

Весьма интересными в «Деле» Кольцова представляются фразы о публикации в газете «Правда» антисоветских, порочащих знатных советских людей, искажающих действительность статей и заметок. Трудно себе представить номер «Правды» с антисоветской статьей. Антисоветскими следователи именовали острые, критические материалы газеты, в том числе и талантливые фельетоны Кольцова, направленные против уродливых явлений сталинского административно-командного режима.

Вторую группу «врагов народа» следователи ищут среди сотрудников ЖУРГАЗа.

ЖУРГАЗ — Журнально-газетное объединение, созданное и возглавляемое Кольцовым, — это, по сути дела, большой газетно-журнальный и издательский комбинат, прообраз нынешних «медиахолдингов». Когда и как он возник? Совсем не так, как возникали другие издательства, то есть по решению государственных, партийных или профсоюзных органов с соответствующим обеспечением помещениями, финансами, кадрами. Все эти необходимые условия для нормального функционирования объединения, для выхода в свет газет, журналов, книг — заменились, по сути дела, неистощимой инициативой, энергией и организационным даром Кольцова. Началось все с созданного Кольцовым еженедельного, иллюстрированного журнала «Огонек» (о чем уже упоминалось).

Как из маленького желудя вырастает развесистый дуб, так из скромного «Огонька» месяц за месяцем, год за годом стало вырастать обширное, многоплановое издательство. Появились журналы «За рулем», «Советское фото», «За рубежом», «Изобретатель», «Женский журнал», «Чудак», «Советское искусство», «Театр и драматургия», «Литературная газета», «Архитектурная газета», а также еще несколько газет, в том числе на французском, немецком и английском языках. Помимо периодических изданий ЖУРГАЗ выпускает в свет отдельные тематические издания, такие, как: о Первой конной армии, о советских субтропиках, совершенно уникальную книгу «Губерт в стране чудес», серию биографий «Жизнь замечательных людей», выходящую и популярную до сих пор, серию переводных романов «История молодого человека 19-го века», полное собрание сочинений А. П. Чехова (впервые при советской власти — оно вызвало крайнее неудовольствие руководителей, существовавших тогда писательских организаций, считавших Чехова, как это ни странно, ненужным для советского читателя). Особо надо выделить издание в ЖУРГАЗе многотомного «Литературного наследства», знакомившего читателя с дотоле не изданными и совершенно неизвестными произведениями многих выдающихся писателей и поэтов. Бессменным редактором этого издания был известный литературовед Илья Зильберштейн. Нельзя не упомянуть и замечательный «День мира» — книгу, вышедшую в ЖУРГАЗе по замыслу М. Горького и представляющую собой в своем роде моментальный снимок жизни планеты в течение одного, произвольно выбранного самого обыкновенного дня. В предисловии к этой удивительной книге мы читаем:

«В полночь, как всегда, куранты Спасской кремлевской башни играли „Интернационал“. Мощные радиопередатчики разносили его невидимо звучащими волнами. Двумя часами позже лондонская станция передала бой часов Вестминстерского аббатства и гимн „Боже, храни короля“.

На мысе Оловянном, в полярной пустыне, Эрнст Кренкель надел наушники и включил коротковолновый приемник. Из города Франкфурта кто-то бесстрастным голосом сообщал, что сегодня в аптеке внезапно скончалась неизвестная молодая женщина, блондинка, в черной соломенной шляпе, с исправными зубами, на ней полосатая юбка и лиловые рейтузы. В этот же день во Франкфурте пропал музыкант небольшого роста, также со вполне исправными зубами; отличительные приметы: чрезвычайно небольшие ноги и перстень со знаком свастики. Из Кенигсберга слышался непрерывный барабанный бой, вызывая недоумение: музыкальная минута или последние восточно-

прусские новости? Даже на мысе Оловянном было слышно, как марширует фашистская Германия… Кренкель вышел, чтобы расчистить свежий снег в проруби рутштока, смерить силу ветра. Сквозь лай собак что-то неторопливо шуршало. Может быть, чух медведя.

Планета частью еще спала, частью уже бурлила дневной суетой, завтракала, работала, смеялась, хоронила мертвецов, убирала жатву, купалась, читала газеты, нюхала цветы.

От вашингтонской платформы тронулся экстренный поезд: президент Рузвельт выехал в предвыборный агитационный тур.

В Риме поутру вспыхнул громадный пожар на кинофабрике Чинес. В польском местечке Дзвежне группа членов фашистской „народной партии“ ворвалась в помещение избирательной комиссии и уничтожила урны и списки избирателей. Японский генерал Доихара вылетел из Калгана, где он руководил совещанием „о мерах для поддержания спокойствия и порядка в Чахаре и Суйюани“. В Париже делегаты Унитарной и Всеобщей конфедераций труда готовились к совместному заседанию, которое состоялось в тот же день и с пламенным воодушевлением закрепило вновь обретенное единство французского профессионального движения.

Писатель Михаил Михайлович Пришвин в городе Загорске прочистил ружье, выбил разбитые пистоны из пустых патронов, переснарядил их и собрался на утиную охоту. Прибывший в Германию для „охоты на оленей“ венгерский премьер-министр Гембеш вел с Герингом переговоры об охоте несколько иного рода и готовился к беседе с Гитлером. В Токио премьер-министр, министр иностранных дел, военный и морской министры совещались о принципах „новой японской политики в Китае“. В этот же самый час жена машиниста архангельской лесной биржи Сазонова с воплями и стонами родила четверню. Трех девочек и одного мальчика. Одновременно в Гослитиздат, в Москве, принесли из типографии свежеотпечатанный том сочинений Томаса Манна.

В календарях всех частей света на листке этого дня было обозначено: „27 сентября 1935 года, пятница“. Календари советского изготовления добавляли: „Третий день шестидневки“.

Ничего особого и замечательного не было в этом во всех отношениях будничном дне. Но несколько сотен, а может быть, даже целая тысяча людей, взглянув на календарную дату, улыбались про себя; выйдя на улицу, на палубу парохода, садясь к письменному столу, придвинувшись к астрономической трубе, переступая порог биржи, церкви, лаборатории, театрального зала, они шире раскрывали глаза, рассматривали все вокруг себя

взглядом более острым и пытливым, чем обычно. Разглядывали и примечали. Схватывали, чтобы сохранить в памяти, на бумаге, в снимке, в документе.

Двадцать седьмого сентября на круглосуточной журналистской, литературной, писательской вахте был записан, зарисован, зафиксирован методами репортажа и художественного наблюдения будничный день земного шара. Мир был застигнут врасплох, подсмотрен исподтишка, как мощный зверь, идущий по ночам привычной тропой к водопою…

Москва, 28 сентября 1935 г.»

И есть продолжение:

«…Вчера, 27 сентября, в годовщину нашего „Дня мира“ мы в Аликанте встречали первый советский пароход „Нева“, с продовольствием для женщин и детей Испании от советских женщин.

Книга задержалась. Устарела ли она, ее материал, ее документы? Нисколько. И через пять, и через двадцать лет они будут остро интересны и поучительны. Замысел Горького целиком оправдывает себя.

Как читать эту книгу?

Материал, даже после того громадного отсева, который проделала редакция, — громаден. Читатель, взявшись за „День мира“, может сначала прийти в смущение и недоумение. Как осилить этот том? И вообще — что это? Справочник, научный труд, обзор, комплект? Как надо с ним обращаться? Перелистывать или читать подряд, заглядывать в отдельные, интересующие того или другого читателя разделы, или изучать эту работу по плану?

Мы считаем „День мира“ книгой для чтения. Перелистайте сначала ее, познакомьтесь с построением, бегло посмотрите иллюстрации, задержитесь на тех страницах, какие вас задержат. А потом, не спеша, погрузитесь в чтение, пусть с передышками, но подряд. Вы не пожалеете. Могучая симфония человеческой жизни захватит вас и понесет с собой.

Мадрид, 28 сентября 1936 г.»

Михаил Кольцов.

В 1961 году Аджубей, тогда главный редактор газеты «Известия», выпустил в свет новый «День мира» и использовал в нем предисловие Кольцова, но почему-то не счел нужным назвать имя автора.

Как я уже упоминал, одним из журналов, издававшихся в

ЖУРГАЗе, был «Чудак». Первый его номер вышел в декабре 1928 года. Он стал вторым сатирическим журналом, издававшимся в Москве. Первым был «Крокодил» появившийся в 1922 году. Для «Чудака» работали известные писатели, поэты и карикатуристы того времени. О предстоящем выходе в свет нового журнала Кольцов написал Горькому:

Москва. 1 ноября 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я сейчас подготовляю первый номер нового сатирического журнала «Чудак». У нас собралась неплохая группа писателей, художников, и мы решили во что бы то ни стало придать будущему журналу облик, совершенно порывающий с увядшими сатириконскими традициями. Мы убеждены, что в СССР, вопреки разговорам о «казенной печати», может существовать хороший сатирический журнал, громящий бюрократизм, подхалимство, мещанство, двойственность в отношении к окружающей обстановке, активное и пассивное вредительство. (Журнал предназначается для интеллигенции и служащих.) Название «Чудак» взято не случайно. Мы, как перчатку, подбираем это слово, которое обыватель недоуменно и холодно бросает, видя отклонение от его, обывателя, удобной тропинки: — Верит в социалистическое строительство, вот чудак! Подписался на заем, вот чудак! Пренебрегает хорошим жалованьем, вот чудак! — Мы окрашиваем пренебрежительную кличку в тона романтизма и бодрости. «Чудак» представительствует не желчную сатиру, он полнокровен, весел и здоров, хотя часто гневен и вспыльчив. «Чудак» — не принципиальный ругатель, наоборот, он драчливо защищает многих, несправедливо заруганных при общем попустительстве, он охотно обращает свое колючее перо против присяжных скептиков и нытиков. Иными словами, «Чудак», как Горький, играет на повышение. Вот, в самых общих чертах, основное умонастроение редакции. Излишне добавлять, что при такой физиономии будущего журнала Вы, Алексей Максимович, нам дотошно нужны, не только как генерал и как имя, а как реальный союзник, сотрудник, друг. Позволяю себе покорнейше просить Вас оказать мне парламентское доверие и сейчас же (первый номер выходит 15 декабря, журнал еженедельный) прислать что-нибудь, хотя бы небольшое, весело-зубастенькое или сурово-наставительное, и то и другое одинаково подойдет к характеру журнала. Если не успеете сейчас же, напишите мне хоть одно слово о согласии сотрудничать, это нужно мне не для рекламы (списка сотрудников печатать не буду, хотя участвуют лучшие силы), а для личного морального самочувствия моего и

товарищей.

Посылаю Вам «Крупную дичь» (второй том фельетонов). Если найдется минутка — может быть, взглянете, особенно в конец, где послесловия: можно ли так строить книгу, есть ли в этом литературный резон (общественный резон есть, я полагаю) и вообще стоит ли этакое переиздавать после газет?

Желаю здоровья и радости Вам, дорогой, милый Алексей Максимович!

Преданный, Ваш Мих. Кольцов

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. Ноябрь после 6. 1928 г.).

Искренно поздравляю Вас, милейший т. Кольцов, с «Чудаком».

Считая Вас одним из талантливейших чудаков Союза Советов, уверен, что под Вашим руководством и при деятельном участии таких же бодрых духом чудодеев журнал отлично оправдает знаменательное имя свое.

Что есть чудак? Чудак есть человекоподобное существо, кое способно творить чудеса, не взирая на сопротивление действительности, всегда — подобно молоку — стремящейся закиснуть.

Лично сотрудничать в журнале Вашем едва ли найду время, но — разрешите рекомендовать Вам знакомого моего Самокритика Кирилловича Словотекова. Самокритик — подлинное имя его, данное ему родителем при крещении. Человек он уже довольно пожилой, но «начинающий». Беспартийный. Отношение к алкоголизму — умеренное.

Всего доброго и — хорошего успеха.

А. Пешков.

P.S. Изображение, напоминающее профиль гроба, — к делу не относится. А со сказочкой — не церемоньтесь, годится — ладно, а не годится, бросьте, куда следует. Но если годится, я могу попросить Самокритика, чтоб он и еще написал в этом роде.

Книжку Вашу — не получил. А. П.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 25 ноября 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Большое Вам спасибо за скорый ответ, за приветствие «Чудаку», за присланную вещичку. И то и другое украсит первый номер журнала, — он выходит в двадцатых числах декабря.

Самокритика Кирилловича Словотекова мы приняли, как родного, в дружную семью чудаков. Будут ему и харчи, и постоянный теплый угол, и обеспечение на старость. Только бы бодрился, только бы писал. О людях, о книгах, о фактах, о

хамстве и некультурности, о подхалимах и угождателях, о самоновейших «европейцах» с яркими галстуками и от роду немытыми ногами. Хорошо бы ближайшее письмо посвятить антисемитизму. Это тема, которой сейчас слегка лихорадят заводы и учреждения.

Благодарю и надеюсь, верую и жду — Ваш до гроба чудак

Мих. Кольцов.

Вот та «сказочка», которую написал Горький специально для «Чудака» со следующим небольшим предисловием от редакции:

«„ЧУДАК“ благодарит дорогого Алексея Максимовича за приветствие и ободрение. Рекомендованный им тов. С. К. Словотеков приказом по „Чудаку“ зачисляется на вещевое и продуктовое довольствие с № 1 журнала».

Ниже приводим первый рассказ тов. Словотекова.

ФАКТЫ

В часы, свободные от занятий в Трахтресте, ходит Иван Иванович Унывающий по улицам, посматривает на подобных ему сов-человеков и, выковыривая из действительности все, что похуже, мысленно поет весьма известный романс:

Скажи, Россия, сделай милость,
Куда, куда ты устремилась?

А в душе его тихо назревал розовый прыщик надежды… Погуляет, сладостно насытится лицезрением злодеяний советской власти и, зайдя к тому или иному из сотоварищей по тихому озлоблению, рассказывает ему вполголоса:

— Окончательно погибают! Зашел, знаете, в гастрономический магазин, главный приказчик, очевидно, чей-то знатный родственник и потому — глухонемой, помощники его в шахматы играют, а на улице — длиннейшая очередь голодного народа за яйцами, чайной колбасой, маслом, сыром; вообще — анархия! Спрашиваю: это — какой сыр? Бесстыдно лгут: швейцарский! Позвольте, — говорю, — как же у вас может быть швейцарский сыр, когда нет у вас никаких отношений со Швейцарией? И не может быть у вас ни сукна аглицкого, ни духов французских, ни обуви американской и ничего настоящего, а торгуете вы только имитациями и репродукциями общечеловеческих товаров и сами вы отнюдь не настоящие культурные люди, а тоже имитации и весь ваш карьеризм тоже неудачная имитация европейского социал-демократизма, против

которого я… впрочем, имею честь кланяться! Иронически засмеялся и ушел, знаете…

Сотоварищ по озлоблению не верит ему, но сочувственно мычит:

— Мужественный вы человек…

А Иван Иванович хорохорится:

— Вот увидите, я им скажу правду! Скажу прямо в глаза, за всех нас скажу! Потому что я уже не только надеюсь, но и верю!

И, ведь, действительно — сказал.

Как-то, находясь в состоянии глубокой задумчивости и нежно лелея прыщик сладкой надежды своей, зашел Иван Иванович в магазин — лимон хотел купить — и на вопрос приказчика:

— Что желаете, гражданин? —

ответил искренно:

— Мне бы — термидорчик!

Самокритик Словотеков.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 23 января 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Написал я для «Наших достижений» и, как будто, написал не то. Хотел показать процесс перемалывания и переделки благодушного полу-обывателя в партийца-строителя, хозяйственника. Но показал это, по-видимому, бледно. Может быть, причиной этому фельетонно-картинный характер моего очерка, обилие «красивых слов». Вина на мне, но отчасти и на редакции — меня слегка упрекали за чересчур статейный, публицистический, «скучный» характер заметки в проспекте. Это меня толкнуло в другую сторону — внешней занимательности.

Во всяком случае — я считаю, что даже в предвыпускной спешке очерк ни в коем случае не может быть пущен без Вашего просмотра.

Огорчены Вашей пассивностью к «Чудаку». Если есть в журнале (мы Вам его посылаем) недостатки — просим указать самым суровым образом. Только не бросайте нас в этом трудном деле!

Письмо Ваше ко мне, как Вам, вероятно, сообщил П. П. Крючков, получилось без упоминаемой в нем газетной вырезки. Поэтому не мог точно разобраться в нем. Если вопрос еще актуален — дошлите, Алексей Максимович, вырезку или сообщите ее содержание.

Побольше сил для работы!

Жму руку!

Ваш Мих. Кольцов

(Написал я для «Наших достижений…» Очерк в журнале не

появился. В проспекте журнала «Наши достижения» была помещена заметка М. Кольцова «Культура и быт». М. Кольцов состоял в числе редакторов отдела «Культура и быт» этого журнала.)

Все шло хорошо — читатели проявили интерес к «Чудаку», тираж его возрастал, расширялся круг авторов и сатирической тематики. Возник «интерес» к журналу и у надзирающих органов. Видимо, материалы, печатавшиеся на его страницах, раздражали начальство. Да и некоторые авторы тоже. Особое усердие в нападках на «дерзость» «Чудака» было проявлено одним из руководителей Главлита — неким Стуковым. Поскольку тогда Главлит был подведомствен Наркомпросу, Кольцов счел необходимым направить Наркому А. В. Луначарскому следующее достаточно резкое письмо:

Москва 11 февраля 1929 г.
Тов. А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ
Уважаемый товарищ!

В дополнение к устным и письменным переговорам, направляю Вам копию своего письма в Главлит. При вручении этого письма зав. русским отделом Главлита тов. Стукову, он проявил в отношении журнала и ответственного секретаря редакции тов. Левина (члена партии) исключительное высокомерие и грубость. Тов. Стуков назвал журнал «пошлятиной», «контр-революцией» и заявил, что «на завтрашнем заседании коллегии (Главлита?) будет поставлен вопрос о… закрытии „Чудака“». В сущности говоря, предложение о закрытии является вполне логичным при существующей среди работников Главлита «установке» на советскую сатирическую печать. Особенно придает энергии т. Стукову возмущение по поводу того, что мы «посмели» жаловаться Наркому. В порыве священного гнева он заявил тов. Левину, что «впредь не будет принимать никаких указаний от Луначарского».

Мы просим Вашего энергичного вмешательства в создавшуюся анекдотическую обстановку и надеемся, что вопрос будет улажен в пределах Наркомпроса, без обращения к инстанциям.

С коммунистическим приветом Мих. Кольцов

Кольцов, однако, глубоко ошибался — не он обратился к «инстанции», а сама «инстанция» проявила «внимание» к журналу. Поводом послужило следующее. В каждом номере «Чудака» в рубрике «Семейный альбом» печаталась подборка фотографий с острыми, подчас озорными сатирическими текстами. Но, в сентябре 1929 года произошла крупная

неприятность с 36-м номером, в котором в этой рубрике появилась серия из пяти фотопортретов под общим названием — «Ленинградская карусель».

Это было наглядное изображение круговой поруки пяти ответственных работников Ленинграда, естественно, членов партии. По поручению Кольцова достали фотографии этих пяти чиновников. Фото разместили на одной странице соответственно по старшинству занимаемых должностей. В тексте, напечатанном под фотографиями, сообщалось, что вопрос, который должен был решить первый из этих деятелей, он переправил для решения вышестоящему, а тот — в еще более высокую инстанцию. И так до пятого — самого высокостоящего, который… немедленно вернул вопрос тому, с которого все это началось. Так замкнулся «заколдованный» круг бюрократической волокиты — самая настоящая «карусель». Этот материал привел в ярость партийных вельмож. Надо сказать, что информацию о безобразиях ленинградских чиновниках еще до «Чудака» опубликовали многие газеты, включая «Правду». Но когда об этом написал «Чудак», заговорили о подрыве партийного авторитета, о публикации антисоветских материалов.

Вскоре, 20 сентября, решением ЦК Кольцов схлопотал «строгий выговор с предупреждением» и был отстранен от редактирования журнала. «Крамольный» 36-й номер был конфискован и уничтожен.

Как раз в это время Кольцов находился в качестве корреспондента «Правды» на больших военных маневрах в Белоруссии, где присутствовал и член Политбюро, Наркомвоенмор Ворошилов. Кольцов обратился к нему в полушутливой форме:

— Вот, Климент Ефремович. Здесь, на маневрах, бьют противника условно, а меня в Москве бьют безусловно.

— Как так, — улыбнувшись, спросил Ворошилов, — как это понять?

Кольцов подробно изложил всю историю с «Ленинградской каруселью» и с возникшими в этой связи неприятностями. К удивлению, Ворошилов отреагировал весьма резко, возмущаясь безобразными нравами героев «карусели». Но при этом сказал:

— Михаил Ефимович, правильно вы в «Чудаке» высекли этих чинуш. Они это заслужили. Но… Скажу вам откровенно. Надо было в другой форме — не давать повода для антипартийных обобщений. Вам надо покаяться. Напишите официальное заявление в ЦК и пришлите на мое имя. А насчет строгого выговора я посмотрю, что можно сделать.

Вернувшись в Москву, Кольцов «покаялся» — он написал

следующее письмо.

В ЦК ВКП(б)

По моей вине журналом «ЧУДАК» допущена грубая политическая ошибка, вполне правильно расцененная постановлением ЦК от 20 сентября. Я целиком соглашаюсь с тем, что и расположение и смысл материала, помещенного в № 36 журнала, действительно были чужды духу партийно-советской печати и действительно могли дать пищу для обобщений враждебных нам элементов.

Я, однако, должен со всей искренностью уверить ЦК, что в данном случае с моей стороны имела место действительно только ошибка, только промах, правда, грубый и недопустимый. Не было и тени намерения злоупотребить оружием критики, направить его во вред партии и советской власти. Мне кажется, нельзя допустить такое предположение, зная мою предыдущую работу.

Причиной утери мною чувства меры в отражении ленинградских непорядков был введший меня в заблуждение исключительно резкий тон в те дни партийного отдела «Правды» и неистовая, бешеная кампания ленинградской прессы, а также сведения о том, что инструктор АППО[8] ЦК приехал в Ленинград специально для того, чтобы еще «подогреть» и без того горячее наступление местной печати. Под гипнозом этой общей горячки я и допустил появление злосчастной странички в «ЧУДАКЕ». Исправить ошибку позднее я уже не мог, так как, по техническим причинам журнал печатается за 16 дней вперед. Результат получился самый худший.

Еще раз признавая правильность постановления ЦК в части наложенного на меня взыскания (выговор со строгим предупреждением), я считал бы только, что оставление мною «ЧУДАКА» прервет большую, и в общем, за вычетом данного случая, успешную работу по созданию нового типа литературно-сатирического журнала с новыми, советскими кадрами. Работу эту, в которую я вложил уйму сил и энергии, жаль прерывать. Жаль, конечно, не со стороны моих интересов — а потому, что связанная со мной и ныне растерявшаяся группа молодых сотрудников ЧУДАКА могла бы совместно со мной не только загладить ошибку журнала, но и в дальнейшем еще принести партии ощутимую пользу.

Москва. 25 сентября 1929 г.

Мих. Кольцов

На этом письме есть резолюция Ворошилова: «Следовало бы вернуть К. в Чудак. Переговорить с т. Кагановичем».

Видимо, не без усилий Ворошилова с Кольцова сняли «строгий выговор с предупреждением» и действительно вернули его в «Чудак». Как свидетельствуют люди, работавшие в редакции, журнал стал «уже не тем» — он утратил какую-то искорку. А вскоре «Чудак» решением ЦК был ликвидирован и слит с «Крокодилом». Видимо, в ЦК считали, что два сатирических журнала слишком много, тем более сатира — вещь острая, иногда ее можно понять двояко.

Именно этими обстоятельствами можно объяснить то, что Кольцов жалуется на свое плохое настроение в письме к Горькому.

Москва. 30 ноября 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы были так внимательны, что согласились принять общее редакционное наблюдение над «Библиотекой романов» «Огонька». Я запретил в редакции злоупотреблять Вашим вниманием и обращаться к Вам по мелким вопросам. Все-таки, если можно, не откажитесь дать указания Александру Иосифовичу Дейчу по вопросам, выдвинутым в прилагаемом письме. Он очень ими озабочен.

Живу я сейчас серо и невыразительно, как черви слепые живут. Только изредка вынимаю из шкафа подаренные Вами пояса и вздыхаю, с шумом выпуская воздух из грудной клетки. Этим я хочу сказать, что скучаю по Вас. По-видимому, это кончится большим слезливым письмом, с жалобой на нечуткость людей и просьбой указать, как поступить на зубоврачебные курсы.

В счет этих будущих радостей — крепко жму руки.

Ваш Мих. Кольцов

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто, 9 декабря 1929 г.)

О, брате мой любезный!

По что столь зазорно срамословишь, именуя ся червем слепорожденным? И отколь скорбь твоя? Аще людие древоподобны ропщут на тя. я ко ветр повелевает, сотрясаяй смоковницы Плодов не дающи и желудю дубов завидующи, — помни: ты не желудь есть и не на утеху свинию родила тя матерь природа, а для дела чести и смелости. Аще же пес безумен лаяй на тя, не мечи во пса камение, но шествуй мимо, памятуя: полаяв — перестанет!

В этом духе я Вам, дорогой Михаил Ефимович, мог бы сказать много, но, от старости, забыл уже сей превосходный язык, которым все можно сказать — исключая популярные фразы

«матового» тона.

В самом деле: Вы что там раскисли? Бьют? И впредь — будут! К этому привыкнуть пора Вам, дорогой мой! Крепко жму руку и — да пишет она ежедневно и неустанно словеса правды!

Старец Алексий Нижегородский и Соррентийский.

А «Огонек» следовало бы мне высылать.

А. Пешков

Кольцов попытался как-то бороться, чтобы отстоять «Чудак», но все было бесполезно. Он снова написал Ворошилову:

«Дорогой Климентий Ефремович!

Мне стыдно опять обращаться к Вам по тому же делу, но право, не я виноват сейчас в тяжелом и ОЧЕНЬ обидном положении, в которое меня ставят. Только месяц назад я был назначен в „Чудак“ вновь. Тов. Каганович ободрил меня: — Работайте на пользу партии! — Я был окрылен „амнистией“, готов был камни таскать. И вот, через МЕСЯЦ только — опять все пошло вспять. Опять слиты „ЧУДАК“ с „Крокодилом“. Ну, хорошо, это необходимо из-за недостатка в бумаге, хотя наличие сейчас двух зубастых сатирических, классово направленных журналов сыграло бы очень полезную роль. Естественным редактором нового, объединенного журнала казался я. Настолько естественным, что Феликс Кон („Крокодил“) третьего дня пригласил меня и предложил принять уже журнал. Оказывается, ничего подобного. Через месяц после постановления Оргбюро о возврате на ред. работу я снова с нее снимаюсь (назначается тов. Еремеев). Теперь это уже превращает меня в одиозную фигуру, с которой надобно быть осторожным (ЦК восстановил, и сейчас же опять снял!). Что же случилось? В чем я провинился опять? Не знаю, и потому подавлен, считаю, что здесь несправедливость.

Покажите, К.Е., эту записку тов. Сталину! Я верю, что его тронет этот маленький, но не пустой вопрос».

30 января 1930 г.

Ваш Мих. Кольцов

На этом письме имеется резолюция Ворошилова: «Сделано». Что она означает, не совсем понятно. Можно предположить, что он показал письмо Сталину, но ответа от Вождя не последовало. Видимо, Сталина не «тронуло». «Чудак» прекратил свое существование.

…В каждое из изданий ЖУРГАЗа, появлявшееся неизменно по инициативе Кольцова, он вкладывал долю своего внимания, и труда. Всего в ЖУРГАЗе издавалось 39 периодических изданий. Как же он с этим всем справлялся? Ответ мы находим в воспоминаниях известной писательницы и журналистки Татьяны

Тэсс. Кольцов как-то разрешил ей присутствовать во время приема им посетителей в редакции «Правды». Вот что она пишет:

«…Наблюдая, как он разговаривает с посетителями, я думала о том, что этот человек только что провел совещание в ЖУРГАЗе. Прочел верстку „Огонька“, переговорил с десятком сотрудников, подписал десяток бумаг, продиктовал очередной фельетон, написал письмо А. М. Горькому… Его ждут сейчас во множестве мест, а он сидит за большим столом, вертит в пальцах карандаш и внимательно слушает дотошного старичка в брезентовой куртке, неторопливо и подробно разъясняющего важность нового способа повышения всхожести семян… Как его хватает на все это? Как удается ему со всем этим справляться без малейшего признака суетливости?

Улучив минуту, я, не удержавшись, сказала Кольцову об этом.

— Э! — засмеялся он. — Секрета тут нет. Надо только, чтобы каждое дело, которым ты в данную минуту занимаешься, казалось тебе самым важным делом на свете. Только и всего».

Вполне естественно, что издательство ЖУРГАЗа выпускало партийную, политическую и историческую литературу. В основном это были труды высокостоящих партийных вождей. Правда, некоторые книги потом приходилось изымать из библиотек и уничтожать, поскольку их авторы становились «врагами народа». Одним из авторов ЖУРГАЗа был Михаил Покровский — главный историк сталинского времени, член Президиума ЦКК ВКП(б) с 1930 года. Наверно, если так можно сказать, ему повезло — он умер в 1932 году. Несколько позднее Сталин решил, что надо играть на патриотических струнах населения, и многое, в частности произведения М. Покровского, было объявлено «антимарксистскими и вульгарно-социологическими». Понятно, какая участь постигла бы их автора.

Вот письмо Кольцова к Покровскому:

Москва, 30 апреля 1931 года.

Дорогой Михаил Николаевич!

Мы очень благодарны Вам за сдачу в печать «Очерков истории революционного движения». Несмотря на всю свою громадную загруженность и нездоровье, Вы оказались самым аккуратным из авторов «Всемирной Истории»! Вот пример для других сотрудников, у которых и дела меньше и времени больше.

На сегодняшний день коллегия сдала издательству только половину одной книги («Очерки истории пролетариата СССР»). Если считать, что в ближайшие дни мы получим всю книгу до конца, то, считая минимальным двухмесячный срок для печатания книги, мы выпустим ее только к концу июня. Итого за полгода только 2 книги.

Поэтому мы позволим себе выпустить Вашу книгу одновременно со второй. На качестве это нисколько не отразится — чтение корректуры в гранках и листах мы Вам гарантируем. Быструю связь с Вами мы наладим через фельдъегерскую службу ОГПУ. Если не будет задержки в гранках, мы выпустим Вашу книгу через полтора месяца, то есть в середине июня. По оформлению издания она должна быть не хуже, а лучше книги Ленца. Постараемся дать побольше иллюстраций.

Все-таки выпуск книг идет крайне и крайне туго. Обидно то, что самые рукописи уже есть, но сдача их в набор немилосердно задерживается.

Убедительно прошу Вас, Михаил Николаевич, разрешить сдать в набор уже отредактированные рукописи: «Ранние буржуазные революции», «Феодализм в Западной Европе» и «История техники». В ближайшие дни авторы сдают еще три рукописи: коллективную работу «Архаическое общество», «Соединенные штаты в 19 веке» и «Мировая война». Просьба ускорить процесс редактирования этих рукописей и разрешить тов. Мебелю сдачу их в текущем месяце. Только тогда мы кое-как начнем вылезать.

Удручающее положение у нас и в «Борьбе классов». Второй номер застрял поперек горла и лежал лишние две недели в производстве — из-за того только, что не хватало передовой. Если Вы, Михаил Николаевич, не вдохнете в редакцию настоящих темпов — журнал автоматически превратится из месячного в двухмесячный.

Отдыхайте, дорогой Михаил Николаевич, поправляйтесь и не сердитесь на Вашего стремительного и надоедливого друга.

Крепко жму руку.

Ваш М. Кольцов

…В показаниях Кольцова по ЖУРГАЗу, в состав якобы созданной им антисоветской группы (сколько же он этих групп создал?) входили сотрудники — Абольников, Чернявский, Левин, Прокофьева, Зозуля, Биневич, Гуревич, Рябинин, Кармен, Петров. Биневич был арестован, естественно, как «враг народа», летом 1938 года. Он провел несколько лет в лагерях и, как ни странно, был освобожден. Прокофьева Софья Евсеевна была арестована в 1937 году (как жена «врага народа»). Осуждена она была в начале 1938 года и этапирована в лагерь. Однако в марте 1939 года ее доставляют в Москву и допрашивают о «преступной» деятельности Кольцова. Вот протокол этого допроса:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Прокофьевой С. Е. 5 марта 1939 г.

Вопрос: Следствию известно о ваших близких в прошлом отношениях с Кольцовым М. Е. Остановитесь на этом подробнее.

Ответ: Кольцова я знаю с 1919 года. Мы вместе работали во фронтовой газете «Красная Армия», издававшейся политуправлением 12 армии. После окончания гражданской войны мы время от времени встречались в Москве. На протяжении последних десяти лет с 1927–1937 работала заместителем Кольцова по ЖУРГАЗУ.

Вопрос: Что вам известно о контрреволюционной деятельности Кольцова в первые годы после Октябрьской революции?

Ответ: Ничего. Я не знаю никаких антисоветских выступлений Кольцова. Фактами антисоветской деятельности не располагаю.

…И это весь допрос. Никаких вопросов об антисоветской группе в ЖУРГАЗЕ. Думается, что ЖУРГАЗ и «антисоветская группа», затаившаяся в нем, уже мало интересовали следствие. У НКВД уже были другие, более интересные для него цели.

Софья Евсеевна Прокофьева провела в сталинских застенках, лагерях и ссылке 18 лет. Она вернулась в Москву в 1955 году.

В сборнике «Михаил Кольцов, каким он был» она опубликовала теплые воспоминания о своем друге. Вот небольшой отрывок из них:

«…Последние встречи мои с Кольцовым были в апреле — мае 1937 года. Арест мужа и близких товарищей, в честность которых я безоговорочно верила, неожиданная пустота вокруг…

Кольцов был единственным, кто навещал меня. Мы подолгу разговаривали с ним. Он рассказывал много интересного об Испании, откуда только что приехал. На квартирах в учрежденских домах и в Доме правительства, где жил Кольцов, висели сургучные печати — символ трагической судьбы их обитателей.

Кольцов знал очень многих из репрессированных товарищей и уважал их. Он не мог верить этим страшным формулировкам — „враг народа“ и „изменник Родины“. Он ничего не понимал, как и все мы…

Весной 1937 года у Михаила было большое душевное смятение и тревога, не за себя — он был в апогее доверия и популярности. После похорон Ильи Ильфа Кольцов обронил такую фразу: „Ему уже спокойнее, чем нам“.

Больше я с Кольцовым не встретилась. Весть о его трагической участи принесли мне в 1941 году в далекий сибирский лагерь товарищи из московского этапа, и сердце мое

наполнилось горечью и негодованием против дикого и бессмысленного уничтожения этого честного, мужественного, яркого, талантливого человека…»

Масштаб издательства ЖУРГАЗа требовал, естественно, привлечения к работе квалифицированных, опытных, талантливых журналистов и литераторов. Они охотно откликались на предложения Кольцова работать в той или иной жургазовской редакции, причем ни они, ни сам Кольцов не могли в самом кошмарном сне представить себе, что в не столь отдаленном будущем все они окажутся шпионами, вредителями и «врагами народа». А это время неумолимо приближалось. И вот оно перед нами в виде «Дела» Кольцова…

Остается добавить, что из редакций ЖУРГАЗа больше никто арестован не был. А сам ЖУРГАЗ, великолепно налаженное, выпускавшее в свет разнообразные издания, пользовавшиеся большой популярностью у читателей, издательство, был незадолго до ареста Кольцова бессмысленно ликвидирован.

Рассказывая о ЖУРГАЗе, нельзя не упомянуть об участии в его работе Алексея Максимовича Горького. О том, как Кольцов привлек к этой деятельности маститого писателя, свидетельствует их переписка.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ГОРЬКИМ

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто, 8 декабря 1931 г.)

Дорогой Михаил Ефимович, за два месяца у меня скопилось порядочное количество вырезок из эмигрантских газет. Собирал их для статьи, но вижу, что у меня для этой статьи нет времени. Долго держать материал этот не годится — прокиснет, выбросить — жалко: хороший материал! Решил послать его Вам, м. б., Ваше острое перо обработает этот глубоко поучительный хлам? Очень хотелось бы этого. Изредка не мешает показывать нашему читателю лицо эмиграции, — гнусное, жалкое лицо, как видите и знаете.

Обещал Вам написать о редакторах, но все не могу еще выбрать времени для этого.

Изумительно безграмотно ленинградская «Международная книга» печатает свои каталоги! Пример: Фурье, Август Бебель — каково? Фурье написал книгу о Бебеле. Вот уж действительно «посмертное» сочинение. Иногда мне кажется, что у нас нарочно хулиганят эдак-то. Крепко жму руку.

А. Пешков

Что происходит между Ионовым и Виноградовым? Я очень заинтересован, чтоб Виноградову зря не мешали работать, человек он неврастенический и всякие «потрясения» отражаются на работе его немедленно. А работник он — весьма ценный и очень «знающий». Вы его поберегите от излишних трений.

На 33-й г. мы с ним — т. е. Вы и я — затеем «Историю женщины». Покамест — помалкивайте об этом.

А. П.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 25 декабря 1931 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Большое спасибо за вырезки. Они уже пускаются в работу в «Огоньке», «Правде» и других изданиях. Очень буду рад, если пришлете еще этого добра.

Вашего письма к редакторам Журнально-Газетного Объединения жду с нетерпением. Письмо будет и политически и литературно очень кстати именно сейчас, в связи с тем оживлением, которое вызвало во всех наших литературных кругах известное письмо Сталина об историках. В Вашем письме к редакторам Журнально-Газетного Объединения полезно было бы задеть, между прочим, следующие темы: 1) Указать на то, что напряжение с бумагой и ограниченность тиражей журналов никак

не дозволяет редакциям работать спустя рукава («читатель все равно слопает, мы изготовляем дефицитный товар»), 2) значение журнала наряду с книгой и газетой, как учителя и организатора творческой жизни передового трудящегося человека, 3) еще и еще раз о бдительности, о зоркости в отношении всякой враждебной контрабанды, о литературной добросовестности, вообще о дальнейшей неустанной работе над качеством наших журналов, 4) против разграничения «чисто» редакторской и «чисто» издательской работы, против подразделения на «высоко идейных» редакторов не от мира сего, с длинными волосами и высоким челом и на «прозаических» издателей, занимающихся презренным вопросом бумаги, распространения и т. д. Лично я, следуя Вашему примеру, охотно занимаюсь издательским делом как неразрывным продолжением дел литературных и полагаю такой метод правильным для литератора-большевика, думающего не только о рукописи, но и о том, как и в каком виде она дойдет до миллиона рабочих и крестьян.

О Виноградове. Ионов предъявил Виноградову претензии чисто денежного порядка, требует возвращения полученных Виноградовым от Академии авансов. Ионов письменно предложил нам (Жургазобъединению) совместно выступить против Виноградова. Мы, конечно, на это не пойдем. Приняты все меры для обеспечения Виноградову спокойной работы. Против него есть раздражение со стороны некоторых неудачливых переводчиков и литературоведов, разных Нусиновых. Они пытались (в разговорах) опорочивать Виноградова как редактора «Молодого человека», да и само издание. Мы этому дали отпор и вопрос пока полностью исчерпан. Нужно только, чтобы Вы, Алексей Максимович, систематически просматривали работу Виноградова, чтобы он не поскользнулся на какой-нибудь своей мелкой промашке. Скушно без Ваших рыжих усов.

Обнимаю,

Ваш Мих. Кольцов

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

Москва. 23 июня 1932 г.

Дорогой Михаил Ефимович — стало быть, журнал «За рубежом» — в Ваших руках и, значит, в Вашей воле сделать его серьезным журналом.

Мне кажется, что следовало бы немедля обратиться во все наши полпредства к т.т. заведующих печатью с предложением сотрудничества в журнале, как непосредственного — снабжать журнал очерками и рассказами на темы бытовые и особенно характерные для текущего момента каждой данной страны — так и посредством посылок газетных вырезок, рисующих драмы и

курьезы разлагающегося быта буржуазии. Очень ценны для журнала те «передовые» статьи и анкеты по вопросам «культуры», в которых наиболее резко выражен цинизм политавантюристов, старческая глупость признанных буржуазией мудрецов, пустомельство подленьких журналистов, вроде Грегуара и подобных ему.

В некоторых полпредствах есть довольно грамотные люди, напр. — Виктор Кин в Риме, к ним следовало бы обратиться особенно настойчиво. Хорошо, если б эти обращения скрепил Ц. К.

Обращаю внимание Ваше на статейки Дм. Хилкова; это сын известного в 80-х годах толстовца князя Хишова, затем он был анархистом, в год империалистской войны почувствовал себя «просто русским», вступил рядовым в армию французов и, в одном из первых сражений, был убит. Сын его — шахтер в Бельгии и как «большевик-князь» — говорят — весьма популярен среди шахтеров. Статьи его печатаются в нашей Нью-йоркской газете. Я посылаю их Вам, как «образец стиля», — только. Мне кажется, что его можно научить писать для «За рубежом», можно и следует. А также, на мой взгляд, следует привлечь и Святополка-Мирского, он — член английской компартии, отлично знает быт и настроения лондонской интеллигенции. Писать ему нужно на Сокольникова, адрес Хилкова есть у В. Д. Бонна; кстати, у последнего, наверное, есть материалы, полезные для нас.

Очень рекомендовал бы организовать в журнале нечто вроде «Свистка», для чего привлечь Архангельского, Швецова и — Эрдмана? Не попробовать ли Мих. Зощенка, а также Олешу на «зарубежные темы»?

Обо всем этом и многом другом хорошо бы побеседовать лично, но — астма запрещает мне ездить в Москву. Может быть Вы катнете сюда?

Крепко жму руку

А. Пешков

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 3 декабря 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вам послан «За рубежом» в новом виде. Журнал принят публикой очень хорошо. Хвалят за то, что много есть чего читать, мало агитационной шелухи, все конкретно. Это общий отзыв. Спрос на журнал громадный. Я убежден, что если бы добиться бумаги — журнал в этом новом виде будет расходиться и 100 и 150 тысяч экземпляров без остатка.

Первый номер — это еще не вполне то, что мыслилось. Кое-что сыро, недоработано, очень многое из того, что задумано провести через страницы журнала, только подготовляется. В

общем, о журнале можно будет судить не по одному или двум или трем номерам, так же как нельзя составить полное представление о газете по нескольким ее номерам: С нового года «За рубежом» будет выходить три раза в месяц. Объемистые номера будут настигать один другого. Получится непрерывный поток живой, конкретной, свежей информации о жизни всего мира. Это — к чему мы стремились в разговорах с Вами о типе журнала. Во втором номере пойдут статьи Стасовой, Никулина (обзор белогвардейских стихов), Ерухимовича, материалы о колониальных странах и всякое прочее.

С нового года мы вводим в журнал и обильный справочный материал. Нечто вроде текущей беглой энциклопедии, разъясняющей названия и термины, возникающие в сложном потоке международной жизни, — названия городов, политических и научных деятелей, названия новых приборов, болезней, чего хотите. Вызовем наших читателей задавать нам вопросы, относящиеся к зарубежной жизни. Что еще прикажете ввести? Ждем Ваших указаний, приказаний, советов.

Мы говорили с Вами, Алексей Максимович, что журнал наш будет не только журналом, но и органом. Для этого нужны в нем статьи крупнейших советских и западноевропейских политических, научных, культурных деятелей. Мы списались со множеством лиц, но втянуть их в журнал можно будет, только если там появятся Ваши статьи. Хорошо, если Вы писали бы для «За рубежом», хотя бы даже короткие, но постоянные заметки о явлениях современной жизни, о вновь прочитанных Вами книгах, встреченных людях, поучительных фактах. До чего это было бы замечательно!

Вырезки, которые Вы посылали до сих пор, служат нам большую службу. Просьба посылать еще. Кроме того — хорошо бы получать присылаемые Вам и ненужные Вам книги, брошюры, журналы. Это будет очень ценно потому, что валютные ресурсы нашей редакции усохли почти до нуля.

В Москве работы до черта, народ пишет, литературные склоки сильно улеглись. Очень подняли настроение пакты с Польшей и Францией. А Вы как, Алексей Максимович? Написали бы письмецо старику Кольцову, как Вы умеете: басом и весело.

Горячий привет соррентинским жителям, всем, кого знаю.

Вверенный Вам

Мих. Кольцов

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто, 5 декабря 1932 г.)

Дорогой Михаил Ефимович — первый № «За рубежом» таков, что мне кажется: если даже удерживать его на данной высоте, — то и на ней он достигнет своей цели осведомителя о фактах и

процессах угасания буржуазной культуры. Но, разумеется, поле его зрения надобно всесторонне расширять, не боясь и некоторой «примитивности». Я думаю, что она — примитивность — будет только полезна большинству наших читателей, им в 17-м году было 5–10–15 лет от рождения и, поэтому, они плохо знают «лицо жизни», каким оно было до 17 года. По сему: для них было бы поучительно, если б журнал давал очерки рабочего быта, напр., Германии до войны, особенно подчеркивая культурные навыки организованных рабочих; конечно, это — рядом с современным положением рабочих и — полной для них невозможностью удовлетворить эти навыки. Мораль настолько ясна, что требует вмешательства карикатуриста: научили индивидуя умываться с мылом, а теперь не только мыла, но и воды не дают, утопиться — можешь бесплатно, а за воду — плати.

Я очень рекомендую бить по вниманию читателя вот такими, не крупными, но резкими противоречиями, — они легко доходят до разума. Крупные — не исключаются, но о них весьма умело говорят наши газеты.

Затем я бы советовал давать побольше карикатур и сатирических стишков, это и потому еще полезно, что нам нужно воспитывать карикатуристов и куплетистов для употребления в нашем, домашнем быте.

«Авиопостальный» скандал во Франции — весьма хорошая тема, не плох и «спаситель Италии», как назван был «дуче» одним из наших белоэмигрантов. Кстати: почему они именуются все еще белыми, когда уже стали серыми и даже черными от грязи, фабрикуемой ими? Тоже — тема для Кукрыникс. Вообще — тем неисчислимое количество и журналу есть чем питаться. Краткое сие письмишко скрывает в себе поздравление с удачным началом хорошего дела. Следующее не плохое: нам нужно бы распределить старую литературу по темам: для лучшего ознакомления молодежи с нею и с прошлым.

Пример: Крестьяне и помещик.
Радищев. — «Путешествие».
Нарежный, — «Российский Жиль-Блаз».
Гоголь. — «Мертвые души».
Аксаков. — «Семейная хроника».
Салтыков — «Пошехонская старина».
Г. Успенский. — «Власть земли».
Эртель — «Гарденины».
Гарин-Михайловский. — «В деревне».
Бунин. — «Деревня», «Суходол».
Чехов. — «Мужики», «В овраге» и еще два, три.
Иван Вольный. — «Повесть о днях моей жизни».

Этот ряд книг даст почти полную картину положения крестьянства и взаимоотношений его с помещиками в 19-м в.

Картину писали сами помещики, «разночинцы» и, под конец, сами крестьяне. Можно — и следует дополнить ее уголовно-историческим материалом, напр., делом Салтычихи, генерала и заводчика Матвеева и т. д.

Очень поучительное чтение! Герцена «Крещеную собственность» можно дать. И — мало ли еще отличнейшего материала, знакомство с которым разрешаю бы недоумения некоторых «индивидуев», кои не могут понять: — а зачем нужно жить по-новому? Старики рассказывают, что раньше-то — легче жилось.

Вот, М. Е., подумайте, не следует ли издать такую библиотеку?

За сим — крепко жму руку

Старец древний и кавалер ордена

А. Пешков.

Сорренто.

5.12.32 г.

Дождь, гром, ветер, чувствую себя отвратительно, раскис, голова кружится и ноют кости, а их у меня много!

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто, 25 декабря 1932 г.)

Многоуважаемый Михайло Кольцов,

предприниматель, свирепый эксплоататор и вообще — зверь!

Нижеподписавшаяся рабочая сила почтительно намекает Вам о гонорарии. Оный, — по ее мнению, — должен быть предложен в такой форме: все книжки по «Истории молодого человека XIX столетия» в переплетах. Нижеподписавшаяся рабочая сила будет очень благодарна, получив сей знак внимания к ее сединам и усам.

Виноградов несколько подпортил игру. Статьи к Бурже и Литтону — особенно последняя — всесторонне плохи. И — не только они. Но «на безлюдье и Фома — дворянин». Особенно жестоко казнить Виноградова — не следует, ему, судя по письму его ко мне, кажется уже «попало». Человек он — неврастенический, но — знающий. Нужно бы внушить ему, чтоб он все свои вводные статьи и «Истории» обработал в книгу «Ист(ория)] французской лит(ературы)] XIX века». Он может сделать это не плохо. Крепко жму руку.

А. Пешков

Обратите внимание на фашистский «Октябрь» — замечателен по разносторонности невежества.

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

Москва. 17/1 1933 г.

Здравствуйте, сознательный ударник товарищ Алексей!

Уже давно на нашем предприятии обращено внимание на отменно отличную работу соррентийского района во главе с небезызвестным товарищем Пешковым, старым бригадиром и кавалером орденов.

Данный бригадир Пешков проявил высокое рвение к работе и особое усердие в деревообделочной специальности, обточив и обстругав громадное количество всякого рода деревянных, а иногда весьма даже дубовых произведений современной литературы. Каковая работа требует большого умения, а главное, терпения, в сочетании с неистощимой доброй волей.

Был у нас разговор, чтобы премировать бригадира Пешкова хромовыми сапогами, или гармонией двухрядной, или будильником системы «Точмех», или, наконец, собранием сочинений русского писателя Максима Горького. На что были возражения, что осенью видели сапоги на Пешкове совсем еще целые, а гармонию хорошую не достать. А будильник ему не нужен, потому встает с петухами. А сочинений Горького не захочет, потому что уже читал.

В разгар каковых споров прибыло письмо от самого Пешкова, в коем он просит, если возможно, премировать его «Историей молодого человека» в переплетах. Этот предмет ширпотреба, будучи недорогим по себестоимости, в самом деле может украсить скромное жилище нашего ударника и кавалера. Почему и будет выслан в Сорренто большой скоростью, а кроме того — вступительные статьи Виноградова, переплетенные в отдельный том.

Известно ли Вам также, сознательный товарищ Алексей, о слухе, пущенном здесь? Будто итальянцы, не желая отставать в некоторых мероприятиях от великой северной державы, решили переименовать город Сорренто в Nischni Novgorod! Сообщая о каковых событиях, остаюсь преданный Вам и любящий

Михаил Кольцов

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Сорренто. 24 февраля 1933 г.)

Дорогой Михаил Ефимович — посылаю вырезки из эмигрантских и буржуазных газет, сумбурный фашистский «Октябрь» для ознакомления, небезынтересное, — хотя и неумное — письмо эмигранта по поводу «наших достижений» и перевод рассказика «В Женеве», м. б., он годится для «Огонька» или «За рубежом».

Второй № «За рубежом» интересен. Как относится читатель к этому журналу? Очень живо сделан 1-й № «Наших достижений», но — почему тираж снизился до 30-ти т.?

Сердечный привет

А. Пешков

Появился в Париже роман «Отечество» Таманина и делает шум. Гиппиус и Милюков — расхвалили его, Ходасевич — обругал. Герой романа нечто родственное Самгину. Роман пошл и глуп, да еще и подл, так же, как герой. Хочется написать о нем, но — едва ли найду время.

А. П.

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Москва. Январь — февраль 1934 г.)

Дорогой Михаил Ефимович — посылаю материалишко, который можно очень хорошо использовать, как мне кажется. Прилагаю два кусочка из моих «Заметок», — если понравятся — буду очень рад.

Жму руку.

А. Пешков

М. Е. Кольцов — А. М. Горькому

(Москва. 4 марта 1934 г.)

Дорогой Алексей Максимович,

было бы весьма важно послать телеграмму за Вашей подписью в редакцию «Фольксцейтунг» в связи с начавшейся кампанией за освобождение Тельмана.

Ваш Мих. Кольцов

А. М. Горький — М. Е. Кольцову

(Тессели. Начало 1936 г.)

Дорогой Михаил Ефимович —

книга «День мира» затеяна для того, чтоб показать читателю нашему, чем наполнен день мещанства, и противопоставить картине этой содержание нашего, советского дня. Зачем это нужно?

Мы пишем, что буржуазия гниет, разлагается и т. д. Это звучит голословно, ибо не подтверждается фактами, — в нашей прессе нет места для бытового материала, который дал бы наглядное, ясное представление о том, как именно разлагается дряхлый, отживший мир мещанства. Журналисты и литераторы наши, попугайски повторяя слова: «гниет», «издыхает» и пр., не умеют, да как будто и не считают нужным показать, что гниет, как гниет, кого и насколько глубоко заражает? Зарубежные литераторы выпустили уже десятки книг, изображающих разложение своего общества, но у нас до сего дня еще не догадались дать сводку немецкой антифашистской литературы, хотя изданы переводы доброго десятка таких честных книг. При тиражах в 10 тысяч они, конечно, не дойдут до нашего читателя массового.

Итак: «День мира» — сводка всего, что творится мещанством

Европы в его стремлении удержаться на завоеванных позициях. Интересно показать, как мещанин, создатель психологии бандитизма — штирнерианства, ницшеанства — заражает этой психологией мелкое мещанство, создает фашизм, углубляет бесчеловечность мещан.

Показать влияние безработицы: усиление «преступлений», детской проституции, самоубийств, потерю чувства человеческого достоинства, — последнее особенно характерно выражается в публичных выступлениях разных утешителей и развлекателей мещанства.

Дать примеры разжигания национальной и расовой вражды. Примеры грандиозных мошенничеств вроде Ставиского — и примеры мошенничества судей. Семейные драмы на почве недоедания, а также и распутства. Понижение ценности жизни, выражаемое в убийствах из-за ничтожных пустяков и т. д.

Особенно же четко надобно показать репетиции гражданской войны в разных странах. Наша молодежь ничего не знает о героических днях Вены, Антверпена, о событиях в Испании, в Польше, и о том, чтоб она знала все это — не видно ничьих забот.

Материал, присланный Вами, вызвал у меня впечатление грустное.

Разве для Англии характерен только Лондон, а для Лондона — только Уайтчепель? А почему бы не показать трагикомическую трусость англичан, которые видят: надо воевать и — боятся воевать? И — где Ирландия? Почему так много дано места Палестине, а 300 миллионов индусов — как бы не существуют? Алжир, Тунис — в наши дни — котлы, где закипают большие события, но это упущено из вида. А Марокко, — совсем нет!

Не освещены факты истребления безоружных абиссинцев итальянцами, нет ничего о Китае, а его отношении с Японией, ничего о Советском Китае, мало об Индо-Китае.

В общем: все сделано поспешно, непродуманно, кое-как. Допущено и смешное, но не то, какое допустимо и даже обязательно.

Смешное дано в форме сведений о погоде 27 сентября.

На мой взгляд, материал в данном его виде, ничем не связанный и никак не организованный, не имеет значения, это — бросовый материал. Совершенно ясно, что тема не увлекла работавших над нею, не поколебала их равнодушия.

Рассказы литераторов о том, как они провели день 27 сентября, что чувствовали, о чем думали — рассказы, которые я, конечно, не решусь назвать пустыми, но назвал бы пустынными. Они не все таковы, но в большинстве вызывают представление именно о пустынниках, о людях, живущих вдали от кровавых

безобразий фашизма, от подготовки хищников к войне, живут в некой Фиваиде и смотрят на жизнь далекую от них, сквозь некую мглу. Возможно, что это — мгла сознания пустынниками их мудрости, их величия.

Не знаю, что можно сделать с этими рассказами. Издать их отдельной книгой? Но их очень мало, да и маловажны они.

О материале советского дня скажу, что это — сырье, надобно выжать из него воду, высушить казенное славословие и тогда зажечь — он самосильно вспыхнет ярчайшим костром и покажет горение миллионов людей, которые в прекрасном героическом труде освещают весь мир новым ярчайшим огнем — новым смыслом жизни.

Помните — я говорил, что 27-й день — или какой-либо другой — для нас только опорный пункт и что наша работа — не только работа с конкретностями, с реальностями, но и работа воображения.

Умея планомерно создавать новый мир, мы должны уметь разрушать старый, показать картину желаемой нами гибели врага.

Привет горячий

М. Горький

Завершается переписка Горького с Кольцовым в марте 1936 года. Два с половиной месяца остается жить Горькому. 29 месяцев остается Кольцову жить на свободе.

КОЛЬЦОВ В АВИАЦИИ

В многогранной деятельности Кольцова — фельетониста, корреспондента, редактора, издателя, общественного деятеля — особое место занимает в те годы участие его в развитии советской авиации. Он пишет ряд очерков, проникнутых горячей симпатией к «крылатому племени» летчиков, рассказывает о жизни и делах пилотов, неутомимо привлекает интерес читателей к нашему воздушному флоту.

Кольцов выпускает книгу, посвященную советской авиации, под характерным для его журналистского стиля названием: «Хочу летать». И, действительно, летает много. Он первый из советских журналистов находится в самолете, делающем «мертвую петлю», участвует в первом перелете через Черное море на легком сухопутном самолете по маршруту Севастополь — Анкара. Он — один из организаторов и участников большого европейского перелета на самолете «Крылья Советов». Он — в составе воздушного экипажа, совершившего труднейший по тем временам Большой Восточный перелет 1930 года через Гиндукуш и безлюдные пустыни Средней Азии по маршруту Москва — Анкара — Тегеран — Кабул — Москва. Литературными плодами этих перелетов явился ряд интереснейших очерков — «Перелет», «В гости к чужим», «На краю света», «Вместилище спокойствия» и многие другие. «Воздушная» деятельность Кольцова получила не совсем обычное, но весьма убедительное признание:

ПРИКАЗ

Революционного Военного Совета Союза ССР, гор. Москва, № 883, 6 ноября 1930 г.

За последние три года тов. Кольцов М. Е., участвуя во всех больших советских перелетах, сопряженных с большими трудностями, совершил в общей сложности полетов свыше 170 летных часов.

С удовлетворением отмечая эту деятельность тов. Кольцова, приказываю зачислить его в списки Н-й авиабригады ВВС РККА с присвоением звания летчика-наблюдателя.

Народный комиссар по военным и морским делам и Председатель РВС Союза ССР К. ВОРОШИЛОВ.

С огромным увлечением новый «летчик-наблюдатель», наряду со своей газетной работой, отдает время, энергию и инициативу

делу развития советской авиации.

От первоначальных, если можно так выразиться, «простейших» форм своей воздушной деятельности — участия в перелетах в качестве корреспондента, Кольцов переходит к начинаниям более значительного масштаба.

В дни, когда отмечали 40-летие литературной и общественной деятельности А. М. Горького, Кольцов выступает в печати с призывом: «Давайте в честь нашего Горького построим огромный, невиданный агитационный самолет! Самолет-гигант! Имени гиганта литературы — Максима Горького!»

Эту мысль, как тогда было принято, с энтузиазмом подхватывает вся советская общественность. Кольцов объявляет сбор средств на постройку самолета. Конечно, в этом принимает участие и ЖУРГАЗа, руководимый Кольцовым. На собрании сотрудников издательства принимается следующее решение, весьма характерное для того времени:

РЕЗОЛЮЦИЯ

общего собрания редакционных и литературных работников 39 журналов и газет Журнально-Газетного Объединения, состоявшегося 17/IX-1932 года.

Собрание редакционных работников и литературных сотрудников 39 журналов и газет, входящих в Журнально-Газетное Объединение, приветствуют инициативу редакции журнала «Огонек» и постановляют открыть сбор средств на постройку большого многомоторного агитационного самолета-гиганта «Максим Горький».

Самолет этот должен быть построен в ознаменование сорокалетнего юбилея великого писателя и общественного деятеля Максима Горького. На борту самолета будет сосредоточен весь комплекс средств массовой агитации — редакция газеты, типография, фотолаборатория, радиоустановка, кинопередвижка, аппарат для световых надписей на облаках и т. д.

Первое место в создании самолета должны занять деятели советской культуры, печати и искусства.

Собрание выражает надежду, что советская пролетарская общественность будет способствовать созданию в кратчайший срок при поддержке этого мощного летающего гиганта массовой агитации и пропаганды. Самолет «Максим Горький» будет реять над советскими просторами и бороться за овладение массами социалистической культурой, как делает это живой обладатель

этого имени, ударник, борец за социалистическую культуру — наш Горький.

Для руководства сбором средств и постройкой агитационного самолета был избран комитет, куда вошли:

Председатель Мих. Кольцов. Члены: Безыменский (поэт), Бухарин, Залка Мате (писатель), Кон Ф. (Радиокомитет), Качалов (МХАТ), Мейерхольд Вс. (ТИМ), Мехлис («Правда»), Радек К., Таиров (Камерный театр), Толстой А. (писатель), Третьяков С. (писатель), Туполев (ЦАГИ), Фадеев (писатель) и другие.

Многим артистам, писателям, журналистам, общественным и культурным деятелям рассылаются специальные письма. Сохранилось такое письмо к Феликсу Кону — известному в то время партийному деятелю:

КОМИТЕТ по постройке агитационного многомоторного самолета «МАКСИМ ГОРЬКИЙ»

Тов. КОН. Ф.

25/IX-32 г.

Уважаемый товарищ!

Собрание редакционных работников и литературных сотрудников 39 журналов и газет Журнально-Газетного Объединения, отмечая предстоящий юбилей сорокалетней деятельности великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького, постановило ознаменовать это событие созданием фонда для сооружения большого многомоторного агитационного самолета «Максим Горький».

Для руководства всей кампанией по созданию фонда и постройки агитационного многомоторного самолета «Максим Горький» создан специальный комитет, в состав которого Вы избраны.

Доводя об этом до Вашего сведения, мы выражаем уверенность в том, что Вы окажете всемерную помощь делу организации и успешного завершения данного начинания.

Председатель комитета Мих. Кольцов.

В ответ Ф. Кон выслал в адрес комитета 50 рублей.

Для пропаганды идеи самолета-гиганта и сбора средств на его строительство было организовано множество рейсов во многие города СССР самолетов из эскадрильи имени Максима Горького. В состав их участников входили многие известные писатели, художники, журналисты, в том числе и Михаил Кольцов. Сохранилось описание одного из таких полетов,

сделанное журналистом А. К. Розовским.

«В 1934 г. самолет АНТ-14 „Правда“ совершил рейс по маршруту Москва — Харьков — Киев — Москва.

10 июля с аэродрома вылетело звено самолетов эскадрильи им. Максима Горького — „Правда“, „Красный кабардинец“ и „Красный балкарец“.

Перелет был организован по случаю перенесения столицы Советской Украины в Киев и приурочен к 15-летию комсомола Украины и к тиражу по госзаймам.

На борту „Правды“ „расширенная редакция“— представители центральных и московских газет, писатели, художники, ответственные сотрудники Наркомфина, лучшие финударники московских предприятий, кинооператоры, фотографы.

Среди пассажиров — Михаил Кольцов, Ефим Зозуля, Марк Колобов, Александр Жаров, Джек Алтаузен, Борис Левин, бр. Тур, Семен Гехт и др.

Радиостанция „Правды“ подготовлена к приему и передаче радиограмм во время полета. Погружено значительное количество листовок для сбрасывания над Киевом и в промежуточных районах.

„Правду“ ведет т. Михеев, второй пилот — т. Чулков. Два других самолета ведут тт. Кононенко и Лялин.

Погода не вполне благоприятствует перелету. Метеосводки, получаемые каждые полчаса, задерживают старт. Наконец, в 13 час., появилась возможность лететь. Было условлено, что в случае плохих метеорологических условий в Орле на аэродроме будет выложен соответствующий сигнальный знак. В 13 час. 10 м. самолеты вылетели. Пролетая над Орлом, пилоты увидели выложенные две продольные линии, что обозначало возможность дальнейшего беспосадочного полета. Самолеты пошли прямо в Харьков.

Вечером 10 июля по прибытии в Харьков участники перелета осматривали город и посетили харьковские театры. 11-го с утра, разбившись на группы, писатели, поэты и другие участники перелета отправились на харьковские заводы и фабрики, знакомились с производством, беседовали с рабочими. Участники перелета дали блестящую оценку той успешной работе, которую проделали пролетарии Харькова и горсовет в борьбе за культурную жизнь.

Всеукраинский радиокомитет организовал передачу выступлений прибывших на самолетах писателей и поэтов.

— Наш перелет, — сказал т. Кольцов, — связан с перенесением столицы Украины в Киев и приурочен к 15-летию комсомола Украины, ко всесоюзным тиражам государственных

займов. Советская Украина, которая является одной из важнейших частей нашей великой страны, принимает большое участие в строительстве нашей авиации. Трудящиеся Украины, особенно Киева и Харькова, сыграли и продолжают играть большую роль в создании самолета-гиганта и агитэскадрильи им. Максима Горького.

Ответом на это громадное участие трудящихся Киева и Харькова в общественной работе по созданию самолета-гиганта и эскадрильи является прилет нашего звена. Прилет должен послужить показом самолетов эскадрильи, ее летчиков и тех возможностей, которые дает агитационная авиация. Лучшие ударники киевских заводов и фабрик получат возможность полетать над столицей на самолете „Правда“ АНТ-14.

Привет трудящимся Киева, Харькова и всей советской Украины…

Днем звено самолетов вылетело из Харькова в Киев.

В 80 км от Киева звено агитэскадрильи им. Максима Горького было встречено двумя самолетами, которые эскортировали его до самого киевского аэродрома.

Над Киевом выбрасывают летучки. Видно, как трудящиеся ловят их и читают привет, полученный с воздуха. Традиционные приветственные круги над городом.

Парашютисты тт. Рихтер и Яров прыгают с самолетов „Красный кабардинец“ и „Красный балкарец“. В руках одного из парашютистов красивый красный, шитый золотом штандарт: „Пламенный привет ЦК КП(б)У, Правительству УССР и пролетариату Киева“.

На аэродроме — тысячи рабочих киевских заводов и фабрик, представители передовых колхозов пригородной полосы, части Красной армии, делегаты юбилейного пленума ЦК ЛКСМУ, представители печати, тиражных комиссий и пр.

После посадки тут же на аэродроме состоялся многотысячный митинг».

На строительство самолета была собрана огромная по тем временам сумма — шесть миллионов рублей. И вот уже кипит работа во всесоюзном Комитете по постройке самолета-гиганта «Максим Горький». Красивая идея о создании крылатого «Максима» постепенно облекается в стальную и алюминиевую плоть. Создателем проекта этого уникального самолета становится Андрей Николаевич Туполев — будущий (на некоторое время) «враг народа» и будущий (до конца жизни) великий конструктор. Рабочее название самолета — АНТ-20. Восьмимоторный, размах крыльев 63 м, масса 42 т. Как

агитсамолет, «Максим» оснащен радиостанцией, телефоном и типографией. В считанные часы он мог быть переоборудован в мощный бомбардировщик сверхдальнего действия.

Наконец наступает долгожданный день, когда могучая машина поднимается в воздух, а в первомайский праздник 1935 года «Максим Горький», возглавляя парад военно-воздушных сил, величественно проплывает над ликующей столицей, над Красной площадью…

Кольцов строит обширные планы использования этого самолета. Он хочет показать его за рубежом. По этому поводу он пишет письмо Ворошилову:

Тов. К. Е. Ворошилову.

Следовало бы теперь же решить в ту или иную сторону вопрос о перелете самолета «Максим Горький» в Париж. Вопрос этот неоднократно затрагивался в разговорах с французами. Иностранная печать уделила самолету громадное внимание.

Тов. Литвинов считает наиболее подходящим моментом для перелета май этого года. Он считает желательным промежуточную посадку «Максима Горького» в Праге, а на обратном пути — в Бухаресте.

В настоящий момент на самолете производится установка новых моторов и разного рода улучшения и поправки. Учитывая все эти работы, а также новые репетиционные полеты, «Максим Горький» может быть готов к заграничному полету к середине мая с. г.

Ожидаю Ваших указаний.

Командир эскадрильи им. Горького Мих. Кольцов 26 марта 1935 г.

Ворошилов поставил следующую резолюцию: «Это дело ЦК, куда и надлежит адресоваться. К. Ворошилов 27/3–35».

18 мая 1935 года самолет-гигант потерпел катастрофу — в него врезался истребитель, летчик которого пытался сделать на своем самолете «мертвую петлю» вокруг «Максима Горького».

В тот же день получена телеграмма командира эскадрильи имени Максима Горького Михаила Кольцова, находившегося в момент катастрофы «Максима» в Париже:

«ГЛУБОКО ПОТРЯСЕН НЕСЧАСТЬЕМ С НАШИМ ЛЮБИМЫМ ДЕТИЩЕМ — САМОЛЕТОМ-ГИГАНТОМ, КАТАСТРОФОЙ, СТОИВШЕЙ ЖИЗНИ НАШИМ ЛЕТЧИКАМ И УДАРНИКАМ ЛУЧШЕЙ В МИРЕ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ».

Далее Кольцов в своей телеграмме пишет:

«И СЕЙЧАС — ПЕРЕД ТЕЛАМИ ПАВШИХ БОЙЦОВ, ПЕРЕД

ОБЛОМКАМИ РАЗБИТОГО САМОЛЕТА, ДАДИМ СЛОВО СОЗДАТЬ ВМЕСТО НЕГО ЕЩЕ БОЛЕЕ СИЛЬНЫЙ И ПРЕКРАСНЫЙ ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ. ЭТО БУДЕТ ЛУЧШИМ ПАМЯТНИКОМ НАШИМ ЛЮБИМЫМ И РОДНЫМ ПОГИБШИМ ТОВАРИЩАМ.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ СЛАВНОМУ ЭКИПАЖУ „МАКСИМА ГОРЬКОГО“, ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОГИБШИМ УДАРНИКАМ ЦАГИ».

Вскоре вышло совместное постановление Совета Народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б), в котором говорилось о постройке взамен погибшего «Максима Горького» трех больших самолетов такого же типа и таких же размеров, как «Максим Горький»: «Владимир Ленин», «Иосиф Сталин» и «Максим Горький».

Надо сказать, что это постановление не было выполнено, самолеты построены не были.

Но Кольцов не оставляет свое увлечение авиацией. Вскоре планы становятся шире, смелее: организовано строительство целой серии агитсамолетов, по мысли Кольцова, на средства газет и журналов, получающих при этом право назвать самолет своим именем. И вот уже рассекают необозримые воздушные пространства Советского Союза крылатые «Правда», «Комсомольская правда», «Рабочая Москва», «Пионерская правда», «Крестьянская газета», «Огонек», «Крокодил», «Правда Востока» и многие другие — целая, большая и дружная, летающая газетно-журнальная семья. Официальное ее наименование — «Особая сводная агитационная эскадрилья имени Максима Горького». Приказом Главного управления гражданского воздушного флота командиром агитэскадрильи имени Горького назначен журналист, летчик-наблюдатель Михаил Кольцов.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сложной и разносторонней была творческая и общественная деятельность Кольцова, но надо сказать, что его личная жизнь сложилась тоже непросто и нелегко. Он был женат трижды, хотя в общем, это не такое уж редкое явление. *Я* уже упоминал о том, что в 1918 году в Киеве возникла его близость с актрисой Верой Юреневой и она стала его женой, несмотря на значительную разницу в возрасте (Юренева была старше лет на пятнадцать.) То был подлинный брак по любви. Но конкретные жизненные обстоятельства — беспокойная журналистская деятельность Кольцова, систематические продолжительные гастрольные поездки Юреневой по стране — не позволили им создать нормальную семью. Не было и детей. И неудивительно, что пути их разошлись, хотя осталась прочная и нежная дружба. Их отношения в последующие годы ярко характеризует открытка, посланная Кольцовым Вере Юреневой из Испании:

«Кутя! Можете себе представить? Еду по дорогам Испании. Гренада, Кордова и тому подобные Толедо. Чуть ли не в каждой деревушке — кабачок, куда Дон Кихот вместе с Санчо Пансой заходил выпить стаканчик вина, чуть ли не за каждым поворотом — та самая мельница, с которой Дон Кихот сражался… Но сегодня я потрясен: мы остановили наш автомобиль, чтобы долить в радиатор воды, и на придорожном столбе прочел название поселка: „Фуэнте Овехуна“… Хотел что-то кому-то объяснять, о чем-то кричать, но сообразил, что кричать, в сущности, не о чем. Между прочим, я здесь сообщил в интервью, что у нас Лопе де Вега ставится, и с успехом. А здесь он совсем не ставится. Вернее, так же часто, как у нас, скажем, „Бесприданница“… Если бы Вы сюда приехали со спектаклем, все бы здесь потряслись… Все здесь очень интересно — много пищи для ума, а также для сердца. Вот приеду, все расскажу. Целую Вас, спасибо за записочку.

Ваш Мих. К.»

Необходимо пояснить, что «Фуэнте Овехуна» — название спектакля, который с большим успехом шел в Киеве в 1918 году и в котором Вера Юренева играла роль Лауренсии, своего рода испанской Жанны д'Арк, мужественной девушки, страстно призывающей народ на борьбу с вторгшимися в страну чужеземными захватчиками.

Итак, Кольцов и Юренева расстались. Это произошло в 1922 году. А вскоре, приблизительно через год, Михаил Ефимович познакомился на каком-то вечере с Елизаветой Николаевной

Ратмановой, женщиной, обладавшей, несомненно, сильным, волевым характером, далеко не глупой, далеко не красавицей, но отличавшейся весьма своеобразной, запоминающейся внешностью. Через довольно короткое время они поженились. Родители и брат этот брак встретили неодобрительно, Елизавета Николаевна не пользовалась большой любовью ни у кого из близких Кольцову людей. (Между собой они ее именовали Лярва.) Видимо, в конце концов это стало ей известно и она как-то задала брату Михаила вопрос:

— Скажите, пожалуйста, Боря. Что значит — Лярва?

Тот смутился и невнятно пробормотал:

— Понятия не имею. В первый раз слышу…

Ратманова, теперь — Кольцова, была, в общем, неплохой журналисткой, хотя звезд с неба не хватала. Она отнюдь не была и, что называется, «домашней хозяйкой», а принимала активное участие в общественной жизни, вникала во все дела Кольцова.

После его ареста Елизавета Николаевна официально отреклась от своего мужа.

Рассказывала секретарь-стенографистка Кольцова Нина Павловна Прокофьева, по мужу — Гордон. Она встретилась на улице с Елизаветой Николаевной, вернувшейся в Москву из Испании, где работала корреспондентом ТАСС. (Это было уже после ареста Кольцова.) Гордон, муж Нины Павловны, был тоже репрессирован.

— Что же, Ниночка, — довольно игриво обратилась к ней Елизавета Николаевна, — придется нам искать новых мужей?

— Нет, Елизавета Николаевна, — сухо ответила Нина Павловна. — Я буду ждать своего.

Между прочим, оформив развод с «врагом народа» Кольцовым, Ратманова впоследствии дважды выходила замуж: за академика Стыриковича и за известного в свое время искусствоведа Бабенчикова.

Елизавета Николаевна снова появилась на горизонте в 1954 году, после посмертной реабилитации Кольцова, с претензией на предоставление ей авторских прав на литературное наследие Кольцова. Борис Ефимов, ставший по решению Союза писателей единственным наследником по литературным правам своего брата, принципиально этому воспротивился. Попытки Ратмановой затеять судебный процесс ни к чему не привели. Ей пришлось удовлетвориться достаточно крупной суммой, которую Ефимов счел нужным ей подарить, — все же она была когда-то женой его родного брата.

…В 1932 году Кольцов, находясь в командировке в Берлине, познакомился с немецкой писательницей и журналисткой-

антифашисткой Марией Грессгенер, подписывавшей свои произведения псевдонимом Мария Остен. Между ними возникли дружеские взаимоотношения, перешедшие вскоре в близость. Мария Остен стала фактической женой Михаила Кольцова. На официальный развод Ратманова категорически не давала согласия, да Кольцов и не очень настаивал.

Мария Остен до своего знакомства с Кольцовым несколько раз бывала в Советском Союзе. Несмотря на острый ум и наблюдательность Мария Остен не смогла за эти кратковременные поездки понять сущность строя и власти СССР, она видела только красивый фасад и слышала только громкие лозунги.

А в Германии к власти стремительно шел Гитлер. Быть коммунистом становилось крайне опасно. И когда Кольцов предложил Марии переехать в Москву и работать здесь, Остен охотно согласилась. Ей пока все нравилось в Москве. Она с увлечением окунулась в журналистскую деятельность — ее корреспонденции и очерки появлялись на страницах многих московских газет и журналов. Она возобновила свои старые знакомства в среде творческой интеллигенции, заводила новые, радовалась гостеприимству и общительности окружающих ее людей, словом, жила полноценной интересной жизнью, не опасаясь никаких «наци». И самое главное, что рядом с ней был человек, которого она любила, — Михаил Кольцов.

Помимо своей работы Мария Остен помогала Кольцову в его журналистской деятельности. Она часто ездила с ним во всевозможные командировки, как по Советскому Союзу, так и за рубеж. Одна из таких поездок была особенно примечательной — в Париж в 1933 году для освещения Лейпцигского процесса о поджоге рейхстага. (Визу на въезд в Германию фашистские власти Кольцову не дали.) Кольцов и Остен поселились в Париже, где собирали информацию о процессе. Как-то, выкроив несколько дней, они отправились в Саар (область, в то время отделенную от Германии по условиям ее капитуляции после

Первой мировой войны). В Сааре вскоре должен был состояться референдум по вопросу о присоединении его к Германии, и Кольцов хотел узнать, какие настроения в области и каков может быть результат этого референдума. А ведь Саар был до войны, да и оставался одной из самых индустриальных и богатых ценными полезными ископаемыми территорий, и присоединение его обратно к Германии означало усиление ее военного потенциала.

Путешествуя по Саару, Кольцов и Остен остановились в доме шахтера-коммуниста Иоганна Лосте, где их внимание привлек

десятилетний Губерт, бойкий, симпатичный мальчик, который рассказал им о своих нехитрых детских делах, о своей школе, где господствует дух нацизма, в которой учитель-нацист называет его не иначе, как «проклятый коммунистенок», и обещает ему, что когда нацисты придут к власти в Сааре, то с ним и его семьей расправятся.

И тут Кольцову пришла в голову неожиданная мысль: а не взять ли мальчика с собой из страны, где коммунистов преследуют, в страну, где они стоят у власти. Это было бы для мальчика подлинным чудом. И по мысли Кольцова, Мария написала бы о впечатлениях Губерта книгу, название для которой родилось тут же — «Губерт в стране чудес». Родители Губерта дали согласие отпустить мальчика на один год. (Этот год для Губерта обернулся почти 30 годами: до конца своей жизни он больше не вернется в Германию.) Сказано — сделано. Мария с Губертом через Париж и Прагу отправляются в Советский Союз.

Все, что затем происходило с Губертом, совершенно потрясло маленького мальчика: и сама страна, и люди, с которыми он общался, и условия жизни — несравнимые с теми, при которых он жил в Сааре.

Мария при поддержке и помощи Кольцова написала необычную для тех времен и весьма интересную книгу. Она писала ее от лица самого Губерта, в основе — его впечатления от советской страны. Они, естественно, восторженные. Автор предисловия к этой книге — один из самых популярных в то время в СССР людей — герой Лейпцигского процесса Георгий Димитров. Сама книга вызвала большой интерес, и весь тираж моментально разошелся. Любопытная деталь — в ней опубликована редкая фотография, на которой запечатлен Сталин, держащий на руках свою дочь Светлану. (В прессе появлялись только официальные снимки вождя, а этот — из семейного альбома.) Фотографию эту вручил Марии помощник Сталина — Поскребышев. По тем временам это было показателем величайшей благосклонности Отца и Учителя к книге Марии Остен. Пребывание Губерта в «Стране чудес» можно было с полным правом назвать чудесным. Но из родного дома пришли плохие вести…

…13 января 1934 года в Сааре состоялся плебисцит. Вот письмо Губерту от матери:

«Вы уже знаете, наверно, о результатах голосования. Мы все еще не можем понять, как это произошло. Здесь что-то не так. Тот, кто видел демонстрацию рабочих масс в Саарбрюкене 6 января, не будет считать результат голосования правильным. За неделю до плебисцита фашисты усилили террор. Я думаю, что

результаты подтасованы. 14 января, еще до подсчета голосов, фашистская пресса извещала, что 90 процентов населения голосовало за присоединение к Германии.

Можно установить лишь одно: мы честно боролись и исполнили свой долг до конца. В нашей маленькой деревушке 265 человек голосовали за статус-кво. Не следует думать, что другие местные организации не выполняли своего долга. Работа всюду велась так же, как и у нас.

Мы огорчены, но не падаем духом. Борьбы мы не оставим, хотя и потерпели поражение.

Отсюда нам надо уехать. Жизнь отца и многих других товарищей в опасности. Сегодня утром несколько товарищей уже уехали. Отец тоже. Губерт, будь бодр и прилежен. Я рада, что ты в безопасности. Если бы ты знал, как много тревог мне доставляет мысль об остальных детях. Роланд и Аннелиза уже исключены из школы. Старших братьев сняли с работы.

В ближайшие дни и мы последуем за отцом. Мы едем во Францию. По приезде сообщим тебе наш адрес.

Сердечно тебя обнимаю.

Мама»

По предложению Кольцова в каждый экземпляр книги «Губерт в стране чудес» был вложен почтовый конверт с таким адресом: Москва, 9, Страстной бульвар 11. Редакции журнала «Огонек». Пионеру Губерту.

Предполагалось, что каждый читатель книги Марии Остен вложит в этот конверт и отправит в Москву ответ на следующие вопросы Губерта, напечатанные в конце книги: «Ехать ли обратно к моим родным? Оставаться ли в Советском Союзе?»

Были получены сотни писем со всех концов Советского Союза. Большинство ответов от пионеров-читателей гласили: «Губерт, оставайся у нас, в СССР».

Но самый точный ответ на вопрос Губерта был получен не от пионеров…

22 июня 1941 года на советскую страну обрушилось гитлеровское нашествие, а на другой день Губерт был арестован и отправлен в сталинский лагерь, где провел около 15 лет, но ему повезло — он уцелел. Если бы Губерт обладал литературными способностями, то он мог бы написать весьма интересный и поучительный второй том «Губерта в стране чудес». Такой книги не появилось. Но и Мария больше не написала ни одной книги. Она целиком посвятила себя журналистике.

В 1936 году Остен вместе с Кольцовым находится в самой «горячей точке» того времени — в Испании, охваченной гражданской войной. Она продолжает оказывать Кольцову

существенную помощь в сборе материалов для корреспонденций в Москву. Любопытно, что Мария Остен фигурирует на страницах романа Хемингуэя «По ком звонит колокол». Под Карковым Хемингуэй имеет в виду Кольцова.

«Войдя в комнату, Карков прежде всего подошел к женщине в форме, поклонился ей и пожал руку. Это была его жена, и он сказал ей что-то по-русски так, что никто не слышал, и на один миг дерзкое выражение, с которым он вошел в комнату, исчезло из его глаз. Но оно сейчас же опять вернулось, как только он заметил красновато-рыжие волосы и томно-чувственное лицо хорошо сложенной девушки, и он направился к ней быстрым, четким шагом и поклонился. Жена не смотрела ему вслед, когда он отошел. Она повернулась к высокому красивому офицеру-испанцу и заговорила с ним по-русски.

— Твой предмет что-то растолстел за последнее время, — сказал Карков девушке. — Все наши герои стали толстеть с тех пор, как мы вступили во второй год войны. — Он не глядел на человека, о котором шла речь.

— Ты меня завтра возьмешь с собой в наступление? — спросила девушка. Она говорила по-немецки.

— Не возьму. И никакого наступления не будет.

— Все знают про это наступление, — сказала девушка. — Нечего разводить конспирацию. Долорес тоже едет. Я поеду с ней или с Карменом. Масса народу едет.

— Можешь ехать с тем, кто тебя возьмет, — сказал Карков. — Я не возьму.

Потом он внимательно посмотрел на девушку и спросил, сразу став серьезным:

— Кто тебе сказал об этом? Только точно!

— Рихард, — сказала она тоже серьезно.

Карков пожал плечами и отошел, оставив ее одну».

«Девушка» — это и есть Мария Остен, а «твой предмет» — Эрнст Буш, выступавший в это время со своими антифашистскими песнями в Испании.

К моменту, о котором идет речь в романе Хемингуэя, Кольцов и Остен практически перестали быть мужем и женой, хотя сохранили дружеские и деловые отношения. А главное, они сохранили огромное уважение друг к другу. Причиной кризиса их супружеских отношений был кратковременный роман Марии с Эрнстом Бушем.

В конце 1936 года Мария Остен из Испании едет в Париж, где продолжает свое сотрудничество с Лионом Фейхтвангером, с которым приезжает в Москву, где они встречают новый, 1937 год. Видимо, тогда-то и начался роман Марии Остен с Эрнстом

Бушем. Кольцов все это время остается в Испании. Кто-то из общих знакомых сообщает Кольцову об увлечении Марии. Кольцов пишет ей письмо, в котором спрашивает о Буше. Все подтверждается. И естественно, происходит разрыв. Свою следующую поездку в Испанию Мария совершает вместе с Бушем. Как раз к этому времени относится отрывок из романа Хэмингуэя.

Видимо незадолго до окончательного отъезда Кольцова из Испании в Москву в конце 1937 года отношения между Марией и Кольцовым начали восстанавливаться. Хотя, скорее всего, по взаимной договоренности они не стали афишировать это. Кольцов понял, что над ним начали «сгущаться тучи», и он хотел уберечь Марию от возможных последствий.

Последний раз Мария Остен и Михаил Кольцов общались по телефону осенью 1938 года. Кольцов был командирован в Чехословакию, над которой нависла угроза немецкой оккупации. Воспользовавшись своим пребыванием в Праге, где у НКВД не было возможности прослушивать телефонные разговоры, Кольцов позвонил в Париж Марии.

Он просил ее не приезжать в Москву.

— Но в чем дело? Почему я не должна приезжать? — в недоумении спрашивала Мария.

— Мария! У меня очень мало времени. Слушай меня внимательно. Тебе не надо приезжать в Москву. Понятно? Я не могу сказать больше.

— Но почему? Ты больше не хочешь меня видеть?

— Мария! У меня больше нет времени. Повторяю: тебе не надо приезжать в Москву. Целую.

Кольцов, пытавшийся предупредить Марию об опасности в случае ее приезда в Москву, не учел только одного — Мария очень его любила и не могла оставаться в Париже, зная, что над ним нависла смертельная угроза. И Мария собралась ехать в Москву выручать Михаила. Друзья, естественно, отговаривали ее от этого безрассудного шага. Среди этих друзей был и Андре Мальро — «французский шпион» (он много раз фигурирует в «Деле» Кольцова), а на самом деле — известный французский писатель, человек левых взглядов, убежденный антифашист, участник войны в Испании.

Много лет спустя, уже будучи министром культуры Франции, Андре Мальро, в узком кругу вспоминая о событиях того времени, говорил о том, как он и его коллеги горько переживали, что не смогли удержать Марию от ее отчаянного шага и отпустили ее на верную смерть.

— Нам не удалось переубедить ее, — говорил Мальро. — Она была целиком во власти своего благородного порыва — спасти

дорогого ей человека — и ничего не хотела слышать.

— Но пойми, Мария, дорогая, — убеждал ее Мальро. — Ты забываешь, куда ты едешь. Вспомни, что ты сама там видела и что говорит Фейхтвангер. Сатана там правит бал. Михаила ты не спасешь, а сама погибнешь. Тебя арестуют прямо на вокзале.

— Нет, нет, Андре, — отвечала Мария. — Ты ошибаешься, преувеличиваешь опасности и недооцениваешь шансы на успех. А я считаю, что если есть хотя бы один-единственный шанс, то я не имею права его не использовать. Я бы никогда не простила себе такого предательства. К тому же я уверена — шансов гораздо больше. Может быть, даже половина на половину.

И Мария Остен приехала в Москву. Вот как об этом вспоминает Борис Ефимов.

«Печальной была наша встреча. Она рассказывала мне, как отговаривали ее от этой поездки друзья — Андре Мальро, Лион Фейхтвангер, Вилли Бредель, другие.

Разумеется, никто на вокзале ее не арестовал и она поехала прямо к себе на квартиру в кооперативном доме ЖУРГАЗа, которую в ее отсутствие занимал Губерт Лосте, успевший за прошедшие в „Стране чудес“ семь лет стать правоверным комсомольцем и даже жениться на комсомолке. Дверь ей открыл сам Губерт.

— Это я, Губерт, — сказала Мария и хотела войти в квартиру, но Губерт молча и неподвижно стоял на пороге.

— В чем дело, Губерт? — удивилась Мария.

— А в том, — раздался визгливый голос возникшей за спиной Губерта молодой особы с пышной челкой на лбу, — что вы можете отправляться туда, откуда приехали. Мы не желаем иметь ничего общего с врагами народа!

— Ты с ума сошел, Губерт? — изумилась Мария. — Ведь это же моя квартира!

— Это наша квартира! — закричала супруга Губерта, который, не произнеся не единого слова, закрыл дверь.

Все это в тот же день Мария рассказала мне, улыбаясь и разводя руками.

— Вот так Губерт в стране чудес, — приговаривала она.

Поселилась она в гостинице „Метрополь“. Немного понадобилось дней, чтобы Мария убедилась не только в том, что ее приезд в Москву никого не интересует, но и в том, что бесполезны ее попытки встретиться и поговорить с теми, на чью помощь она рассчитывала. Ни к Мехлису, ни к Поскребышеву, ни к кому другому она, естественно, дозвониться не смогла. Но ее принял Георгий Димитров, который был автором вступительной статьи к ее нашумевшей книге. Теперь он занимал высокий пост

председателя Коминтерна. Исполком этой загадочной организации размещался в неказистом здании против Манежа. Я пошел на прием вместе с Марией.

Мне не раз доводилось слышать выступления Димитрова на собраниях и митингах, теперь я был потрясен его видом. Не пламенного, мужественного трибуна видел я перед собой, а опустошенного, сломленного человека. Выслушав Марию, он как-то вяло сказал:

— Да, Мария. Я хорошо помню твоего Михаила. Я хорошо знаю и тебя. Но мне трудно что-либо тебе обещать. Скажу откровенно. В таком же положении находятся сейчас многие работники Коминтерна, среди них очень видные люди. Мои обращения по этому поводу… не доходят. Что же я могу сделать для твоего Михаила?

Мы вышли из кабинета председателя Коминтерна в глубоком разочаровании. Прямо на нас, громко стуча ногами, шел какой-то самоуверенный грузный человек. Мы посторонились, Мария посмотрела на него со страхом. Он властно открыл дверь, вошел в кабинет Димитрова и с шумом захлопнул ее за собой.

— Это Андре Марти, — шепнула мне побледневшая Мария. — Мне в Париже говорил Мальро, что он из ярых врагов Михаила и, несомненно, приложил руку к его аресту. Я его боюсь.

К этому следует добавить: в то время как Димитров бесплодно обращался к Сталину и к Берии с хлопотами о судьбе арестованных работников Коминтерна, Марти, наоборот, набирал очки в глазах Сталина своей повышенной „бдительностью“ и разоблачениями „подозрительных“ коминтерновцев.

Шли недели и месяцы. Бедная Мария! Она уже убедилась, что ее приезд в Москву оказался абсолютно ненужным и бессмысленным. Но обратный путь был закрыт. А здесь надо было подумать о жилье, о заработке, о какой-то работе. Положение „подозрительной иностранки“ было мало подходящим для решения этих вопросов. И Мария мне сказала: „Борья, я хочу получить советское гражданство. Для этого нужно иметь поручительство двух советских граждан. Ты можешь мне дать такое поручительство?“

„Конечно, Мария, — ответил я. — Какой может быть разговор? А кто даст второе поручительство?“

„Я попрошу Григория Шнеерсона. Это друг Эрнста Буша. Думаю, он не откажет“.

„Не опасно ли это?“ — спросила меня жена.

„Как говорится, — ответил я, — чего бояться дождя, если уже промокло нитки. Уверяю тебя, для моего теперешнего положения — брата „врага народа“ — не имеет ни малейшего значения, дам

я Марии такое поручительство или не дам“.

Меня пригласили в административный отдел Моссовета и спросили:

„Вы знаете гражданку Грессгенер-Остен Марию Генриховну? Откуда вы ее знаете?“

„Знаю. Это жена моего брата“.

Мне дали толстую прошнурованную книгу, и я расписался в том, что даю соответствующее поручительство. Одновременно Мария подала в суд по поводу раздела квартиры с Губертом Посте, и суд вынес соответствующее решение, но оно оставалось пока только на бумаге, тоже по причине неопределенного „статуса“ Марии.

Но все эти непростые, юридические, процессуальные и гражданские вопросы просто и быстро разрешила… война. Через день после нападения Гитлера на Советский Союз Мария была арестована, а вслед за ней и Губерт — „Страна чудес“ раскрыла перед автором и героем прославленной книги свои „не столь отдаленные“ места за колючей проволокой».

«ДЕЛО» МАРИИ ОСТЕН

«УТВЕРЖДАЮ»

Народный Комиссар Государственной БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР — (МЕРКУЛОВ)

«23» июня 1941 года

«САНКЦИОНИРУЮ»

прокурор Союза ССР — Комиссар Гос. БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА — (БОЧКОВ)

«23» июня 1941 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (на арест)

Гор. Москва, 1941 года, июня «22» дня.

Я, Нач. 6 Отделения 1 отдела Следчасти НКГБ СССР — Лейтенант Госуд. Безопасности — ЕЛОМАНОВ, рассмотрев имеющиеся материалы в отношении ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Марии, 1909 года рождения, урож. Германии, немки, вне подданства, без определенных занятий, проживающей в Москве,

НАШЕЛ:

ОСТЕН происходит из семьи помещика. Впервые из Германии в СССР приехала в 1929 году вместе с директором берлинского издательства «Малик Ферляг» и через несколько месяцев возвратилась в Германию.

В 1932 году ОСТЕН вместе с КОЛЬЦОВЫМ (осужден) вторично приехала в СССР и до дня ареста КОЛЬЦОВА являлась его женой.

Показаниями арестованных агентов иностранных разведок БОЛЕСЛАВСКОЙ-ВУЛЬФСОН В.С. и ЛИТАУЭР Э. Э. ОСТЕН изобличается в проведении шпионской работы в пользу германской и французской разведок.

БОЛЕСЛАВСКАЯ-ВУЛЬФСОН Б. С. на допросе 22 апреля 1941 года в отношении ОСТЕН показала:

«…В одну из встреч ОСТЕН коснулась в разговоре о моих взаимоотношениях с Андре МАЛЬРО. Я попыталась уклониться от ответа. Тогда ОСТЕН ссылаясь на Ролана МАЛЬРО заявила, что ей известно о том, что я была привлечена Андре МАЛЬРО к шпионской работе. Отрицать свою связь с МАЛЬРО я не стала, а ОСТЕН добавила: „Ну, что-ж будем работать вместе“».

И далее:

«В 1939 году, в одной из бесед с ОСТЕН мы обсуждали вопрос о взаимоотношениях Германии с Советским Союзом. ОСТЕН открыто проявляла озлобленность против советского правительства, восхваляла немцев, а затем она прямо сказала, что

связана с германской разведкой, предложив и мне совместно с ней проводить работу на немцев. В то же время ОСТЕН сообщила, что с немецкой разведкой был связан и Михаил КОЛЬЦОВ.

В начале от работы на немецкую разведку я отказалась, но когда ОСТЕН разъяснила, что по сути никаких изменений в характере работы не произойдет, а все дело заключается в том, что материалы об СССР она будет передавать одновременно немецкой и французской разведкам, — я согласилась.

По заданию ОСТЕН я собирала сведения о настроениях интеллигенции, в частности, писателей. После советско-германского пакта она предложила представить информацию об отношении к пакту различных слоев населения и собрать материалы о жизни приезжавших в СССР испанцев.

Разновременно я передала ОСТЕН клеветнический материал об отношении населения СССР к советско-германскому пакту и о жизни испанцев в СССР.

Кроме того, мною был передан ОСТЕН материал о состоянии Горьковского автозавода им. Молотова».

Показания БОЛЕСЛАВСКОЙ подтверждаются показаниями арестованной ЛИТАУЭР Э.Э., которая на допросе 14 октября 1940 года заявила:

«…От ВОЖЕЛЯ мне было известно, что БОЛЕСЛАВСКАЯ с Марией ОСТЕН связаны по шпионской деятельности и, что он, ВОЖЕЛЬ, лично установил шпионскую связь с БОЛЕСЛАВСКОЙ в Париже через Марию ОСТЕН.

Кроме того, в 1936–37 годах мне было известно о шпионской деятельности БОЛЕСЛАВСКОЙ от Ролана МАЛЬРО, с которым я также была связана по шпионской деятельности».

По имеющимся данным Мария ОСТЕН в прошлом поддерживала связь с врагом народа РАДЕКОМ.

На основании изложенного, руководствуясь ст.175 и 158 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Марию арестовать и произвести на ее квартире обыск.

Нач. 6 отд, 1 отдела След части НКГБ СССР

Лейтенант Госуд. Безопасности (Еломанов)

«СОГЛАСНЫ» Начальник 1 Отдела Следчасти НКГБ СССР

Ст. Лейтенант Госуд. Безопасности (Зименов)

Начальник Следчасти НКГБ СССР

Майор Госуд. Безопасности (Влодзимирский)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Показания обвиняемого (свидетеля) ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР. Мария Генриховна «25» июня 1941 г.

Вопрос: Расскажите вашу автобиографию?

Ответ: Родилась в 1909 году в Германии в деревне Мукум провинция Вестфали. В 1913 году вместе с родителями переехала в провинцию Гренц-Марк, где до 1918 года училась в школе. В 1924 году переехала в Берлин училась в лицее. В 1925 году переехала в район города Кельн и поступила на работу в детский туберкулезный санаторий — работала на разных работах. В 1926 году вернулась в Берлин и поступила на работу в издательство «Малик Ферлаг». В издательстве Малик работала на разных работах до 1929 года. В 1929 году выехала в Советский Союз.

Вопрос: Каким образом вы попали в СССР и для чего?

Ответ: В Берлине я познакомилась с Советским кинорежиссером — Червяковым Евгением, он меня приглашал в СССР. Я обратилась в Советское посольство и получила разрешение на въезд. В мае месяце 1929 года я из Берлина вместе с Червяковым выехала в Москву. В СССР в 1929 году я жила до октября 1929 года и в октябре улетела в Берлин и продолжала работать в издательстве «Малик Ферлаг».

Вопрос: Когда вы вторично приехали в СССР?

Ответ: В 1932 году вместе с Кольцовым Михаилом, с которым познакомилась весной 1932 года в Берлине на квартире режиссера Пискатора.

Вопрос: С какой целью вы приехали в СССР в 1932 году?

Ответ: В 1932 году я приехала в СССР как жена Кольцова, и желала работать в СССР.

Допрос окончен в 19 ч. 10 м.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано Мария Остен-Грессгенер

Допросил: Нач. 6 отделения 1-го отдела Следчасти НКГБ СССР

Лейтенант ГБ Еломанов «УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ. НАЧ. 2 ОТДЕЛА С/Ч НКГБ Капитан Государств. Безопас. (Осюнькин)

26. VII. 1941 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (О принятии дела к своему производству)

гор. Саратов 1941 года июля м-ца 26 дня. Я. Старш. Следователь 6 Отделения 2 Отдела Следчасти НКГБ СССР — Лейтенант Государственной Безопасности Ж И ГА РЕВ, рассмотрев следственное дело № 2862 по обвинению ОСТЕН-

ГРОСГЕНЕР Марии Генриховны

НАШЕЛ:

ОСТЕН-ГРОСГЕНЕР арестован «24» июня 1941 года в гор. Москве

В связи с этапированием арестованного ОСТЕН-ГРОСГЕНЕР в гор Саратов, следственных действия по его делу не велось.

Принимая во внимание, что по делу необходимо проводить дальнейшее следствие, руководствуясь ст. 110 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ.

Принять следственное дело № 2862 по обвинению ОСТЕН-ГРОСГЕНЕР М.Г. к своему производству

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ 6 ОТД. 2 ОТДЕЛА С/Ч НКГБ Лейтенант Государствен. Безопасности (Жигарев.)

«СОГЛАСЕН» НАЧ. 6 ОТД. 2 ОТДЕЛА С/Ч НКГБ СССР Лейтенант Государственной Безопасн.

(Иванов.)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемой Остен-Гросгенер Марии Генриховны

От 28-го июля 1941 года Допрос начат в 24 часа

Вопрос: Вам сего числа предъявлено обвинение за совершенные вами преступления, предусмотренные ст. ст. 58 п. 1а, УК РСФСР.

Признаете себя виновной в предъявленном вам обвинении?

Ответ: Нет, виновной себя в предъявленном мне обвинении не признаю, так как я шпионской работой не занималась.

Вопрос: Вы лжете и пытаетесь скрыть от следствия свою шпионскую работу. Следствие располагает достоверными материалами и ваших шпионских связей и практической шпионской работе.

Прекратите ложь и рассказывайте о своих преступлениях?

Ответ: Мне говорить не о чем, я шпионской работой не занималась.

Вопрос: Вы опять лжете. Следствие предупреждает вас о том, что вы полностью уличены показаниями таких же шпионов, как и вы, с которыми вы были связаны по совместной шпионской работе.

Предлагается вам прекратить ложь и говорить правду?

Ответ: У меня никаких соучастников по шпионской работе не было.

Допрос прерван в 1 час 15 мин. 29. VII. 41 г.

Записано с моих слов верно и мною прочитано.

Мария Остен-Грессгенер

Допросил: Ст. Следователь Следчасти НКВД Лейтенант Государств. Безоп. Жигарев

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемой Остен-Грессгенер Марии Генриховны от 15 августа 1941 года Допрос начат в 20 час.

Вопрос: Следствие предлагает вам рассказать все о своей контрреволюционной работе?

Ответ: Никакой контрреволюционной работой я не занималась.

Вопрос: Покажите, кто и когда из ваших близких знакомых, были арестованы органами НКВД?

Ответ: Из близких моих знакомых были арестованы органами НКВД — мой бывший муж Кольцов Михаил Ефимович, был арестован в 1938 году; в 1937 году была арестована редактор газеты Д.Ц.Ц (Deutshe Zentral Zeitung) Аненкова Юлия; в 1936–37 г.г. был арестован немецкий писатель — Отвальд Эрнст, в 1936–37 была арестована немецкая актриса — Нейер Королля, в 1940 году была арестована — сотрудница Иностранной Комиссии Писателей — Болеславская Боля; в один день со мной была арестована преподавательница иностранных языков — Гутман Эди, с которой я в первый день моего ареста содержалась под стражей в одной камере.

Вопрос: Покажите, как, где и когда вы познакомились с Кольцовым?

Ответ: С Михаилом Кольцовым я познакомилась весною 1932 года в гор. Берлине в квартире режиссера Пискато Эрвин, который пригласил к себе на чашку чая ряд писателей, в том числе были приглашены: я — Остен и Кольцов. Во время чая я и познакомилась с Кольцовым Михаилом.

Вопрос: Какие у вас с ним были взаимоотношения?

Ответ: В том-же 1932 году, во второй приезд Кольцова в Берлин, я установила с ним интимные взаимоотношения. И из Берлина с ним приехала в Москву. После этого, я с Кольцовым прожила до октября 1936 года и покинула его.

Вопрос: Расскажите, о других ваших взаимоотношениях с Кольцовым?

Ответ: У меня с Кольцовым были хорошие взаимоотношения. Я помогала Кольцову в его работе. Читала ему книги на немецком языке. Делала вырезки из газет и отсылала через телеграф из Парижа в Москву его статьи в «Правду». Кольцов помогал мне

усовершенствоваться в моей журналистической работе. Других взаимоотношений, тем более антисоветских у меня с ним не было.

Вопрос: Вы, за границей с Кольцовым бывали?

Ответ: Да, бывала. В 1933 году я была с Кольцовым в Париже. В 1935 — в Париже, в 1936 году — в Испании. Нужно отметить, в 1936 году до моей поездки в Испанию, я была в Лондоне около месяца, на пленуме писателей.

Вопрос: Расскажите все, что вам известно об антисоветской работе Кольцова?

Ответ: Об антисоветской работе Кольцова мне ничего не известно.

Вопрос: Что вы можете сказать о Кольцове?

Ответ: Мне известно, что Кольцов имел мягкий характер, любил ходить в рестораны, в кафе. В быту был разложившимся человеком.

Вопрос: Как, где и когда вы познакомились с Аненковой Юлией?

Ответ: С Аненковой Ю. Я познакомилась в 1934 году в редакции Д.Ц.Ц. Знакомство это, произошло в связи с тем, что я принесла статью в редакцию.

Вопрос: Какие у вас с ней были взаимоотношения?

Ответ: У меня с Аненковой были хорошие дружеские взаимоотношения. Бывали друг у друга на квартирах. Часто Аненкова проводила ночи у меня на квартире. По всем вопросам своей семейной жизни, я делилась с ней, как с старшим товарищем.

Вопрос: Расскажите, все, что вам известно о Аненковой?

Ответ: Аненкова работала редактором газеты Д.Ц.Ц. Мужа не имела. Жила одинокой. Часто ее в редакции посещали немецкие писатели. За что она была арестована органами НКВД, мне не известно.

Вопрос: Что вам известно о ее антисоветской работе?

Ответ: О ее антисоветской работе мне ничего не известно.

Вопрос: Что вы еще о ней можете сказать?

Ответ: Больше мне о Аненковой сказать нечего.

Вопрос: Приступайте к даче правдивых показаний о своих совершенных преступлениях?

Ответ: Я прошу следствие помочь мне разобраться в совершенных мною преступлениях; так как я сейчас не знаю, что я совершила вражеского против Советского Союза.

Допрос окончен в 1 час 20 мин.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан: Мария Остен Грессгенер

Допросил: Следователь Следчасти НКГБ СССР
Лейтенант Госбезопасности Копылов

Показания обвиняемого Остен Грессгенер Мария Генриховна «1» сентября 1941 г.

Начало допроса 11. 50

Конец допроса 16. 15

Вопрос: Кто ваши родители?

Ответ: Мой отец — Генрих Грессгенер, немец по национальности до 1913 года жил в провинции Вестфален, занимаясь сельским хозяйством с применением наемной рабочей силы. Жили зажиточно.

В 1913 году, по неизвестным для меня причинам, отец продав свое хозяйство переехал в Восточную Пруссию, в провинцию Познань в район, который после 1918 года стал носить название Гренцмарк, где купил мельницу и 80 гектаров земли. Как и раньше работал сам отец, для обработки земли и ведения хозяйства, применял наемную рабочую силу.

В 1932 году я полностью потеряла всякую связь с семьей и где в настоящее время мой отец и мать мне неизвестно.

Моя мать уроженная Польман Анна, немка, занималась домашним хозяйством помогая отцу по сельскому хозяйству.

Вопрос: По существу, ваш отец являлся помещиком-землевладельцем?

Ответ: Конечно мой отец являлся землевладельцем, но не помещиком, потому что в Германии, по официальной статистике, помещиками считались лица имеющие не менее 200 гектаров земли.

Вопрос: Какое образование вы получили?

Ответ: В 1923 году я окончила в гор. Дойшкроне школу которая не давала полного среднего образования, для окончания полного среднего образования я в 1923 году переехала в гор. Лихтерфельдс (около Берлина) где поступила в Дюрер лиценум. Желая учиться рисованию и живописи я в 1924 году убежала из Дюрер лиценума и поступила учиться в школу по-рисованию.

Вопрос: На какие средства вы жили весь этот период?

Ответ: Весь период моей учебы я получала деньги от родителей. В начале 1925 года я официально должна была окончить Дюрер лиценум и поехать домой, но так как я с 1924 года уже училась в школе по рисованию и не получив удостоверения об окончании среднего образования домой не поехала мне деньги высылать перестали и я была вынуждена поступить работать. В начале 1925 года я поступила работать в санаторий туберкулезных детей около Кельна гор.

Беркнольштадт.

Вопрос: Почему вы не вернулись в семью?

Ответ: Я хотела работать в городе и не хотела возвращаться в деревню к отцу, правда в конце 1925 года я на очень короткий срок приезжала домой в деревню, но в 1926 году вновь уехала в Лихтефельдс к сестре, которая в это время училась в Берлине на медицинском факультете Института. Весной 1926 года я поступила работать в качестве ученицы в издательство «Малик», где на разных должностях я проработала до 1932 года.

Вопрос: Когда вы начали заниматься литературными трудами?

Ответ: Первая моя вещь — рассказ, был напечатан в 1929 году издательством «Кипен Гоейер». С этого момента можно считать начало моей литературной деятельности.

Вопрос: За период вашей работы в издательстве Малик с кем вы поддерживали близкие отношения?

Ответ: Очень близкие, даже интимные, отношения у меня установились с одним из руководителей издательства — Герцфельдс Виляндем, кроме этого я поддерживала хорошие отношения с немецким драматургом Бертолем Брехт, с его женой — Еленой Вайгель, с секретаршей Брехт — Маргаритой Штефин, с работниками издательства «Малик»: Эрнстом Ганебум, Бруно Кюн, Альбертом Винцером, и братом Герцфельда — Джоном Герцфельд.

Издательство «Малик» посещало много литераторов, поэтов, артистов и т. д. с рядом из них я была знакома, так например с Киш Эгон Эрвиным, Франк Леонгардом, Вайскопф Эрнстом, Манн Генрихом, Манн Клаусе, Дудо, Пливье Теодором, Отвальдом Эрнстом, Айслер Гансом, Буш Эрнстом и др. там же я познакомилась с советскими писателями; Тыняновым, Верой Инбер, Фединым, Зозулей, Маяковским, Эренбургом и с кинорежиссером Червяковым.

Вопрос: Когда вы впервые приехали в Советский Союз?

Ответ: Первый раз я приехала в Советский Союз в мае м-це 1929 года.

Вопрос: С какой целью вы ездили в Сов. Союз в 1929 году?

Ответ: Я интересовалась Сов. Союзом и ехала исключительно с целью ознакомления с жизнью в Сов. Союзе.

Вопрос: Только ли это являлось причиной вашей поездки в 1929 году в СССР?

Ответ: Да, только личное желание ознакомится с Сов. Союзом.

Вопрос: Следствие не верит в правдивость ваших показаний. Расскажите, кроме личного желания ознакомится с Сов. Союзом,

от кого и какие задания вы имели при поездке в 1929 году в СССР?

Ответ: Никаких заданий я ни от кого не получала. Повторяю, что в 1929 году я ездила в Сов. Союз только лишь по личному желанию.

Вопрос: При получении визы на въезд в Сов. Союз, как вы мотивировали причины вашей поездки?

Ответ: Я не помню, чем я мотивировала свое желание поехать в Сов. Союз при заполнении в 1929 году анкеты в Советском Консульстве в Берлине. Может быть в качестве мотивы я выставляла свое желание провести отпуск в Сов. Союзе.

Вопрос: Сколько времени вы пробыли в Сов. Союзе в 1929 году?

Ответ: В 1929 году я пробыла в Сов. Союзе 4 месяца. За это время я с группой кинорежиссера Червякова, была в Ленинграде, Уфе и Москве. В октябре 1929 г. я выехала в Берлин и вновь приступила к работе в издательстве «Малик».

Вопрос: Какой отпуск предоставляло издательство «Малик» своим сотрудникам?

Ответ: Своим работникам издательство «Малик» предоставляло 6-ти недельный отпуск.

Вопрос: В 1929 году на территории Сов. Союза вы были не 6-ть недель, а 4 месяца, т-е вы ездили в СССР, далеко не только для проведения своего отпуска. Предлагаю рассказать истинные причины вашей поездки в 1929 году в СССР?

Ответ: Приехав в Сов. Союз я вскоре установила интимные отношения с Червяковым и хотела остатся в СССР совсем, но примерно в июне м-це я узнала, что Червяков имеет семью и переменила свое желание. Никаких корыстных целей при поездке в 1929 году в СССР у меня не было.

Прошу отметить, что будучи в 1929 году в СССР я некоторое время была больна.

Вопрос: Сколько времени вы находились в 1929 году в Москве?

Ответ: Непосредственно в Москве я в 1929 году жила 6–7 недель.

Вопрос: За этот период с кем вы встречались в Москве?

Ответ: Живя в 1929 году в Москве я часто встречалась с Осипом Брик, встречалась с Верой Инбер, и с рядом других писателей, но эти встречи носили случайный мимолетный характер.

Вопрос: Будучи в 1929 году в Москве вы посещали Немецкое Посольство?

Ответ: Нет, Немецкое Посольство в Москве я в 1929 году не

посещала.

Допрос прерывается.

Записано с моих слов правильно мною прочитано

Мария Остен-Грессгенер

Допросил: Ст. следователь с/ч НКГБ СССР

Лейтенант ГосБез Бурлаков

Протокол допроса читал

Военный прокурор Новиков 21.10.41 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № *2862*

Допрос начат в «10» час. «30» мин. Окончен в *«16»* час. «20» мин.

1941 г. сентября мес. 20 дня. Я ст. следователь 2-го управлен. НКВД СССР Гарбузов допросил в качестве обвиняемой

Фамилия Остен-Грессгенер

Имя и отчество Мария Генриховна

Дата рождения 20 марта 1909 г.

Место рождения Вестфалия

Местожительство г. Москва

Нац. и гражд. (подданство) немка, безподданная

Партийность (в прошлом и настоящем) б/п

Показания обвиняемого Остен-Грессгенер «20» сентября 1941 г.

Вопрос: Расскажите о своей трудовой деятельности?

Ответ: Начало своей трудовой деятельности я сщитаю с 1925 г. когда я работала в детском туберкулезном санатории. В 1926 г. в начале весны поступила на работу в издательство «Малик» в Берлине. Здесь я работала до августа 1932 года на разных работах и одновременно начинала писать расказы. Первая моя работа была издана в 1929 г. в сборнике 24 немецких писателей. Это был выпущен сборник расказов 24 немецких писателей, там были помещены и мои расказы. В 1932 г. вместе с Кольцовым приехала в Москву. В Москве писала статьи в журналы и газеты: мои статьи помещались в журнале «Огонек», в газете «Пионерская Правда» в журнале «Октябрь», в немецкой центральной газете «ДЦЦ», в «Вечерней Москве». Написала детскую книгу «Губерт в стране чудес» и друг, мелкие книги. В январе-феврале 1933 года выезжала на Кавказ вместе с группой советских писателей — Обольниковым, Зузюля, Кольцовым, Чингаревым — фотокор, кореспондентом «Правды» Шталь. На Кавказе пробыли 2–3 недели, вернулись в Москву. Осенью 1933

года в августе или сентябре выехала из Москвы в Прагу через Варшаву. В Праге я остановилась в издательстве «Малик», которое эмигрировало из Германии после прихода к власти фашизма. Через месяц приехал ко мне в Прагу Кольцов. Он здесь почти не остановился, уехал в Париж через Вену, взяв меня с собой. В это время шел процесс Димитрова. Кольцов посылал из Парижа корреспонденцию об этом процессе в газету «Правда», я помогала Кольцову. В Париж к Кольцову приехали его жена и брат Ефимов и Илья Ильф и Е. Петров. В Париже я взяла мальчика на воспитание и в конце 1933 г. выехала из Парижа, через Швейцарию, Вену, Прагу, Варшаву в Москву. Весь 1934 год находилась в Москве, мне дали комнату в общежитии Журнального и Газетного объединения. Продолжала писать книги. В 1934 г. после конгресса писателей в Москве, провожала французского писателя Жан-Риша Блок с женой, вместе с Блок были Лидия Бах и Эльберт по Советскому Союзу. На обратном пути я заехала в Сочи к Кольцову, пробыла недели две и вместе с Кольцовым приехала в Москву. (В 1935 г. — летом вместе с Кольцовым выехала в Париж на международный конгресс Писателей.) С нами была Жан-Мусинак. На обратном пути вместе с Кольцовым мы заезжали в Данию — Копенгаген, Стокгольм. Возвратились из Парижа в Москву к концу лета 1934 года.

В 1935–36 г. участвовала в издательстве журнала «Дас Ворд» т. е. «Слово», в редакции этого журнала участвовали Фейхтвангер, Брехт и Бредель. В июне 1936 года я выехала во Францию к Фейхтвангеру. По пути заехала в Лондон к Брехт. Недолго пробыв у Фейхтвангера мы с Кольцовым выехали в Испанию. Осенью 1936 г. вместе с Фейхтвангером приехала в Советский Союз. В 1936 году свои супружеские взаимоотношения порвала с Кольцовым. В феврале 1937 г. я опять выехала в Испанию с Эрнестом Буш — певец революционных песен. Он был приглашен в республиканскую армию Испании. С начала мы приехали в Валенсию, затем переехали в Мадрид, из Мадрида опять в Валенсию. Здесь я не все время находилась вместе с Буш. Из Мадрида в Валенсию выезжала без него, вместе с Киш. В тот день когда мы приехали в Валенсию там был открыт конгресс писателей. После пребывания 2–3-х дней я выехала из Валенсии в Мадрид. В феврале 1938 г. из Испании я переехала в Париж где собирала материалы для журнала «Дас Ворд» и работала в ассоциации писателей. В мае 1939 г. я приехала в Советский Союз с ребенком, которого я взяла на воспитание, находясь в Испании. Будучи в Париже в 1939 г. я услышала, что Кольцов арестован органами НКВД в Москве, об этом сообщил в письме Бехер из Москвы в Париж писателю Бределю. Я выехала в Москву для

выяснения своего отношения к Кольцову.

Вопрос: Уточните, что вы хотели выяснить в 1939 г., приехав в Москву?

Ответ: Я поехала в Москву потому, что после того, как стало известно в Париже об аресте Кольцова, вокруг меня, среди моих знакомых создалось тяжелое мнение, говорили, что я больше не смогу поехать в СССР и т. д. меня угнетало это морально. Я как член партии решила поехать для очищения своей совести и реабилитировать себя перед своими друзьями.

Вопрос: Выше вы показали, что с Кольцовым у вас связь была прервана в 1936 году. В чем вы хотели реабилитировать себя перед товарищами.

Ответ: В 1936 году у меня с Кольцовым были прерваны личные отношения — интимные. Товарищецкие отношения и по-работе у нас с ним остались по прежнему. Он писал мне письма, учил меня работать, помогал мне в работе. Я посылала ему свои работы для знакомства, он давал оценку этим работам, вообще учил как нужно было писать.

Вопрос: Вы очень часто приезжали в СССР и выезжали? Кто вам выдавал визы?

Ответ: Без всякого посредничества, я получала сама в отделе виз и регистрации при НКВД или в местных Советских консульствах в Париже. Подавала заявления, заполняла анкеты, находила поручителей и мне выдавали визы. Я всегда указывала, что меня знают Фейхтвангер, Арагон и асоциация писателей.

Вопрос: Почему вы внеподданства и кто вам выдавал разрешение на жительство в Москве т. е. прописывал вас?

Ответ: С 1932 года по 1936 июль месяц я имела немецкий т. е. Германский паспорт и проживала в Москве по этому паспорту как германская подданная. Имела вид на жительство в Москве от отдела виз и регистрации. Паспорт, с которым я приехала из Германии, под новый 1935 год (в ночь на 1е января) на приеме в Журнальном и Газетном объединении был уварован вместе с сумкой. Через некоторое время сумка была найдена, а паспорт не был найден. Заявила я об этом в отдел виз и регистрации и в милицию. Затем в январе 1935 года обратилась в немецкое консульство в Москве предъявила документ о том, что работала корректором в журнале «Архитектура в СССР». По истечении недели или полторы немецкое консульство выдало мне новый паспорт, как Германскому подданому сроком только на полтора года.

По истечении срока этого паспорта я жила без подданства, без паспорта. Таким образом я проживала в Москве, как германская подданная с 1932 года по 1938 г. В 1941 г. весной в

апреле я подала заявление в советское подданство и просила выдать мне советский паспорт. Советское подданство мне дано не было, паспорт я не получила, была арестована 24.VI.41 г.

Вопрос: Почему же вы проживая в Москве, заявляете, что советски настроены, не приняли Советского подданства?

Ответ: До 1936 г. у нас в среде немецких товарищей не стоял вопрос о подданстве и только встал этот вопрос после 1936 года. Не могла принять подданство потому, что в этот период времени я не находилась в Москве. Осенью 1938 г. в Париже я обращалась в Советское консульство, мне там сказали что запросят Москву. Ответа я не получила.

Протокол записан с моих слов правильно мне прочитан

Мария Остен-Грессгенер

Допросил: ст. следователь 2-го Управления НКВД СССР Гарбузов

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ОБВИНЯЕМОЙ ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Марии Генриховны

13 ноября 1941 г.

Допрос начат 21 час.

Допрос окончен 24. 00 час.

Вопрос: Обвиняемая Остен, прекратите упрямство и раскажите о своей шпионской работе?

Ответ: От следствия я не уклоняюсь, говорю только правду, шпионской работой не занималась и вообще никакой преступной работы против Советской власти не проводила.

Вопрос: Следствие имеет данные о том, что вы на протяжении всего время пребывания в Советском Союзе занимались шпионской работой против Советского Союза. Следствие требует от вас правдивых показаний?

Ответ: Никогда и нигде я не занималась шпионской работой против Советского Союза.

Вопрос: Ваши друзья изобличают вас в шпионской работе против Советского Союза. Голым отрицанием фактов, вам не удастся скрыть свои преступления и уйти от ответственности. Вам предлогается расказать о своей преступной работе против Советского Союза?

Ответ: Те кто показывает на меня, о том, что я занималась шпионажем против Советского Союза, они говорят не правду. Шпионской работой я не занималась.

Вопрос: Вы являетесь антифашистом, как могло быть, что посольство в Москве Германского фашистского правительства

выдало вам паспорт до 1936 года?

Ответ: Мое фамилие, как антифашиста было Остен, все мои литературные и газетные антифашистские статьи публиковались под фамилией Остен. В немецком консульстве в Москве я получала паспорт на фамилию Грессгенер — технический корректор журнала «Архитектура СССР».

Записена с моим слово правилна мне прочитено
Мария Остен-Грессгенер
Допросил: ст. следователь следгруппы 2-го Управл.
НКВД СССР Лейтенант Г. Б. Гарбузов
Ходатайство возбуждается 4-й раз
«УТВЕРЖДАЮ»
Нач. Следгруппы 2 Упр. НКВД СССР
Ст. лейтенант госбезопасности
(АГАЯНЦ)
«20» ноября 1941 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О продлении срока ведения следствия и содержания обвиняемого под стражей

Гор. Саратов, 1941 года, ноября «20» дня.

Я, ст. следователь следгруппы 2 Управления НКВД СССР, лейтенат госбезопасности ГАРБУЗОВ, рассмотрев следственное дело № 2862 по обвинению ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Марии Генриховны в преступлениях, предусмотренных ст 58–1 «а» УК РСФСР,

НАШЕЛ:

ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР, 1909 г. рождения, уроженка г. Берлина, происходит из семьи мелкого помещика, вне подданства, арестована НКВД СССР 24 июня 1941 г. по подозрению в шпионской работе в пользу Германии и Франции, содержится в тюрьме гор. Саратова.

ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР впервые приехала в СССР в 1929 г. и через несколько месяцев возвратилась в Германию.

В 1932 г. ОСТЕН вместе с КОЛЬЦОВЫМ (осужден) вторично приехала в СССР и до дня ареста КОЛЬЦОВА была его женой.

ОСТЕН являлась агентом германской и французской разведок, по шпионской работе была связана с агентом германской и французской разведок БОЛЕСЛАВСКОЙ-ВУЛЬФСОН (осуждена).

ОСТЕН виновной себя не признала, изобличается в шпионаже показаниями БОЛЕСЛАВСКОЙ и ЛИТАУЭР Э.Э.

Принимая во внимание, что по делу запрошен материал, который не получен, а срок ведения следствия и содержания под стражей истекает 24 ноября 1941 года, руководствуясь ст. 116 и 159 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить ходатайство перед прокурором СССР о продлении срока ведения следствия и содержания обвиняемого ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР под стражей до 15 декабря 1941 г.

Ст. следователь следгруппы 2 упр. НКВД СССР лейтенант Гос. Безопасности ГАРБУЗОВ «Согласен» Нач. Отделения 2 Отдела 2 УПР. НКВД СССР лейтенант Гос. Безопасности ВАСИЛЬЕВ

ПРОТОКОЛ

об окончании следствия

1941 года декабря «5» дня. Я, следователь Следственной группы 2-го Управления НКВД СССР Лейтенант Г. Б. Гарбузов рассмотрел следственное дело № 2862 по обвинению Остен-Грессгенер Марии Генриховны в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–1а УК РСФСР.

Признав предварительное следствие по делу законченным, а добытые данные достаточными для предания суду, руководствуясь ст. 206 УПК, объявил об этом обвиняемому, предъявил для ознакомления все производство по делу и спросил — желает ли обвиняемый чем-либо дополнить следствие.

Обвиняемая Остен-Грессгенер Мария Генриховна ознакомившись с материалами следственного дела заявил, что дополнить свои показания ничем не может. Ознакомилась с материалами дела на листах с 1 по 77 лист.

Подпись обвиняемого Мария Остен-Грессгенер Следователь следственной части 2-го Управлен. ***НКВД СССР*** Гарбузов

«УТВЕРЖДАЮ»

Нач. Следгруппы 2 УПР. НКВД СССР Ст. Лейтенант Госбезопасности (АГАНЯНЦ)

«6» декабря 1941 года.

«УТВЕРЖДАЮ»

Нач. 1 Отд-ния 2 отд. гвп ка военюрист 2-го РАНГА (КУЛЬЧИЦКИЙ)

«8» декабря 1941 года.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу № 2862 по обвинению ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Марии Генриховны в преступлениях, предусмотренных ст. 58-а УК РСФСР.

ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Мария Генриховна арестована НКВД СССР 24-го июня 1941 года по подозрению в шпионской деятельности против СССР в пользу германской и французской разведок.

Произведенным по делу расследованием установлено, что ОСТЕН в 1929 г., как сотрудница берлинского издательства «Малик» приехала в СССР и через несколько месяцев возвратилась в Германию.

В 1932 г. познакомилась с КОЛЬЦОВЫМ (осужден) во время пребывания его в Берлине, вместе с ним приехала в СССР и до дня ареста КОЛЬЦОВА являлась его женой.

Находясь в СССР, с 1932 г. являясь немецкой подданной до 1936 г., занималась шпионской деятельностью в пользу германской и французской разведок.

По шпионской работе была связана с БОЛЕСЛАВСКОЙ-ВУЛЬФСОН, которая 22-го апреля 1941 года показала:

«В одну из встреч ОСТЕН коснулась в разговоре о моих взаимоотношениях с Андре Мальро. Я попыталась уклониться от ответа, тогда ОСТЕН, ссылаясь на Ролана МАЛЬРО заявила, что ей известно о том, что я была привлечена Андре Мальро к шпионской работе. Отрицать связь с МАЛЬРО я не стала, а ОСТЕН добавила: „Ну что же, будем работать вместе“.

В 1939 г., в одной из бесед с ОСТЕН мы обсуждали вопросы о взаимоотношениях Германии с Советским Союзом. ОСТЕН открыто проявляла озлобленность против советского правительства, восхваляла немцев, а затем она прямо сказала, что связана с германской разведкой, предложив и мне совместно с ней проводить работу на немцев. В то же время ОСТЕН сообщила, что с немецкой разведкой был связан и Михаил КОЛЬЦОВ…

…Разновременно я передавала ОСТЕН клеветнический материал об отношении населения СССР к советско-германскому пакту и о жизни испанцев в СССР.

Кроме того, мною был передан ОСТЕН материал о состоянии Горьковского завода им. Молотова»…

(л.д. 69–70)

БОГУСЛАВСКАЯ-ВУЛЬФСОН Б.С. осуждена к ВМН[9] 14/7–41 года Военной Коллегией Верхсуда СССР, в судебном заседании виновной себя признала, показания свои подтвердила полностью (л.д. 82).

Показания БОЛЕСЛАВСКОЙ подтверждает, арестованная ЛИТАУЭР Э.Э. агент французской разведки, которая на допросе 3-

го февраля и 4-го марта 1940 г. показала:

«…Мария ОСТЕН является шпионкой французской разведки, об этом мне известно от ВОЖЕЛЯ…

…От ВОЖЕЛЯ мне известно, что он с БОЛЕСЛАВСКОЙ установил шпионскую связь в 1938 г. в Париже через Марию Остен, с которой он также был связан по шпионской деятельности…» (л.д. 72–74).

ЛИТАУЭР Э.Э. осуждена к ВМН 6/7–41 г. ВК Верхсуда СССР, на суде виновной себя признала, показания свои подтвердила полностью (л. д 82)

ОСТЕН имела близкую связь с разоблачёнными врагами народа АНЕНКОВОЙ, РАДЕКОМ, ПРОКОФЬЕВЫМ (л.д.25–27, 49, 81).

В предъявленном обвинении ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР виновной себя не признала, изобличается показаниями агентов иностранных разведок БОЛЕСЛАВСКОЙ, ЛИТАУЭР и др. материалами дела.

На основании изложенного обвиняется:

ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Мария Генриховна, 1909 года рождения, немка, уроженка Германии, из семьи помещиков, отец член фашиской партии, прибыла в СССР в 1932.г., до 1936 г. германская подданная, 1936 г. вне подданства, с 1926 г. по 1939 г. состояла в КПГ, писательница.

В том, что, начиная с 1932 г. занималась шпионажем против Советского Союза в пользу французской и германской разведок, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58–1 «а» УК РСФСР.

Считая следствие законченным, следственное дело 2862 по обвинению ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР М. Г. в порядке ст. 208 УПК РСФСР и на основании приказа НКВД СССР № 001 613 от 21/ XI-41 г. направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР,

ПОЛАГАЛ БЫ:

В отношении обвиняемой ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР М.И. определить высшую меру уголовного наказания — РАССТРЕЛ, с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества.

Обвинительное заключение составлено в гор. Саратове «6» декабря 1941 года.

СТ. следователь следгруппы 2 Упр. НКВД СССР
Лейтенант Госбезопасности
(ГАРБУЗОВ)

«СОГЛАСНЫ»: — Нач. От-дления 2 отд. 2 Упр. НКВД СССР
Лейтенант Госбезопасности
(ВАСИЛЬЕВ)

Военный Прокурор ГВП КА Военюрист Ill-го ранга (НОВИКОВ)

СПРАВКА: ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР М.Г. арестована 24 июня 1941 г.

Содержится в тюрьме НКВД г. Саратова. Вещественных доказательств по делу нет.

Ст. Следователь следгруппы 2 УПР. НКВД СССР

Лейтенант Госбезопасности

(ГАРБУЗОВ)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1942 г. Август 3 дня г. Москва

Военный Прокурор Главной Военной Прокуратуры Кр. Ар. Военный юрист 2 ранга Приходько, рассмотрев следственное дело № 2862 — Остен-Грессгенер Марии Генриховны обвиняемой по ст. 58–1-«а» УК

НАШЕЛ

Остен-Грессгенер в 1929 г., как сотрудница берлинского издательства «Малик» приехала в СССР и через несколько м-цев возвратилась в Германию. В 1932 Остен познакомилась с Кольцовым (осужден) во время прибывания его в Берлине и вместе с ним приехала в СССР. Находясь в СССР с 1932 г. являлась немецкой подданой до 1938 г. с 1938 г. по день ареста вне подданства (лд. 42).

Прожевая в СССР занималась шпионской деятельностью в пользу Германской и Французской разведок. Остен виновной себя не признала, изобличается показаниями Болиславской-Фульфсон от 22. IV. 41 г. (осуждена к ВМН) и показаниями Литуэр так же осуждена к ВМН 6. VII. 41 г. и материалами следствия.

Имея в виду, что совершенный состав преступления Остен квалифицирован по настоящему делу не правильно В силу этого руководствуясь ст. 221 «б» УПК.

Состав преступления совершенный Остен переквалифицировать с ст. 58–1 «а» УК на ст. 58–6 УК РСФСР.

Военпрокурор Приходько

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 63

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от «8» августа 1942 г.

СЛУШАЛИ

Дело № 2862/2 Упр. НКВД СССР

По обв. ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Марии Генриховны, 1909 г.р., ур. пров. Вестфали (Германия), немка,

До 1936 г. германско-подданная с 1936 года вне гражданства

ПОСТАНОВИЛИ

ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Марию Генриховну, за шпионаж — РАССТРЕЛЯТЬ.

Лично принадлежащее имущество КОНФИСКОВАТЬ.

Нач. Секретариата Особого Совещания
при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

Прошло 15 лет. Пришло время реабилитации безвинно и незаконно репрессированных людей. Была реабилитирована и Мария Остен.

В ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

ПРОТЕСТ (в порядке надзора)

по делу ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР М.Г.

По постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 8 августа 1942 года «за шпионаж» была расстреляна

ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Мария Генриховна, 1909 года рождения, уроженка Германии, немка, до 1936 года германская подданная, после 1936 года без гражданства, с 1926 по 1939 г.г. член коммунистической партии Германии, писательница.

Согласно обвинительному заключению ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР М.Г. вменено в вину то, что она, находясь в СССР, с 1932 года занималась шпионажем в пользу французской и германской разведок, (л.д.79–80)

Обвинение ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР М.Г. основано на показаниях арестованных по другому делу Болеславской-Вульфсон Б. С. и Литауэр Э. Э., копии протоколов допросов которых приобщены к делу.

Произведенной в настоящее время дополнительной проверкой установлено, что ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР была репрессирована в 1942 году необоснованно.

ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР М.Г. арестована органами госбезопасности СССР 24-го июня 1941 года.

На всем протяжении предварительного следствия ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР виновной себя ни в чем не признала и категорически отрицала показания Болеславской-Вульфсон Б. С. и Литауэр Э. Э., как вымышленные.

Показания Болеславской-Вульфсон Б. С. и Литауэр Э. Э. нельзя признать за доказательство вины ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР М.Г., как не соответствующие действительности.

Болеславская-Вульфсон Б. С. и Литауэр Э. Э. (осуждены в 1941 году) на следствии по своим делам показали, что по проводимой ими шпионской деятельности они знали о принадлежности ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР к агентуре французской разведки.

Болеславская-Вульфсон В. С., кроме того, показала о том, что

ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР занималась также шпионажем на германскую разведку, что по шпионской работе в пользу французской и германской разведок ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР была связана с ней (Болеславской-Вульфсон) и с Позняковым Н. С. и что от самой ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР ей было известно о принадлежности к германской разведке писателя Кольцова М. Е.

Показания Литауэр Э. Э. о якобы проводимой ею совместно с Остен-Грессгенер шпионской деятельности нельзя признать за доказательство по делу, поскольку, как теперь установлено, Литауэр была осуждена за антисоветскую деятельность необоснованно и в настоящее время она реабилитирована (лд 95).

По показаниям Познякова А. С. (репрессирован в 1949 году) Остен-Грессгенер не проходит. Будучи привлечен к уголовной ответственности, Позняков виновным себя не признал и показания Литауэр Э. Э. и Болеславской-Вульфсон Б. С. категорически отрицал как вымышленные (лд 96).

Кольцов-Фридлянд М. Е., будучи привлечен к уголовной ответственности, на следствии в 1939 году признал себя виновным в принадлежности к право-троцкистской организации и в шпионской деятельности против СССР и показал, что по преступной деятельности был связан с Остен-Грессгенер.

В судебном заседании, однако, Кольцов-Фридлянд виновным себя не признал и свои так называемые «признательные показания» на предварительном следствии не подтвердил, заявив, что эти показания им были даны на следствии вынужденно в результате избиений и издевательств (лд 92–93).

Кроме того, проверкой установлено, что Позняков Н. С. и Кольцов-Фридлянд М. Е. во враждебной Советскому Союзу деятельности обвинялись необоснованно и в настоящее время они реабилитированы (лд 92–93, 96).

Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР и Центральный государственный особый архив СССР данными о принадлежности к агентуре иностранных разведорганов ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР, а также Мальро А. и Вожеля Л., с которыми согласно показаниям Болеславской-Вульфсон и Литауэр якобы была связана по шпионской работе ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР, не располагают. (лд 86–91, 98–105).

Таким образом, ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР была привлечена к уголовной ответственности необоснованно.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 25 Положения о прокурорском надзоре в СССР —

ПРОШУ:

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 8 августа 1942 г. в отношении ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Марии

Генриховны отменить, а дело о ней прекратить за отсутствием состава преступления.

Приложение: дело в I томе от наш. вх. № 015 188 в адрес.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР

ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

А. ГОРНЫЙ

«24» ИЮЛЯ 1957 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 204/ОС ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

В СОСТАВЕ: председательствующего полковника юстиции Титова и членов подполковника юстиции Боброва подполковника юстиции Юркевича

Рассмотрев в заседании от 22 августа 1957 г. надзорный протест

Главного военного прокурора.

На постановление особого совещания при НКВД СССР от 8 августа 1942 г., по которому «за шпионаж» была подвергнута высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества

ОСТЕН-ГРЕССГЕНЕР Мария Генриховна, 1909 года рождения, уроженка провинции Вестфалии (Германия) до ареста — 24 июня 1941 года — писательница.

Заслушав доклад подполковника юстиции Юркевича и заключение Пом. Главного военного прокурора подполковника юстиции Довженко об удовлетворении протеста, установил:

По обвинительному заключению Остен-Грессгенер вменено в вину то, что она, проживая в СССР, с 1932 года занималась шпионской деятельностью в пользу французской и германской разведок.

В протесте Главного военного прокурора ставится вопрос об отмене данного постановления особого совещания и прекращении дела за отсутствием в действиях Остен-Грессгенер состава преступления по следующим мотивам:

Обвинение Остен-Грессгенер в шпионской деятельности основывалось на показаниях арестованных по другим делам за шпионаж Болеславской-Вульфсон, Литауэр и Кольцова-Фридлянд М. Е.

Показания этих свидетелей о связях с ними по шпионской деятельности Остен-Грессгенер в силу своей неправдоподобности и неконкретности не могут быть положены в основу обвинения Остен-Грессгенер в шпионаже.

В настоящее время все перечисленные выше лица признаны осужденными необоснованно и дела в отношении их прекращены.

Военной Коллегией Верховного Суда СССР прекращено также дело за отсутствием состава преступления и на Познякова,

преступная связь с которым вменялась в вину Остен-Грессгенер.

В ходе проверки данных о принадлежности к агентуре иностранных разведок Остен-Грессгенер, а также Мальро А. и Вожеля Л., с которыми согласно показаний Болеславской-Вульфсон и Литауэр якобы была связана Остен-Грессгенер, добыто не было.

Проверив материалы дела и соглашаясь с доводами протеста прокурора, Военный трибунал МВО

ОПРЕДЕЛИЛ:

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 8 августа 1942 года в отношении Остен-Грессгенер Марии Генриховны отменить и дело о ней прекратить за отсутствием состава преступления.

Председательствующий Титов

Члены Юркевич Бобров

Мария Остен была расстреляна 16 сентября 1942 года. Ее тело было закопано в каком-то рву где-то под Саратовом. Именно закопано, а не похоронено.

Мария Остен категорически отвергла все «обвинения» следствия. Это можно объяснить несколькими причинами: во-первых, видимо, к ней не очень старательно применялись «незаконные методы», во-вторых, ее личным мужеством, а главное, скорее всего, она и ее показания были совершенно не интересны следствию. Думается, вполне возможно, что ее бы не расстреляли, а отправили в лагерь, но роковую роль в ее судьбе сыграло то, что как раз в это время началось мощное наступление немцев на Сталинград и над Саратовом нависла угроза оккупации. И, видимо, было спущено указание из Москвы, по которому почти все политические заключенные саратовской тюрьмы были расстреляны. Так безвинно и бессмысленно погибла молодая, талантливая, умная женщина, расплатившаяся жизнью за желание выручить из беды близкого человека.

КОНГРЕСС, ЗАДУМАННЫЙ СТАЛИНЫМ

Еще одно событие, которому уделено довольно много места в «Деле» Кольцова, — Международный антифашистский конгресс писателей в Париже. То, как он был организован, и то, что на нем происходило, было поставлено в вину Кольцову.

26 октября 1932 года Сталин, встречаясь в гостях у Горького с группой советских писателей, объявил их «инженерами человеческих душ». Тем самым он подчеркнул, что писатели занимают особое место в обществе. В то время это действительно было так, и не только в СССР. Всю информацию о событиях и об отношении к ним люди черпали из газет и книг. А то, как эти события подать или что и о чем написать в книге и как это будет воздействовать на читателя, целиком и полностью зависело от писателя или журналиста. Писатели и журналисты формировали общественное мнение. Теперь такие функции, и гораздо более успешно, выполняет телевидение. Сталин прекрасно понимал силу слова. Видимо, он продумал целую программу, и первый пункт этой программы был — создание Союза писателей. Но Сталину было мало своих писателей, с мнением которых, за малым исключением, почти не считались на Западе. Ему были нужны известные западные писатели для создания ими общественного мнения в своих странах в пользу СССР, а точнее — Сталина. Была проделана колоссальная работа: были приглашены в Советский Союз — Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Ромен Роллан, Андре Жид, Луи Арагон, Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер и многие другие популярные в то время писатели. Некоторых из них принял и «обработал» с присущим ему актерством сам Сталин. Всем им старались показать «потемкинские деревни». И многие «клюнули». Вернувшись домой, они написали восторженные книги об СССР и о Сталине.

Это вполне устраивало Хозяина, отвечало его далеким и сложным замыслам. В СССР устремились на работу многие иностранные специалисты, да и просто квалифицированные рабочие. Под давлением общественного мнения в 1933 году произошло признание Советского Союза Соединенными Штатами. Одним из факторов для создания «просталинского» мнения на Западе, по плану Иосифа Виссарионовича, должен был стать конгресс 1935 года в Париже. Замысел о проведении этого конгресса возник у Сталина после письма, которое он получил от Эренбурга в сентябре 1934 года. В этом письме Илья Григорьевич выдвигал идею о реорганизации Международного объединения революционных писателей (МОРП), к тому времени совершенно

захиревшего, в большое, представительное антифашистское объединение литераторов Европы и Америки. На этом письме Сталин красным карандашом поставил резолюцию: «Эренбург прав. Это важно!» Но вскоре принял другое решение: не реорганизовывать МОРП, как предлагал Эренбург, а вообще ликвидировать эту организацию, как предложил Кольцов.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

О ЛИКВИДАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ 10 декабря 1935 г.

№ 35. п. 130 — Предложения т. М. Кольцова.

Принять следующие предложения т. Кольцова:

1. Считать целесообразным ликвидацию находящегося в Москве Международного объединения революционных писателей (МОРП) и его секций, за исключением тех стран, где они являются самостоятельными, жизнеспособными организациями (Франция, США).

2. Разрешить приглашение Союзом советских писателей ежегодно 10–12 иностранных писателей для ознакомления с СССР. Предложить Интуристу взять на себя материально-бытовое обслуживание писателей и их проезд.

3. Поручить Журнально-газетному объединению регулярный и быстрый выпуск на русском языке новинок иностранной художественной литературы в общедоступном массовом издании, по типу прежней «Универсальной библиотечки».

4. Поручить ЖУРГАЗУ (т. Кольцов) организацию небольшого ежемесячного литературно-художественного журнала на немецком языке.

А как же предложение Эренбурга о создании большого антифашистского объединения писателей? Вождь, как мы помним, поддержал и даже подчеркнул: «Это важно!» Вскоре появляется решение высшего партийного органа:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

«О МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ В ПАРИЖЕ»

19 апреля 1935 г.

№ 24. п. 122 г. О международном съезде писателей в Париже.

1. Утвердить делегацию на Международный съезд писателей в составе: М. Горький, Кольцов, Шолохов, Щербаков, Толстой, Эренбург, Тихонов., Луппол, Киршон, Караваева, Лахути, трех представителей украинской литературы, двух представителей Закавказья.

Поручить тт. Стецкому, Щербакову, Кольцову наметить делегатов Украины и Закавказья, согласовав кандидатуры с ЦК КП(б) и Заккрайкомом.

2. Председателем делегации утвердить А. М. Горького и его заместителями Кольцова и Щербакова.

3. Отпустить на расходы советской делегации на Международном съезде 20 тыс. рубл. золотом.

4. Предложить т. Кольцову выехать в начале мая в Париж для содействия в организации съезда.

5. Предложить советской делегации выступить на съезде с содокладами и речами по главнейшим пунктам порядка дня.

Идею и название — «Международный писательский конгресс в защиту культуры от фашизма» — выдвинул Горький, но совершенно очевидно, что эту мысль ему подбросил Сталин во время одной из встреч с писателем накануне 1-го писательского съезда. Руководить организацией конгресса Хозяин поручил Кольцову. Казалось бы, все просто — защита культуры от фашизма, антифашистский конгресс, но, как у айсберга, у него, по замыслу Сталина, должна была быть огромная «подводная часть»: основным содержанием его должен был стать не антифашизм, а просталинизм. Перед Кольцовым была поставлена практически неразрешимая задача — привлечь к участию в конгрессе как можно больше писателей из разных стран, желательно с именем, и в то же время организовать их выступления, в которых должны были прозвучать восхваления Советского Союза и Вождя. Но, увы, большинство иностранных писателей далеко не были послушными «инженерами душ», подобно литераторам Страны Советов, и организовать нужные Сталину выступления было выше возможностей Кольцова.

Кольцов, по согласованию с соответствующими инстанциями, поручает агитацию среди западных писателей Илье Эренбургу, постоянно проживавшему в Париже и имевшему обширные знакомства и связи в литературной среде. Был создан организационный комитет, в который вошли в основном французы — Жан Ришар Блок, Мальро, Гийу, Рене, Муссинак и другие. Главные персоны фата, которых следовало уговорить, были — Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Теодор Драйзер, Ромен Роллан, Томас Манн, Эрнест Хемингуэй. Участие Максима Горького подразумевалось само собой. К работе по организации конгресса был привлечен Анри Барбюс, недавно побывавший в СССР, обласканный Сталиным и написавший книгу «Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир». Не обошлось, однако, без сложностей — начались всевозможные интриги, образовалось несколько группировок, каждая из которых старалась «тянуть одеяло на себя». О трудностях при подготовке конгресса можно узнать из писем, получаемых Кольцовым из Парижа. К примеру от писателя Муссинака:

20 января 1935 года.

Дорогой товарищ Кольцов!

Я пользуюсь случаем, чтобы Вас ввести в курс того, что произошло.

Не собираясь приехать, Барбюс, соответственно с советами, которые ему были даны, и первыми принятыми постановлениями, решил несколько недель тому назад начать делать первые шаги: он составил обращение, которое он направил десятку французских и иностранных писателей с просьбой подписывать это вместе с ним. Этот манифест, слишком политизированный, не мог заинтересовать писателей.

Далее Муссинак сообщает о том, что ему и его группе удаюсь убедить Барбюса переписать свой манифест и отозвать первоначальный. Муссинак критикует Эренбурга за занятую им позицию.

…В работе сильно мешает Эренбург, который распространяет среди писателей слухи, что это «предприятие интриганское».

Муссинак жалуется на тяжелое положение и настаивает на решительных действиях.

Сам Эренбург также пишет Кольцову.

Из письма 17 января 1935 года.

Дорогой Михаил Ефимович,

Барбюс объявил здесь, что он окончательно признан. Это он сказал Мусиньяку и Бехеру. Сам он сидит на юге, а всем распоряжается его секретарь известный Вам Удиану. Сей последний ведет себя диктаторски. Собрав кой-кого он заявил, что утверждена «Международная лига писателей» и ее секретариат: Барбюс, он Удиану, Мусиньяк, Фридман, Бехер. Причем все это от имени Москвы.

Б. составил манифест в строго амстердамском стиле, который он сначала разослал во все страны, а потом уже начал спрашивать: вполне ли хорош.

Самое грустное, что благодаря У. пошли толки, что деньги московские. Он хвастал: снимаем роскошную квартиру, достали много денег, будет журнал — до 5000 фр. в месяц сотрудникам и т. д. Мне он заявил: «писателей надо прежде всего заинтересовать материально». Если считать его за писателя, это может быть и верно. Но так можно получить картину нам знакомую: Терезу от Испании, Удиану и Вову Познера от Франции и пр.

Разговоры о деньгах и манифесте пошли далеко и много заранее испортили. Я думаю, что Б. после рассылки своего неудачного манифеста должен теперь хотя бы на первое время скрыться, чтобы не приняли возможную новую организацию за его проект.

Местные немцы, Жид, Мальро и Блок всецело согласны со мной. Мусиньяк явно выжидает событий. Вчера я их видал (Удиану, Мусс. Бехера) и сказал, что по моим сведениям еще ничего не решено. Мусс. Обрадовался, а Удиану обозлился. Потом я узнал, что сей бравый представитель французских бель-летров в ближайшие дни отбывает в Москву. Вообще делает все он: это официальный зам-Барбюс, который сам ничего не делает. О том на что способен У., можете судить по «Монду» — в этом французском журнале нет ни одного французского писателя. Полное запустение. Не способны даже на работу метранпажа. Деньги спасти журнал не могут. Кто им только не давал.

Надо ли говорить о том, что все делается именем того, с кем Б. в свое время беседовал.

Не будь описанной истории, положение можно было бы рассматривать, как благоприятное. Мальро говорит. Блок пьыает. Геенно и Дюртен следуют. Жид поддается. Может притти такой человек, как Жироду, не говоря уже о Мартен дю Гаре. В Англии обеспечен Хекслей. Мыслимо Честертон и Шоу. Томас Манн тоже сдался. В Чехо-Словакии — Чапек. Но конечно все это отпадет, если организация будет ундиановская. В Амстердам этих дядь не загнать.

Очень прошу Вас срочно написать мне, как обстоят дела с этим. Меня спрашивают Мальро, Блок и пр. Если правда, что узаконен Барб., надо сказать, чтобы не было недоразумений. Найдите способ сообщить мне обо всем возможно скорей и подтвердите (через Мильман) получение этого письма.

Сердечно Ваш. Эренбург.

Из письма от 26 февраля 1935 г.

Дорогой Михаил Ефимович,

…Как Вы знаете, вечер Ролла на прошел очень удачно. Удалось расплатиться с частью долгов. На 10 марта назначен большой диспут о социалистическом реализме.

Жид укатил в Сенегал, потом едет в Москву.

Вот все новости.

Сердечно Ваш. Эренбург.

Из разговора М. Е. Кольцова с И. Г. Эренбургом 4 апреля 1935 года

(по телефону).

На вопрос Эренбурга, почему еще не появилась в «Правде» и «Известиях» присланная инициативной группой конгресса информация, Кольцов сообщил, что московские товарищи намерены предварительно посоветоваться и предрешить размеры

и формы участия в конгрессе. Он добавил, что пока не очень целесообразно подчеркивать участие широкой советской делегации на конгрессе. Это с самого начала придало бы ему слишком ярко выраженный «московский» характер. Сообщать о возможности участия Горького в конгрессе — пока преждевременно. В остальном — советские писатели приветствуют начало активной работы и сдвиг с мертвой точки.

Эренбург: *Довольны ли у вас, что мы прекратили споры и помирились?*

Кольцов: *Очень довольны. Давно пора. Ведь пять месяцев ушло на эти непринципиальные препирательства.*

Эренбург: *Программа конгресса вам послана. Это пока еще первичный проект, над ним надо еще поработать — ждем Ваших предложений и поправок. Здесь ждут, также, что советские писатели своими выступлениями по различным пунктам порядка дня уравновесят разброд в мнениях, который может получиться. Официальное приглашение Союзу советских писателей может быть послано на днях, на имя Союза, на ваш адрес.*

Видимо, получая такую информацию из Парижа, Кольцов понял, что организация конгресса находится на грани срыва. Доложил о ситуации куратору Союза писателей Александру Щербакову, (имевшему отношение к писателям, как свидетельствуют современники, только тем, что своей внешностью — ростом, коротким носом и очками, — был похож на Пьера Безухова, одного из героев романа «Война и мир».) Кольцов вместе со Щербаковым был принят Сталиным, где получил от него четкие указания, и был командирован в Париж для выправления сложившегося положения. Самой главной трудностью теперь было то, что после злополучного «манифеста» Барбюса многие из известных в то время писателей отказались от участия в конгрессе. «Манифест» этот был поистине «медвежьей услугой». Барбюс, очевидно, зная мысли Сталина по поводу настоящей цели мероприятия, может быть, в порыве верноподданничества («Сталин — это Ленин сегодня»), а может быть, просто по недомыслию, обнародовал планы Вождя и тем четко показал, что конгресс организуется вовсе не по инициативе самих писателей, а что за всем этим стоит «рука Москвы». Писатели, которые ненавидели фашизм, были готовы принять участие в этом конгрессе, но вовсе не собирались рекламировать сталинский режим, который они считали ничем не лучше гитлеровского. Итак, Кольцов едет в Париж. Прибыв туда и ознакомившись с ситуацией на месте, он пишет письмо в Москву Щербакову. Вот оно.

Тов. ЩЕРБАКОВУ

Париж, 23 мая 1935 г.

Дорогие товарищи!

I. Положение с международным съездом писателей довольно тяжелое. В подготовительной работе совершен целый ряд ошибок. Настроившись на «широкий охват», организаторы и, в частности, коммунисты переборщили через край и привлекли в число участников съезда и даже инициативной группы нескольких людей, выступлений которых они теперь очень опасаются. Например — фашиствующий Жюль Ромен, троцкиствующий Анри Пулайль и т. п. Целые заседания уходят на споры, как отразить их возможные прогитлеровские или даже антисоветские речи. Между тем, можно было совсем с этими людьми не соприкасаться.

Беда, однако, не в этих отдельных ошибках, которые можно будет, вероятно, частично локализовать, сколько в общей обстановке пассивности, неделовитости и беспомощности, в результате которой приезд большинства крупных иностранцев под большим сомнением. До моего приезда здесь даже не очень горевали по этому поводу. Мальро при первой встрече сказал мне, что единственным достижением съезда он мыслит, кроме французской части, — возможность предоставления в Париже трибуны советским писателям. Приходится лишний раз поражаться проницательности И. В., сразу предугадавшего и предостерегшего нас от узко франко-советского и чисто-антигерманского характера, который может принять конгресс. Это предостережение верно втройне сейчас, когда ряд групп троцкиствующих интеллигентов напрягают все силы по распространению зловонных сплетен о «франко-советском милитаризме». (В это же время французские рабочие, как я убедился в множестве бесед, отлично поняли пакт и целиком одобряют его. Во время огромной, для Парижа небывалой, 250-тысячной демонстрации у Стены коммунаров, возгласы и овации в честь Красной Армии, мирной политики СССР и Сталина не прекращались.)

Благодаря в основном доброй воле участников инициативной группы удалось в течение одного заседания изменить их установку. Но время упущено и прорыв с нефранцузскими делегациями приходится лихорадочно и, вероятно, с большими потерями наверстывать в последние недели. Кое-кто приуныл вплоть до мысли о длительной отсрочке съезда, но эта мысль не собрала большинства.

По отдельным странам: с американцами плохая связь, крупные немцы (Манн, Эмиль Людвиг, Фейхтвангер) колеблются, англичане колеблются, со скандинавами (Сельма Лагерлеф, Михаэлис, Нексе) — бестолковая связь, поляки хотят ехать, но

противодействуют их власти, чехи, турки, испанцы едут, о японцах и китайцах никто не удосужился подумать. Для ряда крупнейших писателей вопрос упирается также в оплату проезда (Манн, Лагерлеф, Нексе, Драйзер и другие).

Сами французы в основном активны, но беспрестанно капризничают, еще хуже, чем наши советские гении. Знаменитости (Жид) больше склонны отделаться денежными пожертвованиями, чем проявить общественную активность, приходится тянуть их на веревке. Охотно и преданно работают Мальро и Блок. Коммунисты-француз, кроме Арагона и Муссинака, ленятся и беспорядочны.

С Ромен Ролланом — плохо. Очень серьезно болен, еле двигается, говорит о намерении ехать в СССР умирать. К поездке в Париж не обнаруживает склонности. Сейчас ложится на три недели в санаторий.

С Барбюсом — «особый случай». Он невылазно сидит у себя на юге, сносится с писателями через секретаря, вызывая их упреки в вельможности. Узнав о моем приезде, сообщил, что немедленно выезжает в Париж, но потом раздумал и просит приехать к нему, чтобы мы, кстати, вместе поговорили с крупными немецкими эмигрантами. Он не удосужился сделать этого, хотя немцы живут там же, рядом с ним.

При всем этом — шансы на успех съезда все-таки немалые (вспомним, что и накануне советского съезда пророчили провал и неудачу). Громадным стимулом для всех является приезд Алексея Максимовича. Все без исключения говорят, что это сразу подбрасывает все дело вверх. Для многих приезд А. М. предрешает их собственное участие в съезде. Для Парижа А. М. будет событием первого ранга.

Опасная болячка — это беззаботность организаторов в отношении возможных сюрпризов. Здесь уже примирились с мыслью о наличии троцкистских, антисоветских выступлений (дело Виктора Сержа, «красный милитаризм») и толковали только о том, что отвечать. Взявшись за вопрос об избежании этого добра, я натолкнулся на беспредельный и легкомысленный либерализм. Выяснилось, что даже нет фиксированного понятия «делегат съезда». Французы объяснили, что «каждый французский писатель будет иметь право взять себе слово». Я напомнил, что Горгулов считался «французским писателем» и даже имел членскую карточку. После большой драки удаюсь несколько организовать это дело и добиться некоторой номенклатуры и контроля.

2. За эти дни мною проделано следующее.

а) создано «рабочее бюро», формально подчиненное

секретариату (инициативный комитет — фикция, в секретариате мы представлены только отсутствующим Барбюсом). В «бюро» посажены свои люди, французы и немцы, с тем, чтобы прибрать к рукам практическую работу.

б) от французской партии добился освобождения всех коммунистов-писателей от прочих нагрузок для съезда.

в) выделен список 40 важнейших писателей всех стран, и приезд их обеспечивается всеми силами. Им заново посланы телеграммы, призывы. Около 10 человек получают проезд. Для некоторых призыв Горького является решающим аргументом. Поэтому сегодня я отправляю вам тексты некоторых телеграмм от имени А. М., которые надо немедленно отправить из Москвы. Раздобываю также японцев и китайцев (может быть, придется везти Сяо из Москвы).

г) Заново посылаются: Блок в Швейцарию, Мальро в Англию говорить с писателями.

д) Начинается освещение в прессе вопросов съезда.

е) Еду вытаскивать Барбюса и Манна.

ж) Обратился от имени А. М. к Роллану с настоятельным призывом — приехать хотя бы на 48 часов в Париж — показаться на съезде и увидеться с А. М.

з) Сформирована фракция из всех национальностей. Пока руковожу ею. С приездом Барбюса — посмотрим.

и) Все это мировое предприятие сидело без денег даже на почтовые марки. Дал пока 500 рублей из наших. На все про все съезду понадобится, видимо, тысяч 5–6. Я раскопал в полпредстве 3200 рублей, некогда посланных Барбюсу на «Монд», им невостребованных и ему, по-видимому неизвестных. Пришлите разрешение воспользоваться этими деньгами для съезда, чтобы не тратить новых, может быть, обойдемся. (Самый «Монд» не такая полезная птица.) Внешне съезд устраивается на пожертвованные писателями (Жид, Мальро, Барбюс, Горький) гонорары плюс доходы от публики на хорах (так здесь принято). Кроме того, Барбюс, как известно, требует денег на новый журнал и издательство будущей лиги писателей, и притом после съезда, когда определится судьба всей организации и ее руководство.

к) Ежедневно имею отдельные встречи и беседы с писателями, подготовляю обстановку для приезда наших. Отношение к нам, в общем, замечательное, не считая шибздиков «лево-р-радикального» троцкистского пошиба. Русские белогвардейцы пока еще не расчухались.

С Эренбургом отношения пока сносные, хотя он все время пытается играть роль арбитра между Европой и Азией (мы). Он выразил недовольство составом делегации (почему без Пастернака,

почему Караваева, почему Иванов). Интриги против Барбюса продолжаются. Приходится все время охранять интересы Барбюса, хотя он сделал очень много, чтобы изолироваться.

3. Порядок съезда такой. Открытие 21 июня. Пять дней по 2 заседания в день, всего 10 заседаний. Из них — 4–5 заседаний в большом зале при присутствии 2000 человек платной публики, остальные в малом зале на 300 человек. Регламент — 8–10 докладов (или больших речей) по часу, далее 20-минутные речи и 5–10 минутные выступления.

Исходя из установки, что советская делегация будет пропорционально на третьем месте (после французов и немцев), намечено от нас: 1 часовой доклад (Горький — «Пролетарский гуманизм»), 6 двадцатиминутных речей (ожидаются Шолохов, Эренбург, Толстой, Кольцов, Луппол, украинец, кавказец по нац. культуре) и 3–4 коротких выступления, м.б. в порядке полемики, о положении писателей и т. д. Надо быть подготовленными, в частности, по делу Виктора Сержа (франко-русский литератор-троцкист, сосланный у нас).

Приезд наших ожидается к 15 июня.

Вот пока все, со следующей почтой и телеграфно сообщу новое. Жду из Москвы вестей, указаний и, желательно, текста речей, если готовы.

Ваш Мих. КОЛЬЦОВ

Весьма любопытен и другой документ, посланный Кольцовым в Москву на имя того же Щербакова.

ТОЛЬКО ЛИЧНО

А. С. ЩЕРБАКОВУ

(ПАМЯТКА)

Внимание: важна каждая деталь.

1. Доклады и выступления.

Ориентировочный размер для докладов — 10–12 страниц на машинке. Для выступлений — 6–8 страниц. Перевод тщательно отредактировать, особенно французский (воспользоваться помощью литредакторов «Журналь де Моску».

Размножать (ротатор, хорошая бумага) после извещения от меня.

2. Переправка матери aim.

Все доклады, вспомогательные материалы, конспекты, рукописи и т. д. отправить заблаговременно в дипбагаже через НКИД. С собой в дорогу никакие материалы не брать — возможны обыски, особенно в Германии. Проекты докладов можно посылать мне обыкновенной почтой без сопроводилок, заголовков, только с подписями, как статьи.

3. Освещение подготовки съезда.

В нашей печати советским авторам о конгрессе пока не писать. Постараюсь организовать статьи французов — организаторов конгресса для московских газет. Во время пребывания Лаваля в Москве попросить наших писателей в разговорах с французскими журналистами темы о конгрессе по возможности избегать.

4. Экипировка.

Для экономии валюты сшить всем едущим в Москве по одному летнему пальто, серому костюму за счет Союза. Рекомендовать каждому сшить себе по второму (черному) костюму (не обязательно). Заказать вещи немедленно, иначе опоздают. Не шить всем из одной материи. (Пошивку в Москве практикуют все отъезжающие за границу делегации.)

5. Проезд.

Разбиться на две-три группы, с маршрутами:

а) Морем из Ленинграда или Гельсинфорса[10] на Дюркирхен или Амстердам.

б) Через Польшу — Германию (кратчайший путь).

в) Через Вену — Базель. Прибытие групп в Париж — не в один день (желательно, даты я сообщу).

6. Билеты.

Добиваться (не сейчас, а в начале июня) оплаты проезда делегации в советских рублях без вычета из нашего валютного лимита, и без того достаточно узкого (расход почти 2000 руб. золотом). Переговорить об этом, в случае надобности с тов. Гринько и выше. Текст бумаги в НКФ я оставил. Билеты на обратный путь взять не в Москве, а получить предписание в Интурист в Париже, чтобы там же выбрать обратные маршруты.

7. Деньги.

Каждому из делегатов выдать при отъезде по 100 рублей, предупредив, что это аванс в счет суточных. Остальные деньги взять чеком на Париж.

8. Связь.

а) Диппочта (следить за сроками ее отправки), б) шифр — через «Правду»; Мехлиса. в) обыкновенная почта — можно посылать печатные материалы (конверты без штампа воздушной), г) телеграф — вызывать меня из Москвы, по номеру и в часы, какие укажу. Условные обозначения в разговоре:

Горький — Анатолий, Барбюс — Андрей, Эренбург — Валентина.

8. Помощь в Москве.

Использовать можно Шейнину (интурист, паспорта, визы и т. д.) Болеславскую (переводы, литработа). Учесть, что

Болеславская дружна с Мальро.

9. Контакт.

Прошу срочно отвечать на письма, а на шифровки — немедленно.

Мих. Кольцов

Щербаков пишет по поводу предстоящего конгресса Вождю:

27 мая 1935 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину И. В.

1. Считаю необходимым направить Вам полученное мною письмо А. М. Горького, в котором он ставит под вопрос свою поездку в Париж. Должен от себя добавить, что о такого рода настроениях, каким проникнуто письмо, мне приходится от Горького слышать впервые.

2. При поездке советской делегации в Париж было бы целесообразно часть делегации направить через Прагу и организовать в этом городе выступления наших писателей. Прошу это мероприятие разрешить…

(В своем письме Щербакову Горький писал: «…Я начинаю дряхлеть. Падает работоспособность, а количество работы — увеличивается… У меня — с некоторого времени — явилась болезнь ослепнуть, идиотская болезнь, однако — мешает. Сердце работает лениво и капризно. Не представляю, как поеду в Париж, и завидую Шолохову. А тут еще приедет Роллан, — в Париж он, вероятно, не явится во избежание враждебной встречи и скандала, который ему грозит со стороны фашистов. Меня фашисты не беспокоят, но было бы неприятно „разъехаться“ с Ролланом. Вот какая штука… Радости меня волнуют до слез, но горе я переживаю молча. Однако нелепая гибель аэроплана „Горький“ заставила меня взвыть волком… Что-то я заныл. Нехорошо… Крепко жму Вашу руку. А. Пешков 22.5.35. Тессели.)»

А вот еще одно сообщение Кольцова из Парижа:

СОВ. СЕКРЕТНО. СРОЧНО. ЛИЧНО.

Штамп «СССР Народный Комиссариат по Иностранным Делам Отдел СШ 7 июня 1935 г. № 9304/3»

Тов. Мехлису

Уважаемый товарищ!

Тов. Кольцов от 6/6 с.г. сообщает из Парижа:

«Мехлису. Передайте, что приезд Горького в Париж по тактическим соображениям желателен не раньше 18–19. Необходимо присутствие китайского писателя Сяо, находившегося в СССР. Информируйте сроки выезда маршрутах всех делегатов».

Настоящий документ подлежит возвращению на имя Зав. СШО НКИД в течение 48 часов.

Тов. Щербакову
Посылаю копию телеграммы Кольцова
8/6 Л. Мехлис

Повторяю, перед Кольцовым стояла трудноразрешимая задача — организовать этот конгресс представительным, то есть с участием большого количества писателей из разных стран, и то же время направить предстоящие выступления в русло, нужное товарищу Сталину. Предстояло провести «селекцию» — не допустить к участию в мероприятии ненадежных, сомнительных в их лояльности по отношению к СССР и Сталину литераторов. Если бы этот конгресс происходил в Советском Союзе, то проблемы не было — просто отобрали бы «надежных», а во Франции сие от Кольцова мало зависело. В результате участниками конгресса стали писатели, имевшие свое собственное мнение, не желавшие плясать под сталинскую дудку. Кольцову все же удалось убедить ряд довольно известных писателей принять участие в конгрессе, хотя из намечавшихся знаменитостей никто не приехал. Уговаривая писателей, Кольцов применял и материальные стимулы, о чем есть свидетельство Эренбурга: «…К попыткам некоторых писателей Запада покритиковать, хотя бы робко, порядки сталинского времени Кольцов относился пренебрежительно, говорил: „X что-то топорщится, я ему сказал, что у нас переводят его роман, наверно, успокоится“, или „Y меня спрашивал, почему Буденный ополчился на Бабеля, я не стал спорить, просто сказал, чтобы он приехал к нам отдохнуть в Крым. Поживет месяц хорошо — и забудет про „бабизм Бабеля““. Однажды он с усмешкой добавил: „Z получил гонорар во франках. Вы увидите, он теперь поймет даже то, чего мы с вами не понимаем“».

Участвовали в конгрессе следующие известные иностранные писатели: Андре Жид, Анна Зегерс, Андре Мальро, Бертольт Брехт, Анри Барбюс, Генрих Манн, Лион Фейхтвангер, Мартин Андерсен-Нексе. В состав советской делегации входили — Алексей Толстой, Александр Корнейчук, Николай Тихонов, Федор Панферов, Всеволод Иванов, Александр Щербаков, Владимир Киршон, Павло Тычина, Иван Луппол и сам Михаил Кольцов. Неофициальным членом советской делегации стала Марина Цветаева, жившая в Париже. Конечно, самым крупным «писателем» (имеется в виду комплекция) являлся Щербаков. Не было ни Горького, ни Шолохова, ни Булгакова, ни Бабеля, ни Пастернака, ни других, сколько-нибудь известных на Западе писателей.

Незадолго до начала конгресса в Париже установилась

необычная жара, температура доходила до 40 градусов. Первое, что были вынуждены сделать московские гости, — это снять свои наспех пошитые в Москвошвее одинаковые пиджаки. Для проведения конгресса был снят вместительный зал «Мютюалитэ», расположенный в центре французской столицы. Гостей встречал и размещал Михаил Кольцов.

Конгресс начался с крупной и неожиданной неприятности — покончил с собой молодой, талантливый французский писатель-сюрреалист Рене Кревель. Он оставил предсмертную записку, которую просил прочитать участникам конгресса. В этой записке он объяснял свой поступок несогласием с «просоветскими» установками и критиковал сталинский режим. Хотя говорили, что причины его самоубийства были совсем иными. Кревель, как и Андре Жид, относился к так называемому сексуальному меньшинству, то есть он был гомосексуалистом. Сложности на этой почве скорее всего и были причиной его смерти. Руководство конгресса, несмотря на многочисленные требования, отказалось оглашать записку Кревеля. На второй день произошел неприятный для представителей СССР инцидент: выступил не то Поль Элюар от имени Андре Бретона, как пишет в своих мемуарах Эренбург, не то сам Андре Бретон, как пишет в своей книге Берберова. Неважно, кто именно выступал, важно другое: перед советской делегацией был поставлен ряд весьма неприятных для нее вопросов: во-первых, — о положении в СССР, во-вторых, — о сталинизме, в-третьих, — о самом Сталине и, наконец, о судьбе французского писателя Виктора Сержа, арестованного в Советском Союзе органами НКВД, но, к счастью для француза, отпущенного на свободу (видимо, это было сделано специально, чтобы этот вопрос не поднимался на конгрессе). Председательствующим на конгрессе Эренбургу и Арагону удалось замять большую часть вопросов и прекратить выкрики с мест из зала, но на вопрос о Викторе Серже пришлось отвечать Кольцову. Как мы помним, в своей записке Щербакову Кольцов предвидел возможность такого вопроса и, видимо, Щербаков, согласовав со Сталиным, дал указание Кольцову отвечать, что Серж причастен к убийству Кирова. Кольцову пришлось так и ответить. Это вызвало неудовольствие аудитории и даже свист.

С докладом от советской делегации должен был выступать Горький, но он не смог приехать в Париж по состоянию здоровья. Алексей Максимович только прислал приветствие конгрессу, начинавшееся словами: «Глубоко опечален, что состояние здоровья помешало мне…». Неучастие Горького в конгрессе поставило советскую делегацию в весьма затруднительное

положение. Естественно, Горький, пользовавшийся среди западных писателей авторитетом, был бы избран председателем этого форума. Своим «весом» он мог бы направить конгресс в нужное для Вождя русло. Но этого, как мы знаем, не произошло. Есть версия о том, что к этому моменту «Буревестник» стал «невыездным», так как Сталин боялся, что Горький больше не вернется в СССР и может рассказать правду о положении в сталинской империи. Может быть, это было так, но у Горького действительно были проблемы со здоровьем. И видимо, поездка в Париж (за год до смерти) старому больному писателю была действительно не по силам.

Вместо Горького выступил Луппол. Он прочел 50-страничный доклад под названием «Проблема культурного наследства». Этот доклад он предварительно просил прочесть Горького. В коротком ответе Лупполу Алексей Максимович написал: «…Солидный и отлично оформленный доклад Ваш не вызывает у меня каких-либо возражений и поправок, все — ясно».

Доклад Луппола был в основном чистейшей и примитивнейшей просоветской агитацией. Приблизительно в том же духе высказался Панферов. Выступил и Кольцов. Как вспоминает Эренбург: «…Речь Кольцова была живой, веселой; он говорил о значении сатиры в советском обществе: „Нашего читателя возмущает администратор, который, искажая принципы социализма, уравнивает всех людей на один фасон, заставляет их есть, надевать на себя, говорить, думать одно и то же“. Речь Всеволода Иванова была посвящена тому, как замечательно живут советские писатели. Надо ли говорить, что выступления советских делегатов были густо окрашены славословием по адресу Сталина и воспринимались аудиторией весьма недоброжелательно. На третий день на конгрессе началось брожение. Все настойчивее стал звучать вопрос — где же настоящие писатели из СССР? Посовещавшись, руководство советской делегацией, а также Мальро и Арагон отправились в советское полпредство, откуда за подписью руководства делегации и полпреда Потемкина была послана срочная телеграмма Сталину с просьбой, чтобы из Москвы немедленно приехали в Париж Пастернак и Бабель. Они появились в последний день конгресса. Оба выступили с весьма невразумительными речами, в которых не было никакой политики. Встречены они были овацией. Вернувшись в Москву, Бабель рассказывал, что всю дорогу в Париж Пастернак мучил его жалобами: „Я болен, я не хотел ехать. Я болен, я не могу“».

— Я замучился с ним, — говорил Бабель, — а когда приехали в Париж, собрались втроем: я, Эренбург и Пастернак — в кафе,

чтобы сочинить Борису Леонидовичу хоть какую-нибудь речь, потому что он был вял и беспрестанно твердил: «Я болен, я не хотел ехать». Мы с Эренбургом что-то для него написали и уговорили его выступить.

Кстати сказать, по поводу поездки Бабеля и Пастернака на конгресс тоже было специальное решение:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) «О ПОЕЗДКЕ БАБЕЛЯ И ПАСТЕРНАКА НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПИСАТЕЛЕЙ В ПАРИЖЕ»

19 июня 1935 г.

О поездке Бабеля и Пастернака на Международный конгресс писателей в Париже (ПБ от 19. IV. 35 г., пр. № 24 п. 122)

Включить в состав советских писателей на Международный конгресс писателей в Париже писателей Пастернака и Бабеля.

В этом постановлении есть одна странность — дата его появления. Многие участники парижского конгресса оставили после себя воспоминания. Из них следует, что вопрос о неучастии Бабеля и Пастернака возник только на третий день заседаний, то есть где-то 23–24 июня. Видимо, дата решения Политбюро, а точнее — Сталина о поездке писателей на конгресс проставлена задним числом из соображений «престижа».

Конгресс, с точки зрения Сталина, закончился провалом, хотя была создана Ассоциация писателей и ее руководящий орган — Комитет, приняты всяческие антифашистские резолюции, но все это было не то, что требовалось Хозяину. Завершающим аккордом, как это всегда бывало после таких мероприятий, стал роскошный банкет в советском посольстве.

По возвращении в Москву Щербаков и Кольцов были вызваны к Сталину. Подробный доклад о всех перипетиях конгресса сделал Щербаков. Сталин очень интересовался ходом конгресса, особенно деятельностью советской делегации и отдельных ее членов. Хозяин обратил внимание на неодобрительный отзыв Щербакова о поведении Эренбурга и обратился к Кольцову:

— Товарищ Кольцов, вы рекомендовали Эренбурга в секретариат конгресса?

Это был не столько вопрос, сколько напоминание.

— Да, товарищ Сталин. У Эренбурга хорошие связи с французскими писателями. Его там широко знают.

— Он вам помогал в возникших трудностях?

— Товарищ Сталин, у него часто бывало свое мнение.

— А вы могли его вышибить? Не могли вышибить? Значит, нечего теперь жаловаться, — сказал Хозяин и при этом

неодобрительно взглянул на Щербакова.

Ни малейшего неудовольствия по адресу Эренбурга Сталин не проявил. Видимо, Хозяина вполне устраивало, а возможно, и было запланировано «особое мнение» Эренбурга по отношению к руководству делегации.

Очевидно, оно было нужно Хозяину, как доказательство и свидетельство плюрализма во взглядах и мнениях, существующих в советском обществе.

ЭПИЗОД С АНДРЕ ЖИДОМ

Еще одна «претензия» следствия к Михаилу Кольцову — визит в Советский Союз французского писателя Андре Жида, точнее, не сам визит, а книга, написанная Жидом, в которой он делится своими впечатлениями об увиденном им в СССР. Как уже отмечалось, Сталин был весьма заинтересован в визитах известных деятелей культуры в страну для популяризации советского строя за границей. Андре Жид был именно таким человеком: известный писатель, имевший авторитет и популярность во Франции, — короче говоря, «инженер человеческих душ», каковым его, как и Ромена Роллана, назвал Горький в своем выступлении на 1-м Съезде писателей, повторяя выражение Вождя. Очевидно, что кандидатура Андре Жида, как персоны грата для поездки в СССР, была утверждена весьма высокой инстанцией. К агитации за поездку Жида в СССР подключили Эренбурга.

Было, надо сказать, одно обстоятельство, дискредитировавшее писателя в глазах Сталина, — это сексуальная ориентация Жида. Эренбург, имевший с Жидом несколько встреч, во время которых он уговаривал писателя поехать в СССР, писал: «Незадолго до своей поездки в Советский Союз он (Жид) пригласил меня к себе: „Меня, наверно, примет Сталин. Я решил поставить перед ним вопрос об отношении к моим единомышленникам…“ Хотя я знал особенности Жида, я не сразу понял, о чем он собирается говорить Сталину. Он объяснил: „Я хочу поставить вопрос о правовом положении педерастов…“». Надо думать, что об этом разговоре Эренбург сообщил в Москву, и, вполне возможно, что о нем доложили Сталину, когда тот потребовал характеристику Жида. И скорее всего, именно по этой причине Сталин Жида не принял, хотя надо сказать, что Вождь, как правило, встречался со всеми наиболее авторитетными писателями Запада, посещавшими СССР.

Эренбург дает Жиду следующую характеристику: «А основной его чертой было величайшее легкомыслие. Одни восторгались его смелостью; другие, напротив, упрекали его в чрезмерной осторожности; а мотылек летит на огонь не потому, что он смел, и улетает от человека не потому, что осторожен, он не герой и не шкурник, он только мотылек». В одном Эренбург прав: чем, как не легкомыслием объяснить тот факт, что в самом начале тридцатых годов совершенно неожиданно Жид объявил себя сторонником коммунизма и СССР, не зная истинного положения вещей в «стране победившего социализма». Но, как показало дальнейшее,

в общей оценке личности Андре Жида Эренбург явно ошибся.

Визит Жида в СССР начался 17 июня 1936 года. Одной из целей его поездки была встреча с Горьким, но эта встреча не состоялась — 18 июня Горький скончался. Смерть «Буревестника» покрыта тайной, и до сих пор нет полной ясности: то ли он умер из-за болезни, то ли был убит по приказу Сталина. Но даже если бы Жид приехал в Советский Союз на несколько дней раньше, он все равно не смог бы увидеться с больным Горьким — к тому никого не пускали. Французского писателя Луи Арагона, приехавшего из Парижа по приглашению Алексея Максимовича вместе с женой, известной писательницей Эльзой Триоле, и бывшего вместе с ними Михаила Кольцова не впустили даже в приусадебный парк. Они долго просидели перед воротами в автомобиле и видели, как оттуда выехала машина, увозившая докторов — это было утро смерти Горького. Вот, что пишет об этом сам Арагон:

«…18 июня, перед усадьбой… Автомобиль. Водитель спорит со стражей, цепь на воротах опускается. Это доктор. Может быть, после его визита мы будем иметь право? Михаил ходит к страже и обратно к нам. Еще проходит час. Снова выезжает автомобиль. Михаилу удается приблизиться к нему. Доктор его знает, они переговариваются… Горький умер. Нам ничего не оставалось, как уехать. У Михаила были слезы на глазах. И он все время говорил, что Старик очень хотел нас видеть перед тем, как умереть… Тогда еще никто не знал, не думал, что эта смерть после долгой болезни была убийством…

Я не хотел идти на похороны, ужас как было жарко, длинный путь на кладбище, пешком, усталость… Михаил пришел в гостиницу, умолял, настаивал… „Горький так хотел вас увидеть!“ Обещал, что мы будем шагать сейчас же вслед за правительством… „Горький так бы этого хотел“… Наконец мы уступили…»

Вечером 20 июня состоялись торжественные похороны Горького и траурный митинг. Андре Жид вместе с сопровождавшим его Михаилом Кольцовым находились на одной из трибун Красной площади. Неожиданно к Кольцову подошел сотрудник НКВД и попросил его подняться на мавзолей. Оказалось, что с ним хочет говорить сам Сталин. Кольцов пересказал эту беседу своему брату:

— Товарищ Кольцов, а что, этот самый Андре Жид пользуется там, на Западе, большим авторитетом?

— Да, товарищ Сталин, пользуется большим авторитетом.

Сталин скептически посмотрел на Кольцова и произнес:

— Ну, дай боже. Дай боже.

На этом беседа была окончена.

Михаил Кольцов, как председатель иностранной комиссии Союза писателей, принимал и сопровождал Жида во время его пребывания в Москве. Как всегда, устраивались встречи с писателями, представителями творческой интеллигенции, рабочими, детьми. В общем, всевозможные показушные мероприятия, банкеты. И естественно, старались скрыть все негативное и по возможности избежать встреч и бесед с людьми, с точки зрения власти, ненадежными. Сам Андре Жид вспоминал:

«…На другой день после нашего прибытия в Москву ко мне явился с визитом Бухарин. Он был еще очень популярен. Однако незаметно надвигалась уже опала, и Пьер Эрбар, пытавшийся опубликовать в своем журнале его замечательную статью, столкнулся с сильным сопротивлением. Все это надо было знать, но я узнал только позже. Бухарин пришел один, но не успел он переступить порог роскошного номера, предоставленного мне в „Метрополе“, как вслед за ним проник человек, назвавшийся журналистом, и, вмешиваясь в нашу беседу с Бухариным, сделал ее попросту невозможной. Бухарин почти тотчас поднялся, я проводил его в прихожую, и там он сказал, что надеется снова со мной увидеться.

Спустя три дня я встретился с ним на похоронах Горького — или даже, точнее, за день до похорон, когда живая очередь двигалась мимо украшенного цветами монументального катафалка, на котором покоился гроб с телом Горького. В соседнем, гораздо меньшем по размерам зале собрались различные „ответственные лица“, включая Димитрова, с которым я еще не был знаком и которого я подошел поприветствовать. Рядом с ним был Бухарин. Когда я отошел от Димитрова, он взял меня под руку и, наклонясь ко мне, спросил:

— Могу я к вам через час зайти в „Метрополь“?

Пьер Эрбар, сопровождавший меня и все слышавший, понизив голос, сказал мне так:

— Готов держать пари, что ему это не удастся.

И в самом деле, Кольцов, видевший, как Бухарин подходил ко мне, тотчас отвел его в сторону. Я не знаю, что он мог ему сказать, но, пока я был в Москве, я Бухарина больше не видел.

Без этой реплики я бы ничего не понял. Я подумал бы о забывчивости, необязательности, подумал бы, что Бухарину в конце концов не столь важно было меня увидеть, но я никогда не подумал бы, что он не мог.

Обед, назначенный на 8 часов, начался в половине девятого. В 9. 15 еще не покончили с закусками. (Мы — Эрбар, Даби, Кольцов и я — купались в парке культуры, сильно

проголодались.) Съел несколько пирожков. Открываю встречу в доме отдыха. В 9. 30 приносят овощной суп с большими кусками курицы, объявляют запеченные в тесте креветки, к ним добавляются запеченные грибы, затем рыба, различное жаркое и овощи. Я ухожу, чтобы собрать чемодан, успеть написать несколько строк в „Правду“ по поводу событий дня. Возвращаюсь как раз вовремя — чтобы заглотать большую порцию мороженого. Я не только испытываю отвращение к этому обжорству, я его осуждаю. (Нужно объясниться с Кольцовым.) Оно не только абсурдно, оно аморально, антисоциально.

…Обычно любезный, Кольцов кажется особенно откровенным. Я хорошо знаю, что он не скажет ничего лишнего, но он говорит со мной таким образом, чтобы я мог почувствовать себя польщенным его доверием. Демонстрируя доверительность, он начинает:

— Вы не представляете, с какими новыми и необычными проблемами нам приходится сталкиваться на каждом шагу и которые мы вынуждены решать. Представьте себе, наши лучшие рабочие-стахановцы в массовом порядке бегут с заводов.

— И как вы это объясняете?

— Ну, это просто. Они получают такую громадную зарплату, что не могут ее потратить, даже если бы захотели, на нее пока еще мало что можно купить. Вот в этом и заключена для нас большая проблема. Дело в том, что люди откладывают деньги, и, когда у них накопится несколько тысяч рублей, они компаниями отправляются роскошно отдыхать на нашу Ривьеру. И мы не можем их удержать. Поскольку это лучшие рабочие, они знают, что их всегда примут обратно. Через месяц-другой — как только кончатся деньги — они возвращаются. Администрация вынуждена их принимать, потому что без них не обойтись.

— Это представляет сложности для вас? Много таких людей?

— Тысячи. Учтите, каждый рабочий имеет право на оплачиваемый отпуск. Отпуск предоставляется в определенное время, не всем сразу — завод должен работать. Но в этом случае все по-другому. Они сами платят за все, отпуск берут за свой счет, когда им вздумается, и все сразу.

Он улыбается. Я про себя думаю: если бы дело было серьезным, он так бы не говорил. Все это делается скорее для того, чтобы подчеркнуть, дать повод оценить недавнюю изобретательность Сталина. Не он ли недавно одобрил женское кокетство, призвал вернуться к модной одежде и украшениям: „Давайте, товарищи, заботьтесь о ваших женах! Дарите им цветы, не жалейте для них денег!“»

Вышеприведенные тексты взяты из книги Андре Жида

«Возвращение в СССР», которую он написал после своего визита в Советский Союз. И если раньше, в 1932 году в статье «Страницы из дневника», опубликованной в журнале «Nouvelle Revue Francais», Андре Жид писал о Советском Союзе: «Я всем сердцем с вами», то после поездки в его книге мы читаем уже совершенно иное: «…Возвращаюсь к москвичам. Иностранца поражает их полная невозмутимость. Сказать „лень“ — это было бы, конечно, слишком… „Стахановское движение“ было замечательным изобретением, чтобы встряхнуть народ от спячки (когда-то для этой цели был кнут). В стране, где рабочие привыкли работать, „стахановское движение“ было бы не нужным. Но здесь, оставленные без присмотра, они тотчас же расслабляются. И кажется чудом, что, несмотря на это, дело идет. Чего это стоит руководителям, никто не знает. Чтобы представить себе масштабы этих усилий, надо иметь в виду врожденную малую „производительность“ русского человека.

На одном из заводов, который прекрасно работает (я в этом ничего не понимаю, восхищаюсь же машинами потому, что вообще к ним отношусь с доверием; но мне ничто не мешает приходить в восторг от столовой, рабочего клуба, их жилища — от всего, что создано для их блага, их просвещения, их отдыха), мне представляют стахановца, громадный портрет которого висит на стене. Ему удалось, говорят мне, выполнить за пять часов работу, на которую требуется восемь дней (а может быть, наоборот; за восемь часов — пятидневную норму, я уже теперь не помню). Осмеливаюсь спросить, не означает ли это, что на пятичасовую работу сначала планировалось восемь дней. Но вопрос мой был встречен сдержанно, предпочли на него не отвечать.

Тогда я рассказал о том, как группа французских шахтеров, путешествующая по СССР, по-товарищески заменила на одной из шахт бригаду советских шахтеров и без напряжения, не подозревая даже об этом, выполнила стахановскую норму.

…В СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение. Впрочем, сознание людей сформировано таким образом, что этот конформизм им не в тягость, он для них естественен, они его не ощущают и не думают, что к этому могло бы примешиваться лицемерие. Действительно ли это те самые люди, которые делали революцию? Нет, это те, кто ею воспользовался. Каждое утро „Правда“ им сообщает, что следует знать, о чем думать и чему верить. И нехорошо не подчиняться общему правилу. Получается, что, когда ты говоришь с каким-нибудь русским, ты говоришь словно со всеми сразу. Не то чтобы он буквально следовал

каждому указанию, но в силу обстоятельств отличаться от других он просто не может. Надо иметь в виду также, что подобное сознание начинает формироваться с самого раннего детства… Отсюда странное поведение, которое тебя, иностранца, иногда удивляет, отсюда способность находить радости, которые удивляют тебя еще больше. Тебе жаль тех, кто часами стоит в очереди, — они же считают это нормальным. Хлеб, овощи, фрукты кажутся тебе плохими — но другого ничего нет. Ткани, вещи, которые ты видишь, кажутся тебе безобразными — но выбирать не из чего. Поскольку сравнивать совершенно не с чем — разве что с проклятым прошлым, — ты с радостью берешь то, что тебе дают. Самое главное при этом — убедить людей, что они счастливы настолько, насколько можно быть счастливым в ожидании лучшего, убедить людей, что другие повсюду менее счастливы, чем они. Этого можно достигнуть, только надежно перекрыв любую связь с внешним миром (я имею в виду — с заграницей). Потому-то при равных условиях жизни или даже гораздо более худших русский рабочий считает себя счастливым, он и на самом деле более счастлив, намного более счастлив, чем французский рабочий. Его счастье — в его надежде, в его вере, в его неведении.

Отличный способ продвижения — это донос. Это обеспечивает вам хорошие отношения с полицией, которая тотчас начинает вам покровительствовать, одновременно используя вас. Потому что для человека, однажды вступившего на этот путь, ни честь, ни дружба не имеют значения: надо продолжать. Впрочем, вступить нетрудно. И доносчик в безопасности.

Когда партийная газета во Франции хочет кого-нибудь дискредитировать по политическим соображениям, подобную грязную работу она поручает врагу этого человека. В СССР — самому близкому другу. И не просят — требуют. Лучший разнос — тот, который подкреплен предательством. Важно, чтобы друг отмежевался от человека, которого собираются погубить, и чтобы он представил доказательства. (На Зиновьева, Каменева и Смирнова натравили их бывших друзей — Радека и Пятакова. Важно было их обесчестить сначала, прежде чем потом тоже расстрелять.) Не совершить подлости и предательства — значит погибнуть самому вместе со спасаемым другом.

Результат — тотальная подозрительность. Невинный детский лепет может вас погубить, в присутствии детей становятся опасными разговоры. Каждый следит за другими, за собой и подвергается слежке. Никакой непринужденности, свободного разговора — разве что в постели с собственной женой, если вы в ней уверены. Х. шутил, что этим можно объяснить увеличение

числа браков. Внебрачные отношения не обеспечивают такой безопасности. Подумайте только: людей арестовывают за разговоры десятилетней давности! И естественной становится потребность найти дома успокоение от этого ежедневного непрерывного гнета.

Лучший способ уберечься от доноса — донести самому. Впрочем, люди, ставшие свидетелями крамольных разговоров и не донесшие, подвергаются высылке и тюремному заключению. Доносительство возведено в ранг гражданской добродетели. К нему приобщаются с самого раннего возраста, ребенок, который „сообщает“, поощряется. Чтобы быть допущенным в Болшево — этот образцово-показательный рай, — недостаточно быть раскаявшимся бандитом, для этого надо еще „выдать“ сообщников. Вознаграждение за донос — одно из средств ведения следствия в ГПУ».

Надо отдать должное Жиду, что, несмотря на постоянную «дымовую завесу», которую постарались организовать принимавшие его в СССР люди, в том числе и Кольцов (показательные колхозы, ударные стройки, образцовые детские сады и т. д.), он смог разглядеть все, что от него пытались скрыть. Вполне естественно, что после выхода в свет книги «Возвращение в СССР» имя Андре Жида в Советском Союзе упоминалось только с эпитетами «враг социализма», «ренегат», «пасквилянт», «троцкист». Кольцов, еще не прочитавший книги Андре Жида и не придававший ее выходу в свет особого значения, довольно добродушно пишет об этом событии в своем «Испанском дневнике». Тогда он еще, естественно, не знал, что визит Жида в Советский Союз и книгу «Возвращение в СССР» «повесят» на него, Кольцова, как на председателя Иностранной комиссии Союза советских писателей. Кстати, несколько слов об этой пресловутой Иностранной комиссии. Председательские функции были достаточно хлопотными, и можно только подивиться, как при всей его разносторонней занятости Кольцов находил время организовывать по решениям Политбюро ЦК ВКП(б) визиты в СССР видных иностранных писателей, как это было с Андре Жидом. Тем более что Инкомиссия должна была заниматься и другими, прозаическими, вопросами. Со следующим письмом Кольцов обратился к А. Н. Толстому.

Дорогой Алексей Николаевич!

К Союзу Советских Писателей СССР обратился из заграницы ряд немецких писателей-эмигрантов с просьбой оказать материальную помощь особо нуждающимся из них.

Немецкие писатели-эмигранты (за исключением очень немногих) живут в исключительно тяжелых условиях, многие из

них голодают и от истощения совершенно не могут заниматься литературным трудом.

Возможности печатания книг немецких авторов-эмигрантов чрезвычайно сужены. Левобуржуазных и коммунистических газет и журналов, которые могут помещать худ. произведения, очень мало.

Таким образом, большинству писателей-эмигрантов невозможно зарабатывать газетным и журнальным трудом. Рассчитывать же на выпуск книг еще труднее; редким одиночкам это удается.

В тяжелом положении многие писатели, хорошо известные советскому читателю.

Инициатива, проявленная немецкими писателями, живущими здесь и поставившими вопрос о помощи своим собратьям, живущим во Франции и Чехо-Словакии, должна найти отклик среди советских писателей.

Во Франции в помощи нуждаются 114 немецких писателей, в Чехо-Словакии несколько десятков.

Иностранная Комиссия Союза Советских Писателей СССР с одобрения Секретариата Союза взяла на себя задачу организовать помощь немецким товарищам. Живущие в СССР немецкие писатели ей в этом деле помогают.

Принята форма помощи в виде отправки продовольственных посылок из СССР от имени отдельных советских крупных писателей на имя немецких писателей в Прагу и Париж.

Одна такая посылка с хорошо подобранным ассортиментом, в прекрасной упаковке, стоит 250 рублей.

Отдельные писатели вносят в Иностранную Комиссию СС Писателей (Кузнецкий мост, 12) ту сумму денег, какую они находят возможной дать.

В пределах этой суммы от имени данного писателя отправляется определенное количество посылок ряду немецких писателей.

Известие о предполагающейся продовольственной помощи из СССР встречено в кругах писательской немецкой эмиграции с большой радостью.

Мы просим Вас дать на прилагаемом листке согласие на Ваше участие в продовольственной помощи писателям-эмигрантам.

Телефон Иностранной Комиссии 4–46–69.

Председатель Инкомиссии ССП СССР Мих. Кольцов

10 марта 1936 г.

Таков диапазон — от приглашения Бернарда Шоу, Ромена Роллана, Герберта Уэллса и Андре Жида до посылок с консервами и колбасой. И всем этим занимается Инкомиссия.

«Посылка из Москвы» — озаглавила «Правда» подборку писем из-за рубежа советским писателям. Среди адресатов Горький, Шагинян, Пастернак, Афиногенов и другие. Анна Зегерс пишет из Парижа Михаилу Кольцову:

…На вашу посылку кинулась стая воронов, вся моя семья. Это была поистине чудесная и трогательная затея — ваша и ваших друзей. И прежде всего — как чисто физическая помощь, которую вы, может быть, сами не оцениваете в полной мере, ведь немало наших писателей доподлинно голодает!..Благодарю вас от всего сердца и приветствую…

Но вернемся к последствиям визита Жида в СССР. Вот отрывок из книги Кольцова:

«Недавно в Мадрид приезжал Пьер Эрбар, секретарь и родственник Андре Жида. Мы встретили его дружелюбно — он сопровождал старика в поездке по Советскому Союзу и разделял с ним его восторги и любовь к коммунизму. Однако Эрбар держался довольно странно. Дня через два из его осторожных и уклончивых разговоров выяснились вещи более чем неожиданные. Оказывается, Андре Жид написал книжку о Советском Союзе, которая существенно, как говорит Эрбар, расходится с теми заявлениями и декларациями, которые автор делал во время поездки. Причин такой внезапной перемены Эрбар не объясняет, вернее — он относит их к чистой психологии: старик, по его выражению, на все реагирует дважды, и вторая его реакция часто противоположна первой; какая из двух реакций настоящая, об этом окружающим предоставляется судить самим. Но внезапная эта перемена очень встревожила Эрбара, который ведает „левизной“ Андре Жида. Он, Эрбар, надумал „перекрыть“ книгу поездкой своего шефа в Испанию и сейчас приехал подготовлять к этому почву. Почва оказалась неподходящей. Испанцы, особенно в Мадриде, открыто заявили, что Андре Жиду, если он в самом деле написал книгу, враждебную Советскому Союзу, лучше сюда не показываться: он будет окружен презрением, бойкотом интеллигенции и народа. Особенно встревожился другой приятель и домочадец Жида, голландец Йеф Ласт, работающий здесь в Интернациональных бригадах. Он прибежал ко мне в отчаянии, восклицая, что Андре Жид опозорит себя навсегда, выступив против Советского Союза, особенно сейчас, в разгар борьбы с фашизмом. Он оставил мне текст телеграммы, которую послал старику:

„Считаю момент абсолютно неподходящим для опубликования твоей книги. Пламенно прошу затормозить издание до разговора в Мадриде. Письмо следует. Йеф Ласт“.

Эрбар срочно вернулся в Париж, с целью „сделать все, чтобы

спасти Андре Жида от его безумия“. Сегодня я узнал, что книга все-таки вышла. „Безумия“ в этом я не чувствую, здесь видны совсем другие причины».

Сталин ничем не проявил своего недовольства в отношении Кольцова, бывшего одним из инициаторов визита Жида в СССР. И только почти спустя два года, 13 июля 1937 года, Политбюро постановило: «Уполномочить т. Кольцова написать ответ на книгу А. Жида».

Кольцов понял, что Сталин продолжает считать его ответственным за визит Жида и его «клеветническую» книгу и ему, Кольцову, следует немедленно оправдаться.

Поразмыслив, он решил этот свой ответ написать не в виде отдельной статьи, а включить в продолжение «Испанского дневника».

Но никакие оправдания уже не помогут. В извращенном мозгу Хозяина копится компромат на Кольцова. Ему осталось меньше полутора лет свободы. И…

ГОТОВЯТ НОВЫЙ ПРОЦЕСС

Итак, Кольцов дает показания, в которых фигурирует масса людей. Возникает вопрос, а почему следствие интересуется именно этими людьми, а не другими? Ведь знакомства Кольцова были весьма обширны. Ключом к разгадке является один из листов «Дела». На нем рукой Кольцова в колонку выписаны фамилии именно тех лиц, которыми интересуется следствие. Абсолютно ясно, что этот список продиктован Кольцову следователем и именно о них должна идти речь в показаниях Кольцова.

Одним из главных «персонажей» является Карл Радек, которому следствием отводится роль, если можно так сказать, «крестного отца» Кольцова на «шпионском» поприще.

Карл Радек — был человеком незаурядным, заметным, любопытным, одаренным, одним из самых известных и влиятельных журналистов в СССР того времени. А с другой стороны, Карл Радек — типичный деятель международного авантюрного толка, приверженец космополитизма, воспринимаемого часто как интернационализм. При чтении всевозможных материалов и воспоминаний о Радеке складывается впечатление, что он не верил ни в Бога, ни в черта, ни в Маркса, ни в мировую революцию, ни в светлое коммунистическое будущее. И думаю, что он примкнул к международному революционному движению только потому, что оно давало ему широкий простор для его врожденных качеств искателя острых ситуаций и авантюрных приключений.

Он появляется, скажем, в Баку на съезде народов Востока, где темпераментно призывает к борьбе против английского капитализма. Он приезжает в Берлин, где агитирует против правительства Веймарской республики и, как ни странно, энергично поддерживает нарождающееся национал-социалистическое движение, возглавляемое Гитлером. В Женеве, на конференции по разоружению, он выступает как один из руководителей советской делегации, довольно бесцеремонно оттесняя официального главу Максима Литвинова. Позднее по заданию Сталина он ведет тайные переговоры с вождями гитлеровского Рейха. Еще до того он становится секретарем Исполкома Коминтерна — этого сложнейшего конгломерата десятков коммунистических партий мира. Он в изобилии пишет книги, статьи, выступает с докладами.

Но в свое время Радек совершил крупный просчет: он примкнул к Троцкому в его конфронтации против Сталина. И,

будучи мастером острого, меткого слова, каламбура, язвительной шутки, Радек направил стрелы своего остроумия против Сталина. Его остроты ходили из уст в уста. Например, такой анекдот: Сталин спрашивает у Радека: «Как мне избавиться от клопов?» Радек отвечает: «А вы организуйте из них колхоз — они сами разбегутся». Или: «Со Сталиным трудно спорить — я ему цитату, а он мне — „ссылку“». Генерального секретаря партии он именовал не иначе, как Усач, Тифлис, Кобочка. Досталось и Ворошилову, который на каком-то собрании назвал Радека прихвостнем Троцкого. Радек ответил эпиграммой:

Эх, Клим, пустая голова!
Мысли в кучу свалены.
Лучше быть хвостом у Льва,
Чем … у Сталина.

Но скоро Карл Бернгардович почуял, что в борьбе побеждает Сталин, и мгновенно перестроился. На одном из заседаний редколлегии «Известий» Радек в своем выступлении уже уважительно именует Сталина руководителем партии. Это еще не Вождь и Учитель, но уже близко. А вышедшая к пятидесятилетию Сталина книга Радека полна пылких славословий, как, например, «Великий Архитектор социализма» и других не менее красочных. Тем не менее у него уже нет прежнего размаха деятельности и ему приходится довольствоваться скромным положением члена редколлегии и политического обозревателя газеты «Известия».

Веселый циник и острослов, автор каламбуров и анекдотов, в том числе и тех, которых он не сочинял, Радек был широко популярен.

Возможно, что и Сталина забавляли шутки и остроты Радека, но не в характере Хозяина было забывать и прощать колкости по своему адресу. В этом отношении «запоминающее устройство» в его мозгу работало безукоризненно, и, когда начались репрессии тридцатых годов, Радеку припомнилась его близость к Троцкому.

Арест. Тюрьма. Следствие. И открытый показательный процесс, на котором Радек является одной из центральных фигур, одновременно обвиняемым и свидетелем обвинения, его показания «топят» остальных обвиняемых.

Радек остается Радеком и на скамье подсудимых. Присутствовавшие на процессе иностранные корреспонденты приводят в своих сообщениях описание Радеком подробностей допросов, которым он подвергался во время следствия.

— Вопреки всяким россказням, не следователь меня пытал на допросах, а я пытал следователя. И я его совершенно замучил

своими объяснениями и рассуждениями, пока не согласился признать свою контрреволюционную, изменническую деятельность, свои преступления перед партией и народом.

Можно предположить, что такая способность сохранять чувство юмора, способность шутить в столь нешуточной ситуации могли понравиться даже отнюдь не мягкосердечному Хозяину. И не исключено, что именно поэтому Радек избежал смертного приговора, но отнюдь, как показало будущее, не спас свою жизнь.

Лион Фейхтвангер, присутствовавший на этом процессе, описал его в своей книге «Москва 1937». При оглашении приговора перечислялись фамилии подсудимых с прибавлением роковых слов: «Приговорить к расстрелу… Приговорить к расстрелу… К расстрелу… расстрелу». И вдруг прозвучало: «Радека Карла Бернгардовича — к десяти годам тюремного заключения…»

По свидетельству Фейхтвангера, Радек пожал плечами и, оглянувшись на соседей по скамье подсудимых, «удивленно» развел руками. Этим он как бы говорил: «Странно. Сам не понимаю, в чем дело…»

Мария Остен, сопровождавшая Фейхтвангера в качестве переводчицы, рассказывала, что, когда осужденных выводили из зала, Радек обернулся к публике и, увидев Фейхтвангера, помахал ему рукой, что было одновременно и приветственным и прощальным жестом. То было, как она выразилась по-немецки, «винке-винке», что соответствует примерно русскому «пока-пока».

В действительности «винке-винке» не произошло. Радек был уничтожен. А в советской историографии он стал одним из главных «врагов народа». Как мы уже знаем, Радек якобы сыграл в судьбе Кольцова роковую роль — он был, согласно разрабатываемой следователями «легенде», человеком, который привлек Кольцова к шпионской работе. Ну, что ж, если встать на точку зрения следствия, в этом была своя «логика». «Дело», которое «шилось» Кольцову, являлось как бы продолжением последнего крупного политического процесса, состоявшегося в Москве. А связка Радек — Кольцов перебрасывала мостик от предыдущих нашумевших политических процессов. «Дело» Кольцова могло стать первым успехом нового комиссара НКВД, недавно назначенного, вместо разоблаченного «врага народа» Ежова, — Лаврентия Берии. Самое интересное, что, как мы узнаем позже, «по показаниям Радека Кольцов не проходил». Но для следователей это было несущественно. Радек был уже мертв и ничего опровергнуть не мог, а был бы жив, его заставили бы все подтвердить. Но, естественно, одного Кольцова для процесса было недостаточно. Нужна группа людей и обязательно

известных.

Первая группа, на которую выбивали показания у Кольцова, — это сотрудники ЖУРГАЗа, но, видимо, они не устроили высокое начальство, поскольку среди них не было подходящих весомых кандидатур. И как видно из «Дела», к ЖУРГАЗу следствие больше не возвращалось. Зато в отношении работников «Правды», большинство из них были члены редакционной коллегии газеты, следствие проявило явный интерес. По поводу их Кольцова заставляли давать показания несколько раз, поскольку они явно, по мнению следствия, годились для скамьи подсудимых на предполагаемом процессе, но… в качестве рядовых его участников. Нужны фигуры более известные. А где их можно найти? Ну, конечно, среди творческой интеллигенции. Поэтому чуть ли не резидентом французской разведки «назначается» Илья Эренбург. Алексей Толстой становится агентом той же французской разведки, причем со стажем. В качестве членов шпионской организации намечается ряд известных писателей, деятелей культуры, ученых:

Семен Кирсанов, Валентин Катаев, Владимир Лидин, Ефим Зозуля, Роман Кармен, Борис Пастернак, Исаак Бабель, Всеволод Мейерхольд, Отто Шмидт. Особенно перспективен, с точки зрения следствия, Илья Эренбург — он практически живет во Франции, значит, кругом одни иностранцы, а, как известно, почти все они шпионы. А главное, Эренбург дружил с Николаем Бухариным — разоблаченным «врагом народа» (они учились в одном классе в гимназии). Вот еще один мостик: Эренбург — Бухарин. Нельзя не отметить очередную нелепость. Мы читаем в показаниях Кольцова, что: «Я передавал информацию о… Немировиче-Данченко, А. Толстом, В. Мейерхольде». (Какие разведывательные организации могла интересовать информация о театральных режиссерах?) Далее из «показаний» Кольцова мы узнаем, что А. Толстой — шпион, а В. Мейерхольд — информатор французского «шпиона» Вожеля. То есть получается, что французская разведка требовала информацию от Кольцова на своих же агентов. Трудно придумать большую нелепость, но это характерно для умственного уровня следователей, которые, впрочем, поставленную перед ними свыше задачу твердо знали.

Большинство из перечисленных выше писателей и деятелей культуры были ранее подвергнуты в советской прессе жесточайшей критике, конечно организованной по указанию, полученному с самого «верха». Не избежал проработки и Эренбург в пасквиле, за подписью некого Лежнева, появившемся на страницах «Комсомольской правды». Критике он подвергся и в статье за подписью того же автора в главной газете страны —

«Правде». Эренбург обратился за помощью к Кольцову.

4 июля 1936 г.

Дорогой Михаил Ефимович, я посылаю Вам письмо в редакцию и прошу Вас сделать все от Вас зависящее, чтобы оно было напечатано в «Правде». Отрывок из статьи Лежнева, касающийся меня, вчера был напечатан в «П.Н.[11]», а сегодня попал уже в правую французскую газету. Надо сказать, что за последнее время я подвергаюсь травле французской антисоветской печати. Почти в каждом номере «Грингуара», «Кандида» и пр. газет имеется что-либо обо мне. Надо ли Вам объяснять, с каким удовольствием эти газеты подхватили и подхватят слова Лежнева? Дело не в содержании, но в тоне. Здесь иные понятья, и такой тон здесь применяется только к политическим врагам. На левые писательские круги это производит впечатление дезавуации. Я не могу понять полезности таких тыловых атак. Я апеллирую на этот раз не к Вашему ко мне благорасположению, но к Вашему знанию заграничных условий. Моя роль в «Ассоциации» такова, что подобные выпады отражаются на общем деле. Я не раз предлагал освободить меня от моей «нагрузки». Предлагаю это и теперь. Но поскольку это не сделано или еще не сделано, я считаю необходимым соблюдать по отношению ко мне некоторые формы литературного приличья. Напечатание моего письма в «Правде» может хоть несколько смягчить впечатление от статьи Лежнева.

Итак, я надеюсь, что Вы сделаете все необходимое.

Посылаю Вам так наз. стенограммы лондонского совещания. Мы уже написали в Лондон, чтобы они не выдавали этих стенограмм, как искажающих смысл всего.

Я просил передать Вам текст моего выступления в Лондоне.

В «Регар» напечатано интервью Мальро о работе секретариата.

Я буду до 15 июля в Париже. Если нужно, что нибудь сообщите. Потом хочу уехать полечиться и отдохнуть, так как плохо себя чувствую.

Сердечный привет.

Илья Эренбург.

Само собой разумеется, что письмо стоит напечатать только целиком: если, например, напечатать его без конца, то оно, вместо того чтобы смягчить впечатление от слов Л., только увеличит их.

Письмо в редакцию

В газете «Правда» т. Лежнев разбирает стенограмму моего выступления на читательской конференции. Т. Лежнев упрекает меня в недемократическом отношении к читателю, сущность которого он определяет двумя пословицами, наиболее корректная

из них: «всяк сверчок знай свой шесток». Читатели, которым попадались в руки мои очерки, знают, что я не раз высмеивал понятья культурной иерархии и узкой специализации: это защитный цвет фашистов или же буржуазных идеологов «чистого искусства». Если на читательской конференции я высказался против термина «отзыв» («Читатель, пришли свой отзыв») и против наводящих вопросов («Каков стиль книги? Какова ее композиция?» и т. д.), то только потому, что живые впечатления читателей они подменяют системой казенных отметок. Т. Лежнев пишет: «Мы узнаем (из моего выступления — И.Э.), что авторы, которые думают о доходчивости своих книг, на самом деле обкрадывают читателей». В моем выступлении я говорил о том, что наши читатели сложнее и глубже, нежели это кажется некоторым писателям. Писатель ставит на «среднего читателя», но читатель растет, и писатель оказывается позади. Вряд ли эти мысли могут быть названы неуважением к читателю. Я вполне согласен с т. Лежневым о недопустимости пренебрежительного отношения к советскому читателю. Я даже думаю, что мы должны уважать и советского писателя: одно тесно связано с другим. Поэтому неуважением к читателю я считаю те характеристики: «мещанская спесь», «зазнайство», «беспардонная развязность», которыми т. Лежнев одаряет писателя Эренбурга.

Париж, 4 июля 1936, Илья Эренбург

Кольцов, при всем своем желании, ничем не мог помочь Эренбургу. Ведь проработка, которой подверглись многие писатели, была вне его компетенции. На эту зубодробительную критику было дано высочайшее разрешение, а с ним не поспоришь.

Задача, поставленная перед следователями НКВД, повторяю, была в организации очередного большого, сенсационного процесса видных деятелей культуры, разоблаченных как «враги народа». Таким образом, становятся совершенно понятными последующие аресты И. Бабеля и В. Мейерхольда. Можно не сомневаться, что приказ на их арест был дан лично Сталиным, поскольку даже всемогущий Берия не решился бы покуситься на столь всемирно известных людей. Зловещий план организации процесса-монстра начал осуществляться.

Первым был арестован И. Бабель — 15 мая 1939 года. Его «взяли» на даче в Переделкино. И уже через две недели Бабеля вынудили давать показания. Видимо, следователи очень спешили (вспомним, что Кольцова не допрашивали почти месяц), очевидно, была назначена конкретная дата начала процесса. Допрос Бабеля продолжался непрерывно трое суток, с 29 по 31 мая. Первые двое суток, несмотря на «незаконные методы»

допроса, а попросту — пытки, Исаак Эммануилович мужественно держался, но, как я уже говорил, у каждого человека существует предел возможностей терпеть мучения, и 31 мая он «признался» в своей «шпионской деятельности». «Оказалось», что он был «организационно связанным по антисоветской деятельности с женой врага народа Ежова — Гладун-Хаютиной… разделял цели и задачи этой антисоветской организации, в том числе и террористические акции в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства». Как мы помним, Евгения Ежова упоминается и в показаниях Михаила Кольцова. Она была неплохой журналисткой и, между прочим, редактировала издаваемую «Правдой» «Иллюстрированную газету». Среди ее друзей были многие журналисты и писатели, в том числе Кольцов и Бабель. Как мне рассказывал мой дед, Евгения Ежова пригласила их обоих к себе на дачу в Серебряный бор, где они имели возможность видеть «железного наркома» в неофициальной обстановке.

До обеда играли в городки. Ежов в полной форме генерального комиссара государственной безопасности, при орденах и медалях, играл с большим азартом, сопровождая каждый удар битой крепким «матерком». За столом сидели и ближайшие помощники Ежова, шел веселый разговор, перемежаемый обильным возлиянием и плотной закуской. Говорили главным образом, не стесняясь присутствием гостей, о делах служебных, иными словами, о производимых в их ведомстве арестах соратников Генриха Ягоды — предшественника Ежова на его посту. Особенно дружный хохот у Ежова и его команды вызвал рассказ об небезызвестном начальнике Оперода (оперативного отдела НКВД) Карле Паукере, который, как говаривали, любил собственноручно «приводить в исполнение».

— Как надели на него тюремную робу… — смеялся один из них. — Ну, совсем — бравый солдат Швейк. Чистый Швейк…

— Ты знаешь, — рассказывал Кольцов потом брату, — я сидел за столом с ощущением, что эти люди могут, не моргнув глазом, любого гостя прямо из-за стола отправить за решетку. И мы только переглядывались изредка с Бабелем и с самой Женей, которой явно было неловко…

Будучи женой «железного наркома», видя весь кошмар «ежовщины» — аресты друзей, знакомых и, наконец, ее собственной сестры, она покончила с собой.

И этой несчастной женщине приписывалась «организационная связь с антисоветской организацией и подготовка террористических акций против руководителей ВКП(б) и Советского правительства», а также вовлечение в эту

деятельность И. Бабеля.

В «Деле» Кольцова есть показания мужа Евгении Ежовой — самого «железного наркома», выбитые у него после ареста. Эти показания весьма «убедительны».

ПРОТОКОЛ допроса ЕЖОВА Н.И от 11.5.39 г.

Вопрос: Помимо названной вами Зинаиды Гликиной, был ли кто-либо еще связан с вашей женой Ежовой Е. С. по шпионской работе?

Ответ: На это я могу высказать только более или менее точные предположения. После приезда журналиста М. Кольцова из Испании, очень усилилась его дружба с моей женой. Эта дружба была настолько близка, что моя жена его посещала даже в больнице во время его болезни.

Кольцов тоже работал в комиссии или комитете по иностранной литературе, т. е. там, где и Гликина и насколько мне известно, на эту работу Гликину устроил Кольцов по рекомендации Ежовой.

Я как-то заинтересовался причинами близости жены с Кольцовым и однажды спросил ее об этом. Жена вначале отделалась общими фразами, а потом сказала, что эта близость связана с ее работой. Я спросил, с какой работой, литературной или другой, она ответила: «И с той и с другой».

Я понял, что Ежова связана с Кольцовым по шпионской работе в пользу Англии.

Следователи-садисты теми же изуверскими методами выбивают у Бабеля показания на тех же самых известных людей, что до этого и у Кольцова, — Эренбурга, Лидина, Олешу, Катаева, Шмидта и других. Выбивают из него и «ценнейшие», «обличающие» показания на Кольцова.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА БАБЕЛЯ Исаака Эммануиловича от 29–30 мая 1939 г.

Вопрос: Назовите всех известных вам лиц, связанных с Ролланом Мальро и приведите известные вам факты его морально-бытового разложения.

Ответ: Из лиц, связанных с Ролланом Мальро по шпионской работе, мне с его слов известны Болеславская и Пьер Эрбар.

Мне также известно, что Роллан был близко знаком с Кольцовым и затевал с ним постановку какой-то кинокомедии. Одно время Роллан работал в киностудии «Мосфильм» в качестве консультанта картины «Гаврош», где, с его слов, был связан с кинорежиссером Лукашевич.

20 июня 1939 года был арестован Всеволод Мейерхольд, великий режиссер, человек, чье имя было известно далеко за пределами СССР. Как Кольцов и Бабель, Мейерхольд «признался», что он агент иностранных разведок — английской и японской; что он «установил организационную связь с Рыковым, Бухариным и Радеком, по заданию которых проводил подрывную деятельность в области театрального искусства». Еще один мостик, наведенный следствием: Бухарин — Радек — Мейерхольд. Ну, и, конечно, завербовал его во вражескую разведку… Илья Эренбург. Мейерхольд, как и Бабель, попытался отказаться от своих «показаний». Он написал письмо Вышинскому: «…Меня клали на пол лицом вниз, жгутом били по пяткам, по спине… Руками меня били по лицу… Следователь все время твердил, угрожая: „Не будешь писать, будем бить опять, оставим нетронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного окровавленного тела“. И я все подписывал до 16 ноября 1939 года».

Теперь у НКВД имеются три обвиняемых будущего чудовищного процесса-спектакля — Кольцов, Бабель, Мейерхольд. Намечены и новые подсудимые — Эренбург, Олеша, Толстой и другие деятели культуры. Выявлены «иностранные шпионы» — Андре Мальро, его брат Роллан, Луи Фишер. Самое интересное, что все перечисленные иностранцы были вполне лояльно настроены по отношению к Советскому Союзу и даже в своих странах писали в газетах и журналах статьи в поддержку «государства победившего социализма». Вот мнение А. М. Горького о Мальро и Бабеле, которое он высказывал в своем письме к Сталину:

Март 1936 года.

Дорогой Иосиф Виссарионович,

сообщаю Вам впечатления, полученные мною от непосредственного знакомства с Мальро.

Я слышал о нем много хвалебных и солидно обоснованных отзывов от Бабеля, которого считаю отлично понимающим людей и умнейшим из наших литераторов. Бабель знает Мальро не первый год и, живя в Париже, пристально следит за ростом значения Мальро во Франции. Бабель говорит, что с Мальро считаются министры и что среди современной интеллигенции романских стран этот человек наиболее крупная, талантливая и влиятельная фигура, к тому же обладающая и талантом организатора. Мнение Бабеля подтверждает и другой мой информатор Мария Будберг, которую Вы видели у меня; она вращается среди литераторов Европы давно уже и знает все отношения, все оценки. По ее мнению, Мальро — действительно

человек исключительных способностей.

От непосредственного знакомства с ним у меня получилось впечатление приблизительно такое же: очень талантливый человек, глубоко понимает всемирное значение работы Союза Советов, понимает, что фашизм и национальные войны — неизбежное следствие капиталистической системы, что, организуя интеллигенцию Европы против Гитлера с его философией, против японской военщины, следует внушать ей неизбежность всемирной социальной революции. О практических решениях, принятых нами, Вас осведомит т. Кольцов.

Недостатки Мальро я вижу в его склонности детализировать, говорить о мелочах так много, как они того не заслуживают. Более существенным недостатком является его типичное для всей интеллигенции Европы «за человека, за независимость его творчества, за свободу внутреннего его роста» и т. д.

Т. Кольцов сообщил мне, что первыми вопросами Мальро были вопросы о Шагинян, о Шостаковиче. Основная цель этого моего письма — тоже откровенно рассказать Вам о моем отношении к вопросам этим. По этому поводу я Вам еще не надоедал, но теперь, когда нам нужно заняться широким объединением европейской интеллигенции, — вопросы эти должны быть поставлены и выяснены. Вами во время выступлений Ваших, а также в статьях «Правды» в прошлом году неоднократно говорилось о необходимости «бережного отношения к человеку». На Западе это слышали и это приподняло, расширило симпатии к нам.

Но вот разыгралась история с Шостаковичем. О его опере были напечатаны хвалебные отзывы в обоих органах центральной прессы и во многих областных газетах. Опера с успехом прошла в театрах Ленинграда. Москвы, получила отличные оценки за рубежом. Шостакович — молодой, лет 25, человек, бесспорно талантливый, но очень самоуверенный и весьма нервный. Статья в «Правде» [12] *ударила его точно кирпичом по голове, парень совершенно подавлен. Само собою разумеется, что, говоря о кирпиче, я имел в виду не критику, а тон критики. Да и критика сама по себе — не доказательна. «Сумбур», а — почему? В чем и как это выражено — «сумбур»? Тут критики должны дать техническую оценку музыки Шостаковича. А то, что дала статья «Правды», разрешило стае бездарных людей, халтуристов всячески травить Шостаковича. Они это и делают. Шостакович живет тем, что слышит, живет в мире звуков, хочет быть организатором их, создать из хаоса мелодию. Выраженное «Правдой» отношение к нему нельзя назвать «бережным», а он вполне заслуживает именно бережного отношения как наиболее одаренный из всех современных советских музыкантов…*

Невольно возникает вопрос, почему же арестовали именно Бабеля и Мейерхольда, а не кого-нибудь других? Ответить на этот вопрос довольно просто. Они и их творчество были абсолютно чужды товарищу Сталину. Он не понимал, да и не мог понять новаторских постановок Мейерхольда. А то, что непонятно товарищу Сталину и что он не приемлет, — вредно для советского народа. Это — антисоветчина. Кроме того, за Мейерхольдом числился еще один грех. В середине 20-х годов один из своих спектаклей режиссер посвятил Льву Троцкому, главному оппоненту и врагу Вождя. А Сталин такое помнил и не прощал.

Бабель создал много замечательных рассказов, он написал «Конармию». Сталину его произведения активно не нравились, а «Конармию» он считал вредной, искажающей образ бойца Красной армии. Кроме того, Сталин наверняка запомнил, что в 1935 году ему пришлось, вопреки своему желанию, отправить Бабеля на писательский антифашистский конгресс в Париже, поскольку его присутствия там потребовали иностранные участники, а Хозяин не включил писателя в состав советской делегации. Наверняка Сталину, имевшему «уши» везде, докладывали и о беседах Бабеля, а тот имел неосторожность иногда высказываться откровенно. Вот пример. Бабель, находясь в Париже, на вопрос Суварина, известного в свое время французского журналиста: «Есть ли возможности каких-либо изменений в Советском Союзе?», ответил: «Война». А вот донос на Бабеля от «сексота» НКВД. Очевидно, этот человек был хорошим знакомым, а может быть, даже другом писателя — если верить донесению, то «сексот» присутствует при довольно откровенной беседе.

«22 сентября 1936 г.

После опубликования приговора Военной Коллегии Верховного суда над участниками троцкистско-зиновьевского блока, источник, будучи в Одессе, встретился с писателем Бабелем в присутствии кинорежиссера Эйзенштейна. Беседа проходила в номере гостиницы, где остановились Бабель и Эйзенштейн.

Касаясь главным образом итогов процесса, Бабель говорил:

„Вы не представляете себе и не даете себе отчета в том, какого масштаба люди погибли и какое это имеет значение для истории.

Это страшное дело. Мы с вами, конечно, ничего не знаем, шла и идет борьба с Хозяином из-за личных отношений ряда

людей к нему.

Кто делал революцию? Кто был в Политбюро первого состава?“

Бабель взял при этом лист бумаги и стал выписывать имена членов ЦК ВКП(б) и Политбюро первых лет революции. Затем стал постепенно вычеркивать имена умерших, выбывших и, наконец, тех, кто прошел по последнему процессу. После этого Бабель разорвал листок со своими записями и сказал:

— Вы понимаете, кто сейчас расстрелян или находится накануне этого:

Сокольникова очень любил Ленин, ибо это умнейший человек. Сокольников, правда, „большой скептик“ и кабинетный человек, буквально ненавидящий массовую работу. Для Сокольникова мог существовать только авторитет Ленина и вся борьба его — это борьба против влияния Сталина. Вот почему и сложились такие отношения между Сокольниковым и Сталиным.

А возьмите Троцкого. Нельзя себе представить обаяние и силу влияния его на людей, которые с ним сталкиваются. Троцкий, бесспорно, будет продолжать борьбу и его многие поддержат.

Из расстрелянных одна из самых замечательных фигур — это Мрачковский. Он сам рабочий, был организатором партизанского движения в Сибири; исключительной силы воли человек. Мне говорили, что незадолго до ареста он имел 11-тичасовую беседу со Сталиным.

Мне очень жаль расстрелянных потому, что это были настоящие люди. Каменев, например, после Белинского — самый блестящий знаток русского языка и литературы.

Я считаю, что это не борьба контрреволюционеров, а борьба со Сталиным на основе личных отношений.

Представляете ли вы себе, что делается в Европе и как теперь к нам будут относиться. Мне известно, что Гитлер после расстрела Каменева, Зиновьева и др. заявил: „Теперь я расстреляю Тельмана“.

Какое тревожное время! У меня ужасное настроение!

Эйзенштейн во время высказываний Бабеля не возражал ему.

Заместитель начальника секретно-политического отдела ГУГБ старший майор государственной безопасности В. Берман»

Можно не сомневаться, что подобные «сводки» о высказываниях Мейерхольда и Кольцова попадали на сталинский стол. Поэтому и Мейерхольд, и Бабель были обречены.

Но и этих известных людей, по мнению следствия, все равно недостаточно для процесса — не было ни одного крупного государственного деятеля, который мог бы стать главной фигурой на предстоящем процессе-спектакле. И такого человека нашли.

Главным объектом задуманного «действа» должен был стать не кто иной, как… Максим Максимович Литвинов — бывший Народный комиссар иностранных дел.

1939 ГОД. ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД. СЛЕДСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ…

ЛИЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Кольцова М. Е.

От 31 мая 1939 г.

Заговорщицкая организация в Наркоминделе ставила себе задачей добиться сдвигов вправо в международной, внутренней и культурной жизни СССР, т. е. толкать СССР по пути буржуазного развития.

Для этой цели данная организация использовала свое влияние и положение на фронте международной политики, стремясь создать обстановку вокруг СССР, соответствующую целям и намерениям организации, чтобы соответственно используя эту обстановку, заставить правительство СССР предпринять те или иные шаги, желанные для организации.

В названную организацию входили: Литвинов М. М., Суриц Я. З., Потемкин В. П., Майский И. М., Штейн Б. Е., Уманский К. А. Из не работающих в Наркоминделе к ней примыкали: Кольцов М. Е., Штерн Г. М., Эренбург И. Г., Кин В., Луи Фишер. О данном составе организации мне известно от Литвинова, Потемкина, Уманского, Сурица. Когда точно она создалась — не знаю. Столкнулся и связался с ней в 1935 году — будучи до того связан лишь с Уманским и Гнединым.

Летом 1935 года в Париже полпред Потемкин В. П., в разговоре по поводу конгресса писателей завел речь о том, что де мол в Москве делаются всякого рода вещи и принимаются решения, за которые затем приходится испытывать смущение перед цивилизованной Европой — особенно, например, ему, как образованному человеку, дипломату и профессору. Что «тем, кому дорого достоинство России», надо препятствовать разного рода «левацким» поступкам со стороны правительства, хотя бы даже это грозило неприятностями. Он заявил далее, что мне, как литератору, следует помочь группе работников Наркоминдела, перебросившим мост через пропасть между СССР и Европой. Таковой группой он назвал вышепоименованных лиц. Он добавил также, что другой журналист, Кин, его близкий друг, уже оказал ему в этом отношении огромную помощь в Италии и он добился сейчас перевода его к себе в Париж. В дальнейшем он принялся резко критиковать правительство, за отдельные перегибы и строгости (конкретно не помню, о чем идет речь), заявляя, что вообще методы и характер управления еще у нас отсталые, некультурные и еще не соответствует демократической эпохе. Я

целиком согласился с ним, хотя критика носила антисоветский характер.

Потемкин был связан с Андрэ Жидом и Мальро. Охаяв состав советской делегации писателей, как «пошехонцев», он по их (Жида и Мальро) предложению потребовал от Москвы приезда на конгресс писателей Бабеля и Пастернака, хотя они не входили в состав делегации. (Бабель оставался после конгресса несколько месяцев в Париже, поддерживая через свою эмигрантку-жену связь с еврейской эмигрантской буржуазией.) Далее Потемкин вместе с Эренбургом И. Г. организовал поездку в СССР Андрэ Жида и группы его антисоветских спутников, хотя их имена и репутация были достаточно сомнительны. В разговоре со мной он резко критиковал коммунистов Франции, говоря, что компартия слишком рано стремится играть роль в политической жизни, что не в силах делать этого, также нападал на левую интеллигенцию, отдавая предпочтение правым реакционным писателям — Валери, Фаррер, Моруа.

В отношении международной политики Потемкин считал, что СССР необходимо поддерживать тесную связь с Германией и Италией, ибо это «в интересах России». Он подчеркивал свои близко-дружественные отношения с Муссолини, которого хвалил, как великого государственного деятеля. Он указал, что Литвинов, Майский, Суриц — точно такого же мнения, но что эти связи встречают противодействие со стороны Москвы. Тем не менее, он поддерживает связи с итальянскими фашистскими кругами на свой страх и риск через Кина. Он выразил сожаление по поводу кратковременности моего пребывания, что мешает моей помощи работе наркоминдельцев. Впрочем, указал он, помогая Литвинову и находя с ним общий язык, я восполню этот пробел. Следующую беседу с ним я имел в 1937 году.

Весной 1936 года я имел в Москве примерно такой же разговор с Литвиновым, которому рассказал свою беседу с Потемкиным. Он целиком одобрил рассуждения Потемкина и присоединился к ним. На мой вопрос — какими методами и при помощи каких сил могут наркоминдельцы рассчитывать повлиять на внутреннюю жизнь страны, он в завуалированной форме указал, что на троцкистов и бухаринцев рассчитывать не приходится, ибо все это люди конченные и связь с ними гибельна, но что в стране имеются новые кадры недовольных и жаждущих контакта с Западной Европой молодых интеллигентов, и что мне, как журналисту, должно быть лучше их видно. Он указал также, что готовящаяся новая конституция в корне изменит обстановку политической борьбы, очень многое упростит и легализует, так что будет гораздо безопаснее добиваться поставленных целей,

используя для давления на правительство парламентские формы. Наркомы и целые составы правительств будут, сказал он, ниспровергаться и предлагаться с парламентской трибуны. С этой трибуны надо будет добиваться настоящей свободы печати в буржуазном смысле слова, отмены монополии внешней торговли, восстановления концессий, отмены религиозных преследований — того, чего требуют иностранные державы для дружного сожительства с СССР и в чем он, Литвинов, с ними согласен. Осмотревшись в обстановке, какая создастся после введения конституции, надо будет выработать новые методы действия. Что же касается заграницы, то тут методы остаются те же: способствовать давлению буржуазных государств на СССР в сторону его поправления. Внешне нося форму расхваливания будущей конституции и демократизации советской общественной жизни, разговор Литвинова по существу имел антисоветский смысл.

Взгляды, высказанные Литвиновым, мне уже были знакомы из разговоров с другими членами руководимой им антисоветской группы — Сурицом в 1936 году, Потемкиным в 1935 году, Штейном и Уманским в 1934 году. Введение будущей конституции ими рассматривалось, как шаг в сторону буржуазной демократии. Дипломаты практически осуществляли подобные взгляды в закулисных разговорах с правительственными деятелями, как-то: Потемкин с Муссолини и Эррио, Суриц — с Гитлером и Герингом, а Штейн — в Лиге Наций — с ее руководителями. Я вел подобные же разговоры с Мальро, Луи Фишером, Жан Ришаром Блоком, которым я давал антисоветские разъяснения о положении в СССР (тяжелое положение интеллигенции, ненависть к иностранцам, репрессии).

Следующие встречи с заговорщиками Наркоминдела у меня были летом 1937 года в Париже: с Литвиновым, Потемкиным и Сурицом. Все они были разъярены помощью, которую СССР оказывал Испании, и стремились всячески эту помощь прекратить или затормозить, т. е. прекратить посылку продовольствия, оружия, людей. Литвинов, говоря об испанских делах, представлял их в крайне скептическом свете. Он сказал: «У вас там никаких успехов, вы берете в день по одному пленному, а мятежники забирают целые города. Из-за вашей Испании СССР потерял свои международные связи. Эта война обречена на неудачу».

Он сказал, что поскольку в Испании сейчас работает Штерн Г. М., которого он хорошо знает по Москве по Наркомату обороны и с которым у него старая связь — необходимо, чтобы я передал Штерну его точку зрения о необходимости поскорее

свернуть войну и чтобы Штерн это провел в жизнь, пользуясь своим положением в Испании.

Он сказал также, что Майский работает в комитете по невмешательству так, что там создалась тяжелая обстановка для дальнейшего продолжения войны республиканской Испанией. По его тону чувствовалось, что он одобряет подобную деятельность Майского.

Потемкин в Париже был занят сдачей дел в связи со своим переводом в Москву. Этот перевод его тревожил, так как в Москве были в это время в разгаре аресты и смещения, о которых он мне подробно рассказал. В Москве он надеялся на помощь в антисоветской работе на Кина, которого он вновь забрал с собой, на этот раз в качестве редактора «Журналь де Моску». (Кин был женат на дочери итальянского премьер-министра.) Особенно Потемкин был встревожен краткостью срока, который был ему дан для сборов и переезда в Москву.

Суриц, сохранявший свою германскую ориентацию и уверенность в возможности договориться с немцами, был крайне недоволен своим переводом в Париж и прекращением работы по установлению связей с немцами. Он столь же отрицательно относился к помощи Испании и также просил, нельзя ли принять какие-нибудь меры к тому, чтобы республиканцы прекратили войну, пойдя на компромисс или на капитуляцию. По его словам, из-за войны в Испании за границей опять стали говорить, что в СССР управляет не правительство, а Коминтерн.

Приехав в Испанию, я повидался со Штерном и передал ему указание Литвинова. Штерн сказал, что и он такого же мнения, что при таком положении и при отсутствии настоящей реальной помощи война обречена на неудачу и что сделает все зависящее от него, чтобы поскорее ее прекратить. Он был связан с Прието (военный министр, правый социалист, пессимистически и пораженчески настроенный) и с Рохо (начальник генштаба, беспартийный, сторонник Прието). Устроив совместно совещание, они приняли решение максимально приостановить военные действия, ограничившись лишь видимостью их. К ним примыкали: из испанцев — начальник авиации Сиснерос, генеральный комиссар Вайо и заместитель его Пестанья, а из советских работников — вначале Павлов Д. Г. (руководитель танковых частей), Грачев, сменивший Павлова, Ковалев (советник на северном фронте), Нестеренко, Качелин, Буксин, Федер (парторганизатор), а равно я.

Вся эта группа по существу стремилась сорвать военные операции, добиваясь и осуществляя задержку под разными предлогами частей в резерве и в тылу, якобы для накопления,

отдыха и обучения их. В результате части, находившиеся на передовых позициях, выбивались из сил либо теряли всякую активность либо отступали. Такая судьба постигла все операции с весны 1937 года. Начальствующий и политический состав не выезжал на фронт, оставляя части без присмотра. Лично я, которому по роду работы также надлежало быть на фронте, по трусости оставался всегда в тылу. При этом я вел разлагающую работу, убеждая почти всех знакомых, испанских и советских, в бесцельности продолжения войны.

Вместе с тем советники и лица командного состава своим поведением подрывали свой авторитет и внушали к себе недоверие, которое отражалось на настроении войск. Валенсийские работники занимались склоками с мадридскими, а те и другие — с барселонскими. (В этом отношении подрывную работу вела парторганизатор советской колонии Федер.) В открытых разговорах между собой и перед посторонними они выражали свое неверие в возможность продолжения войны. Подрыву авторитета способствовали кроме склок и кутежи, в каковом отношении дурной пример показывало руководство танками в лице Павлова, устраивавшего попойки с испанскими командирами в разгар военных операций, как это было на Хараме, в результате чего танки, как мне говорил Штерн, не оказались в нужный момент посланными на участки боя, что привело к потере некоторых позиций. От него же я слышал, что штаб танков присвоил себе излишки жалованья, указав испанскому штабу преувеличенное число штатных единиц, и присвоенную сумму потратило на кутежи. Болотин (работник особого отдела) как-то хвастался «устранением» (подразумевается убийство) испанского комиссара, не пришедшегося по вкусу руководству учебного танкового центра. Подобные дела дискредитировали присланных из СССР работников и лишали их авторитета.

Со времени приезда в Москву, т. е. с конца 1937 года, я видел Литвинова трижды. При первом разговоре я ему рассказал о положении в Испании и о своих действиях по прекращению операций. Он остался, однако, этим недоволен, так как война все же продолжалась, что, по его словам, вызывает нарекания и протесты французского и английского правительства, которым он обещал прекратить сопротивление республиканцев и советское «вмешательство».

В мае 1938 года в Москву приехал на два дня Луи Фишер и имел свидание с Литвиновым, с которым у него была давняя связь и посредником при котором он состоял. После разговора с ним я написал статью, имевшую целью обострить франко-

советские отношения, для чего избрал поводом статью генерала Бремона во французской печати. Статья была мной дана для «Красной звезды», но там не напечатана.

Летом 1938 я опять беседовал с Литвиновым, в присутствии Майского и Сурица. Была подвергнута совместной антисоветской критике борьба с врагами, как дошедшая до страшных перегибов. Суриц сказал, что французы опасаются теперь вступать с ним в откровенные разговоры, так как его могут арестовать. Литвинов резко критиковал Наркомвнудел в лице Ежова, заявляя, что он губит сотни тысяч невинных людей и что надо добиться его ухода. Разумеется, эти разговоры велись во внешне осторожной форме.

В начале ноября 1938 года я в третий, последний раз разговаривал с Литвиновым. Он был опять крайне удручен, говорил об изоляции Советского Союза, о возможности войны не далее, как в течение двух лет, а также о новых арестах и спросил, предпринимается ли в «Правде» что-либо, когда получаются письма о неправильных арестах, увольнениях и тому подобных перегибах. Я ему сказал, что подобные материалы направляются в НКВД и в прокуратуру. Тут же я ему сказал, что в «Правде» есть люди, которые также болеют о том, что происходит, и что эта группа людей, если нужно, может всегда помочь — имея в виду свои антисоветские связи с Никитиным, Ровинским, Давидюком, Левиным. Он ответил, что пока в виду ничего не имеется, что предстоящий уход Ежова разрядит атмосферу, но что вообще говоря помощь «Правды» для него очень важна ибо кроме «Журналь де Моску» Наркоминдел не имеет никакой точки опоры.

Литвинов, Максим Максимович
Потемкин, Владимир Петрович
Суриц, Яков Захарович, полпред в Париже
Штейн, Борис Ефимович, полпред в Риме
Майский, Иван Михайлович, полпред в Лондоне
Штерн, Григорий Михайлович, военный работник
Эренбург, Илья Григорьевич, писатель
Кин, Виктор, журналист
Фишер, Луи, журналист
Павлов, Дмитрий Григорьевич, военный работник
Бабель, Исаак Эммануилович, писатель
Блок, Жан Ришар, французский писатель
Жионо, Жан, французский писатель

Лично я принимал активное участие во вражеской работе в Испании, занимаясь разлагающей деятельностью как среди испанцев, так и среди советских работников, и развивая среди

них скептическое отношение к перспективам борьбы. В разговорах я подчеркивал неизбежность поражения и бесцельность дальнейшего сопротивления наступающей армии противника. Подобную же оценку положения я давал в июле в Испании делегатам 2-го конгресса писателей. На самом конгрессе я выступил с пессимистической речью, не соответствующей требованиям момента. В склоках и борьбе между мадридскими и валенсийскими работниками я способствовал расшатыванию дисциплины. Когда низовые работники критиковали руководство в лице Штерна, я ему тотчас же сообщал об этой критике и старался дискредитировать их. В результате чего лица, осмеливавшиеся критиковать, подвергались откомандированию из Испании, как это было с Лопатиным, Юшкевичем и Петровым. Встречаясь с работниками интернациональных бригад, я натравливал их на требования денежных пособий от испанского правительства, что могло увеличить и без того большие расходы по войне. Я также выступил в феврале 1937 года на митинге в Мадриде с речью, восхвалявшей правительство Ларго Кабальеро, хотя это правительство вело работу вредную для хода борьбы республиканцев. Равным образом я поддерживал в беседах авторитет Вайо и Рохо, хотя деятельность их шла во вред успехам республиканцев. Встречаясь с испанской интеллигенцией, я указывал на необходимость уничтожения церквей и священников, хотя это озлобляло население, и без того находившееся в состоянии политического напряжения.

А. Толстой, приехав из эмиграции в 1922 или 1923 году, ряд лет жил в Ленинграде и в Детском селе, будучи почти изолирован от советского общества и вращаясь в очень узком кругу — П. Щеголева, П. Сухотина, академика Платонова — деятелей и литераторов дореволюционного времени.

С приездом в СССР М. Горького положение Толстого изменилось. Он стал часто приезжать и подолгу жить в Москве, подружился с окружением Горького и особенно близко — с Н. А. Пешковой. Из рассказов мне Толстого я знаю, что он часто бывал и кутил у Ягоды и пользовался его поддержкой и помощью. Он рассказывал также о своей дружбе в Ленинграде с Заковским, Стецким и Угаровым. В Ленинграде же он был много лет связан с каким-то голландцем-концессионером, фамилия мне не известна. Этот голландец, очень богатый человек, подарил или каким-то другим образом уступил ему свой автомобиль «Студебекер».

Я был отдаленно знаком с Толстым и ближе сошелся с ним в 1935 году. На конгресс писателей в Париж он приехал, сделав крюк, через Лондон, где провел некоторое время (сколько — не

знаю). Это посещение Лондона он объяснил мне наличием там у него старых друзей, в частности М. Будберг-Бенкендорф и Н. А. Пешковой. Последняя приехала вслед за ним в Париж.

Во время конгресса в здание, где он происходил, приходили русские белые эмигранты, просили вызвать Толстого и беседовали с ним в фойе. Это его крайне смущало, он, видимо, старался уклоняться от этих встреч и говорил мне: «Пристают старые знакомые, у каждого просьба, а откажешься говорить — скандал подымут».

Он поселился отдельно от других советских делегатов. Навестив его без предупреждения, я застал у него семью Шаляпина (он ее мне представил), еще каких-то эмигрантов, которых он назвал «русские парижане» и Н. А. Пешкову. Я, очевидно, помешал оживленному разговору, который быстро затих и гости ушли. Конец разговора был о Бунине, с которым Толстой то ли говорил, то ли собирался говорить по телефону. На другой день Толстой сказал мне, что ряд эмигрантских писателей, в частности, Бунин и Марина Цветаева, не прочь вернуться в СССР и обращаются к нему по этому поводу. Он спросил — как поступить и получил ответ, что надобно об этом написать в Москву. К этому вопросу ни он, ни я больше не возвращались.

В 1935 году осенью Толстой разошелся со своей женой и семьей, женился на Л. И. Крестинской и переехал в Москву. Старшая его дочь вышла замуж за военного комбрига или комдива (фамилии не знаю).

В 1937 году, приехав на второй конгресс писателей, Толстой в Париже также поселился отдельно. В том же отеле поселилась М. Будберг-Бенкендорф, известная по делу Локкарта, как агент Интеллиженс-Сервис. Условившись по телефону, я обедал с Толстым, его женой Людмилой и с Будберг. С последней обращение у него было короткое и на «ты». Разговор шел на литературные темы, причем Толстой и Будберг подчеркивали, что в Англии совершенно ничего не сделано в области связей с интеллигенцией. Толстой собирался снова съездить в Англию и при помощи Будберг расширить эти связи.

В этот период Толстой разъезжал вместе с Фадеевым, с которым тесно подружился. Толстой также дружил и был на короткой ноге с французом Вожелем, журналистом и предпринимателем, издателем иллюстрированных и модных журналов. Они, по словам Толстого, постоянно кутили вместе. Вожель был близок к полпредству, дружил с работавшими там тогда Розенбергом и Гиршфельдом.

В разговоре со мной в 1935 году Мальро сказал, что Толстой,

как и другие писатели-эмигранты, был завербован англичанами и французами. Верно ли это, мне неизвестно.

В Москве у Толстого я часто бывал в 1938 году. Он дружил с Фадеевым, Катаевым и со мной. Частыми посетителями были Р. Симонов (из театра Вахтангова), Минц (из «Истории гражданской войны»), жена Угарова А. И., Пешкова Н. А., старшая дочь с мужем-военным.

Разговоры у меня с Толстым и Фадеевым были на литературные темы. Однако, высказывалось недовольство по поводу большого количества арестов, что запугивает, якобы, интеллигенцию и мешает спокойной работе.

В октябре 1938 г. Толстой ждал приезда Вожеля и намеревался поселить его у себя.

В ноябре того же года он тревожился о судьбе своего друга, некоего Малаховского, поляка, арестованного в Ленинграде. Он сказал, что будь на месте Заковский — он освободил бы Малаховского, теперь же неизвестно, где и как за него хлопотать.

В начале декабря я получил по почте от первой жены Толстого рукопись-воспоминания об их совместной жизни во Франции в белой эмиграции, среди офицеров и казаков. Хотя очерк придавал Толстому некоторые положительные черты и в конце говорил о его тяге в Россию, но в целом он дискредитировал его, напоминая о его эмигрантском прошлом. Поэтому я воздержался от передачи его в печать.

Фишер, Луи, американец; журналист, сотрудник левых американских изданий, продолжительное время проживал в СССР, где до конца 1938 года проживала и его семья, советские граждане. (Квартира — на Сивцевом Вражке, № дома не помню.) Сам он проживал в 1938 году в Испании и в Париже. Возраст — 45–50 лет. В СССР он в последний раз был летом 1938 года.

Штейн, Борис Ефимович, работник НКИД, последняя должность — полпред в Риме.

Уманский, Константин Александрович — работник НКИД, последняя должность — советник полпредства СССР в США. В — Москве проживал в последнее время на Спиридоновке, 17.

Гнедин, Евгений Александрович, последняя должность — заведующий отделом печати НКИД.

Миронов, Борис Миронович, последняя должность — заместитель заведующего отделом печати НКИД. Был арестован в 1936 или 1937 году.

Виноградов, Борис Дмитриевич, работник НКИД, последняя должность — советник полпредства в Польше. Проживал в Москве с матерью и дочерью на Колпачном пер. Приезжал в Москву в начале 1938 г.

Юст — немецкий корреспондент. Приезжал в СССР в 1932 году. Уехал примерно в 1934 году, кажется, осенью.

Васехес — австрийский корреспондент. Находился в СССР до 1934–35 годов, затем уехал.

Розенберг, Марсель Израилевич. Последняя должность — полпред СССР в Испании. Вернулся в СССР летом 1937 года, затем был арестован. Жена его, Марина Ярославская, проживает с родителями на ул. Грановского, в доме Советов.

Берзин, Иван Дмитриевич, советник при военном министре в Испании. Уехал в СССР летом 1937 года. (Жил в Валенсии.)

Мерецков, Кирилл Афанасьевич, комдив. В Испании был советником центрального фронта. Приехал в СССР летом 1937 года. Последняя должность — заместитель начальника ген. Штаба. Член партии.

Никольский, Александр Михайлович. Был атташе полпредства СССР в Испании, оставался там до середины 1938 года. Член партии. Возраст около 42 лет.

Белкин, Наум Маркович, зав. бюро печати полпредства СССР в Испании. Приехал в СССР летом 1938 года и, кажется, остался в Москве. Член партии.

Мальро, Андрэ. Французский писатель. Был в Испании в 1936 и 1938 году. Постоянно проживает в Париже.

Вожель, Люсьен. Журналист и издатель. Выпускал журнал «Вю». Постоянно проживает в Париже (адрес его известен в полпредстве в Париже).

Соколин, Владимир Александрович. Работник НКИД. Последняя должность — пом. секретаря Лиги Наций. Проживал в Женеве. Член партии.

Гиршфельд, Евгений Владимирович. Работал советником в полпредстве СССР в Париже. Приехал в СССР летом 1938 года. Последнее время работал в газете «Журналь де Моску», кажется, заместителем редактора. Член партии.

Эренбург, Илья Григорьевич, писатель, беспартийный. Корреспондент «Известий» в Париже. В Москве имеет квартиру в доме писателей на Лаврушинском переулке, где проживает его дочь с мужем, писателем Лапиным.

Игнатьев, б. работник полпредства в Париже, б. граф. Сейчас работает в Москве, в военном ведомстве, в области преподавания иностранных языков. Беспартийный.

Михайлов, Борис Данилович. Работал в последнее время редактором газеты «Журналь де Моску». Член партии.

Мейерхольд, Всеволод Эмильевич, режиссер, беспартийный. В последнее время работает в театре им. Станиславского.

Толстой, Алексей Николаевич, писатель, беспартийный.

Проживает в новом доме у Белорусского вокзала.

Путерман, журналист, сотрудник французской печати, эмигрант, выходец из Бессарабии. Работал в журнале «Вю» у Вожеля. Проживает в Париже, постоянно бывает у Эренбурга И. Г., с которым дружен.

Савич, Овадий, литератор, беспартийный. Выехал из СССР примерно в 1925–27 году. Близок с Эренбургом И. Г., который привез его в Испанию и устроил корреспондентом ТАСС в Валенсии и Барселоне, где он находился до осени 1938. В Москве находится жена Савича, приехавшая из-за границы в 1935–36 году, Аля (Анна?) Савич.

Герасси, художник, испанский еврей, постоянно проживал в Париже, друг Эренбурга И. Г. Во время гражданской войны в Испании находился там. Его жена — Стефа Герасси, галичанка, была секретарем Эренбурга.

Мальро Роллан, журналист, француз, возраст около 25 лет, младший брат Мальро Андрэ, был в СССР в качестве корреспондента около года в 1936–37 году. Уехал в Париж.

Штерн, Григорий Михайлович, комкор, член партии. Был в Испании главным военным советником. В 1938 году находился в СССР, на Дальнем Востоке.

Кин, Виктор. Последняя должность — редактор «Журналь де Моску» (в 1937 г.). Был арестован.

Валери — французский писатель реакционного направления, член французской академии. Проживает в Париже (?). Возраст — около 60 лет.

Фаррер — французский писатель реакционного направления, член французской академии. Возраст — около 70–75 лет.

Моруа — французский писатель реакционного направления, член французской академии.

Прието, б. министр обороны испанского республиканского правительства. Находился в Валенсии и Барселоне до конца 1938 года. Социалист (член ЦК испанской социалистической партии).

Рохо, Висенте, генерал исп. Республиканской армии, беспартийный. Находился в Испании до конца 1938 года.

Сиснерос, начальник авиации испанской республиканской армии, коммунист. Проживал в 1938 году в Барселоне.

Вайо, Альварес, министр ин. Дел испанского республиканского правительства. Находился в 1938 году в Барселоне. Левый социалист.

Пестанья, зам. генерального военного комиссара в Испании. Умер в 1938 году там же.

Павлов, Дмитрий Григорьевич, комкор. Руководил в Испании работой танковых частей. В Москве последняя должность —

начальник автобронетанкового управления.

Грачев, комдив (?), руководил танками в Испании в 1937 году, затем уехал в Москву. Член партии.

Ковалев, комбриг, советник в Испании на Северном фронте, приехал в СССР осенью 1937 года. Член партии.

Нестеренко, политработник, работал советником в политкомиссариате в Испании. Уехал оттуда в СССР в 1937 году. Член партии.

Качелин, политработник, див. комиссар (?), работал в Испании до осени 1937 года, затем уехал в СССР. Член партии.

Буксин, политработник, парторганизатор, погиб при автомобильной катастрофе в Испании в 1938 году. Член партии.

Федер, парторганизатор советской колонии в Испании, жена поверенного делах СССР в Испании Марченко. Полька, политэмигрантка. Была до конца 1938 г. в Испании.

Серебренников, Николай Николаевич, работник НКИД, работал в Мадриде до весны 1937 года, когда уехал в СССР. Беспартийный.

Лиман (?), работник НКИД, работал в Мадриде до начала 1938 года, уехал в СССР. Член партии.

Суриц, Яков Захарович, полпред СССР в Париже.

Болотин, Григорий (?), работник НКИД (?), работал в качестве комиссара при Павлове Д. Г., в Испании.

Никитин, Александр Ефимович, член редколлегии «Правды», в последнее время — зав. отделом печати ЦК ВКП(б). Проживал в доме «Правды».

Ровинский, Лев Яковлевич, член партии, член редколлегии «Правды», проживал в доме «Правды».

Давидюк, Аркадий Михайлович, член партии, член редколлегии «Правды», проживал в доме «Правды».

Левин, Борис Ефимович, член партии, заместитель заведующего партийным отделом «Правды».

Брик, Лили Юрьевна, являлась с 1918 года фактической женой В. Маяковского и руководительницей литературной группы «Леф». Состоящий при ней ее формальный муж **Брик Осип Максимович** — лицо политически сомнительное, в прошлом, кажется, буржуазный адвокат, ныне занимается мелкими литературными работами. **Л. и О. Брики** влияли на Маяковского и других литераторов-лефовцев в сторону обособления от остальной литературной среды и усиления элемента формализма в их творчестве. Дом Бриков являлся ряд лет центром формализма в искусстве (живописи, театра, кино, литературы). После смерти Маяковского в 1930 г., группа лефовцев, уже ранее расколовшаяся, окончательно распалась. Супруги Брики

приложили большие усилия к тому, чтобы закрепить за собой редакторство сочинений Маяковского и удерживали его в течение восьми лет. Хотя выпуск сочинений затормозился, но Брики предпочитали не привлекать посторонней помощи, так как это повредило бы их материальным интересам и литературному влиянию. Брики крайне презрительно относились к современной советской литературе и всегда яростно ее критиковали. В отношении Маяковского Л.Ю. и О. М. Брики около двадцати лет (при жизни и после смерти его) являлись паразитами, полностью базируя на нем свое материальное и социальное положение.

Триоле, Эльза Юрьевна, сестра Л. Ю. Брик, человек аполитичный, занятый своей лично-семейной жизнью. Лет двадцать пять тому назад переселилась с матерью за границу. Последние лет 10 — замужем за французским поэтом Арагоном, коммунистом. Ведет чисто домашний образ жизни, изредка занимается переводами.

Волович, Фанни — жена работника НКВД Воловича. Вела «великосветский» образ жизни, стремясь устроить в своем доме «салон» ответственных работников и популярных лиц, щеголяла туалетами, богатой обстановкой, заграничными вещами. В гостях у Волович бывали Киршон, Фадеев, Поскребышев, Межлаук, Стаханов, Макс Гельц. Она очень кичилась своими связями и подчеркивала, что дом ее относится к числу тех, где бывают избранные и ценные советские люди. На самом же деле она и ее дом пользовались репутацией чванства и разложения, присущего верхушке НКВД периода Ягоды.

Зильберштейн, Илья Самойлович, литератор, историк литературы, пушкинист. Долгое время работал в Ленинграде секретарем у историка Щеголева (покойного), затем, примерно в 1932 г., перекочевал в Москву. Энергичный изыскатель старых литературных документов и неопубликованных рукописей и в этой области является полезным специалистом. Однако отличается делячеством и стремлением заработать одновременно во многих редакциях и издательствах.

Пильский, Петр — журналист. До революции работал в буржуазной прессе. В 1919–20 годах работал в Одессе в советских газетах, после чего эмигрировал за границу и печатался там в эмигрантской белой печати. В 1922 году, когда в Риге издавалась советским полпредством газета «Новый путь» (где я работал около месяца), он явился в редакцию с предложением своих услуг, т. е. перехода вновь на советскую платформу. За это он требовал значительных сумм в форме гонорара. Так как Пильский политически не имел никакого авторитета и ценности, а лично был человеком опустившимся и спившимся, то предложение его

было отклонено, после чего он продолжал сотрудничать в белой печати. В 1923 или 1924 году я в фельетоне в «Правде» описал похождения Пильского, на что в свою очередь он через некоторое время ответил пасквилем по моему адресу. Несколько лет назад он, судя по газетам, умер.

Анненкова, Юлия. Газетная работница. Была в 1931–5 году работником ТАСС, затем редактором немецкой газеты в Москве. Была, по ее словам, в дружеских отношениях с Сулимовым. Имела широкие связи среди работников германской компартии, в особенности была дружна с Пиком и Геккертом и с немецкими пролетарскими писателями. Среди них она держалась очень напористо и диктаторски, изображая в своем лице «мнение русских товарищей», что ей удавалось, из-за того, что этот круг людей жил изолированно и имел слабое соприкосновение с советской средой. Результатом работы Анненковой в немецкой газете явились склоки и интриги в среде немецких писателей-антифашистов, на что они жаловались в Союз писателей. В 1937 году была арестована.

Орахелашвили, Мария Платоновна. Работала в Наркомпросе, где заведовала каким-то отделом. Встречал ее в Сочи в 1934 году. Она крайне кичилась своей якобы близкой и долголетней дружбой с руководителями партии и жаловалась на то, что, якобы, старым членам партии, как она, не воздается теперь должного почета и не предоставляется положение и работа, соответствующие их заслугам и прежней роли.

Вайскопф, Франц, немецкий писатель, коммунист. Жил во Франции и Чехословакии. Приезжая в Москву, посещал дома Лили Брик и Фанни Волович, с которыми он, по его словам, состоял в дружбе.

Пливье, Теодор, немецкий писатель, в прошлом матрос, антифашистского направления. Человек сумбурных политических настроений, бунтарско-революционной складки. С приходом фашизма эмигрировал из Германии сначала во Францию, затем в 1934 г. в СССР. Образ жизни ведет одинокий, избегая встреч с людьми, живет где-то в пригородной местности, завел себе огород и крестьянское хозяйство. Алкоголик.

Виноградов, Борис Дмитриевич, работник Наркоминдела (последняя должность — советник полпредства в Польше). Человек способный и толковый, однако, склонный к разложению, чрезвычайно любящий жизненные удовольствия, и особенно — женский пол. Он рассказывал о свих похождениях в этой области, в частности — с женами Постышева и Стецкого. По его словам, он пользовался покровительством Радека, а затем Ежова. В политическом отношении производил впечатление человека

равнодушного, заинтересованного преимущественно в своей карьере.

Островский, Михаил Семенович, работник Наркоминдела (был полпредом в Румынии). Встречался с ним в Сочи (в 1934 году) и два-три раза в Москве. Человек необычайно тщеславный, болтливый, в бытовом отношении разложившийся, упоенный удовольствиями заграничной буржуазной жизни и мишурой дипломатического обихода. С восторгом рассказывал о церемонии приема его у румынского короля. Аполитичный, карьеристически и приспособленчески настроенный человек. Был в дружеских отношениях с покойным полпредом СССР в Париже Довгалевским.

Вишневский, Всеволод, писатель. По внутреннему своему содержанию — человек анархистско-мелкобуржуазной закваски, с резко выраженным стремлением к актерству и притворству, постоянно имитирующий голый бунтарский пафос вместо подлинного революционного чувства. Это привело его к ряду срывов в литературной работе и, в частности, — к троцкистски настроенной вещи «Мы, русский народ», по существу, направленной против ленинских взглядов на вопросы империалистической и гражданской войны. В своем поведении отличается хлестаковщиной и интриганством, стремясь через склоки занять первенствующее положение среди литераторов. Был близко связан со Ставским В. П., с которым вместе проводил в 1936–37 году склочную разрушительную работу в Союзе писателей. В Испании во время конгресса писателей вел себя провокационно-хулигански, подчеркивая перед писателями — делегатами других стран особую роль русских в испанской гражданской войне. Близко связан с режиссером Таировым.

Ставский, Владимир Петрович, литератор. Человек в литературном отношении бездарный и беспомощный, возмещает отсутствие дарования и знаний безудержным интриганством и пролазничеством. Пробравшись в 1936–38 годах к руководству Союзом писателей, он проводил в нем вредную работу по запугиванию и разгону писателей, что по существу являлось прямым продолжением разрушительной работы РАППа, одним из активнейших деятелей которого он раньше являлся. В результате этой вредной деятельности Ставского, поддерживаемого Вишневским и Сурковым, в писательскую среду были внесены взаимная дискредитация и подозрительность, запуганность, недовольство, сорвана творческая обстановка для работы и этим преграждена возможность созданию новых произведений советской литературы. В своей практике Ставский прибегал к распусканию ложных слухов о том, что тот или иной литератор,

якобы, «в немилости» и редакциям надлежит его бойкотировать, а другой, якобы, пользуется покровительством со стороны ЦК и ему следует предоставлять всяческие привилегии и преимущества как в издании его вещей, так и в отзывах критики. Одним из недобросовестных приемов Ставского было афиширование и использование им в чисто литературных и чисто личных делах своего звания члена КПК и его, якобы, большой близости к Л. М. Кагановичу. «Литературная газета», выходившая одно время под его редакцией, присвоила ему в это время звание «лучшего ученика А. М. Горького».

Антонов-Овсеенко, Владимир, был в 1937 году генеральным консулом в Барселоне. Лично его я, находясь в Мадриде, видел только один раз, на собрании, но о деятельности его слышал весьма отрицательные отзывы, в особенности, от испанских коммунистов. По их словам, Антонов всю свою энергию направил на сближение исключительно с анархистами, ухаживая за ними и занимаясь взаимными превозношениями. Анархистские вожаки, пользуясь явными знаками поддержки советского консула, применили их для укрепления своего положения в ущерб коммунистам, положение которых в Барселоне было и без того очень трудным. Советником и посредником для новоприбывшего Антонова в его связях был Эренбург И. Г., имевший давние и тесные связи с испанскими анархистами. Я слышал также от испанских коммунистов о том, будто испанские троцкисты, желая насолить Антонову, раздобыли и издали брошюркой какие-то старые троцкистские статьи Антонова, но брошюры этой не видал.

Мильман, Валентина Ароновна, секретарша Эренбурга И. Г. в Москве. Кажется, состоит в штате «Известий», корреспондентом которых в Париже является Эренбург. Фактические функции Мильман состояли в заведывании материальными делами Эренбурга в Москве и в постоянном собирании для него по Москве всякого рода новостей, сплетен, слухов и разговоров из литературного мира, которые она ему сообщала письмами и по телефону в Париж.

Пивоваров Ф.В., работник рыбной промышленности, в прошлом, кажется, приказчик каких-то рыбных фирм. Женился на С. Н. Богдановой, одной из сестер Е. Н. Кольцовой. Примерно через год их совместной жизни он был арестован в Мурманске, где работал в какой-то рыбной организации. Видел его мельком один или два раза. Произвел впечатление человека отсталого малокультурного, общих тем для разговора у меня с ним не нашлось.

Эльберт, Лев Гилярович, литературный работник, член

ВКП(б). До 1930 года работал за границей. Затем в Москве, в «Правде», в ТАССе, в «Огоньке». (В прошлом — работник ЧК.) Человек ленивый и бездеятельный и из-за своего лодырничества постоянно увольняемый из разных учреждений. Любитель всякого рода слухов, сплетен, которые иногда сам создает и распускает. Отличается крайней лживостью, из-за чего имел столкновения на работе. Был дружен с Маяковским и сохранил связи с семьей Бриков. Был также дружен с Фанни Волович.

Сац, Наталья Ильинишна, театральный работник, директор детского театра. Человек очень пронырливый и карьеристический, умело обделывала свои дела, используя протекции среди ответственных работников. Была замужем за Поповым (пред. пром. банка) и Вейцером (наркомторг), и пользовалась через них всевозможными привилегиями и ассигновками для руководимого ею предприятия, устройства гастролей и т. п.

Кобелев, Михаил Михайлович, журналист, работник «Красной звезды», «Правды», «Журналь де Моску». Человек авантюрно-хлестаковского типа. Распространял слухи, что Ежов Н. И. состоит в близких отношениях с его женой и что поэтому ему, Кобелеву, обеспечено покровительство. На почве его крайнего легкомыслия и распущенности имел большое количество конфликтов и инцидентов. В «Правде» пользовался поддержкой члена редколлегии Никитина А. Е.

Записано с моих слов верно, мною прочитано в чем и расписуюсь.

(М. Кольцов)

Допросил: Ст. следов. Следчасти ГУГБ Лейт. гос. без.

(Кузьминов)

Надо ли повторять, что страшная фраза: «Записано с моих слов верно, мною прочитано, в чем и расписуюсь» появлялась в протоколах как результат так называемых незаконных методов следствия, а попросту говоря — после избиений и пыток. Причем кольцовские характеристики упоминаемых в материалах «Дела» людей, несомненно, подвергались соответственному «редактированию» следователями в сторону очернения, всяческого подчеркивания отрицательного или унизительного.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОЛЬЦОВА-ФРИДЛЯНДА Михаила Ефимовича

от 16–17 июня 1939 года 1898 года рождения, уроженец г.

Киева, сын кустаря-кожевника, бывший член ВКП(б) с 1918 по 1938 год, до ареста Член редакционной коллегии газеты «Правда».

Вопрос: На прошлом допросе вы признались в том, что с 1932 года являлись агентом немецкой и французской разведок и вели шпионскую работу на территории СССР. Однако, при этом вы скрыли ряд фактов и обстоятельств своей заговорщической работы.

Намерены ли вы дать исчерпывающие и правдивые показания о всех своих изменнических делах и связях?

Ответ: Признаю, что я действительно скрыл свои связи с рядом участников антисоветской организаций, существовавшей в Наркоминделе, о чем намерен дать следствию подробные и правдивые показания.

Вопрос: Прежде чем ответить на вопрос о существе вражеской работы этой организации, скажите, какое отношение вы лично имели к Наркоминделу?

Ответ: По роду своей журналистской деятельности в «Правде» мне приходилось часто общаться с руководящими работниками Наркоминдела. Я был близок с наркоминдельцами: УМАНСКИМ, ГНЕДИНЫМ, МИРОНОВЫМ и ШТЕЙНОМ. Кроме того, будучи в Испании я и там имел непосредственный стык с работниками Наркоминдела, представлявшими Советский Союз: РОЗЕНБЕРГОМ, МАРЧЕНКО и ФЕДЕР.

Вопрос: Откуда все же вам известно о существовании зоговорщической организации в Наркоминделе?

Ответ: В конце 1932 года в разговоре со мной в Москве, у себя на квартире УМАНСКИЙ, с которым я был связан по шпионской работе, сказал о том, что в Наркоминделе существует группа, не связанная в прошлом с правыми и троцкистами и не опороченная подобными связями, которая, тем не менее, проникнута право-буржуазными взглядами как на международную, так и на внутреннюю политику советского правительства.

Вопрос: Таким образом, УМАНСКИЙ еще в 1932 году делился с вами своим несогласием с политикой коммунистической партии и советской власти?

Ответ: Да, еще тогда он высказывал резкое недовольство и возводил клевету на политику ЦК партии, которая — по его мнению — отличается крайней нерешительностью в сближении с буржуазными странами, а в других случаях, когда необходимо обострение, отличается чрезмерной сдержанностью.

Он говорил, что более активная международная политика, более тесные связи с буржуазными государствами, повлияют на

внутренний уклад Советского Союза, будут способствовать изменению внутриполитической обстановки и самой жизни в стране в сторону сдвигов вправо.

Вопрос: Иначе говоря, УМАНСКИЙ разделял установки правых по вопросам международной и внутренней политики?

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: Но это, надо полагать, была не только его точка зрения?

Ответ: Да, таких же взглядов придерживались руководящие работники Наркоминдела: полпред в Италии — ШТЕЙН, полпред во Франции — СУРИЦ, полпред в Англии — МАЙСКИЙ, зав. отделом печати НКИД — ГНЕДИН и зам. наркома ПОТЕМКИН.

Вопрос: Следует ли вас понимать так, что и они высказывали в вашем присутствии правые взгляды и антисоветские оценки международного и внутреннего положения в СССР?

Ответ: Да.

Вопрос: Кто именно высказывал эти взгляды, где и по какому поводу?

Ответ: В неоднократных разговорах со мной, имевших место в 1933 и 1934 годах, СУРИЦ проявлял себя особо ярым германофилом. Он говорил, что несмотря на наличие в Германии фашистского режима, с немцами, которые навели у себя в стране большой порядок, можно договориться, а связи с ними надо сохранить и упрочить.

Таким же было мнение и других членов группы — ШТЕЙНА, УМАНСКОГО, ГНЕДИНА, МИРОНОВА и ПОТЕМКИНА.

Вопрос: И ваше?

Ответ: Да. Нас объединяла общность политических взглядов, которые заключались в том, что связь с Германией нужно сохранить и укреплять, а внутренний режим в СССР изменять в сторону капиталистического развития, внедрения буржуазно-демократических форм управления, привлечения иностранных капиталов и прихода к власти правых. Таковы были наши политические взгляды.

Вопрос: Вы старый немецкий шпион, а говорите о каких-то своих политических взглядах и убеждениях. Ведь вы примкнув к заговорщикам, действовали по прямым заданиям иноразведок. Не так ли?

Ответ: Конечно, моя связь с заговорщической организацией в НКИД была целиком в интересах разведок, с которыми я установил прямое сотрудничество еще в 1932 году. Да и УМАНСКИЙ, а с ним и ГНЕДИН были связаны с немцами, что определило нашу дальнейшую антисоветскую работу, направленную на упрочение отношений за счет уступок

фашистской Германии.

Вопрос: Следствию известно о том, что вы не только разделяли антисоветские взгляды правых, но и вели практическую работу по их осуществлению. Говорите об этом?

Ответ: В антисоветской группе, существовавшей в Наркоминделе, я как бы представлял крыло печати. Точно такое же положение было у МИРОНОВА, УМАНСКОГО и ГНЕДИНА, которые непосредственно руководили отделом печати НКИД и осуществляли, таким образом, связь с иностранными корреспондентами. Они то и обрабатывали в антисоветском духе представителей иностранной печати, приезжавших в СССР.

Вопрос: А вы?

Ответ: Я это тоже делал. Наше положение облегчалось тем, что иностранные корреспонденты действовали в СССР официально и поэтому наши с ними встречи не вызывали излишних подозрений у органов власти.

Вопрос: Персонально — с кем из иностранных корреспондентов вы установили антисоветские связи?

Ответ: У нас существовало своеобразное разделение труда. Так, УМАНСКИЙ занимался преимущественно американскими корреспондентами, ГНЕДИН и МИРОНОВ — германскими, а я — французскими. Ближайшим нашим сообщником и вдохновителем являлся журналист Луи ФИШЕР.

Вопрос: Из ваших же показаний известно, что германо-американский агент Луи ФИШЕР, работая на своих хозяев, выполнял функции связиста между вами и разведками.

Скажите, поэтому, были ли связаны с ФИШЕРОМ по шпионской работе ваши сообщники — УМАНСКИЙ, ГНЕДИН и МИРОНОВ?

Ответ: Мне известно, что УМАНСКИЙ был очень близок с ФИШЕРОМ. Для меня не составлял сомнений характер их отношений, поскольку я в такой же мере, как и УМАНСКИЙ, был связан с ФИШЕРОМ, которому поставлял все требуемые им шпионские материалы о внутриполитическом положении в СССР и характеристики руководящих партийных и советских работников.

Луи ФИШЕР подчинил себе УМАНСКОГО, которому давал указания в беспрекословной форме, свысока. По указаниям Луи ФИШЕРА УМАНСКИЙ обращал внимание инокорреспондентов на «медлительность» советского правительства в деле сближения с иностранными державами, на строгость советских органов по отношению к проживающим в СССР иностранцам, на, якобы, нежелание СССР устанавливать культурные связи с заграницей. При этом, наше мнение навязывалось инкорам, как мнение

советской общественности.

МИРОНОВ, например, когда к нему являлись иностранные корреспонденты и с антисоветских позиций начинали критиковать тот или иной шаг советского правительства, — говорил: «я с вами согласен, не могу вам возражать. Дело ваше — как писать, только старайтесь писать так, чтобы не поставить меня в затруднительное положение». Точно также говорили — я КОЛЬЦОВ, УМАНСКИЙ и ГНЕДИН.

Должен сказать, что политические установки нашей группы встречали полное одобрение у РАДЕКА, который в разговоре со мной в 1936 году называл нас «энтузиастами советско-германского сближения».

В беседе со мной в 1935 году в Париже свое одобрение по поводу нашей линии на германо-советское сближение высказывал и ПОТЕМКИН Владимир Петрович, работавший тогда полпредом СССР во Франции.

Вопрос: Погодите с этим. Скажите сперва — какими обстоятельствами был вызван ваш приезд в Париж?

Ответ: В Париже в 1935 году был созван первый международный конгресс писателей, являясь руководителем делегации советских писателей на конгрессе, я столкнулся с резко-антисоветскими выступлениями председательствовавшего на конгрессе Андрэ ЖИДА, горячо поддержанного советским писателем И. ЭРЕНБУРГОМ.

Вопрос: В чем существо антисоветского выступления Андрэ ЖИДА, поддержанного ЭРЕНБУРГОМ?

Ответ: А. ЖИД и ЭРЕНБУРГ высказали резкое недовольство составом советской делегации, указав на отсутствие в ней ПАСТЕРНАКА и БАБЕЛЯ. По мнению ЖИДА и ЭРЕНБУРГА, только ПАСТЕРНАК и БАБЕЛЬ — настоящие писатели, лишь они по праву могут представлять в Париже русскую литературу. Далее Андрэ ЖИД сказал: «восхваление хорошей жизни советских писателей, происходившее на конгрессе, приводит меня к убеждению, что они являются в России сытой, привилегированной кастой, поддерживающей советский режим в своих шкурных интересах и не отражают истинного положения вещей». Одновременно Андрэ ЖИД передал через ЭРЕНБУРГА ультиматум советской делегации: или в Париж будут немедленно вызваны ПАСТЕРНАК и БАБЕЛЬ, или он — Андрэ ЖИД и его друзья покинут конгресс.

Видя такую обстановку, я решил за советом пойти к ПОТЕМКИНУ.

Вопрос: Состоялся ли у вас разговор с ПОТЕМКИНЫМ?

Ответ: Да.

Вопрос: Где?

Ответ: В здании советского полпредства.

Вопрос: Воспроизведите содержание разговора, который происходил между вами и ПОТЕМКИНЫМ?

Ответ: Добившись аудиенции, я рассказал ПОТЕМКИНУ об антисоветских выпадах и ультиматуме, который предъявили Андрэ ЖИД и ЭРЕНБУРГ. Я спросил у ПОТЕМКИНА — как быть дальше?

Вопрос: Что же вам ответил ПОТЕМКИН?

Ответ: ПОТЕМКИН вместо ответа по существу на поставленный перед ним вопрос, завел речь о том, что в Москве, мол, делаются всякого рода дела и принимаются решения, за которые затем приходиться краснеть и смущаться перед цивилизованной Европой, ему — ПОТЕМКИНУ — образованному человеку, дипломату и профессору.

Вопрос: Какие же московские решения «так смущали и заставляли краснеть» ПОТЕМКИНА? Говорил ли он об этом с Вами?

Ответ: Да, ПОТЕМКИН указал на отказ в визах многим иностранцам, на недопуск в СССР иностранной литературы, на затруднения с интуризмом и на отклонение приезда в Москву каких-то иностранных научных экспедиций.

Затем ПОТЕМКИН, как бы резюмируя свой разговор, сказал: «все, кому дорога Россия, должны препятствовать подобным „левацким“ поступкам со стороны советского правительства, хотя бы это грозило неприятностями». Он сказал, что мне — как литератору, следует группе работников НКИД помочь общими силами перебросить мост через пропасть между СССР и Европой.

Потемкин сказал далее, что эта группа на международной арене ведет свою линию, противоположную официальным установкам советского правительства. Эту линию он считает принципиально правильной и наиболее отвечающей интересам сегодняшнего дня.

Вопрос: Какую группу работников НКИД имел ввиду ПОТЕМКИН?

Ответ: ПОТЕМКИН указал, что изложенное выше является не только его личным мнением, но и мнением ЛИТВИНОВА Максима Максимовича, СУРИЦА Якова Захаровича, МАЙСКОГО Ивана Михайловича и ШТЕЙНА Бориса Ефимовича.

Не имея с ПОТЕМКИНЫМ прямого контакта по антисоветской работе, я поддержал его точку зрения, заявив, что вместе с УМАНСКИМ, МИРОНОВЫМ и ГНЕДИНЫМ давно уже веду в этом направлении соответствующую работу.

ПОТЕМКИН обрадованно заметил: «ну, вот и хорошо. Мой друг журналист Виктор КИН (женат на дочери итальянского

премьер-министра, арестован органами НКВД в 1938 году) мне не мало помог в сближении с итальянцами, а сейчас я добился его перевода к себе, в Париж».

Затем, в разговоре со мной ПОТЕМКИН принялся резко критиковать советское правительство, заявив, что вообще методы его управления страной отсталы, не культурны и не соответствуют демократической эпохе.

Вопрос: А каково было ваше отношение к этим противосоветским высказываниям ПОТЕМКИНА?

Ответ: Я целиком с ним согласился.

Вопрос: Вернемся к ультиматуму Андрэ ЖИДА, послужившего поводом к вашей встрече с ПОТЕМКИНЫМ. Какие указания дал вам ПОТЕМКИН в связи с этим ультиматумом?

Ответ: ПОТЕМКИН, охаяв состав советской делегации писателей как «пошехонцев», по предложению Андрэ ЖИДА телеграфно потребовал из Москвы приезда на конгресс писателей ПАСТЕРНАКА и БАБЕЛЯ, хотя они не входили в состав делегации.

Больше того, мне известно, что летом следующего — 1936 года, ПОТЕМКИН вместе с ЭРЕНБУРГОМ, идя навстречу А. ЖИДУ, организовал его поездку в СССР и поездку его спутников — писателей ГИЙУ, ЭРБАРА и ДАБИ, хотя для ПОТЕМКИНА их имена и антисоветское лицо были достаточно известны.

При встрече со мной, по поводу ультиматума Андре ЖИДА, ПОТЕМКИН был откровенным и не только давал враждебные оценки соответствующим действиям правительства СССР, но и не скрывал от меня конечных целей и задач, осуществления которых добивалась наша антисоветская организация.

Вопрос: Потрудитись уточнить — осуществления каких целей и задач добивалась ваша организация?

Ответ: Мы стремились добиться сдвигов вправо в международной политической и культурной жизни СССР с тем, чтобы толкать страну по пути буржуазного развития.

В этих же целях участники организации, пользуясь своим влиянием и положением в НКИД, создавали обостренную обстановку нажима вокруг СССР, соответствующую нашим целям и намерениям, чтобы заставить советское правительство пойти на уступки капиталистическим государствам в интересах мирного с ними сосуществования.

Вопрос: Таковы были обще-политические установки заговорщиков — наркоминдельцев. А в чем заключалась практическая сторона их предательской работы?

Ответ: В разговоре со мной в том же 1935 году, касаясь практической стороны дела, ПОТЕМКИН мне сказал, что необходимо продолжать поддерживать тесные отношения с

фашистской Германией и Италией, что это — целиком в «интересах России».

Тут же он подчеркнул свои близко-дружественные отношения с МУССОЛИНИ, которого восхвалял как великого — по его словам — деятеля.

Он указывал, что ЛИТВИНОВ, МАЙСКИЙ и СУРИЦ точно такого же мнения о связях с западно-европейскими государственными деятелями, но что на этом пути они встречают противодействие со стороны ЦК ВКП(б). Тем не менее он — ПОТЕМКИН — продолжает поддерживать дружественные отношения с итальянскими фашистскими кругами через Виктора КИНА.

Вопрос: Дал ли ПОТЕМКИН вам какие либо конкретные задания?

Ответ: Дал. В заключение беседы ПОТЕМКИН выразил сожаление по поводу кратковременности моего пребывания в Париже, что мешало, по его словам, практической помощи с моей стороны наркоминделыдам, находящимся за границей.

«Впрочем, — добавил он — помогая ЛИТВИНОВУ и найдя с ним общий язык, вы восполните этот пробел».

Вопрос: Как понимать эту ссылку на ЛИТВИНОВА?

Ответ: Еще до беседы с ПОТЕМКИНЫМ, из характера отношений ЛИТВИНОВА к УМАНСКОМУ, из поддержки, которую встречала у «папаши» (ЛИТВИНОВА) наша линия во взаимоотношениях с иностранными корреспондентами, мне многое было ясно.

Вопрос: Что же вам было ясно?

Ответ: Мне было ясно, что ЛИТВИНОВ причастен к антисоветской работе, которую вели его ближайшие люди, такие как УМАНСКИЙ, ШТЕРН и МИРОНОВ.

Однако, беседа с ПОТЕМКИНЫМ окончательно пролила свет на этот вопрос, поскольку ПОТЕМКИН в форме, не оставляющей никаких сомнений, предложил мне по приезде в Москву связаться с ЛИТВИНОВЫМ.

Вопрос: Вы имели еще встречу с ПОТЕМКИНЫМ?

Ответ: Да, но после моей встречи с ЛИТВИНОВЫМ.

Вопрос: Когда и где она состоялась?

Ответ: Весной 1936 года, в Москве.

Вопрос: Остановитесь подробно на содержании ваших встреч с ЛИТВИНОВЫМ?

Ответ: При встрече с ЛИТВИНОВЫМ произошел, примерно, такой же разговор, как и с ПОТЕМКИНЫМ в Париже. Я в общих чертах передал ЛИТВИНОВУ о состоявшейся своей беседе с ПОТЕМКИНЫМ.

ЛИТВИНОВ целиком одобрил точку зрения ПОТЕМКИНА и заявил мне, что ее разделяют и поддерживают целый ряд работников Наркоминдела. В частности, он повторил те же фамилии, которые в Париже перечислял мне ПОТЕМКИН.

Вопрос: Назовите эти фамилии?

Ответ: ЛИТВИНОВ заявил, что его и ПОТЕМКИНА точку зрения поддерживают СУРИЦ, МАЙСКИЙ и ШТЕЙН. На мой вопрос — какими методами и в расчете на какие силы наркоминдельцы имеют ввиду повлиять на внутреннюю жизнь страны, ЛИТВИНОВ в свойственной ему завуалированной форме указал, что на троцкистов и бухаринцев рассчитывать больше не приходится, ибо все они — люди конченные, а связь с ними гибельна.

Однако в стране — продолжал он — имеются новые кадры недовольных и жаждущих контакта с Западной Европой интеллигентов и что вам, как журналисту, они должны быть виднее.

При этом ЛИТВИНОВ сказал, что готовящаяся новая Конституция в корне изменит обстановку политической борьбы в стране, что многое она упростит и легализует, в силу чего будет гораздо безопаснее добиваться осуществления поставленных нами целей, используя для давления на правительство парламентские формы борьбы. Наркомы и целые составы правительств будут — говорил ЛИТВИНОВ — ниспровергаться и вновь предлагаться с парламентской трибуны. С этой же трибуны мы с вами — заявил ЛИТВИНОВ — будем добиваться настоящей свободы.

Вопрос: Известно ли вам, какой точно смысл вкладывал ЛИТВИНОВ в свое понимание «настоящей» свободы?

Ответ: Мне не приходится строить на этот счет догадок, так как ЛИТВИНОВ сам расшифровал понятие этой «настоящей» свободы, заявив, что надо добиваться отмены монополии внешней торговли, восстановления концессий, отмены религиозных преследований, т. е. всего того, чего настойчиво требуют иностранные державы в качестве условия для мирного сожительства с СССР. И с этим он — ЛИТВИНОВ — целиком согласен.

Вопрос: Указывал ли вам ЛИТВИНОВ на формы и средства борьбы за эту «настоящую» свободу?

Ответ: ЛИТВИНОВ заявил, что, осмотревшись в обстановке, какая возникнет после введения Конституции, надо будет выработать и новые методы борьбы. Что касается заграницы, то тут методы остаются прежние: организовать давление буржуазных государств на СССР в сторону его поправения.

Тут же ЛИТВИНОВ сообщил, что его точка зрения поддерживается всеми участниками группы.

Вопрос: Надо полагать, что эта точка зрения не только высказывалась в кругу ваших единомышленников, но и практически проводилась вами в жизнь?

Ответ: Совершенно верно. Участники группы, используя свое служебное положение, пропагандировали свою точку зрения в закулисных переговорах с иностранными правительственными деятелями, как-то: ПОТЕМКИН в переговорах с МУССОЛИНИ в Италии и ЭРРИО во Франции, СУРИЦ — с ГИТЛЕРОМ и ГЕРИНГОМ в Германии, а ШТЕЙН, являвшийся представителем Советского Союза в Лиге Наций — в переговорах с деятелями Лиги. Я же лично подобные разговоры вел с писателями Анри МАЛЬРО, Луи ФИШЕРОМ, Жан РИШАРОМ БЛОКОМ, которым в антисоветском духе разъяснял положение в стране, клеветнически заявляя о кризисе советской интеллигенции, о, якобы, всеобщей ненависти к иностранцам, о растущей волне репрессий в СССР.

Вопрос: Вернемся к вашей связи с ПОТЕМКИНЫМ. Вы показали ранее, что после разговора с ЛИТВИНОВЫМ вы имели еще одну встречу с ПОТЕМКИНЫМ. Когда, где и при каких обстоятельствах она произошла?

Ответ: Во второй раз я встретился с ПОТЕМКИНЫМ летом 1937 года в Париже. К этому времени во Франции оказались ЛИТВИНОВ, СУРИЦ и я — КОЛЬЦОВ.

Вопрос: Чем объяснить одновременный ваш приезд в Париж?

Ответ: ЛИТВИНОВ оказался в Париже проездом, либо возвращаясь с очередной сессии Лиги Наций, либо направляясь на заседание сессии, в Женеву.

СУРИЦ приехал в Париж, чтобы принять дела от ПОТЕМКИНА, назначенного к этому времени заместителем Наркома по иностранным делам. Я же остановился в Париже, проездом в Испанию. В Париже я имел встречи как с ПОТЕМКИНЫМ, так и с ЛИТВИНОВЫМ и СУРИЦЕМ.

Вопрос: Когда вы встретились с ПОТЕМКИНЫМ?

Ответ: В июне или июле 1937 года.

Встреча с ПОТЕМКИНЫМ в этот раз носила кратковременный характер, так как он был занят сдачей дел в связи со своим переводом в Москву. Этот перевод его сильно тревожил, ибо в Москве были как раз в разгаре аресты и смещения, о которых он отзывался с явным недовольством.

В Москве, — заявил ПОТЕМКИН, — он несмотря ни на что будет продолжать начатую им работу и в этом ему окажет помощь Виктор КИН, которого он намерен взять с собой в качестве

редактора французской газеты «Журналь де Москау».

В свою очередь и СУРИЦ был недоволен своим переводом из Берлина в Париж.

Вопрос: А чем был недоволен СУРИЦ?

Ответ: СУРИЦ, сохранивший свою про-германскую ориентацию и уверенность в возможности договориться с немцами, был недоволен внезапным прекращением своей работы по установлению связей с правящими фашистскими кругами Германии.

Злобой дня текущей международной политической жизни была тогда война в Испании. СУРИЦ крайне отрицательно отнесся к помощи, которую Советский Союз начал оказывать Республиканской Испании, заявив, что из-за войны в Испании за границей опять стали говорить, что в СССР управляет не правительство, а Коминтерн.

Однако, наиболее обстоятельный разговор на тему об Испании у меня произошел летом 1937 года с ЛИТВИНОВЫМ.

Вопрос: Где?

Ответ: В здании полпредства, в кабинете у ПОТЕМКИНА.

Вопрос: Один-на один?

Ответ: Нет, при разговоре с ЛИТВИНОВЫМ присутствовал ПОТЕМКИН. Все мы были возмущены помощью, которую СССР оказывал Испании и думали о том, как бы эту помощь прекратить или затормозить, сорвав посылку в Испанию советского продовольствия, оружия и людей.

ЛИТВИНОВ, обсуждая испанские дела, представлял их в крайне скептическом свете. Он говорил: «У них там нет никаких успехов, берут в день по одному пленному, а мятежники тем временем захватывают целые города. Из-за Испании СССР утратил свои международные связи. Эта война обречена на неудачу».

Вопрос: Что же — по мысли ЛИТВИНОВА — необходимо было предпринять?

Ответ: ЛИТВИНОВ указал, что МАЙСКИЙ в соответствующем направлении ведет уже работу в комитете по невмешательству, где, вообще говоря, создалась весьма тяжелая обстановка для Республиканской Испании.

Далее, ЛИТВИНОВ мне заявил, что поскольку в Испании сейчас работает ШТЕРН Григорий Михайлович, которого он хорошо знает по Москве и Наркомату Обороны и с которым у него имеются давнишние связи, нужно чтобы я — Кольцов, передал ШТЕРНУ нашу точку зрения о необходимости скорее свернуть войну в Испании. ЛИТВИНОВ добавил: «пусть ШТЕРН добивается этого, пользуясь своим положением в Испании».

Вопрос: Вы точно помните, что именно к ШТЕРНУ адресовался ЛИТВИНОВ с поручением — сорвать борьбу против фашизма Республиканской Испании?

Ответ: Я точно помню, что ЛИТВИНОВ, говоря о необходимости прекращения войны испанского народа против фашизма, заявил, что это конкретное поручение я должен передать именно ШТЕРНУ. Больше того, по приезде в Испанию, я тотчас же передал по назначению это указание ЛИТВИНОВА.

Вопрос: То есть передали обо всем ШТЕРНУ?

Ответ: Да.

Вопрос: А как он отнесся к предложению ЛИТВИНОВА?

Ответ: ШТЕРН мне заявил, что он такого же мнения, как и ЛИТВИНОВ и что по его наблюдениям гражданская война в Испании обречена на неудачу. Далее ШТЕРН сказал, что будучи главным военным советником при республиканском правительстве, он сделает все от него зависящее, чтобы эту войну прекратить.

Вопрос: Вы оговариваете ШТЕРНА, чтобы за его спиной прикрыть свою собственную подрывную работу в Республиканской Испании?

Ответ: Я говорю так, как было в действительности и знаю, что оговор не облегчит, а напротив ухудшит мою участь, прибавив новое преступление к уже имеющимся, за которые я несу теперь ответственность. Тем не менее, я снова утверждаю, что все мои показания в отношении не только ШТЕРНА, но и других, от начала до конца правдивы и могут быть проверены следствием.

Вопрос: Ваши показания мы проверим, но предупреждаем, что за ложь и оговор вы будете отвечать особо.

А сейчас скажите, неужели ШТЕРН расчитывал собственными силами справиться с такой задачей, как срыв и прекращение войны испанского народа против фашизма?

Ответ: ШТЕРН имел не мало сторонников своей точки зрения о необходимости поскорее прекратить войну в Испании.

Вопрос: Кто — они?

Ответ: Я говорю, во-первых, о сторонниках ШТЕРНА из испанцев и, во-вторых, о его сторонниках из среды советских работников, находившихся в Испании.

Вопрос: Назовите персонально испанцев, стоявших на позициях поражения своей страны в борьбе против агрессии и фашизма?

Ответ: ШТЕРН был тесно связан с ПРИЕТО, занимавшим пост военного министра, пораженчески настроенным, правым социалистом и со сторонниками ПРИЕТО в лице РОХО,

являвшегося начальником генерального штаба, ВАЙО — генерального комиссара Республиканской армии и его заместителя — ПЕСТАНЬЯ.

Вопрос: А кто из советских работников вел пораженческую работу в Испании?

Ответ: Пораженческую работу в Испании вели: ПАВЛОВ Дмитрий Григорьевич, руководивший танковыми частями, а затем сменивший его — ГРАЧЕВ и советники по военно-политическим делам ряда испанских фронтов. НЕСТЕРЕНКО, КАЧАЛИН, БУКСИН, партийный организатор советской колонии ФЕДЕР и я — Михаил КОЛЬЦОВ.

Вопрос: Известна ли вам их дальнейшая судьба?

Ответ: ФЕДЕР до дня моего ареста находилась в Испании, а все остальные, перечисленные мною лица выехали в СССР, но в Москве я с ними больше не встречался.

Вопрос: Какие основания есть у вас заявлять, что эти лица вели пораженческую работу в Испании?

Ответ: Со всеми названными выше лицами я лично был связан по предательской работе в Испании.

Все они, в частности, приняли участие в совещании, созванном ШТЕРНОМ со специальной целью — обсудить вопрос о дальнейших мероприятиях по срыву и прекращению гражданской войны в Испании. В этом совещании кроме меня, ШТЕРНА, ПАВЛОВА, НЕСТЕРЕНКО, БУКСИНА и ФЕДЕР приняли также участие представители испанской стороны, стоявшие на позициях поражения.

Вопрос: А именно?

Ответ: В совещании приняли участие ПРИЕТО, РОХО, ВАЙО и ПЕСТАНЬЯ.

Вопрос: Где и когда происходило это совещание?

Ответ: В июле 1937 года, в здании советского полпредства, в Валенсии.

Вопрос: Какое решение было вами принято?

Ответ: Все мы пришли к единому мнению о необходимости всячески срывать военные операции под разными предлогами добиваясь и осуществляя задержку военных частей в резерв и в тылу, якобы, для накопления сил, отдыха и обучения.

Вопрос: К чему практически это привело?

Ответ: В результате предательского руководства части, находившиеся на передовых позициях, выбивались из сил и теряли свою активность, либо отступали. Начальствующий и политический состав не выезжал на фронт, оставляя части без присмотра и оперативного руководства. Советники и лица командного состава своим недостойным поведением подрывали

свой авторитет и внушали к себе недоверие, которое отражалось на настроении войск. Валенсийские работники занимались бесконечными склоками с мадридцами, а те и другие — с барселонцами.

В первый период войны в Испании работниками полпредства и советской колонии было взято за правило говорить лишь о благополучии на фронте и в тылу, отмечать все разговоры о неудачах и недостатках, замазывать все тревожные явления и, тем самым, устранять борьбу с ними. Таким образом, создавалась ложная видимость благополучия и какой-то деятельности, в темпах вовсе не соответствующих остроте момента.

Когда угроза реально возникла перед самой столицей, те же ШТЕРН, НЕСТЕРЕНКО, КАЧАЛИН, БУКСИН и ФЕДЕР, наоборот, создали версию и настроения полной безнадежности, катастрофы, бесцельности дальнейшей обороны Мадрида, необходимости стремительного отступления и немедленного отъезда из Испании. Такое отступление в начале ноября 1936 года превратилось в беспорядочное бегство, в котором некоторые советские работники, как б. полпред в Испании РОЗЕНБЕРГ (арестован), б. торгпред ВИНЦЕР (арестован) и один из военных советников — НЕСТЕРЕНКО, не без успеха соревновались с испанскими чиновниками.

Вопрос: И организовали паническое бегство из Мадрида?

Ответ: Совершенно правильно. Полпредство было оставлено в течение каких-нибудь двух часов, в его помещениях брошены ценные предметы, оружие, карты, финансовые и другие конфиденциальные документы, а также переписка с рабочими организациями. Все это могло достаться ФРАНКО в случае его вхождения в столицу.

Вопрос: Мы вас прерываем. Учтите, что следствие интересуют не ваши впечатления и даже не перечень лиц, проводивших пораженческую работу в Испании, а их персональные характеристики, конкретные факты подрывной деятельности каждого в отдельности. В соответствии с этим требованием следствия конкретизируйте ваши дальнейшие показания?

Ответ: Хорошо. Начну с ФЕДЕР, партийного организатора советской колонии. Она в разговорах как с советскими работниками, так и с испанцами, не скрывала своего неверия в возможность продолжения войны в Испании. Она же являлась инициатором склоки и интриг между советскими работниками. Будучи женой поверенного в делах МАРЧЕНКО и взяв его целиком под свое влияние, она фактически являлась хозяином во всех делах и вопросах.

Вместе со ШТЕРНОМ ФЕДЕР решала вопросы даже персонального характера, в том числе и в отношении военных работников. Она все делала так, чтобы сорвать военные операции, заглушить политическую работу в частях. В своей повседневной деятельности ФЕДЕР исходила из общей обстановки, что война в Испании кратковременна и республиканцы обречены на поражение.

ПАВЛОВ, руководивший танковыми частями, зарекомендовал себя, как разложившийся в бытовом отношении человек.

Вопрос: Вы располагаете такими фактами в отношении ПАВЛОВА?

Ответ: Располагаю. В разгар военных операций, как это было, например, в Хораме в феврале 1937 года, ПАВЛОВ вместе с испанскими командирами устроил безобразную попойку. В — результате танки, как мне позже об этом сообщил ШТЕРН, в нужный момент не оказались на участке боя, что привело к потере некоторых важных стратегических позиций.

От того же ШТЕРНА я слышал, что штаб танковых частей, руководимый ПАВЛОВЫМ, присваивал себе излишки жалования, указывая общереспубликанскому штабу преувеличенное число штатных единиц, а присвоенные суммы тратил на попойки и кутежи.

Работник Особого отдела БОЛОТИН (дальнейшая его судьба мне неизвестна) как то раз, летом 1937 года, хвалился мне «устранением» (подразумевалось убийство) испанского командира, не пришедшегося по вкусу ПАВЛОВУ.

Находившийся в Мадриде работник НКВД СЕРЕБРЯННИКОВ методами своей деятельности и личным поведением, как и ПАВЛОВ, дискредитировал себя и организации, направившие его в Испанию.

Вопрос: Чем?

Ответ: СЕРЕБРЯННИКОВ, изолировавшись от советских работников, вместе с тем, при встречах с испанцами рассказывал о невероятных полицейских приключениях, в которых он, якобы, участвовал, и о расстрелах в Мадриде, которыми он руководил. СЕРЕБРЯННИКОВ объяснял испанцам, что он «русский полицейский генерал» и разводил при этом хлестаковщину.

СЕРЕБРЯННИКОВ участвовал в кутежах, устраиваемых местными руководителями полиции, содержал штат из нескольких испанцев и испанок, которым, однако, не выплачивал зарплаты. Весной 1937 года СЕРЕБРЯННИКОВ уехал из Мадрида, оставив за собой целый хвост жалоб и неоплаченных работников.

Вопрос: Где сейчас находится СЕРЕБРЯННИКОВ?

Ответ: СЕРЕБРЯННИКОВ работает в Москве, в органах НКВД,

но после Испании я с ним не встречался.

Вопрос: А что вам известно о НЕСТЕРЕНКО?

Ответ: Будучи назначен в испанскую армию для помощи в организации политической работы, он насаждал в военном комиссариате бюрократизм и канцелярщину, участвовал в беспринципной борьбе между испанцами внутри комиссариата, на что не имел никакого права. В результате внутренних склок с участием НЕСТЕРЕНКО и полного бездействия главного комиссара ВАЙО, работа комиссариата была из рук вон плохой. Комиссариат, в частности, никогда не имел представления о состоянии и политических настроениях в армии.

Летом 1937 года НЕСТЕРЕНКО сменил новый руководящий политический работник — КАЧЕЛИН. Сразу же КАЧЕЛИН вместе со своим помощником БУКСИНЫМ стал разъезжать по Испании, устраивая в пунктах сосредоточения советских работников партийные собрания, на которых выступал с провокационными докладами.

Вопрос: С какими провокационными докладами?

Ответ: КАЧЕЛИН во всех подробностях описывал происходящие в СССР аресты, особенно в военном ведомстве, перечисляя при этом фамилии арестованных, указывая на то, что будут посажены в тюрьму все, кто так или иначе был с ними связан. Так как почти любой из советских военных работников, находившихся в Испании, имел то или иное касательство по службе к перечисленным КАЧЕЛИНЫМ арестованным, то в результате его провокационных докладов у советских работников создалось подавленное настроение, сводившееся к мыслям и разговорам о том, что по приезде в СССР каждый из них может быть подвергнут аресту только за то, что был знаком или служил под началом ныне разоблаченных врагов народа.

На собраниях присутствовали, обычно, иностранцы — участники интернациональных бригад, через которых рассказы КАЧЕЛИНА просачивались и во враждебные СССР каналы.

В отношениях с низовыми строевыми работниками КАЧЕЛИН держался грубо и запугивающе, кричал на них, топал ногами и даже раненым угрожал, что наложит на них взыскания или отберет партийные билеты. КАЧЕЛИН развалил партийно-политическую работу в республиканской армии.

Руководящие военные работники и правительство после эвакуации из Валенсии в Барселону, произошедшей осенью 1937 года, вовсе оторвались от фронта и почти от всей республиканской территории. Зато в Барселоне в значительно большей степени развился бюрократизм, саботаж, невнимание к нуждам армии, взаимные интриги между партиями и

беспринципная борьба за власть. Центральную роль в этом сыграли военный министр ПРИЕТО и ШТЕРН.

Вопрос: Какими фактами в отношении этих лиц вы располагаете?

Ответ: ПРИЕТО, не стесняясь, при мне неоднократно предсказывал неудачный исход войны. По словам ШТЕРНА, он и ему как-то сказал: «я уже вижу себя в эмиграции, делающим доклад о причинах неудачи гражданской войны в Испании».

ШТЕРН, несмотря на откровенно-пораженческие настроения ПРИЕТО, очень высоко расценивал его способности, указывал, что работать с ПРИЕТО гораздо лучше и удобнее, чем с кем нибудь другим.

Вопрос: В своих показаниях вы отводите себе «скромную» роль стороннего наблюдателя пораженческой работы в Испании. Что это не так, — неопровержимо установлено следствием.

Вы, вот расскажите о себе, о своей лично изменнической деятельности в республиканской Испании?

Ответ: Я принимал активное участие во вражеской работе в Испании, занимался разлагающей деятельностью как среди испанских, так и среди советских работников и развивал среди них скептическое отношение к исходу войны.

В разговорах с испанцами и советскими работниками я неоднократно подчеркивал неизбежность поражения и бесцельность дальнейшего сопротивления наступающему противнику. Подобную же оценку положения я давал приехавшим в Испанию в июле 1937 г. делегатам 2-го международного конгресса писателей.

Вопрос: Вы выступали на конгрессе?

Ответ: Да, на конгрессе я выступал с пессимистической речью, не соответствующей требованиям момента.

В склоках и борьбе между мадридцами и валенсийскими работниками я способствовал расшатыванию дисциплины. Когда низовые работники критиковали руководство в лице ШТЕРНА, я ему доносил тотчас же об этой критике, в результате чего лица, осмелившиеся критиковать ШТЕРНА, подвергались откомандированию из Испании.

Вопрос: Приведите фамилии лиц, откомандированных из Испании за критику с их стороны военного руководства?

Ответ: ШТЕРН, будучи мною информирован о критике по его адресу со стороны ЛОПАТИНА, ЮШКЕВИЧА и ПЕТРОВА — военных советников, работавших в Валенсии, немедленно откомандировал их из Испании.

В феврале 1937 года на митинге в Мадриде я выступал я речью, восхвалявшей правительство Ларго КАБАЛЬЕРО, хотя это

правительство вело работу вредную для хода борьбы республиканцев. В беседах с испанцами я особо поддерживал авторитет ВАЙО и РОХО, хотя деятельность их шла во вред успехам республиканской армии.

Встречаясь с испанской интеллигенцией, я в провокационных целях указывал на необходимость полного уничтожения церквей и священников, хотя это озлобляло население и без того находившееся в состоянии политического напряжения.

Вопрос: Но ведь вы вели прямую шпионскую работу и будучи в Испании?

Ответ: Да. Будучи по шпионской работе связан с Луи ФИШЕРОМ, находившимся в Испании, я передавал через него немецкой разведке секретные сведения о размерах советской помощи испанцам, о количестве и качестве советского вооружения, а также о состоянии и оперативных планах республиканской армии, о чем я уже подробно показывал на первом допросе.

Вопрос: Когда вы вернулись из Испании?

Ответ: В декабре 1937 года.

Вопрос: По возвращении в Москву, кого вы информировали о своей вражеской работе в Испании?

Ответ: Я информировал об этом ЛИТВИНОВА.

Вопрос: Когда и где?

Ответ: В последних числах 1937 года я встретился с ЛИТВИНОВЫМ в Наркоминделе и подробно рассказал ему о положении в Испании и о практических мерах, которые предприняты ШТЕРНОМ к прекращению войны с ФРАНКО.

ЛИТВИНОВ, однако, остался недоволен результатами нашей пораженческой работы в Испании, так как война все еще продолжалась, что с его слов по прежнему вызывало нарекания и протесты французского и английского правительств, которым он — ЛИТВИНОВ — уже давно обещал прекратить сопротивление республиканцев и советское «вмешательство».

Вопрос: Этим вы далеко не ограничились в своих антисоветских связях и делах. Требуем правдивых показаний.

Ответ: Должен добавить, что в мае 1938 года я имел также встречу с приехавшим на несколько дней в Москву Луи ФИШЕРОМ.

ФИШЕР потребовал от меня принять меры к обострению взаимоотношений СССР с Францией, подчеркнув, что таково поручение немцев.

Вопрос: Вы выполнили это поручение немецкой разведки?

Ответ: После разговора с ФИШЕРОМ я написал статью, имевшую цель обострить франко-советские отношения. Поводом

для статьи я избрал выступление во французской прессе генерала БРЕМОНА.

Статья была передана мною для опубликования редакции газеты «Красная Звезда», но там по каким-то причинам не была напечатана.

Летом 1938 года я снова имел встречу с ЛИТВИНОВЫМ в присутствии МАЙСКОГО и СУРИЦА.

Поводом для беседы в этот раз были аресты, происходившие среди дипломатических работников, разоблаченных как враги народа. СУРИЦ заявил, что французы опасаются теперь вступать с ним в откровенные разговоры, так как полагают, что его со дня на день могут арестовать. На этом закончилась наша беседа, происходившая в кабинете ЛИТВИНОВА в Наркоминделе.

Вопрос: Вы еще встречались с ЛИТВИНОВЫМ?

Ответ: Да, в начале ноября 1938 года я еще раз имел встречу с ЛИТВИНОВЫМ в НКИД. Он опять был крайне удручен, твердил об изоляции Советского Союза на международной арене, о неизбежности войны не долее как в ближайшие два года, с тревогой говорил о новых арестах.

ЛИТВИНОВ, между прочим, спросил меня: предпринимается ли что-либо в «Правде», когда редакция получает письма о неправильных арестах или незаконном увольнении работников?

Я ответил, что такие материалы направляются, обычно, в НКВД или Прокуратуру. Тут же я заметил, что в «Правде» есть люди, которые придерживаются нашей точки зрения по вопросу об арестах, а также солидарны с нашими установками в области международной политики.

Вопрос: Кого из работников «Правды» вы имели при этом в виду?

Ответ: Я имел в виду работников «Правды» НИКИТИНА, ДАВИДЮКА и ЛЕВИНА, о которых сообщил ЛИТВИНОВУ, что они настроены отрицательно к карательной политике советской власти и могут быть нам полезны. ЛИТВИНОВ на это заявил, что вообще говоря, помощь «Правды» для него очень важна, так как кроме «Журнала де Москау» его группа в НКИД не имеет никакой точки опоры и что по этому вопросу он намерен подробно поговорить со мной при следующей встрече.

Вопрос: И вам удалось договориться по этому вопросу?

Ответ: Нет, больше я ЛИТВИНОВА не видел, — так как 13 декабря 1938 года меня арестовали.

Вопрос: Вы все еще скрываете ряд своих шпионских связей и свою предательскую работу в органах советской печати. Учтите, что при следующем вызове по этим вопросам вы будете подробно допрошены.

(Допрос прерывается).
Записано с моих слов верно и мною прочитано
М. КОЛЬЦОВ.
ДОПРОСИЛИ: Пом. Нач. Следственной Части НКВД СССР
Капитан государствен, безопасности
(ШВАРЦМАН)
Следователь Следственной Части НКВД СССР
Лейтенант государствен, безопасности
(КУЗЬМИНОВ)

СОСТАВ СКАМЬИ ПОДСУДИМЫХ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ

Итак, следствие «сформировало» две троцкистские, шпионские, антисоветские группы — одну — из руководящих сотрудников газеты «Правда», вторую — известных представителей культуры, но среди них нет ни одного государственного деятеля. В листке из «Дела» Кольцова, с фамилиями, явно продиктованными ему следователем, есть запись «Второй НКИД». Теперь становится понятно, что это такое. «Второй НКИД» — это Литвинов, Потемкин, Суриц, Уманский, Майский, Штейн — то есть сам нарком и наиболее видные послы в европейских странах. Но перечисленных выше людей надо как-то связать с Кольцовым. Хотя он и знаком с ними, этого недостаточно. И конечно, следствие находит такие связи. В первую очередь из архива своего ведомства поднимается дело бывшего заместителя заведующего отделом печати НКИД Миронова Бориса Мироновича, — уже арестованного и расстрелянного «врага народа». Миронову по его рабочим обязанностям часто приходилось общаться с Карлом Радеком и Михаилом Кольцовым, которые получали у него информацию для международных обзоров, публикуемых в газетах. Ну, а как работник НКИД, Миронов, естественно, был связан с Литвиновым. Не имело значения, что Миронов уже мертв и не может дать показаний. Он уже был причислен к «врагам народа», а «связь с врагом народа» как раз то, что нужно следствию. Выстраивается еще одна цепочка: Радек — Миронов — Кольцов — Литвинов.

Но нужен еще какой-нибудь человек, работник НКИД, который смог бы «закрепить» эту цепочку своими показаниями. И такого человека «изобретательные» следователи, конечно, находят без труда…

В 1869 году в маленьком городке Березино Минской губернии в небогатой еврейской семье Гельфандов родился мальчик, которого назвали Исроэль. Как и многие другие дети, он поступил в гимназию, которую довольно неплохо окончил в 1885 году. После окончания гимназии он из-за своей национальности не мог продолжить образование в России. Его отец каким-то образом достал деньги и отправил своего отпрыска учиться в Швейцарию. Окончив Базельский университет и получив степень доктора философии, Исроэль Гельфанд перебрался в Германию, где примкнул клевой социал-демократии. Одновременно он

увлекся журналистикой, причем, небезуспешно. Свои статьи он подписывает псевдонимом — Александр Парвус, это имя с того времени заменяет его настоящее. Его друзьями становятся многие русские марксисты, один из них Лев Троцкий. Роза Люксембург называет Парвуса — «Слон с головой Сократа». За участие в революционном движении Парвуса высылают из Германии, и он едет в Россию. Он принимает участие в революции 1905 года. Его арестовывают и отправляют в ссылку в Сибирь, откуда он немедленно бежит и снова оказывается в Германии. Парвус, видимо, прекрасно понял, что революционная деятельность не принесет ему много дивидендов. И он решает заняться коммерцией, для чего использует свои старые революционные связи. Он становится коммерческим агентом Горького и первым делом присваивает себе гонорар, причитающийся писателю за издание его книг. Возмущенный Горький требует вернуть деньги, но Парвус исчезает вместе с ними. Используя деньги писателя как начальный капитал, Парвус занимается поставками оружия, продовольствия, амуниции в армии многих стран и на этом колоссально наживается. Начинается Первая мировая война. И тут Парвус разворачивается вовсю. Ему удается склонить сотрудников германского МИДа на выделение крупной суммы для организации им, Парвусом, революции в России. Причем он обещает, что эта революция произойдет в начале 1916 года. Само собой разумеется, большая часть этих денег осела в карманах Парвуса, но какая-то сумма попала и большевикам. В России происходит Февральская революция, но война продолжается. Как ни странно, Парвусу еще раз удалось убедить германский МИД выдать ему деньги, на этот раз для организации проезда Ленина со товарищами через Германию в Россию. Ему выделили на это около 5 миллионов марок. На этот раз вложение германского МИДа оправдало себя — происходит Октябрьский переворот, а затем по настоянию Ленина был подписан сепаратный Брестский мир с Германией. Правда, ее это не спасло от последовавшей через год капитуляции.

После установления в России советской власти Александр Парвус попытался вернуться на родину, но Владимир Ильич, то ли опасаясь разоблачений Парвуса по поводу германских денег, то ли из-за своего негативного отношения к нему, въезд в Советскую Россию коммерсанту запретил. Надо отметить, что когда практически «выпихнутый» в вынужденную эмиграцию Горький обосновался на острове Капри, Парвус небольшими суммами начал возвращать свой долг писателю. В конце жизни Парвус поселяется в Германии, где он, видимо, как «хобби», занимается журналистикой и даже создает институт по изучению

мировой войны. Умер он в конце 1924 года, оставив после себя тайну исчезновения весьма любопытных архивов и большей части огромного состояния, а также кучу детей от законных браков и многочисленных внебрачных связей. Вскоре после смерти Парвуса в Берлин приехал его сын от первой жены Евгений Александрович Гельфанд-Гнедин, сотрудник Наркоминдела. А вслед за ним в столице Германии появились и другие многочисленные отпрыски любвеобильного Александра Парвуса. Начался длительный судебный процесс. Результатом этого судебного разбирательства было выделение 100 тысяч марок Гнедину, который передал деньги советскому постпредству, то есть государству. А по тем временам это была довольно солидная сумма. Однако передача денег не спасла Гнедина от ареста в мае 1939 года. Гнедину, в отличие от Кольцова, Бабеля и Мейерхольда выпала более счастливая судьба — он не был расстрелян, но провел долгих 16 лет в сталинских лагерях. В 60-х годах Гнедин начал печататься в «Самиздате» с разоблачениями культа личности. А в середине 70-х издал в Голландии книгу своих мемуаров «Катастрофа и второе рождение».

Вот этого самого Евгения Александровича Гнедина следователи «пристегнули» к затеваемому процессу. Он был очень удобной фигурой — заведующий отделом печати НКИД, хорошо знавший «врага народа» Миронова, довольно близкий сотрудник Литвинова и вдобавок хороший знакомый Кольцова. Ну и, конечно, довольно сомнительное, с точки зрения советской власти, происхождение. Теперь оставалось только заставить Гнедина признаться в шпионской деятельности, естественно, под руководством Литвинова. И начались допросы, о которых Гнедин рассказывает в своей книге.

«Берия и Кобулов посадили меня на стул, сами сели по обе стороны и били меня кулаками по голове, устроили игру в „качели“. Били жутко — наотмашь, требовали, чтобы я дал показания против Литвинова… Я терял сознание, но меня продолжали истязать. Выплевывая кровь из разбитого рта, приходя в себя, продолжал твердить:

— Максим Максимович Литвинов — честнейший человек, верный сын народа и Коммунистической партии…»

Видимо, так оно и было, как пишет Гнедин. Хотя есть одно «но»… Не хочется сомневаться в человеке, прошедшем «круги ада» в кровавых недрах НКВД, но правда есть правда. Из «Дела» Гнедина не видно, что его допрашивали лично Берия и Кобулов. Для них Гнедин был не тем «уровнем». Для подобных дел у Берии имелся обширный контингент заплечных дел мастеров. Возможно, Евгений Александрович чуть-чуть приукрасил свой

рассказ для большей убедительности в расчете на западного читателя, которому фамилия Берии могла быть известна. Впрочем, это не так уж важно в сравнении с тем, что пришлось испытать Гнедину.

Вскоре, как почти все, Гнедин был сломлен и дал показания.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

ГНЕДИНА-ГЕЛЬФАНД Е.А. быв. зав. отделом печати НКИД от 15–16.V.39 г.

…Позднее я узнал о принадлежности к нашей антисоветской организации М. КОЛЬЦОВА.

Вопрос: Когда и от кого?

Ответ: По непосредственной связи с ним. Впервые о принадлежности КОЛЬЦОВА к антисоветской организации я понял во время одного из его проездов через Берлин в 1936–37 г.г. Неожиданно для меня КОЛЬЦОВ проявил откровенное сожаление и беспокойство по поводу происходящих арестов заговорщиков, но открылся мне КОЛЬЦОВ, как участник антисоветской организации только в Москве, сначала вскользь во время одной из встреч, а затем уже прямо 7 ноября 1938 года на приеме в НКИД.

Во время разговора к концу приема КОЛЬЦОВ сказал мне, что он в курсе моей антисоветской работы под руководством ЛИТВИНОВА и знает от ЛИТВИНОВА об угрожающей мне неприятности, в связи с возможным вскрытием моей антисоветской работы заграницей. КОЛЬЦОВ говорил мне также о своей антисоветской связи с ЛИТВИНОВЫМ.

Теперь остается только «закрепить» достигнутый «успех». И доблестные следователи-садисты проводят «очную ставку» между Гнединым и Кольцовым.

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

между арестованными КОЛЬЦОВЫМ Михаилом Ефимовичем и ГНЕДИНЫМ Евгением Александровичем.

От 29 августа 1939 г.

После взаимного опознания друг друга, арестованные заявили, что личных счетов между ними нет и на поставленные вопросы показали:

Вопрос КОЛЬЦОВУ: Вы подтверждаете ранее данные Вами

показания о своей изменнической работе?

Ответ: Да, подтверждаю.

Вопрос ГНЕДИНУ: А вы?

Ответ: Да, подтверждаю.

Вопрос КОЛЬЦОВУ: Что вам известно об антисоветской работе ГНЕДИНА?

Ответ: Мне известно, что ГНЕДИН находился в дружеских отношениях с РАДЕКОМ и как-то РАДЕК мне указал на ряд людей, которых он назвал «энтузиастами германо-советского сближения» и рекомендовал мне помочь этим людям. Эти люди, сказал он, знают, что несмотря на различие политического строя, считают, что интересы СССР и Германии во многом совпадают.

РАДЕК, я, УМАНСКИЙ, МИРОНОВ и ГНЕДИН при встрече говорили о необходимости сближения этих стран и при этом подвергалось критике решение советского правительства в этой области. При этих разговорах присутствовал и ГНЕДИН, точно я не могу вспомнить этих разговоров, но о том, что разговор, направленный к критике внешней политики советской власти был. Это было примерно в начале 1933 года, тогда к этому вопросу мы возвращались неоднократно.

Разговор происходил в различной обстановке: в редакции и, кажется, один раз на квартире УМАНСКОГО.

Вопрос ГНЕДИНУ: Верно ли показывает КОЛЬЦОВ?

Ответ: Нет не верно, я думаю, что он ошибается.

Вопрос ГНЕДИНУ: А вы лично имели антисоветскую беседу с КОЛЬЦОВЫМ?

Ответ: Антисоветской беседы с КОЛЬЦОВЫМ не имел, но я должен показать о беседе в конце 1938 г. на очередном большом приеме в Наркоминделе, КОЛЬЦОВ дал мне понять, что он находится в близких отношениях с ЛИТВИНОВЫМ и вообще он выражал сожаление по поводу предстоящей мне неприятности, квалифицируя слова КОЛЬЦОВА, я тогда обнаружил его причастность к антисоветской организации. Я обратил внимание на этот разговор. Кроме этого, в Берлине, при встрече с КОЛЬЦОВЫМ, когда он проезжал в Испанию он высказывал огорчение по поводу начавшихся арестов. Речь шла о разоблачении врагов народа. Таким образом у меня с КОЛЬЦОВЫМ было два разговора: один разговор в Берлине, во время которого он высказывал огорчение по поводу разоблачения врагов народа, хотя он не уточнил мне, что происходит. Второй разговор, это на банкете.

Вопрос КОЛЬЦОВУ: Имело ли место у вас такие разговоры, о которых показывает ГНЕДИН, как в Берлине, так и на приеме 7 ноября 1938 года?

Ответ: Разговор в Берлине, возможно и был, но в деталях я его не помню. Я тогда выражал свое огорчение по поводу того, что среди советских работников и среди военных были обнаружены враги народа, произведены массовые аресты, о чем я узнал, во время приезда своего. О чем идет речь, во второй части показаний ГНЕДИНА я просто не знаю мне не были известны неприятности, которые угрожали ГНЕДИНУ, я не знаю просто о каких неприятностях идет речь.

Вопрос ГНЕДИНУ: Вы может быть более подробно расскажите о своем разговоре с КОЛЬЦОВЫМ 7 ноября 1938 года на банкете в Наркоминделе?

Ответ: Осенью 1938 года я был причислен на одном из партийных собраний к числу лиц, в отношении, которых не была проведена разоблачительная работа. Я думаю, что КОЛЬЦОВ имел в виду именно это обстоятельство, тогда он мне сказал, что он знает какие у меня трудности и неприятности по партийной линии.

Заявление КОЛЬЦОВА.

О неприятностях, которые грозили ГНЕДИНУ в то время я слышу сейчас от него в первый раз, в частности о том, что он был причислен к числу лиц, в отношении которых не была проведена разоблачительная работа.

Я действительно, не задолго до этого был у ЛИТВИНОВА и сказал об этом ГНЕДИНУ, но я не слышал о неприятностях, угрожающих ГНЕДИНУ.

Оба арестованных заявили, что вопросов друг к другу они не имеют.

Протокол очной ставки застенографирован с наших слов, нами прочитан.

КОЛЬЦОВ

ГНЕДИН

Очную ставку провели:

Пом. нач. следчасти НКВД

Ст. лейтенант гос. Безопасности

(ПИНЗУР)

Ст. следователь следчасти НКВД Ст. лейтенант гос. безопасности (РАДЧЕНКО)

Следователь следчасти НКВД Лейтенант гос. безопасности (КУЗЬМИНОВ)

Да, вопросов друг к другу Гнедин и Кольцов не имели. А какие могли быть вопросы у двух подвергнутых жестоким истязаниям, сломленных людей. Наверняка, им перед очной ставкой следователями даны были четкие «наставления», о чем и

о ком надо говорить. Можно себе представить, как эти двое людей, друживших до ареста, потупя в пол глаза, стараясь не смотреть друг на друга, тусклыми голосами отвечали на «вопросы».

Теперь у следствия появляется возможность для разоблачения еще одной «преступной» группы — «Второго НКИД», «шпионов» и «предателей», окопавшихся в одном из важнейших министерств государства. Это в первую очередь Литвинов, а также послы — Потемкин, Суриц, Штейн, Уманский, Майский — люди, поддерживавшие взгляды Литвинова на международную политику СССР.

Почему кандидатом на участие в процессе в качестве главного подсудимого стал Максим Литвинов? А вот почему. Назначенный на пост наркома иностранных дел в 1930 году, с 1933 года — момента прихода к власти Гитлера — настойчиво проводил линию на сближение с западными демократиями для совместного отпора германской агрессии. Сталин внешне как будто бы поддерживал эту политику. Советский Союз даже вступил в Лигу Наций. Но Гитлер по духу был гораздо ближе Вождю, чем англо-французские демократические лидеры. Одновременно с переговорами о возможности союза с Францией и Англией официальной антигитлеровской пропагандой, развернутой на страницах советских газет и журналов, как оказалось, проходили тайные переговоры и контакты с представителями Германии. Об этом свидетельствует тот же Гнедин, работавший в середине 30-х годов в советском посольстве в Берлине. В 1933 году секретные контакты с представителями гитлеровской верхушки осуществлял вездесущий Карл Радек, затем эту деятельность продолжил советский торгпред Канделаки. Он в разные годы встречался и имел продолжительные беседы с Шахтом и наци номер два Германом Герингом. В своей книге Вальтер Кривицкий, бывший агент НКВД, сбежавший на Запад, приводит одно весьма любопытное откровение Радека: «Только дураки могут вообразить, что мы когда-нибудь порвем с Германией. То, что я пишу, — это одно, в действительности дело обстоит совсем иначе. Никто не может дать нам того, что нам дает Германия. Для нас порвать с Германией просто невозможно». И Радек прав: в первые годы советской власти, после заключения Рапалльского договора, из Германии в Россию поступала весьма значительная техническая и экономическая помощь, которая играла не последнюю роль в строительстве советской индустрии. Евгений Гнедин в своей книге писал: «Я вспоминаю, как мы, дипломатические работники посольства в Берлине, были несколько озадачены, когда,

проезжая через Берлин, Элиа — заместитель наркома внешней торговли, в силу старых связей имевший доступ к Сталину, дал понять, что „наверху“ оценивают гитлеризм „по-иному“, — иначе, чем в прессе и чем работники посольства СССР в Берлине». Тайные контакты проходили помимо НКИД, и Литвинова о них не информировали. Он продолжал участвовать во всевозможных переговорах о союзе с Францией и Англией, принимал в Москве посланников этих стран. Дело со скрипом, но продвигалось. Видимо, у Сталина еще не сложилось твердого мнения: с одной стороны, он боялся Гитлера, а с другой — ненавидел демократию. Как всегда, Хозяин не торопился принимать решение — на кого ему ориентироваться — на Гитлера или на англо-французский союз. Наконец он решился.

В ночь с 3 на 4 мая 1939 года около здания НКИД на Кузнецком мосту, почти напротив НКВД, были выставлены пикеты из сотрудников Берии. А утром 4 мая в кабинет Литвинова пришли Маленков, Берия и Молотов. Они объявили Максиму Максимовичу, что он отстранен от работы. Отставка Литвинова вызвала переполох в правительственных кругах многих стран. Там поняли, что готовится крутой поворот во внешней политике СССР. В Германии отставка еврея Литвинова и приход на его пост Молотова получили положительную оценку. Молотов, ненавидевший Литвинова, много лет спустя говорил о нем: «Он, конечно, дипломат неплохой, хороший. Но духовно стоял на другой позиции, довольно оппортунистической, очень сочувствовал Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, и, конечно, он не мог пользоваться нашим полным доверием.

…Литвинов был совершенно враждебным к нам. Мы перехватили запись его беседы с американским корреспондентом, явным разведчиком… Корреспондент этот написал о своей беседе с Литвиновым, конечно, не так, как было фактически… Мы получили полную запись беседы — известным путем… Он говорил… „Только внешнее вмешательство может изменить положение в стране…“ Он заслуживал высшую меру наказания со стороны пролетариата. Любую меру».

А вот характеристики, данные Молотовым Уманскому и Сурицу.

«…Поставили этого Уманского — он, конечно, такой, несерьезный. Другого не было.

…Суриц его (Литвинова) приятель был. Он менее самостоятельный, по-моему, из бывших меньшевиков…»

Примечательно и мнение Андрея Громыко, преемника Литвинова на посту посла СССР в США. Громыко отзывается о Литвинове весьма негативно, но, сам того не замечая,

подчеркивает, что Максим Максимович был человеком принципиальным, не меняющим своего мнения даже в опасной ситуации.

«Во время пребывания Молотова с визитом в Вашингтоне в июне 1942 года мое внимание привлек разговор Литвинова с Молотовым… Речь зашла тогда и об оценке политики Англии и Франции накануне Второй мировой войны… Молотов высказался об этой политике резко, заявив, что фактически эти две страны подталкивали Гитлера на развязывание войны против Советского Союза. Иначе говоря, он высказал мнение, которого придерживалось ЦК партии и Советское правительство, о чем неоднократно заявлялось на весь мир.

Литвинов выразил несогласие с такой квалификацией политики Англии и Франции…

Я удивился тому упорству, с которым Литвинов в разговоре пытался выгораживать позицию Англии и Франции…

Я не сомневался, что по возвращении в Москву Молотов доложит Сталину об этом диспуте в автомашине».

Да, Литвинов был человеком мужественным и принципиальным. Вот что рассказывал мне мой дед, находившийся в дружеских отношениях с Литвиновым.

«…Сталин Литвинова недолюбливал, как недолюбливал всех тех, кто имел собственное мнение и руководствовался в своей деятельности здравым смыслом, а не раболепным послушанием Хозяину. Со своей стороны Максиму Максимовичу претило холуйское пресмыкательство перед „мудрым и любимым Вождем“. Как-то, после возвращения Кольцова из Испании, мы были в гостях у Максима Максимовича. Литвинов с интересом слушал рассказы брата о войне в Испании, а потом речь зашла о пресловутых политических процессах той поры. И я припомнил, как небезызвестный Мехлис, придававший большое значение мнению Лиона Фейхтвангера об этих процессах, узнав, что известный немецкий писатель усомнился в искренности признаний подсудимых „врагов народа“, помолчав, вскипел и рявкнул:

— Сомневается в их искренности? А пошел он к… матери!

Максим Максимович расхохотался.

— Что ж. Для таких, как Мехлис, — это главный и неопровержимый довод, как гласит латинское выражение — „ультима рацио“.

В это время радио передавало из Большого театра трансляцию какого-то собрания, на котором присутствовал Сталин. Зачитывалось какое-то традиционное ему приветствие со стандартными фразами типа: „Дорогой товарищ Сталин! Шлем

тебе, нашему гениальному, мудрому и любимому Вождю и Учителю…“

Литвинова буквально передернуло.

— А зачем посылать, — с раздражением вырвалось у него, — ведь он сидит тут же. Все это слушает. Византийское раболепие! Но, видимо, ему это по вкусу».

Вскоре, выступая на пленуме ЦК партии с довольно большим докладом, Литвинов вызвал явное неудовольствие Сталина. Вождь, взяв слово сразу после Литвинова, подверг его выступление очень резкой критике. Литвинов понял, что он стоит перед своего рода Рубиконом. И он решился на совершенно неожиданный для всех и в том числе для Сталина прямой вопрос:

— Так что же, товарищ Сталин, вы считаете меня врагом народа?

Сталин помолчал и медленно ответил:

— Врагом народа не считаем. Папашу считаем честным революционером. («Папаша» — подпольная партийная кличка старого большевика Литвинова.)

Но такой, казалось, положительный отзыв Сталина еще ничего не значил. Во внутренней тюрьме НКВД продолжались допросы и копились «улики» о «шпионской, изменнической деятельности» Литвинова. Но пока никого из намеченных будущих «шпионов, троцкистов и предателей» не трогали. Сталин, как всегда, не торопился. Он был уверен, что никто от него не уйдет. Он умел ждать.

КОЛЬЦОВ В ИСПАНИИ

Еще одно обвинение, предъявленное Кольцову — это его деятельность в Испании, особая страница в биографии журналиста. О событиях в Испании Кольцов написал свое единственное крупное произведение — «Испанский дневник», которое, по известным причинам, ему не было суждено довести до конца…

18 июля 1936 года по испанскому радио прозвучали слова: «Над всей Испанией безоблачное небо…» — условный сигнал к началу путча, который возглавил генерал Франсиско Франко. По иронии судьбы именно после этого радиосигнала небо Испании более чем на три года заволокли свинцовые тучи кровопролитной гражданской войны. После свержения с престола и бегства из страны в начале 1931 года короля Альфонса XIII в Испании была провозглашена республика. Началось становление демократического государства. В феврале 1936 года к власти в стране пришел блок, называвшийся Народный фронт и объединявший в своих рядах анархистов, социалистов, коммунистов и еще несколько партий левого уклона. Против этого левого правительства Франко и поднял свой мятеж.

Сталин, как известно, далеко не был сторонником демократии, поэтому не спешил поддержать республиканское правительство Испании. При этом, однако, дал указание руководству Коминтерна на вербовку и отправку в Испанию добровольцев из числа иностранных коммунистов, нашедших убежище в СССР.

Надо сказать, что к Испании у Михаила Кольцова было особое отношение. Он побывал в этой стране вскоре после падения монархии. Он видел своими глазами становление нового республиканского строя. И о том, что тогда происходило в этой стране, он написал книгу «Испанская весна». Надо ли говорить, как его заинтересовали и взволновали события, о которых возвестил радиосигнал «Над всей Испанией безоблачное небо». И так случилось, что через несколько дней в ЦК ВКП(б) из редакции «Правды» было отправлено письмо с просьбой утвердить командировку в Испанию специальным корреспондентом газеты товарища Михаила Кольцова. Последняя строчка этого письма гласила: «Согласие товарища Сталина имеется».

Эти четыре слова предвещали «звездный час» Кольцова и одновременно его безвременную гибель.

А как отражена испанская эпопея Кольцова в его «Деле»? Мне думается, что следователи немало поломали себе голову, каким

образом связать деятельность Кольцова в Испании с его «антисоветскими преступлениями». И трудно представить себе что-нибудь более бессмысленное и нелепое, чем то, что родилось в их перенапряженных мозгах: они обвинили Кольцова в… трусости и пораженчестве.

6 августа 1936 года Михаил Кольцов вылетел из Москвы в Испанию. Вот несколько записей из «Испанского дневника». Первая из них от 8 августа.

«Самолет коснулся земли, чуть подпрыгнул и покатился по зеленому кочковатому лугу. Навстречу бежали и приветственно размахивали руками люди. Тяжелый густой зной опалил глаза, стиснул горло».

Итак, Кольцов в Барселоне. Буквально с первых страниц книги Кольцов вводит в свое повествование персонаж по имени Мигель Мартинес. Для чего он это сделал? Дело в том, что по инициативе Англии и Франции был создан Комитет по невмешательству в испанские дела, в который вступил также и Советский Союз. С этим невмешательством приходилось считаться. Поэтому все, что не мог написать Кольцов, как журналист из Советского Союза, он приписывал своему второму я — Мигелю Мартинесу. (Между прочим, вначале Кольцов хотел дать своему «двойнику» фамилию Анильо, что по-испански означает «кольцо». Но это было бы слишком прямолинейно и он предпочел более простое и распространенное — Мартинес). Еще цитата из «Испанского дневника»:

«Здесь же был Мигель Мартинес, небольшого роста человек, мексиканский коммунист, прибывший, как и я, вчера в Барселону.

…Вот как Мигель Мартинес перебрался сюда из Франции.

Документы его были не в порядке, надо было долго ждать визы и рейсового самолета. Он попросил помощи у Андре. Тот принял его вечером у себя, вблизи бульвара Сен-Жермен. Тесная писательская квартирка была полна народу. Во всех трех комнатах дожидались и группами шепотом беседовали люди. Андре увел на кухню, там еще было свободно.

— Вы можете через час уехать в Х?..

— Могу.

— Будьте там завтра в одиннадцать утра, за столиком кафе Мирабо. Это большое кафе, его вам всякий укажет. К вам подойдут.

Мигель поехал. Поутру он был в Х. С ручным чемоданчиком отправился с вокзала в кафе. Ждать пришлось долго, — начало казаться, что поездка сделана зря. Во втором часу дня у столика вдруг появился сам Андре. Он не извинился.

…— Что случилось? Я не лечу?

— Пять пилотов должны были сегодня перегнать в Барселону семь машин. Они были мне рекомендованы, они получили деньги. Трое подошли ко мне два часа назад на аэродроме и сказали, что не будут перегонять машины. Они были даже остроумны: сказали, что получение денег для них было само по себе таким сильным ощущением, что они не хотят более сильных. Французы в таких случаях всегда остроумны. Эти были особенно остроумны, потому что знали, что я не могу заявить в полицию. Они даже спросили, не намерен ли я заявить в полицию. Это было наименее остроумным, но им показалось наиболее остроумным.

— Могло быть хуже, — сказал Мигель. — Для сволочей они еще очень приличные люди. Они могли взять деньги, отвезти самолеты вместо Барселоны к Франко и там получить деньги еще раз.

— Вы философ. Но эта перспектива еще не исключена. Остаются два пилота. Они берутся перегнать сегодня до ночи три машины. Они могут сделать с машинами, что им заблагорассудится. Впрочем, эти двое как будто приличные ребята. Один даже не взял еще денег. Он даже не говорит о них. Во всяком случае, это комбинация не для вас, Мигель. Вам лучше потерять неделю, чем обнять Франко вместо Хосе Диаса. И более того, там могут расстрелять, не дав обняться даже с Франко.

— Неделя? Это невозможно, — сказал Мигель. — За неделю в Испании все может кончиться. Я полечу. Я попробую полететь.

— Пробовать здесь нечего. Пробовать будет пилот. Это безрассудно, Мигель. Это совершенно безрассудно. Я обещал вам и не могу отказать, но чувствую, как это безрассудно. Мне это особенно ясно, потому что я полечу со вторым пилотом. Платите скорее за вермут. Молодчики из „Боевых крестов“ знают о наших делах, да и те трое пилотов несомненно держат с ними связь. За мной следят с утра. Нельзя терять ни секунды.

На аэродроме в Х. все имело непринужденный и небрежный вид. Полицейский дремал с газетой в руках на скамеечке перед контрольно-пропускным пунктом. Механики ругались в баре. Рейсовые самолеты приземлялись и отлетали. Авиетка гуляла над полем. Андре беспечно разгуливал у ангаров, заговаривая с рабочими.

Мигель издали следовал за ним. Чемоданчик стеснял и выдавал его, он хотел уже бросить его в уборной, но боялся потерять Андре. Так они подошли к большой двухмоторной машине, винты ее уже тихо вращались. Андре начал болтать с молодым парнем, лежавшим на траве, и вдруг, не выпуская сигареты изо рта, нервозно сказал Мигелю:

— Чего же вы ждете?

Мигель мгновенно вскарабкался в кабину. Там было два человека. Девушка в белом резиновом плаще, загорелая, с букетом цветов, сидела на длинных цилиндрических бомбах. Старик с седой головой, с аккуратным пробором посередине примостился в переднем стеклянном „фонаре“.

Парень встал с травы и, не прощаясь с Андре, влез на пилотское место. На нем не было ни шлема, ни шляпы, ни перчаток. Андре кликнул рабочего. Тот вынул колодки из-под колес. Сразу, крутым косым виражем, чуть не толкнув авиетку, машина пошла на высоту. Одно мгновение виден был Андре. Он стоял расставив ноги, руки в карманах, с сигаретой в зубах, как дирижер мюзик-холла на генеральной репетиции.

Погода была ясная, жаркая, самолет болтало; люди в нем делали вид, что не замечают друг друга. Пилот со спины имел задумчивый, мечтающий вид. Мигель искал ориентиры. Местность была незнакомая, но хорошо памятная по географии. Он пробовал найти Рону, город-замок Каркассонн, первые цепи Пиренеев, Перпиньян. Но гор не было.

Мигель окончательно потерял ориентировку. Перед пилотом не было никакой карты, вид у него был мало внушающий доверие.

Мигель тихонько переложил пистолет из заднего кармана брюк в карман пиджака. Девушка не обратила внимания, старик неподвижно сидел, ногами над стеклом.

Мигель стоял теперь за спиной у пилота. Тот чуть-чуть оглянулся на него и продолжал почти дремать, кончики пальцев на штурвале. Тот ли это из двух, который не просил денег? Это было трудно понять по его плечам, по черным, блестящим, чуть лысеющим волосам, по синеве бритой молодой шеи, по маленькому уху. Полет длился уже два часа без семи минут. Море давно должно быть видно!

Мигель решил приставить пистолет к затылку пилота и одновременно сказать ему: „Налево!“ Драки не будет, руки можно успеть схватить, да после пули в затылок руками много не наработаешь. Мигель сел бы тогда за штурвал, он немного умел вести самолет, только боялся грохнуть эту тяжелую машину на посадке, да еще с бомбами.

А что, если у парня нет худого на уме? У него такое детское розовое ухо и весь очерк лица юношеский, открытый. Два часа десять минут полета. Может быть, он просто плутал, ему могут быть самому незнакомы эти места.

Мигель спросил:

— Мы прибываем? — и постучал пальцем по браслету часов.

Пилот двинул плечом и ничего не ответил.

Еще десять минут. Горы. Мигель дал себе восемь, нет, пусть еще десять минут. Они окончились. Старик смотрел вперед, не оглядываясь, девушка изучала свой белый плащ. Горы… Горячие пальцы в кармане прилипли к пистолету. Но почему-то он сначала положил левую руку пилоту на плечо. Тот никак не реагировал. И через целую вечность, а может быть, это было несколько секунд, сказал:

— Я сделал крюк через горы, здесь свежее. Андре просил менять каждый раз маршрут, чтобы не встречаться с рейсовыми самолетами. Среди них есть германские. Сейчас покажется Барселона…

Сейчас мы с ним пили вермут в баре военного аэродрома. Его зовут Абель Гидез. Он старше, чем кажется, — двадцать восемь лет. Это тот, который еще не разговаривал о деньгах. Вчера они вдвоем с другим пилотом успели вернуться в Х. и опять вернутся сегодня на двух машинах. Он военный летчик запаса, сейчас гражданский пилот, безработный. Интересны его глаза — детские, ясные и при этом выпукло-пристальные, как у птицы.

Самые выпуклые глаза — у Андре. Его огромные белки в сумерках почти освещают тонкое овальное лицо и придают ему оттенок бессонницы, неуспокоенности, ночного бдения. Странно было бы видеть Андре с закрытыми глазами; вообще спящий — это не он».

Андре — это тот самый Андре Мальро, по сценарию, состряпанному в НКВД, главный французский шпион. В момент, описанный Кольцовым, он занимался закупкой самолетов и наймом пилотов для помощи республиканской армии.

С первых же дней прибывания в Испании Кольцов почти ежедневно пишет корреспонденции в Москву. Он в гуще всех происходящих событий. Мигель Мартинес в самых опасных местах.

«Вдоль улочки шла стрельба. Перебежками мы с Хименесом пробрались вперед. С колокольни кто-то, видимо наш, швырялся фанатами через крыши. Вопли. Это орут фашисты — их леденящий душу крик очень влияет на наших бойцов… Бой продолжался около часа…

…Мигель Мартинес лежал вместе с другими в цепи, растянувшейся по обе стороны шоссе Мадрид — Лиссабон, несравненно ближе к Мадриду, чем к Лиссабону. Часть дружинников была при старых испанских ружьях, у командира колонны был хороший короткий винчестер, а у Мигеля — только пистолет. Сзади них дымила двумя большими пожарами красивая Талавера де ла Рейна. Мигель смотрел в бинокль, стараясь разглядеть живого марокканца.

— Зачем вам бинокль? — спросил майор. — Ведь у вас очки. Четыре стекла в бинокле, и два очка, и два глаза — это вместе восемь глаз. Сколько мавров вы видите?

— Ни одного. Я перестаю верить, что они существуют. Я уеду из Испании, не повидав мавров.

…Пули попискивали над ними очень часто. Цепь лежала неспокойно, число бойцов все время таяло. Они уходили то пить воду, то оправиться, то просто без объяснения причин. И не возвращались. Майор относился к этому философски, он только старался вслух регистрировать каждый уход:

— Эй, ты, задница, ты забыл ружье, возьми на себя хотя бы труд отнести его в тыл! Тебя не уполномочивали передавать мятежникам государственное имущество!

Или:

— Шевели ногами поскорей, а то тебя и в Талавере нагонят! Лупи прямо в Мадрид, выпей в Вальекас хорошего вермута в мою память!

Или:

— Что же вы меня оставляете одного занимать иностранного товарища? Ведь мы соскучимся здесь вдвоем!

Или:

— Подождите еще час, нам привезут обед, и тогда мы улепетнем вместе!

Мигель кипел от огорчения и злости. Он упрекал майора:

— Вы держитесь с ними провокационно и презрительно. Так не поступает лояльный офицер. Ведь это неопытный народ, а вовсе не трусы. Вы думаете, что, если мы с вами спокойно лежим, а не удираем, нам прощаются все грехи? Если вы командир, вы обязаны во что бы то ни стало удержать свою часть на месте, хотя бы расстреляв десяток трусов. Или, если это невозможно, то организованно отступить, в полном порядке и без дезертиров.

Огонь со стороны фашистов усилился. Дружинники отвечали частой, оторопелой стрельбой. Майор тоже приложился и выстрелил, не прицеливаясь. Он сказал:

— Вы подходите с неправильными мерками. Здесь не Европа, не Америка, не Россия, даже не Азия. Здесь Африка. А я сам кто такой?! Я болел два года кровавым поносом в Марокко — вот весь мой боевой стаж. У меня общность идей с солдатами — хорошо. Может быть, даже общность интересов. Но я их вижу в первый раз, пусть они даже самые отличные ребята. Мы не верим друг другу. Я, командир, боюсь, что они разбегутся. Они, солдаты, боятся, что я их заведу в ловушку.

Мигель не мог успокоиться:

— Давайте соберем эти семьсот человек, повернем на юг и

ударим вверх, перпендикулярно шоссе. Противник отскочит. Ведь совершенно же ясно, что он продвигается небольшими силами!

Майор отрицательно мотал головой и растирал небритые волосы на щеках.

— Я уже пробовал это третьего дня, спасибо! Меня хотели расстрелять за ввод народной милиции в окружение противника. Какой-то парень из ваших же, коммунистов, Листа или Листер, еле спас меня. Они часто нестерпимы, эти испанские коммунисты, эти ваши родственники. Они всех всему учат и у всех всему учатся. Не война и не революция, а какая-то сиротская школа — не понимаю, какое вам всем это доставляет удовольствие! Но, честно говоря, если уж записываться в какую-нибудь партию, то или в „Испанскую фалангу“, или к вам. Не знаю, выйдут ли из нас, офицеров, коммунисты, но из коммунистов офицеры выйдут. Они твердолицые. В Испании можно добиться чего-нибудь, только имея твердое лицо. На месте правительства я для этой войны отдавал бы вместо командирского училища на три месяца в Коммунистическую партию.

Взрыв раздался позади них, и облако черного дыма медленно всплыло у самого края шоссе.

— Семьдесят пять миллиметров, — торжественно сказал майор. — Это здесь пушка-колоссаль. Теперь наши кролики побегут все. А вот и авиация. Теперь все в порядке, как вчера.

Три самолета появились с запада, они шли линейно над дорогой, не бомбя. Цепь поднялась и с криками кинулась бежать во весь рост.

— А тьерра! Абахо! — заорал Мигель, размахивая пистолетом. — Кто придумал эту идиотскую цепь?! Ведь даже в Парагвае теперь так не воюют!

Небритый майор посмотрел на него недоброжелательно.

— Вы все учите, всех учите. Вы все знаете. Вы себя чувствуете на осенних маневрах 1936 года. А знаете ли вы, что у испанцев нет опыта даже русско-японской, даже англо-бурской войны? Мы смотрим на все это глазами 1897 года. Признайтесь, господин комиссар, неприятно и вам лежать под „юнкерсами“? Ведь такого у вас не было, э?

— Это неверно, — сказал задетый Мигель. — Я бывал под воздушной бомбардировкой, правда, не под такой. Один раз я был даже под дирижаблем, в германскую войну, я был тогда подростком.

„Юнкерсы“, вытянувшись в кильватер, бросили на шоссе по одной бомбе».

А вот Михаил Кольцов участвует в штурме Алькасара в Толедо.

«…Один из наших высунулся вверх, сел на стену домика и машет вниз флагом, призывает. Ах, идиот! Ведь этим он обнаруживает нас!

Не знаю, заметили ли флаг внизу, в монастыре. Но сверху заметили. Стреляют в нас, прямо в кучу. Ведь крыши-то нет!

Крики, стоны, вот уже двое убито.

Это получился просто загон на бойне. Стреляют из винтовок, но через полминуты сюда направят пулемет. Вопли, давка, и мало кто решается выпрыгнуть из мышеловки. Один упал ничком на землю, на горящие, тлеющие доски, и выставил вверх зад — пусть уж лучше попадет в зад. Многие подражают ему.

Вдруг что-то ударило по ушам и по глазам. Я упал навзничь на людей, — куда ж больше падать? На меня тоже упали. И что-то невыразимо страшное, отвратительное, мокрое шлепнуло по лицу. Кровь застлала глаза, весь мир, солнце.

Но это чужая кровь на стеклах очков. В левом углу каменного загона копошится куча мертвого и живого человеческого мяса».

Теперь вместо Кольцова вступает в дело Мигель Мартинес.

«…Мигель Мартинес, озверев от обиды, вытащив пистолет из-за пояса, останавливает солдат, просит, умоляет, он тоже тычет, как пальцем, дулом пистолета в их или собственную свою грудь, он ругается плохими ругательствами своей страны. Но нет, вся группа катится по склону, обратно вниз и еще вниз, еще обратно.

…Мигель Мартинес провел весь день со взводом танков. Взвод перебрасывали с места на место девять раз, посылали каждый раз туда, где трещали и рвались республиканские линии.

Встреча всюду была трогательно-радостная, пехотинцы бросали вверх шапки, аплодировали, обнимались, даже садились на танки, когда они шли вперед, в атаку. Но, едва прибывал связной моторист, вызывая на другой участок, настроение сменялось на гробовое и отчаянное. С опущенными головами, волоча винтовки по земле, дружинники брели назад, в тыл, к Мадриду.

Танкисты с утра были оживлены, потом устали, обозлились, стали молчаливы. Который день без отдыха, по четыре часа сна! Они все-таки выходили еще и еще, десятки раз, на холмы, стреляли безостановочно, разгоняли скопления пехоты противника. Накалились стволы пушек, механизмы пулеметов. Не было воды для питья. Огонь противника их огорчал мало. Пули барабанили, как крупный дождь по железной крыше. Опасно было только прямое попадание крупнокалиберных снарядов. И все-таки

танки шли, прорываясь вперед сквозь артиллерийскую завесу, они шли на орудия и заставляли их умолкать.

Они только спрашивали:

— Кроме нас, дерется ли кто-нибудь еще?

Мигель уверял:

— Конечно! Постепенно! Все в свое время! Еще не наладилось взаимодействие. Приучаются.

Танкисты улыбались. Они ничего не говорили на это. Им очень хотелось спать. Они похудели и как-то перепачкались, как трубочисты. Все время им хотелось холодной воды и немного поспать.

…Разрывы снарядов приближались, одно облако черного дыма поднялось совсем близко, метров за сорок. Симон на своей машине выехал вперед, он стал на пригорке, танкам нельзя стоять вот так на пригорке. Танкам вообще нельзя стоять в бою.

Мигель не видел, он только слышал два следующих разрыва. Они были очень громкие. Ему показалось, что это перелет.

— Перелет! — глупо закричал он.

Это не был перелет. Это было прямое попадание в головной танк Симона. Другой снаряд взорвался перед самым танком Педро.

Мигель выскочил из машины и побежал к танку Симона. Это тоже было глупо. Другие тоже сделали это, всем хотелось к Симону.

— Назад! — крикнул водитель головного танка. Мотор у него работал. Он резко рванул вперед, развернул кругом и отошел в сторону. Конечно, он был прав. Через несколько секунд на том самом месте, где перед этим стоял танк, разорвался второй снаряд.

Четыре танка пошли вперед, на батарею, отомстить за Симона. Он свесился, как надрезанная кукла, над бортом башни. Остальные двое были невредимы, но оба совершенно багровые от его крови».

Думается, этих примеров достаточно, чтобы судить о «трусости» Мигеля Мартинеса — Кольцова. Но Кольцов не был бы Кольцовым, если бы ограничился только журналистской деятельностью и даже непосредственным участием в боевых действиях. За короткое время он становится влиятельным и авторитетным политическим советником испанского руководства. К его мнению прислушиваются и члены испанского правительства, и военачальники, и политические комиссары, и командиры Интербригад. С ним советуются и советские военные специалисты, появившиеся в Испании. Их приезд связан с тем, что

Сталин наконец-то принял решение: его план был довольно прост — постепенно провести в правительство коммунистов, настроенных просталински, а все остальные партии — анархистов, троцкистов и т. д. подавить. Вождь рассчитывал после победы над Франко сделать из Испании сателлита СССР. Ведь географическое положение этой страны уникально — можно установить контроль над Средиземным морем и Гибралтаром. В качестве первого шага Сталин посылает испанским коммунистам приветствие.

«Товарищу Хосе Диас.

Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества.

Братский привет! И. Сталин».

Вскоре после этой телеграммы в Испании появляются советские добровольцы — командиры, танкисты, летчики, моряки. Вместе с военными специалистами приезжает, конечно, большая группа «специалистов» из НКВД, посланных в Испанию для слежки за советскими специалистами (можно не сомневаться, что «под колпаком» у них был и Кольцов) и для проведения «специальных акций» против анархистов, троцкистов и других нежелательных Сталину лиц. Из Советского Союза пароходами, под флагами других государств и по документам, сработанным в НКВД (не надо забывать о невмешательстве), доставляются танки, самолеты, оружие.

Со многими военными Кольцов был знаком, с другими подружился в Испании. Остались воспоминания некоторых военачальников.

Будущий адмирал Николай Герасимович Кузнецов:

«Знакомство с писателями — это прежде всего знакомство с их трудами, по которым мы о них судим. Если бы летом 1936 года меня спросили, знаю ли я Михаила Кольцова, то, не задумываясь, я ответил бы: „Как же, я не пропускаю ни одной его статьи в „Правде““.

Тогда, занимаясь плановой боевой подготовкой, я, командир корабля на Черном море, и в мыслях не имел, что через каких-нибудь две недели окажусь в Мадриде и сведу знакомство с Михаилом Ефимовичем Кольцовым. Но вышло именно так.

…Наше посольство занимало верхние этажи отеля. Часть номеров была приспособлена под кабинеты… Вот здесь и произошла моя первая встреча с М. Е. Кольцовым. В небольшой столовой на пятом этаже собрались работники посольства.

Прибыли и наши товарищи, приехавшие в Испанию еще раньше посла. Уже „старыми“ испанцами выглядели М. Кольцов и Р. Кармен. Один в кожаной куртке, другой в модном тогда моно (комбинезоне), они были в центре внимания. Пожалуй, никто другой не знал так подробно действительного положения на фронтах, настроения в городе и всех мероприятий правительства. Они только что вернулись из Толедо и наблюдали, как республиканцы безуспешно атаковали Алькасар, в котором окопались фашисты. А это ведь совсем рядом с Мадридом. Противник наступал на Талаверу.

М. Кольцов делился своими впечатлениями. „Вывод один — говорил он, — энтузиазма и героизма хоть отбавляй, но умения и порядка мало. Нет уверенности, что фашисты через неделю-две не подойдут к Мадриду“.

Разговор перекидывается на положение в самом Мадриде. Кольцов, как представитель „Правды“, был принят президентом Асанья, был у Хираля, тогдашнего премьер-министра, посетил И. Прието. Он всем дает меткие характеристики. Асанья и Хираль безусловно республиканцы и не любят фашизма, но практически к руководству страной в такой ответственный момент мало приспособлены. Ларго Кабальеро и Индалесио Прието готовятся занять ответственные посты в новом правительстве, которое скоро будет сформировано на смену слабому руководству Хираля. Более тесно Кольцов связан с руководителями компартии. Он уже давно знаком с Д. Ибаррури и Х. Диасом. О них он говорит с восхищением, но добавляет, что влияние компартии еще недостаточное.

Сидя на конце стола, я внимательно слушал и только жалел, что ни слова не было сказано о республиканском флоте, с которым мне предстояло работать. В конце беседы я подошел к Кольцову. Он спрашивал, что нового у нас на родине, а я просил совета, как наладить связи с испанскими товарищами…

Еще несколько раз я встречался с Кольцовым в Мадриде, но вскоре наши пути разошлись. Я отправился в Картахену, затем в поход с флотом в Кантабрику и, наконец, всерьез и надолго осел в базе флота Картахене.

М. Е. Кольцов непрерывно в разъездах, он постоянно там, где обостряется положение: то на фронте под Мадридом, то около Сарагосы, когда анархисты грозятся отвоевать этот город. Кольцов в Аликанте, когда туда прибывает наш пароход „Нева“! Вместе с Р. Карменом он летит через территорию Франко на север и там, в Хихоне и Бильбао, изучает положение в Басконии, оказывает помощь, информирует оттуда советских людей.

Он был удивлен, узнав, что в Хихоне и Бильбао мне довелось

быть немного раньше него, когда в конце сентября республиканская эскадра доставила немного оружия астурийцам в надежде, что им удастся захватить Овиедо с его оружейным заводом. В характере журналистов быть везде первыми, и, пожалуй, это никому так не удавалось, как Кольцову в первые дни борьбы в Испании. Поэтому он и допросил меня с пристрастием, как это случилось, что моряки поспели туда, в северные провинции, раньше вездесущих корреспондентов с кинооператорами.

В октябре 1936 года я последний раз был в Мадриде. Наше посольство перебралось в более удобный отель „Палас“. Заходил туда и Кольцов. Я рассказал ему о Картахене, об испанских моряках, пригласил посетить главную базу флота. Его это привлекало. Ведь там уже разгружались наши танки, ожидались первые самолеты, и много добровольцев — летчиков и танкистов — поступали именно через Картахену.

Но к морякам он не собрался. Картахена была относительным тылом, а он едва поспевал побывать в более „горячих“ местах борющейся Испании.

…Последняя встреча с М. Е. Кольцовым произошла у меня в самом конце марта 1937 года в Барселоне… На следующий вечер в Барселону прибыл М. Е. Кольцов. Он только что совершил утомительное путешествие на машинах и на лошадях, но, немного передохнув, снова был „в строю“. Вот тут мы и отвели душу. Сначала речь зашла о северных провинциях Испании — Астурии и Басконии, куда, кажется, и направлялся вторично Кольцов.

Тут он узнал, что мне первому из советских граждан удалось побывать в Хихоне и под Овиедо. Нашли и общих знакомых. Теперь там мятежники готовили серьезное наступление. Исключительная трагедия вскоре разыгралась в этих провинциях. Через несколько месяцев, в октябре 1937 года, пал последний бастион героической Астурии — город Хихон. Михаил Ефимович с любовью отзывался о горняках Астурии и о суровом народе — басках. Вспоминали и о том, как особняком жил тогда Сантандер. Бывшая летняя резиденция короля в лучшем случае держала нейтралитет в этой борьбе. Там, в этом городе, скопилась в сентябре-октябре 1936 года масса богатой публики, которая случайно застряла там в дни мятежа: был летний сезон. И, как это ни странно, многие свободно покидали город, отправлялись в Англию или Францию, а кое-кто, говорят, и прямо в Бургос — к Франко.

„Ну, а как вы добирались туда?“ — спросил я Кольцова. Сообщение было давно прервано. Он рассказал, как вместе с

Р. Карменом они летели на большой высоте, стараясь обходить крупные населенные пункты. Этим путем я летел в сентябре 1936 года из Сантандера в Мадрид.

Через два-три дня Кольцов должен был выехать на станцию Сервера во Франции, а мне предстояло по железной дороге вернуться в Валенсию и затем в Картахену. Михаил Ефимович, помнится, сравнивал Барселону первых дней мятежа с нынешней. Стало больше порядка, нет прежнего скопища машин с анархистскими черно-красными флагами и крайне левыми лозунгами: „Умрем или победим“. Однако Барселона оставалась центром анархизма.

…Мы с Кольцовым вспомнили, как летом 1933 года его брат Борис Ефимович совершил поход на крейсере „Красный Кавказ“ в Стамбул, Пирей и Неаполь. Я был тогда старшим помощником командира корабля и, судя по тому, как вспоминал потом сам Б. Ефимов в журнале „Москва“, доставлял много неприятностей „штатским“ товарищам. Тогда я не знал, что Б. Е. Ефимов и М. Е. Кольцов — братья, хотя скидки, видимо, все равно не было бы, тем более не думал не гадал о возможных последующих встречах.

Довольно поздно мы простились в тот вечер и, хотя оба несколько дней еще были в Барселоне, больше не виделись. В августе я выехал в командировку в Москву и больше в Испанию не вернулся. Вместо запада я отправился на восток — на Тихоокеанский флот. Но короткие встречи с М. Е. Кольцовым остались для меня памятными».

Генерал-лейтенант Ветров (танкист):

«Тринадцатое октября 1937 года. Полдень. Танки сосредоточились на холмистой местности в тридцати километрах юго-восточнее Сарагосы…

Неподалеку от нас молодой, симпатичный командир канадского батальона американский коммунист Роберт Томпсон, не отрывая от глаз бинокля, разговаривает с советским журналистом Михаилом Кольцовым. Кольцов кивает и, заметив меня, берет американца за локоть. Они подходят.

— Товарищ Томпсон просит рассказать ему о наших быстроходных колесно-гусеничных танках, помогите, пожалуйста, — говорит журналист.

Я очень сжато изложил тактико-техническую характеристику высокоманевренного орудийно-пулеметного танка БТ-5. Кольцов стремительно переводил, и, когда я закончил, Томпсон кивком поблагодарил. Он направился к своим, а Кольцов, пристроившись в нише окопа, открыл блокнот и что-то быстро начал писать».

Алексей Эйснер, адъютант генерала Лукача (Мате Залка — венгерский писатель, погибший в Испании):

«В романе Хемингуэя „По ком звонит колокол“ есть разговор между американским антифашистом Робертом Джорданом и покровительствующим ему советским журналистом с нелепой фамилией Карков. „Из всего, что здесь происходит, — говорит Карков, — должна родиться книга, объясняющая многие вещи, которые надо знать.

Может быть, я ее напишу. Надеюсь, что именно я ее напишу“. — „Не вижу никого, кто мог бы сделать это лучше“, — отвечает молодой американец. „Без лести, — останавливает его Карков. — Я всего только журналист. Но, как всякий журналист, мечтаю заняться литературой…“»

Каждый, кто в 1936–1937 годах побывал в Испании и кому довелось прочитать «По ком звонит колокол», без труда узнал в Каркове написанный с уважением и симпатией портрет Михаила Кольцова. И уж, конечно, без исключения все, читавшие «Испанский дневник», согласятся с тем, что это и очень нужная книга, «объясняющая многие вещи, которые надо знать», и одновременно — настоящая, большая литература.

…Кольцова прислала «Правда», он должен был отвечать за точность каждого слова — можно себе представить, как ему приходилось трудиться. По тем страницам «Испанского дневника», на которых Кольцов говорит лишь от своего корреспондентского имени, видно, что он по горло завален работой. Но ведь, сверх всего прочего, он еще перевоплощался в Мигеля Мартинеса. И в этом своем качестве он то лежит в цепи под Талаверой, то участвует в штурме Алькасара, то, заодно с Листером и Марией Тересой Леон, словом и делом прекращает панику и останавливает бегущих, потом для верности ночует среди бойцов прямо в поле, проснувшись, видит себя оставленным, долго бродит по ничьей земле и лишь чудом ускользает от разъезда марокканцев. Он присутствует на совещаниях в ЦК партии, регулярно посещает передний край, совместно с Людвигом Ренном вычисляет мощность артиллерийского огня неприятеля, инструктирует политработников, знакомится с волонтерами Интербригад, ежевечерне участвует в заседаниях генерального политкомиссариата, поздно ночью встречает на окольной дороге первую роту танков, прибывшую на защиту Мадрида, посещает раненых, допрашивает пленных, под обстрелом доставляет на фронт боеприпасы, пишет популярные брошюры по тактике пехотного боя или по противовоздушной обороне, а кроме того,

еще постоянно забегает в редакцию «Мундо Обреро», где «узнает новости и немного помогает делать газету…»

Еще один отрывок — из воспоминаний маршала К. А. Мерецкова.

«Мадрид встретил нас сумерками и потушенными огнями. В городе рвались бомбы. Немецкие „юнкерсы“ совершали свой очередной и безнаказанный налет. По улицам в минуты затишья перебегали люди. Один из них указал нам дорогу в советское посольство и вырвал из рук Б. М. Симонова сигаретку. Выяснилось, что народные милиционеры могут подумать, будто мы сигнализируем фашистским самолетам.

То, что прохожий назвал зданием посольства, оказалось гостиницей. Но жили в ней действительно советские граждане. Нас встретил корреспондент „Правды“ известный журналист Михаил Кольцов. Мы бросились к нему с вопросами, однако в ответ услышали:

— Положение в двух словах не обрисуешь, оно довольно сложное. Не хотите ли поесть?

Впервые за последние дни мы поужинали как следует, а тем временем сами рассказывали Кольцову о новостях на Родине. Затем опять заговорил Кольцов:

— Что вы, собственно, знаете о происходящем здесь?

Выявилось, что то, что мы знали, устарело.

— Ну, тогда я не буду рассказывать, только запутаю вас. Разберетесь сами постепенно, а сейчас скорее действуйте как военные. Тут находятся наши советники Берзин, Воронов и Иванов. Иванов пошел в Главштаб Республики. Большая часть его сотрудников только что перебежала к Франко. Берзин и Воронов скоро придут сюда.

Так мы стали вживаться в испанскую действительность. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия, служба с Блюхером, мучившая меня полгода сильная ангина, совещания в Москве, проводы за границу, Польша, Германия, Франция — все подернулось какой-то дымкой и отошло во вчерашний день. Коричневый хлебец и апельсины на скрипучем столе, усмешка Кольцова, уличный мрак да отдаленные разрывы — вот окружающая нас реальность».

О своих встречах и о роли Кольцова в испанских событиях рассказывали многие участники войны в этой стране. Одни из самых интересных воспоминаний оставил Илья Эренбург, находившийся в Испании как корреспондент газеты «Известий».

«Трудно себе представить первый год испанской войны без

М. Е. Кольцова. Для испанцев он был не только знаменитым журналистом, но и политическим советником. В своей книге „Испанский дневник“ Михаил Ефимович туманно упоминает о работе вымышленного мексиканца Мигеля Мартинеса, который обладал большей свободой действий, нежели советский журналист.

Маленький, подвижный, смелый, умный до того, что ум становился для него обузой, Кольцов быстро разбирался в сложной обстановке, видел все прорехи и никогда не тешил себя иллюзиями. Познакомился я с ним еще в 1918 году в киевском „ХЛАМе“[13], потом встречал его в Москве, работал с ним над подготовкой Парижского конгресса писателей, но по-настоящему разглядел и понял его позднее — в Испании.

Михаил Ефимович остался в моей памяти не только блистательным журналистом, умницей, шутником, но и концентратом различных добродетелей и душевного ущерба тридцатых годов.

„…Ума холодных наблюдений и сердца горестных замет“, — писал Пушкин. Сто лет спустя эти слова казались нам злободневными. Кольцов в беседах со мной часто высказывал оценки вдоволь еретичные: ему, например, нравился Таиров, он хорошо отзывался о книгах многих западных писателей, высмеивал наших критиков: „Любят порядок и почитают Домострой, хотя толком не знают, что это“. Вместе с тем он пуще врагов боялся инакомыслящих друзей. В нем был постоянный разлад между общественным сознанием и собственной совестью.

…Он никого не старался погубить и плохо говорил только о погибших: такое было время. Ко мне он относился дружески, но слегка презрительно, любил с глазу на глаз поговорить по душам, пооткровенничать, но, когда шла речь о порядке дня двух конгрессов, не приглашал меня на совещания. Однажды он мне признался: „Вы редчайшая разновидность нашей фауны — не стреляный воробей“. (В общем, он был прав — стреляным я стал позднее.)

…История советской журналистики не знает более громкого имени, и слава его была заслуженной. Но, возведя публицистику на высоту, убедив читателей в том, что фельетон или очерк — искусство, он сам в это не верил. Не раз он говорил мне насмешливо и печально: „Другие напишут романы. А что от меня останется? Газетные статьи — однодневки. Даже историку они не очень-то понадобятся, ведь в статьях мы показываем не то, что происходит в Испании, а то, что в Испании должно было бы произойти…“ Он завидовал не только Хемингуэю, но и Реглеру: „Напишет роман в тридцать печатных листов…“ Я понимаю

горечь этих слов — я сам немало времени и сил отдал работе журналиста. Кольцов был прав — историку трудно положиться на его статьи (как и на мои статьи того времени) или даже на книгу „Испанский дневник“: она слишком окрашена временем, а рядового читателя куда больше растрогают воспоминания о Кольцове, чем его фельетоны, — он ищет всех тонов, расположенных между белым и черным, — а Михаил Ефимович был куда сложнее, чем его памфлеты или корреспонденции.

Он любил одесский анекдот о старом балагуле (извозчике), который ехидно спрашивает новичка, что тот будет делать, если в степи отвалится колесо и не окажется под рукой ни гвоздей, ни веревки. „А что же вы будете делать?“ — спрашивает наконец пристыженный ученик; и старик отвечает: „Таки плохо“. Михаил Ефимович часто хмыкал: „Таки плохо“. А час спустя он приводил в чувство какого-либо испанского политика, убедительно доказывая ему, что победа обеспечена и, следовательно, незачем отчаиваться. К людям он относился недоверчиво; это звучало бы упреком, если бы я не добавил, что он относился недоверчиво и к себе — к своим чувствам, к своему таланту, да и к тому, что его ожидает».

«Другие напишут романы. А что от меня останется? Газетные статьи — однодневки?» — говорил он Эренбургу. И это было его больным местом… Ведь он тогда еще не знал, что его будущий «Испанский дневник» люди будут читать как самый настоящий захватывающий роман. И в письме из Испании своему близкому и доброму другу писателю Ефиму Зозуле он снова возвращался к этой, терзающей его творческой заботе. Вот это письмо:

Мадрид, 14/8–37

Дорогой Зозулечка!

Еще раз большое, большое Вам спасибо за Ваши письма. Я читаю их с большим интересом и даже перечитываю.

Вы на 120 % правы в своих замечаниях о необходимости писать непрерывно. Если я этого не делаю, то только по независящим причинам. Во-первых, у меня много работы и не корреспондентской. Во-вторых, работа над очерками и подвалами, которые я в этот период считаю тоже важными, всегда отрывает целые куски времени (разъезды, беседы на фронте, в частях и прочее, что я считаю обязательным для этого рода вещей, вне зависимости от того, заметил или не заметил читатель эти старания автора быть сведущим), и это, конечно, отражается на текущих телеграммах. Наконец, третье: в момент затишья или операции на участках, где я лично отсутствую — не хочется

барабанить мелкие телеграммы, сделанные по частям и дублирующие ТАСС. Да и события, происходящие под носом, тоже стали заурядны для нас самих — что же говорить о читателе! Например, бесконечные бомбардировки Мадрида — стоит ли опять и опять повторять о них? Пусть это делает военная сводка.

Моя книга! Беда; никак не доберусь до книги. Такая уж моя незавидная судьба. К тому же мне, кажется, придется вне очереди написать небольшую книжку — ответ Андре Жиду (об этом пока не надо разглашать!) — а потом уже браться за большую книгу. То ли дело Эренбург. Уже сидит под Парижем на даче и рубает испанский роман.

А Вы как, Зозулечка? Что Вы пишете? Пишется ли? Почему не ездите? Почему бы Вам (что я уже предлагал Вам) — не поехать в какое-нибудь место и не написать небольшую книжку или повесть об этом месте? Это не только имело бы успех само по себе, но и Вас самого подтолкнуло бы на дальнейшие затеи.

О Китае мы здесь тоже много читаем и думаем. И немного ревнуем ваше всех там внимание к Китаю. Но, конечно, внимание абсолютно правильное.

Как Сима, Ниночка? Часто очень скучаю по Москве. Скучать более сильно препятствует то обстоятельство, что здесь в обстановке — много московского и мысли — тоже московские.

Обнимаю Вас, Зозулечка.

Ваш Мих. Кольцов

Номер Кольцова в гостинице «Гэйлорд» в Мадриде стал своего рода штабом, где собирались корреспонденты, военные, политики. Среди них легендарный партизан-подрывник Ксанти — подпольная кличка Хаджи Мамсурова, впоследствии Героя Советского Союза и генерал-полковника.

Интересно, что Кольцов в «Испанском дневнике» написал о Хаджи Мамсурове — Ксанти. В этом отрывке встречается фамилия Дурутти — командира колонны анархистов, воевавших на стороне республиканцев.

«Он попросил себе советника-офицера. Ему предложили Ксанти. Он расспросил о нем и взял. Ксанти — первый коммунист в частях Дурутти. Когда Ксанти пришел, Дурутти сказал ему:

— Ты коммунист. Ладно, посмотрим. Ты будешь всегда рядом со мной. Будем обедать вместе и спать в одной комнате. Посмотрим.

Ксанти ответил:

— У меня все-таки будут свободные часы. На войне всегда бывает много свободных часов. Я прошу разрешения отлучаться в свободные часы.

— А что ты хочешь делать?

— Я хочу использовать свободные часы для обучения твоих бойцов пулеметной стрельбе. Они очень плохо стреляют из пулемета. Я хочу обучить несколько групп и создать пулеметные взводы.

Дурутти улыбнулся.

— Я хочу тоже. Обучи меня пулемету».

А вот что писал о Кольцове Мамсуров:

«Я часто встречал Кольцова у второго секретаря ЦК компартии товарища Педро Чека. Сблизились мы в ноябре 1936 года. Армия отошла, и фронт перед Мадридом оказался оголенным. Я занимался организацией рабочих отрядов. В них было около пятидесяти тысяч человек. Рабочие рыли оборонительные рубежи под Мадридом, отбивали атаки фашистов. Это очень важно, что Мадрид отстояли сами испанцы. Интернациональные бригады подошли позже…

Вместе с Кольцовым мы были на заседании Политбюро в ночь на 7 ноября. Я оставался в Мадриде на тот случай, если фашисты займут город. Вместе с Линой, моей переводчицей, мы должны были уйти в подполье. В те дни я хорошо узнал подземный Мадрид: облазил его подвалы и катакомбы.

На заседании обсуждался вопрос: оставаться или уходить из Мадрида. Я сказал, что уходить нельзя. Товарищи Диас и Ибаррури одобрили мое выступление.

Вечером 7 ноября мы собрались в номере у Кольцова. Сфотографировались на память.

Последний раз я видел Михаила Ефимовича поздней осенью 1938 года. Вернулся из командировки в Москву и в одной приемной столкнулся с Кольцовым. После Испании мы встретились впервые. Кольцов обнял меня, по-испански хлопал по спине. Оставил номер телефона. Просил звонить. В приемной было человека три. Так я и не знаю, кто же из них спустя несколько недель написал, что я обнимался не с тем, с кем следовало бы…»

С Ксанти-Мамсуровым связан еще один любопытный эпизод. Частым гостем Кольцова в «Гейлорде» был Хемингуэй. У них установились дружеские отношения. В один из вечеров Кольцов познакомил Мамсурова со знаменитым писателем.

Вот что рассказывает об этом сам Ксанти:

«Еще в Мадриде Кольцов сказал, что хочет познакомить меня с большим американским писателем.

— А на кой черт он мне нужен? — Должен признаться, что фамилию Хемингуэя я слышал тогда впервые.

— Он хочет посмотреть отряды, расспросить тебя, — объяснил Кольцов.

Это мне совсем не понравилось, поскольку я строжайше соблюдал конспирацию. Однако Кольцов настаивал…

Встреча с Хемингуэем была не из приятных. В нашем роду никто не пил. Я и сейчас не люблю пьяных людей, подвыпившие компании. Тогда же совсем не переносил запаха водки, коньяка. А Хемингуэй был нетрезв. Хемингуэй почему-то говорил по-французски, и Кольцов переводил. Хемингуэй слушал, записывал и все время прикладывался к стакану с вином. Его очень забавляло, что я не пью. Помнится, в тот вечер я сказал Кольцову, что мне не нравится этот американец. Но Михаил Ефимович вновь настаивал на подробном рассказе, объяснил, как важно, чтобы Хемингуэй написал правду об Испании».

Приведу несколько отрывков из замечательного романа Хемингуэя «По ком звенит колокол», в которых идет речь о Каркове — Кольцове.

«Первый раз он попал к Гэйлорду с Кашкиным, и ему там не понравилось. Кашкин сказал, что ему непременно нужно познакомиться с Карковым, потому что Карков очень интересуется американцами и потому что он самый ярый поклонник Лопе де Вега и считает, что нет и не было в мире пьесы лучше „Овечьего источника“. Может быть, это и верно, но он, Роберт Джордан, не находил этого.

У Гэйлорда ему не понравилось, а Карков понравился. Карков — самый умный из всех людей, которых ему приходилось встречать. Сначала он ему показался смешным — тщедушный человечек в сером кителе, серых бриджах и черных кавалерийских сапогах, с крошечными руками и ногами, и говорит так, точно сплевывает слова сквозь зубы. Но Роберт Джордан не встречал еще человека, у которого была бы такая хорошая голова, столько внутреннего достоинства и внешней дерзости и такое остроумие.

Кашкин наговорил о Роберте Джордане бог знает чего, и Карков первое время был с ним оскорбительно вежлив, но потом, когда Роберт Джордан, вместо того чтобы корчить из себя героя, рассказал какую-то историю, очень веселую и выставляющую его самого в непристойно-комическом свете, Карков от вежливости перешел к добродушной грубоватости, потом к дерзости, и они стали друзьями.

…Карков рассказал ему про то время. Тогда все русские, сколько их там было в Мадриде, жили в „Палас-отеле“. Он в те дни никого из них не знал. Это было еще до организации первых партизанских отрядов, еще до встречи с Кашкиным и другими.

Кашкин был тогда на севере, в Ируне и Сан-Себастьяне, участвовал в неудачных боях под Виторией. Он приехал в Мадрид только в январе, а пока Роберт Джордан дрался в Карабанчеле и Усере и в те три дня, когда они остановили наступление правого крыла фашистов на Мадрид и дом за домом очищали от марокканцев и tercio[14] разрушенное предместье на краю серого, спекшегося на солнце плато и создавали линию обороны для защиты этого уголка города, — все это время Карков был в Мадриде.

Об этих днях Карков говорил без всякого цинизма. То было время, когда всем казалось, что все потеряно, и у каждого сохранилась более ценная, чем отличия и награды, память о том, как он поступает, когда кажется, что все потеряно. Правительство бросило город на произвол судьбы и бежало, захватив с собой все машины военного министерства, и старику Миахе приходилось объезжать позиции на велосипеде. Этому Роберт Джордан никак не мог поверить. При всем патриотизме он не мог вообразить себе Миаху на велосипеде; но Карков настаивал, что так и было.

Но были и такие вещи, о которых Карков не писал. В „Палас-отеле“ находились тогда трое тяжело раненных русских — два танкиста и летчик, оставленные на его попечение. Они были в безнадежном состоянии, и их нельзя было тронуть с места. Каркову необходимо было позаботиться о том, чтобы эти раненые не попали в руки фашистов в случае, если город решено будет сдать.

В этом случае Карков, прежде чем покинуть „Палас-отель“, обещал дать им яд. Глядя на трех мертвецов, из которых один был ранен тремя пулями в живот, у другого была начисто снесена челюсть и обнажены голосовые связки, у третьего раздроблено бедро, а лицо и руки обожжены до того, что лицо превратилось в сплошной безбровый, безресничный, безволосый волдырь, никто не сказал бы, что это русские. Никто не мог бы опознать русских в трех израненных телах, оставшихся в номере „Палас-отеля“. Ничем не докажешь, что голый мертвец, лежащий перед тобой, — русский. Мертвые не выдают своей национальности и своих политических убеждений.

Роберт Джордан спросил Каркова, как он относится к необходимости сделать это, и Карков ответил, что особенного восторга все это в нем не вызывает.

— А как вы думали это осуществить? — спросил Роберт Джордан и добавил: — Ведь не так просто дать яд человеку.

Но Карков сказал:

— Нет, очень просто, если всегда имеешь это в запасе для самого себя. — И он открыл свой портсигар и показал Роберту

Джордану, что спрятано в его крышке.

— Но ведь, если вы попадете в плен, у вас первым делом отнимут портсигар, — возразил Роберт Джордан. — Скажут „руки вверх“, и все.

— А у меня еще вот тут есть, — усмехнулся Карков и показал на лацкан своей куртки. — Нужно только взять кончик лацкана в рот, вот так, раздавить ампулу зубами и глотнуть.

— Так гораздо удобнее, — сказал Роберт Джордан. — А скажите, это действительно пахнет горьким миндалем, как пишут в детективных романах?

— Не знаю, — весело сказал Карков. — Ни разу не нюхал. Может быть, разобьем одну ампулку, попробуем?

— Лучше приберегите.

— Правильно, — сказал Карков и спрятал портсигар. — Понимаете, я вовсе не пораженец, но критический момент всегда может наступить еще раз, а этой штуки вы нигде не достанете».

А вот, пожалуй, один из самых важных отрывков из «По ком звонит колокол». Речь идет об эпизоде, когда два партизана, рискуя жизнью, перебираются через линию фронта, чтобы передать важнейшее донесение республиканскому командованию, и попадают в руки, одержимого шпиономанией Андре Марти.

«…Андрес повернулся к Гомесу.

— Значит, он не хочет отсылать донесение? — спросил Андрес, не веря собственным ушам.

— Ты разве не слышал? — сказал Гомес.

— Me cago en su puta madre![15] — сказал Андрес. — Esta loco.

— Да, — сказал Гомес. — Он сумасшедший. Вы сумасшедший. Слышите? Сумасшедший! — кричал он на Марти, который снова склонился над картой с красно-синим карандашом в руке. — Слышишь, ты? Сумасшедший! Сумасшедший убийца!

— Уведите их, — сказал Марти караульному. — У них помутился разум от сознания собственной вины.

Эта фраза была знакома капралу. Он слышал ее не в первый раз.

— Сумасшедший убийца! — кричал Гомес.

…Глядя на карту, Марти грустно покачал головой, когда караульные вывели Гомеса и Андреса из комнаты. Караульные с наслаждением слушали, как его осыпали бранью, но в целом это представление разочаровало их. Раньше бывало интереснее. Андре Марти выслушал ругань спокойно. Сколько людей заканчивали беседы с ним руганью. Он всегда искренне, по-человечески жалел их. И всегда думал об этом, и это было одной из немногих оставшихся у него искренних мыслей, которые он

мог считать своими собственными.

…Но в этот вечер, когда пожилой человек в надвинутом на глаза берете все еще сидел за картой, разложенной на столе, дверь отворилась, и в комнату вошел русский журналист Карков в сопровождении двух других русских, которые были в штатском — кожаное пальто и кепи. Капрал неохотно закрыл дверь за ними. Карков был первым ответственным лицом, с которым ему удалось снестись.

— Товарищ Марти, — шепелявя, сказал Карков своим пренебрежительно-вежливым тоном и улыбнулся, показав желтые зубы.

Марти встал. Он не любил Каркова, но Карков, приехавший сюда от „Правды“ и непосредственно сносившийся со Сталиным, был в то время одной из самых значительных фигур в Испании.

— Товарищ Карков, — сказал он.

— Подготовляете наступление? — дерзко спросил Карков, мотнув головой в сторону карты.

— Я изучаю его, — ответил Марти.

— Кто наступает? Вы или Гольц? — невозмутимым тоном спросил Карков.

— Как вам известно, я всегда только политический комиссар, — ответил ему Марти.

— Ну что вы, — сказал Карков. — Вы скромничаете. Вы же настоящий генерал. У вас карта, полевой бинокль. Вы ведь когда-то были адмиралом, товарищ Марти?

— Я был артиллерийским старшиной, — сказал Марти. Это была ложь. На самом деле к моменту восстания он был старшим писарем. Но теперь он всегда думал, что был артиллерийским старшиной.

— А-а… Я думал, что вы были просто писарем, — сказал Карков. — Я всегда путаю факты. Характерная особенность журналиста.

Двое других русских не принимали участия в разговоре. Они смотрели через плечо Марти на карту и время от времени переговаривались на своем языке. Марти и Карков после первых приветствий перешли на французский.

— Для „Правды“ факты лучше не путать, — сказал Марти.

Он сказал это резко, чтобы как-то оборониться против Каркова. Карков всегда „выпускал из него воздух“ (французское degonfler), и Марти это не давало покоя и заставляло быть настороже. Когда Карков говорил с ним, трудно было удержать в памяти, что он, Андре Марти, послан сюда Центральным Комитетом Французской коммунистической партии с важными полномочиями. И трудно было удержать в памяти, что личность

его неприкосновенна. Каркову ничего не стоило в любую минуту коснуться этой неприкосновенности. Теперь Карков говорил:

— Обычно я проверяю факты, прежде чем отослать сообщение в „Правду“. В „Правде“ я абсолютно точен. Скажите, товарищ Марти, вы ничего не слышали о каком-то донесении, посланном Гольцу одним из наших партизанских отрядов, действующих в районе Сеговии? Там сейчас один американский товарищ, некто Джордан, и от него должны быть известия. У нас есть сведения о стычках в фашистском тылу. Он должен был прислать донесение Гольцу.

— Американец? — спросил Марти. Тот сказал — Ingles. Так вот в чем дело. Значит, он ошибся. И вообще, зачем эти дураки заговорили с ним?

— Да. — Карков посмотрел на него презрительно. — Молодой американец, он не очень развит политически, но прекрасно знает испанцев и очень ценный человек для работы в партизанских отрядах. Отдайте мне донесение, товарищ Марти. Оно и так слишком задержалось.

— Какое донесение? — спросил Марти. Задавать такой вопрос было глупо, и он сам понял это. Но он не мог сразу признать свою ошибку и сказал это только для того, чтобы отдалить унизительную минуту.

— То, которое лежит у вас в кармане. Донесение Джордана Гольцу, — сквозь зубы сказал Карков.

Андре Марти вынул из кармана донесение и положил его на стол. Он в упор посмотрел на Каркова. Ну и хорошо. Он ошибся, и с этим уже ничего не поделаешь, но ему не хотелось признать свое унижение.

— И пропуск, — тихо сказал Карков.

Марти положил пропуск рядом с донесением.

— Товарищ капрал! — крикнул Карков по-испански.

Капрал отворил дверь и вошел в комнату. Он быстро взглянул на Андре Марти, который смотрел на него, как старый кабан, затравленный собаками. Его лицо не выражало ни страха, ни унижения. Он был только зол, и если он был затравлен, то ненадолго. Он знал, что этим собакам с ним не совладать.

— Отдайте это двум товарищам, которые у вас в караульной, и направьте их в штаб генерала Гольца, — сказал Карков. — Их и так достаточно задержали здесь.

Капрал вышел, и Марти проводил его взглядом, потом перевел глаза на Каркова.

— Товарищ Марти, — сказал Карков. — Я еще выясню, насколько ваша особа неприкосновенна.

Марти смотрел прямо на него и молчал.

— И против капрала тоже ничего не замышляйте, — продолжал Карков. — Капрал тут ни при чем. Я увидел этих людей в караульном помещения, и они обратились ко мне (это была ложь). Я надеюсь, что ко мне всегда будут обращаться (это была правда, хотя обратился к нему все-таки капрал).

Карков верил, что его доступность приносит добро, и верил в силу доброжелательного вмешательства.

— Знаете, в СССР мне пишут на адрес „Правды“ даже из какого-нибудь азербайджанского городка, если там совершаются несправедливости. Вам это известно? Люди говорят: Карков нам поможет.

Андре Марти смотрел на Каркова, и его лицо выражало только злобу и неприязнь. Он думал об одном: Карков сделал что-то нехорошее по отношению к нему. Прекрасно, Карков, хоть вы и влиятельный человек, но берегитесь.

— Тут дело обстоит несколько по-иному, — продолжал Карков, — но в принципе это одно и то же. Я еще выясню, насколько ваша особа неприкосновенна, товарищ Марти».

Андре Марти, о котором идет речь, был человеком весьма влиятельным — генеральным комиссаром интернациональных бригад. Основных врагов Марти искал и находил, однако, не среди сторонников генерала Франко, а среди членов интербригад. Малейшие нарушения дисциплины бойцами, Марти, верный последователь Сталина, рассматривал как троцкистский заговор в интересах врага. По его приказам было расстреляно более 400 интербригадовцев. В Испании его прозвали — «Палач из Альбасете». Так вот, этот самый Марти тоже оставил свои «воспоминания» о Кольцове, только не в виде романа, очерка или мемуаров, а в виде… докладной записки Сталину. (Вспомним у Хэмингуэя — «берегитесь».) В этой докладной записке-доносе Марти писал:

«Мне уже приходилось и раньше, товарищ Сталин, обращать Ваше внимание на те сферы деятельности Кольцова, которые вовсе не являются прерогативой корреспондента, но самолично узурпированы им. Его вмешательство в военные дела, его спекуляция своим положением как представителя Москвы безусловно наносят вред общему делу и сами по себе достойны осуждения. Но в данный момент я хотел бы обратить Ваше внимание на более серьезные обстоятельства, которые, надеюсь, и Вы, товарищ Сталин, расцените как граничащие с преступлением:

1. Кольцов вместе со своим неизменным спутником Мальро (который не является коммунистом) вошел в контакт с местной троцкистской организацией ПОУМ. По поступившим сведениям,

происходили беседы с руководителями ПОУМ. Если учесть давние симпатии Кольцова к Троцкому, эти контакты не носят случайный характер.

2. Так называемая „гражданская жена“ Кольцова Мария Остен (Грессгенер) замечена в компрометирующих связях с деятелями правого толка. И у меня лично нет никаких сомнений, что она является засекреченным агентом германской разведки. Убежден, что многие провалы в военном противоборстве — следствие ее шпионской деятельности…»

Этот лживый донос был, надо думать, внимательно прочитан Сталиным и убран в ящик стола. До поры до времени…

«У ВАС ЕСТЬ РЕВОЛЬВЕР, ТОВАРИЩ КОЛЬЦОВ?»

В апреле 1937 года Кольцов вызван в Москву для доклада о положении в Испании. Его некорреспондентская деятельность там была, конечно, известна Сталину и, видимо, его вполне устраивала. А кольцовские материалы в «Правде» о событиях на испанских фронтах, ставшие впоследствии основой «Испанского дневника», воспринимались читателями с огромным интересом. Его и до того широкая популярность в стране возрастала все больше и больше. Можно привести как пример отрывок из выступления Всеволода Вишневского на митинге в Москве: «…Мы дали Испании танки. Мы дали Испании самолеты. Мы дали Испании Михаила Кольцова».

Борис Ефимов рассказывал:

«На торжественном приеме в Кремле после первомайского парада, среди множества застольных здравиц прозвучал и тост из уст Климента Ворошилова:

— Товарищи! Сейчас происходит война в Испании. Упорная война, нешуточная. Воюют там не только испанцы, но и разные другие нации. Затесались туда и наши русские. И я предлагаю поднять бокалы за присутствующего здесь представителя наших советских людей в Испании — товарища Михаила Кольцова!

Подойдя чокнуться со Сталиным, Кольцов позволил себе заметить:

— Если бы у них было больше порядка, товарищ Сталин.

На что Сталин хмуро сказал:

— Слабые они. Слабые…

А дня через три Кольцова вызвали к Сталину. В кабинете Хозяина кроме него самого находились Молотов, Ворошилов, Каганович и Ежов. Расхаживая по своему обыкновению взад и вперед по кабинету и покуривая трубку, Сталин задавал Кольцову вопросы, касавшиеся буквально всего, что происходило в Испании. Остальные сидели молча. С ответом на один из вопросов Кольцов немного замешкался. Сталин остановился, подозрительно на него посмотрел и сказал:

— Что это вы замолчали, товарищ Кольцов? В чем дело? Что вы смотрите на товарища Ежова? Вы не бойтесь товарища Ежова. Рассказывайте все, как есть.

— Я вовсе не боюсь Николая Ивановича, — ответил Кольцов. — Я только обдумывал, как наиболее точно и обстоятельно ответить на ваш вопрос.

Сталин еще раз пристально на него посмотрел, помолчал и сказал:

— Хорошо. Отвечайте не торопясь.

Вопросы и ответы заняли более трех часов.

Наконец все вопросы были исчерпаны, все ответы получены и тут произошло следующее: Сталин подошел к Кольцову, который, конечно, немедленно встал, но Хозяин любезным жестом усадил его обратно, потом приложил руку к сердцу и низко поклонился.

— Как вас надо величать по-испански? Мигуэль, что ли? — спросил он.

— Мигель, товарищ Сталин, — ответил брат, несколько озадаченный этим „кривлянием“, как он выразился, описывая мне в тот же вечер эту странную сцену.

— Ну так вот, дон Мигель. Мы, благородные испанцы, благодарим вас за отличный доклад. Спасибо, дон Мигель. Всего хорошего.

— Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин! — ответил, как положено, поднявшись с места и направляясь к двери, Кольцов.

И тут произошло нечто еще более неожиданное и непонятное: брат уже открывал дверь, когда Сталин его окликнул и жестом пригласил обратно:

— У вас есть револьвер, товарищ Кольцов? — спросил Хозяин.

— Есть, товарищ Сталин, — с удивлением ответил брат.

— А вы не собираетесь из него застрелиться?

Еще больше удивляясь, Кольцов ответил:

— Конечно, нет, товарищ Сталин. И в мыслях не имею.

— Вот и отлично, товарищ Кольцов. Всего хорошего, дон Мигель.

Вечером мы с Мишей долго обсуждали этот странный разговор и решили, что это какой-то случайный „черный юмор“.

А на другой день Кольцову позвонил Ворошилов, всегда дружелюбно относившийся к брату, поделился впечатлениями о вчерашнем докладе и добавил:

— Имейте в виду, Михаил Ефимович, вас любят, вас ценят, вам доверяют.

— Что ж, Миша, — сказал я, когда брат рассказал мне об этом, — это очень приятно.

— Да, приятно, — сказал Миша задумчиво. — Но, знаешь, что я совершенно отчетливо прочел в глазах Хозяина, когда я уходил?

— Что?

— Я прочел в них: слишком прыток».

В начале июня Кольцов возвратился в Испанию. Вот что об этом периоде писал Эренбург: «Перемена, происшедшая с

Кольцовым в Испании, объяснялась многим: ответственностью, которая лежала не столько на журналисте „Мих. Кольцове“, сколько на „Мигеле Мартинесе“, сознанием трудности, а с лета 1937 года невозможности победы разъединенной, плохо снабжаемой оружием республики, повседневным зрелищем бомбежек, голода, смерти. Однако не только это изменило Михаила Ефимовича, но и месяц, проведенный в Москве, вести, доходившие с родины. Михаил Ефимович помрачнел.

…Два месяца спустя (после странного разговора о револьвере) я шел с Михаилом Ефимовичем по пустой уличке Мадрида. Кругом были развалины домов, ни одного живого человека. Я спросил Кольцова, что произошло в действительности с Тухачевским. Он ответил: „Мне Сталин все объяснил — захотел стать Наполеончиком“. Не знаю, подумал ли он в ту минуту, что он, Михаил Кольцов, беззаветно веривший в Сталина, тоже не защищен от обвинений, — „слишком прыток“».

Возвращение Кольцова в Испанию на этот раз было связано, в частности, с дополнительным и весьма непростым заданием: обеспечить организацию 2-го Международного конгресса писателей в защиту культуры от фашизма. Как и по поводу парижского конгресса, так и по мадридскому было специальное решение Политбюро.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) О СОЗЫВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОНГРЕССА ПИСАТЕЛЕЙ В ИСПАНИИ.

21 марта 1937 г.

№ 47. п. 31–0 Международном антифашистском конгрессе писателей.

1. Согласиться с предложением испанских антифашистских писателей о созыве в Испании Международного антифашистского конгресса писателей в текущем 1937 году.

2. Для организации и созыва конгресса создать организационную комиссию по созыву антифашистского конгресса, составленную из строго проверенных антифашистских писателей.

3. Предусмотреть введение в состав организационной комиссии от СССР: тт. Кольцова, Эренбурга, Алексея Толстого и Вишневского.

Надо ли говорить, что подготовка подобного форума в раздираемой гражданской войной Испании — задача несколько иная, чем это было два года назад, когда писатели собрались в мирном, процветающем Париже. Другой была обстановка, другими были и сложности. Можно не сомневаться, что одной из

целей этого конгресса, по указаниям, полученным из Москвы, становится опровержение фактов, изложенных в книге Андре Жида «Возвращение в СССР» и компрометация самого Жида, как пособника фашизма.

Конгрессу писателей в Испании предшествовала, естественно, большая организационная работа. Как и три года назад, к ней был привлечен Эренбург, по-прежнему живший во Франции и имевший больше возможностей для общения с зарубежными писателями. Учтя опыт предыдущего Парижского конгресса, постарались не допустить в Испанию писателей, «ненадежных» с точки зрения советских властей.

9 июня 1936 г. Эренбург пишет Кольцову:

…Я был в Тр. Теплицах на съезде словацких писателей. Приветствовал съезд от имени советских писателей. Съезд прошел хорошо, дискуссии были интересные. Присутствовали представители всех политич. направлений, включая крайне-правые. Резолюция была принята единогласно. Единогласно постановили вступить в Межд. ассоциацию защиты культуры и приветствовать Союз писателей. Когда были прочитаны две телеграммы, один из правых писателей предложил послать третью, «чтобы уравновесить политический эффект». Его спросили «куда», он не смог ответить. Тогда конгресс разразился хохотом и дальнейших прений не было.

Все, о чем Вы мне писали в Прагу, улажено. Я не знаю, должен ли я ехать в Лондон. Если это необходимо, сообщите. Пока что не предпринимаю в этом отношении никаких шагов.

Выдержки из письма от 26 июня 1936 г.

…У нас в Англии нет базы. Я разговаривал с товарищами из полпредства. Они советовали опереться на Честертоншу (та, что была в Москве), но не думаю, чтобы это было исходом. Хекслей и Форстер не хотят ничего делать, имя дают, но не больше. Это объясняется политическим положением в Англии, и здесь ничего не поделаешь. С другой стороны, они чистоплюи, то есть отказываются состоять в организации, если в нее войдут журналисты или писатели нечистые, то есть те, у которых дурной стиль и высокие тиражи. Мне очень трудно было наладить что-либо в Англии, так как я из всех стран Европы наименее известен в Англии и так как я не знаю английского языка. Все же я со многими людьми беседовал и пришел к выводу, что в отличье от других стран, в Англии нам надо опереться почти исключительно на литературную молодежь и на полу-писателей полу-журналистов. Все надо начинать сызнова.

…Касательно отдельных стран. Очень хорошо все с испанцами. Я с ними наметил такую программу. В конце октября они

устраивают конференцию испанских писателей «для подготовки к съезду». Из теоретических проблем — вопрос о роли писателя в революции и проблема национальных культур (каталонская и пр.). Мы их объединяем с португальцами, кстати. Из практических — создание государственного издательства, связь с рабочими клубами, организация домов отдыха для писателей, библиотеки и пр.

Хорошо все с чехами. Там наконец-то создана настоящая организация.

Ничего серьезного нет в Скандинавии (за исключением Исландии). Как прежде, разрыв между лево-буржуазными и пролетарскими писателями.

Перед отъездом я встречался со свитой Ж. и убедился, что Ж. настроен довольно зловредно.

В этом письме Эренбурга под «Ж.» подразумевается Андре Жид.

Участниками конгресса в Испании были: Лион Фейхтвангер, Анна Зегерс, Вилли Бредель, Андре Мальро, Жюльен Бенда, Андре Шамсон, Пабло Неруда, из испанцев — Антонио Мачадо, Хосе Бергамин, Рафаэль Альберти и другие. В конгрессе приняли участие многие эмигранты, осевшие в СССР. В советскую делегацию входили: Михаил Кольцов — руководитель, Алексей Толстой, Александр Фадеев, Всеволод Вишневский, Владимир Ставский, Агния Барто, Виктор Финк, Илья Эренбург, Иван Микитенко. Среди иностранных делегатов особенно известных имен маловато. Кто-то не приехал из-за политических разногласий, а кому-то не хотелось заседать под бомбами и снарядами генерала Франко.

Открыл конгресс глава испанского правительства Хуан Негрин. Выступили несколько испанских писателей. А завершился первый день следующим образом:

«Сегодня же правительство чествовало конгресс обедом на пляже, в ресторане Лас Аренас. Здесь все было более непринужденно, впрочем, тоже с речами. Говорил министр просвещения, затем Людвиг Ренн, Толстой, Эренбург. Писатели сидели вперемежку с министрами и военными, знакомились, беседовали и болтали. Анне Зегерс очень понравился плотный, добродушный испанец в очках, остроумный и веселый, к тому же изумительно говорящий по-немецки. Он давал ей справки и быстрые, живые характеристики испанцев, сидевших за столом. „А вы здесь какую должность занимаете?“ — ласково спросила Анна, щуря близорукие глаза. „Я здесь председатель совета министров, я у вас выступал сегодня на конгрессе“, — ответил

Негрин.

К концу обеда, под аплодисменты, прибыла прямо из Барселоны запоздавшая часть конгресса. Английским писателям их правительство отказало в паспортах. Мальро взялся переправить эту группу и нескольких немцев-эмигрантов без особых формальностей в Испанию. Сейчас он не без эффекта ввел своих клиентов в зал. Под шум и аплодисменты он шепнул, мальчишески мне подмигнув: „Контрабандисты вас приветствуют“.

Ночью город основательно бомбили, — возможно, что по случаю конгресса. Делегаты дрыхли мертвым сном после дороги и дневных переживаний. Так они могли проспать все. Я приказал телефонистке „Метрополя“ разбудить немедленно всю мою делегацию и торжественно повел ее в подвал. Сирены выли, зенитная артиллерия стреляла непрестанно, звук — как будто раздирают огромные куски полотна. Издалека слышались глухие взрывы бомб. „Каково?“ — спросил я тоном гостеприимного хозяина. Все были взволнованы и очень довольны. Вишневский спросил, какого веса бомбы. Но я не знал, какого они веса. Черт их знает, какой у них вес. Толстой сказал, что наплевать, какой вес, важно, что это бомбы. Он был великолепен в своей малиновой пижаме здесь, в погребе.

Я уснул в хорошем настроении. Все-таки он состоялся, этот чертов конгресс…»

Это строки из дневника Михаила Кольцова.

А вот как об этом же событии пишет Агния Барто:

«Ночью была сильная бомбардировка. Испанцы говорят: „В честь открытия конгресса“. Глава нашей делегации Кольцов повел нас в подвал отеля. Все грохотало, выли сирены, слышались разрывы снарядов, им отвечали короткие, четкие удары зенитных орудий. Вишневский поразил мое воображение тем, что уверенно определил: шестидюймовые!»

Вскоре конгресс перебрался в Мадрид, оттуда в Валенсию, затем в Барселону и наконец в Париж (в парижских заседаниях Кольцов не участвовал). Кто-то в шутку прозвал этот конгресс — «бродячим цирком». Почти все советские делегаты клеймили в своих речах «ренегата Жида» и «врагов народа» Тухачевского, Якира и других, арестованных и расстрелянных вместе с ними. Исключением, пожалуй, единственным, была речь Агнии Барто. Она говорила о детях.

Большую речь на конгрессе, причем на испанском языке, произнес Кольцов.

«Направляясь на этот конгресс, я спрашивал себя, что же это, в сущности, такое: съезд донкихотов, литературный молебен о

ниспослании победы над фашизмом или еще один Интернациональный батальон добровольцев в очках? Что и кому могут дать этот съезд и дискуссии людей, вооруженных только своим словом? Что они могут дать здесь, где металл и огонь стали аргументами, а смерть — основным доказательством в споре?

С самых древнейших времен, как только возникло искусство мысли, выраженной в слове, до сегодняшнего дня писатель спрашивает: кто он — пророк или шут, полководец или барабанщик своего поколения? Ответы получались всегда разные, иногда триумфальные, иногда уничтожающие. В той стране, в которой мы сейчас находимся, в Испании, писатели познавали и обиды унижения и высшие почести для себя самих и для своего ремесла. Есть страны, где писателей считают чем-то вроде гипнотизеров. Есть одна страна, где писатели участвуют в управлении государством, — как, впрочем, и кухарки, — как, впрочем, и все, кто работает руками или головой…

…Вы знаете, что темперамент и искренность целого ряда писателей-антифашистов привели их к прямому участию в этой гражданской войне в роли добровольцев. Одни еще у себя дома заперли в шкаф свои рукописи и отправились сразу бойцами интернациональных бригад испанской народной армии. Другие приехали сюда с благими намерениями смотреть и писать, но, увидя войну, увидя опасность для испанского народа, прервали литературную работу и взялись за оружие.

Об этом идут споры: как должен проявить себя писатель в соприкосновении с гражданской войной в Испании? Конечно, правы те, кто доказывает, что писатель должен драться против фашизма оружием, которым он лучше всего владеет, то есть своим словом. Байрон больше сделал своей жизнью для освобождения всего человечества, чем своей смертью для освобождения одной Греции. Но есть моменты, когда писатель — я говорю о некоторых — вынужден сам стать действующим лицом своего произведения, когда он не может довериться вымышленным, хотя бы даже им самим, героям. Без этого прерывается нить его творчества, он чувствует, что герои его ушли вперед, а сам он остался позади. Но, конечно, писатели должны участвовать в борьбе прежде всего как писатели.

Чтобы помочь этому народу, вовсе не обязательно драться на фронте или даже приезжать в Испанию. Можно участвовать в борьбе, находясь в любом уголке земного шара. Фронт растянулся очень далеко. Он выходит из окопов Мадрида, он проходит через всю Европу, через весь мир. Он пересекает страны, деревни и города, он проходит через шумные митинговые залы, он тихо

извивается по полкам книжных магазинов. Главная особенность этого невиданного боевого фронта в борьбе человечества за мир и культуру — в том, что нигде вы не найдете теперь зоны, в которой мог бы укрыться кто-нибудь жаждущий тишины, спокойствия и нейтральности…

…Скажите сто тысяч слов о чем угодно, хвалите, критикуйте, восторгайтесь, плачьте, анализируйте, обобщайте, приводите гениальные сравнения и потрясающие характеристики, — все равно — такова логика нашего времени — вы должны сказать фашизму „да“ или „нет“!

Мир между народами стал неделим, и неделима стала борьба за мир народов. Для нас, людей, принявших Советскую Конституцию, достаточно далеки и американский, и французский, и даже испанский парламентаризм. Но мы считаем, что все это стоит по одну сторону черты. По другую сторону стоят гитлеровская тирания, бездушное властолюбие итальянского диктатора, троцкистский терроризм, неумолимая хищность японских милитаристов, геббельсовская ненависть к науке и культуре, расовое исступление Штрейхера.

От этой черты негде спрятаться, негде укрыться — ни в первой линии огня, ни в самом глубоком тылу. Нельзя сказать: „Я не хочу ни того, ни другого“, как и нельзя сказать: „Я хочу и того и другого“, „Я вообще против насилия и вообще против политики“. Менее всего это может сказать писатель. Какую книгу он ни написал бы, о чем бы она ни была написана, читатель в нее проникает до самых потаенных строк и найдет ответ: „за“ или „против“.

Лучше всего эта истина подтвердилась на примере Андре Жида. Выпуская свою книжку, полную грязной клеветы на Советский Союз, этот автор пытался сохранить видимость нейтральности и надеялся остаться в кругу „левых“ читателей. Напрасно! Его книга сразу попала к французским фашистам и стала, вместе с автором, их фашистским знаменем. И что особенно поучительно для Испании, — отдавая себе отчет в симпатиях масс к Испанской республике, опасаясь навлечь на себя гнев читателей, Андре Жид поместил в глухом уголке своей книги несколько невнятных слов, одобряющих Советский Союз за его отношение к антифашистской Испании. Но эта маскировка не обманула никого. Книга была перепечатана целиком в ряде номеров главного органа Франко „Диарио де Бургос“. Свои узнали своего!

Потому мы требуем от писателя честного ответа: с кем он, по какую сторону фронта борьбы он находится? Никто не вправе диктовать линию поведения художнику и творцу. Но всякий

желающий слыть честным человеком не позволит себе гулять то по ту, то по другую сторону баррикады. Это стало опасным для жизни и смертельным для репутации.

Вы знаете, что для нас, писателей Советской страны, проблема роли писателя в обществе уже давно решена совсем иначе, чем в странах капитализма. С того момента, как писатель сказал „да“ своему народу, строящему социализм, он становится полноправным передовым создателем нового общества. Своими произведениями он непосредственно влияет на жизнь, толкает ее вперед и меняет ее. Это делает наше положение высоким, почетным, но трудным и ответственным. Наш писатель Соболев сказал — и в этом есть доля правды, — что Советская страна дает писателю все, кроме одного: права плохо писать. Рост нашего читателя обгоняет иногда рост писателя. Автору нужно напрягать все умственные, творческие силы, чтобы не оказаться позади своих читателей, не потерять их доверия и просто внимания.

Мы не променяем наше положение ни на какое другое более легкое место. Мы горды своей ответственностью и трудностями, которые испытываем, потому что еще никогда в истории писателю не была доверена народом более высокая честь — при помощи и содействии государства воспитывать искусством десятки миллионов людей, формировать душу человека свободного, социалистического общества.

…Нужно ли разъяснять позицию советских писателей, как и всего нашего народа, по отношению к борьбе в Испании? С гордостью за нашу страну мы, советские писатели, повторяем слова Сталина: „Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества“.

Мы горды этими словами не только потому, что они сами явились авторитетнейшим призывом ко всему честному, что есть в мире, поддержать испанский народ, но еще потому, что когда наш народ говорит, то это не только слова, но и дела. Это знает наша страна, это знает Испания.

Антифашистский характер и состав участников нашего конгресса освобождает от надобности говорить его делегатам о необходимости борьбы с фашизмом. Но сама эта борьба, сама защита культуры от ее злейшего врага не ведется еще достаточно энергично. Наша Ассоциация еще не убедила достаточно широкие круги писателей в широте своей базы и программы, в своей решимости и энергии в борьбе за оборону культуры. Нападение было всегда лучшей формой обороны. Гражданская война и победа народов России, диктатура фашизма в Германии и Италии, гражданская война в Испании сделала писателей этих

стран борцами и соратниками своих народов в борьбе за их свободу и культуру. Писатели Франции, Англии, Северной и Южной Америки, Скандинавии, Чехословакии, члены нашего конгресса, спросите своих коллег и собратьев по ремеслу: чего они ждут? Того, чтобы враг взял их за горло, чтобы у них было так, как здесь, когда германские бомбовозы и итальянская артиллерия громят красивый, чистый, веселый Мадрид? Ждут ли они, чтобы враг вот так же подступил к Лондону, Стокгольму, к Праге?

Я никогда не забуду страшных ноябрьских дней здесь, в Мадриде, когда писатели, художники, ученые, и среди них старые и больные, с детьми, на грузовиках покидали свои дома, свои студии и лаборатории, лишь бы не попасть в руки врага, лишь бы не сдаться на расправу Гитлеру, Муссолини, Франко. Тогда милиционеры Пятого полка, бойцы народной армии — некоторые из них малограмотные крестьяне — с заботой и любовью увозили их от опасности, как самое драгоценное, как золотой фонд страны.

Мадрид обороняется от фашистского зверя. Он окровавлен, измучен, этот чудесный город, но он свободен и даже оказывает нам, писателям всего мира, свое благородное и скромное гостеприимство.

Но опасность для Мадрида еще не миновала. Половина Испании вытоптана сапогами фашистских завоевателей. Они пробуют идти дальше, они пойдут, если их не остановят. Преступное бездействие и так называемое невмешательство будут и дальше поощрять их озверелую наглость. В Эндейе, у испанской границы, я видел пограничные знаки французской республики, исцарапанные пулями германских пулеметов. Фашизм хватает мир за горло. Наступают решающие исторические часы.

Писатели и все честные интеллигенты мира! Займите свои места, подымите забрала, не прячьте своих лиц, скажите „да“ или „нет“, „за“ или „против“! Вы не укроетесь от ответа! Отвечайте же скорее!

А тебе, благородный и трогательный испанский народ, тебе, окровавленный рыцарь печального образа, — тебе наши мысли и силы. Мы будем с тобой, и так же, как и ты, мы верим, что твоя однажды разогнувшаяся спина никогда больше не склонится перед угнетателем, что ты никогда больше не дашь погасить светильник твоей свободы. На гербе Дон-Кихота Сервантес написал:

„Post tenebras spero lucem!“[16] — „После тьмы надеюсь на свет!“»

Это и есть та самая, по версии следователей НКВД,

«пораженческая» речь Кольцова.

Как свидетельствуют очевидцы, советская делегация вела себя на конгрессе «с позиции старшего брата» — пыталась всеми руководить и всех направлять. Повинуясь указаниям, полученным из Москвы, Кольцов, как руководитель советской делегации, и Ставский, обладавший довольно широкими полномочиями, пытались оказать давление на иностранных делегатов, чтобы они, так же как и советские участники конгресса, выступили с осуждением книги Андре Жида. Удалось уговорить только испанского писателя Хосе Бергамина, который сказал следующее:

«Я говорю от имени всей испанской делегации. Я говорю также от имени делегации Южной Америки, писателей, которые пишут на испанском языке. Я надеюсь, что говорю также от всех писателей Испании. Здесь, в Мадриде, я прочитал новую книгу Андре Жида о СССР. Эта книга сама по себе незначительна. Но то, что она появилась в дни, когда фашисты обстреливают Мадрид, придает ей для нас трагическую значимость. Мы стоим все за свободу мысли и критики. За это мы боремся. Но книга Андре Жида не может быть названа свободной, честной критикой. Это несправедливое и недостойное нападение на Советский Союз и на советских писателей. Это не критика, это клевета. Наши дни показали высокую ценность — солидарность людей, солидарность народа. Два народа славны солидарностью в дни тяжелых испытаний — русский народ и испанский. Пройдем молча мимо недостойного поведения автора этой книги. Пусть глубокое, презрительное молчание Мадрида пойдет за Андре Жидом и будет для него живым укором!»

Высокая инстанция в Москве должна была быть таким выступлением на конгрессе довольна…

В завершающий день форума был избран руководящий орган — секретариат. От Советского Союза в него вошли Эренбург и Кольцов. Сохранилось письмо Эренбурга к Кольцову по этому поводу.

16 июля 1937 г.

Тов. М. Кольцову, председателю советской делегации на Конгрессе писателей.

Дорогой Михаил Ефимович,

Вы мне сообщили, что хотите снова выдвинуть меня в секретари Ассоциации писателей. Я прошу Вас вычеркнуть мое имя из списка и освободить меня от данной работы.

Как Вы знаете, я работал в Ассоциации со времени ее возникновения, никогда не уклоняясь ни от каких обязанностей. Когда приехала советская делегация на первый конгресс, один из ее

руководителей, — Киршон — неоднократно и отнюдь не в товарищеской форме отстранял меня от каких-либо обсуждений поведения, как советской делегации, так и Конгресса. Я отнес это к свойствам указанного делегата и воздержался от каких-либо выводов. Теперь во время второго конгресса я столкнулся с однородным отношением ко мне. Если я иногда что-либо знал о составе конгресса, о порядке дня, о выступлениях делегатов, то исключительно от Вас в порядке частной информации. Укажу хотя бы, что порядок дня парижских заседаний, выступление того или иного товарища обсуждалось без меня, хотя официально я считаюсь одним из 2 секретарей советской секции. Я не был согласен с планом парижских заседаний. Я не был согласен с поведением советской делегации в Испании, которая, на мой взгляд, должна была, с одной стороны — воздержаться от всего того, что ставило ее в привилегированное или изолированное положение по отношению к другим делегатам, и с другой — показать иностранцам пример товарищеской спайки, а не деления советских делегатов по рангам. Я не мог высказать моего мнения, так как никто меня о нем не спрашивал и мои функции сводились к функциям переводчика. При подобном отношении ко мне — справедливом или несправедливом — я считаю излишним выбирать меня в секретари Ассоциации, тем паче, что отношение советской делегации ставит меня в затруднительное положение перед нашими иностранными товарищами. Я думаю, что представитель советских писателей в Международном секретариате должен быть облечен большим доверием своих товарищей.

Как Вы знаете, я очень занят испанской работой, помимо этого я хочу сейчас писать книгу и полагаю, смогу с большим успехом приложить свои силы для успеха нашего общего дела, чем пребывания декоративным персонажем в секретариате.

Если Вы не сочтете возможным разрешить вопрос на месте, прошу Вас во всяком случае теперь не вводить меня в секретариат, а я со своей стороны обращусь к руководящим товарищам с просьбой освободить меня от указанной выше работы.

Считаю необходимым указать, что лично с Вашей стороны я встречал неизменно товарищеское отношение, которое глубоко ценю.

С приветом Илья Эренбург

Ответ Кольцова мы узнаем из мемуаров Эренбурга:

«Михаил Ефимович, прочитав заявление, хмыкнул: „Люди не выходят, людей выводят“, — пообещал не обременять меня излишней работой».

Когда испанская часть конгресса была закончена, Кольцов вернулся к своей корреспондентской деятельности. Нельзя не

согласиться с Эренбургом, что кратковременное пребывание в Москве сильно отразилось на настроениях Кольцова. Изменился и стиль его «Испанского дневника» — он стал более серьезным, почти исчез тонкий кольцовский юмор, со страниц пропал и Мигель Мартинес… Несомненно, что обстановка, в которую окунулся Кольцов в Москве, не могла на него не повлиять. Ведь шел 1937 год… Были арестованы многие друзья и знакомые Кольцова. Из Испании отзывались, а потом исчезали военные, журналисты, работники советского посольства. Кольцов, конечно, не мог не видеть всего происходящего. Своими мыслями по этому поводу он делился уже в Москве со своим братом:

— Думаю, думаю, думаю и ничего не могу понять. А ведь я, один из редакторов «Правды», по своему положению должен был бы что-то знать и объяснять другим. А на самом деле я в полном замешательстве, растерян, как самый последний обыватель. Откуда у нас оказалось столько врагов? Люди, рядом с которыми мы жили, дружили, вместе воевали, вместе работали, вдруг оказываются нашими врагами, и достаточно им только оказаться за решеткой, как они моментально начинают признаваться в своих преступлениях. Недавно произошел замечательный эпизод, который мне многое объяснил. Я как-то зашел в кабинет к Мехлису и застал его за чтением какой-то толстой тетради. То были показания недавно арестованного, исполнявшего обязанности редактора «Известий» после ареста Бухарина, Бориса Таля.

— Извини, Миша, — сказал Мехлис, — не имею права, сам понимаешь, дать тебе читать. Но, посмотри, если хочешь, Его резолюцию.

Брат посмотрел. Красным карандашом было начертано: «Товарищам Ежову и Мехлису. Прочесть совместно и арестовать всех названных здесь мерзавцев. И. Ст.».

— Понимаешь, — продолжал Кольцов, — люди, о которых идет речь, еще на свободе. Они ходят на работу, заседают, может быть, печатаются в газетах, они ходят с женами в театры и в гости, может быть, собираются куда-нибудь на юг отдохнуть. И они не подозревают, что они уже «мерзавцы», что они уже осуждены и фактически уничтожены этим единым росчерком красного карандаша. Ежову остается быстро оформить на них дела на основании выбитых из Таля «показаний» и оформить ордера на арест. Это — вопрос дней.

ЧАС РАСПРАВЫ ПРИБЛИЖАЕТСЯ…

В ноябре 1937 года Кольцова отзывают из Испании. Он возвращается в Москву. Жить на свободе ему остается чуть больше года.

Кольцов лихорадочно включается в повседневную работу. Он становится практически главным редактором «Правды», руководит ЖУРГАЗом, продолжает трудиться над первой частью своего «Испанского дневника», печатает статьи и фельетоны на страницах «Правды», занимается еще массой других дел.

Примерно в это время в «Правде» появляется очерк за подписью Михаила Кольцова, весьма лестно и хвалебно характеризующий Н. И. Ежова как «чудесного, несгибаемого большевика, который дни и ночи, не вставая из-за стола, распутывает нити фашистского заговора…» Это несколько странно, поскольку отношение Кольцова к Ежову было далеко не восторженным, особенно после того, как ему довелось близко наблюдать наркома на застолье у него на даче, о чем я уже рассказывал. Дело в том, что этот очерк о Ежове был написан не самим Кольцовым, а… Л. Мехлисом. Насколько я знаю, это произошло так:

— Михаил, — сказал Мехлис, — прочти-ка, пожалуйста. И у меня к тебе просьба. Внеси чисто литературные поправки, самое главное, поставь свою подпись.

— Мою подпись? — удивился Кольцов. — Почему?

— Потому, — хладнокровно ответил Мехлис, — что тогда эта статья прозвучит более убедительно. Ты же у нас журналист номер один. И не буду от тебя скрывать, от кого идет задание…

И Мехлис многозначительно показал пальцем в потолок.

Мне думается, что это было в характере Сталина — уже определив мысленно дальнейшую судьбу Ежова, Вождь счел нужным его предварительно «приласкать», «позолотить пилюлю». Кольцова избирают в Верховный Совет РСФСР, он становится членом-корреспондентом Академии наук СССР по отделению русского языка.

Казалось, все нормально. Но Кольцов, будучи человеком достаточно наблюдательным, каким-то шестым чувством ощущал — что-то изменилось. И первым признаком изменений было то, что после окончательного возвращения из Испании его не вызвали на доклад к Сталину. Вот как об этом времени рассказывал Борис Ефимов, передавая слова своего брата:

«— Чувствую, что-то происходит. И не к добру.

— Но в чем это выражается? В чем? — допытывался я.

— Не знаю. Но откуда-то дует этакий ледяной ветерок…

И это вскоре подтвердилось — через довольно короткое время произошло событие, сильно обострившее мою тревогу за брата. В Москву приехала испанская супружеская пара: командующий военным флотом Республики адмирал Игнасио Сиснерос и его жена Констансия де ла Мора, заведующая Отделом печати МИД Республики. Кольцов дружил с ними в Испании и тепло встретил их в Москве. Он пригласил их на ужин и, как обычно, позвал и меня. Так случилось, что как раз в этот день был опубликован Указ об освобождении Ежова от обязанностей Генерального комиссара безопасности и назначении его Народным комиссаром водного транспорта. Придя к брату и, как всегда, с ним расцеловавшись, я сказал:

— Ну, вот и не стало Ежова. Кончилась „ежовщина“.

— Как знать, — задумчиво сказал Миша. — Может быть, теперь становятся подозрительными те, кого не тронул Ежов…

Через пару дней я снова был у брата, и он весело мне рассказывал со слов четы Сиснеросов, как их принимал Сталин, какое он произвел на них обаятельное впечатление, как он забавно им представлялся, пожимая руку и называя при этом свою фамилию. Как он вспомнил и деда Игнасио, тоже адмирала Сиснероса (разумеется, все эти сведения были заблаговременно представлены Сталину Кольцовым).

Я слушал брата, и меня сверлил один-единственный вопрос, который я наконец задал:

— Скажи, Миша. А… тебя не пригласили?

Он посмотрел на меня своим умным, все понимающим взглядом:

— Нет, — сказал он очень отчетливо. — Меня не пригласили».

Илья Эренбург, находившийся в это время в Москве и общавшийся с Кольцовым, писал:

«Когда в декабре 1937 года я приехал из Испании в Москву, я сразу пошел в „Правду“. Михаил Ефимович сидел в роскошном кабинете недавно построенного здания. Увидев меня, он удивленно хмыкнул: „Зачем вы приехали?“ Я сказал, что захотел отдохнуть, приехал на писательский пленум с Любой. Кольцов почти вскрикнул: „И Люба притащилась?..“ Я рассказал ему про Теруэль, сказал, что видел перед отъездом его жену Лизу и Марию Остен. Зачем-то он повел меня в большую ванную комнату, примыкавшую к кабинету, и там не выдержал: „Вот вам свеженький анекдот. Двое москвичей встречаются. Один делится новостью: „Взяли Теруэль“. Другой спрашивает: „А жену?“

Михаил Ефимович улыбнулся: „Смешно?“ Я еще ничего не мог понять и мрачно ответил: „Нет““.

В апрельский вечер я встретил его возле „Правды“, сказал, что получил паспорт и скоро вернусь в Испанию. Он сказал: „Кланяйтесь моим, да и всем, — потом добавил: — А о том, что у нас, не болтайте — вам будет лучше. Да и всем — оттуда ничего нельзя понять…“ Пожал руку, улыбнулся: „Впрочем, отсюда тоже трудно понять“.

Я ответил Кольцову искренне: все было совсем не смешно. Конечно, никто не причислит Михаила Ефимовича к воробьям, а поскольку он однажды завел разговор о птицах (Кольцов как-то назвал Эренбурга „нестреляным воробьем“ — *В.Ф.),* я назову его стреляным соколом. Мы расстались весной 1938 года, а в декабре стреляного сокола не стало. Было ему тогда всего сорок лет».

И еще:

«О судьбе Кольцова я узнал еще в Барселоне… Дошли известия о судьбе Мейерхольда, Бабеля. Я терял самых близких друзей».

«Получил паспорт», — пишет Эренбург. С этим связана маленькая деталь, о которой мне рассказал дед. Он вспоминал, как крайне взволнованный Эренбург пришел к Кольцову.

— Что с вами, Илья Григорьевич? — спросил Кольцов. — Что нибудь случилось?

Оказалось, тревога Эренбурга вызвана тем, что происходит какая-то странная задержка с разрешением ему возвратиться в Париж. В атмосфере тридцать восьмого года такое обстоятельство вызывало естественное беспокойство. Кольцов стал успокаивать его, говоря, что тут, несомненно, какое-то случайное недоразумение, обещал выяснить, в чем дело. Он действительно выяснил, помог — Эренбург получил свой заграничный паспорт и благополучно уехал в Париж.

Об этой весьма существенной помощи Кольцова Эренбург почему-то не упоминает. Видимо «забыл».

В начале августа 1938 года Кольцов послал на отзыв Ворошилову свою статью о Красной армии, а тот переправил ее в «более высокую инстанцию» со следующей запиской:

«4 августа 1938 г.

Тов. Сталину.

Посылаю статью тов. Кольцова, которую он так давно обещал. Прошу посмотреть и сказать, можно ли и нужно ли печатать. Мне статья не нравится.

К. Ворошилов».

Сталин оставил записку без ответа. Статья Кольцова напечатана, конечно, не была. Видимо, Вождя в это время интересовали не произведения Кольцова, а «статьи» о самом журналисте — доклады «сексотов». Мне, к сожалению, не удалось познакомиться с этими образцами «эпистолярного творчества».

Кольцов же пока продолжает свою корреспондентскую деятельность. Одним из следствий пресловутого Мюнхенского сговора стала фактическая свобода рук для Гитлера по отношению к Чехословакии. Над этой страной нависла угроза немедленной германской оккупации. Прошло два дня, и в Прагу вылетел специальный корреспондент «Правды» Михаил Кольцов. Это не прошло мимо внимания западной прессы, которой была хорошо известна деятельность Кольцова в Испании, расценившей появление его в Праге как признак готовящегося сопротивления германской агрессии со стороны Чехословакии при поддержке Советского Союза.

Но этого, как известно, не произошло. Советский Союз не вмешался. Англия и Франция не пошевелились. Германские войска триумфально заняли Чехословакию. За несколько часов до этого Кольцов вернулся в Москву.

К концу тридцать восьмого года стало абсолютно ясно, что республиканцы в Испании терпят поражение. Надежды Сталина на установление в этой стране просоветского режима рухнули. Нет сомнения, что поворотом событий в Испании Сталин был весьма недоволен. Но Вождь, как известно, никогда не признавал своих ошибок. Он их всегда перекладывал на других. Естественно, гнев Вождя должен был обрушиться и на Кольцова, видную фигуру в Испании. При этом Сталин, обладавший цепкой памятью, вспомнил наверняка и публикации о Троцком, и о других «прегрешениях» Кольцова. Вспомнил он и о доносе Андре Марти…

…Вскоре, однако, произошло событие, которое могло навести на мысль, что все «обойдется». Произошла встреча Кольцова с Хозяином. Неожиданная и обнадеживающая. Это было в Большом театре на каком-то правительственном спектакле. Сталин заметил Кольцова в зрительном зале и велел его позвать. Вождь и Учитель был в хорошем настроении, шутил с окружающими. Ворошилов, тоже, видимо, шутки ради, обратился к нему по имени-отчеству. Сталин этого не любил и притворно-обиженно спросил:

— Ты за что это меня обругал?

— А тебя, товарищ Сталин, так уже с детства обругали! — под общий смех ответил Ворошилов.

В какой-то фразе Сталин употребил выражение: «Мы,

старики…», на что присутствовавший в ложе Феликс Кон прямо-таки взвизгнул «от возмущения».

— О чем вы говорите? — закричал он. — Да вы же молодой человек!

Сталин добродушно возразил:

— Какой я молодой? У меня две трети волос седые.

Описывая детали этой встречи брату, Кольцов отметил, что у Него появились золотые зубы, а широкие штаны, заправленные в сапоги с короткими голенищами, придавали Сталину «какой-то турецкий вид».

С Кольцовым Хозяин разговаривал вполне дружелюбно, интересовался делами в «Правде» и в Союзе писателей. Потом прибавил:

— Товарищ Кольцов. Между прочим, было бы неплохо, если бы вы сделали для столичной писательской братии доклад в связи с выходом в свет «Краткого курса истории партии».

Известно, что Хозяину доставляло удовольствие приглашать обреченного человека для дружеской беседы. Обладая незаурядными актерскими способностями, Сталин демонстрировал полную благосклонность, предлагал какую-нибудь высокую должность и даже назначал на нее, как это было, например, с Антоновым-Овсеенко, который незадолго до ареста был утвержден… Народным комиссаром юстиции.

Любопытно, кстати, что аналогичную садистскую манеру выразительно описывает Лион Фейхтвангер у римского императора-тирана Домициана Флавия в романе «Настанет день». Не использовал ли он в данном случае рассказы о характере Сталина?

Так или иначе, но в случае с Кольцовым именно нечто подобное и произошло. Вероятно, ордер на его арест был уже подписан к моменту разговора в Большом театре или, может быть, на следующий день.

…Вечером 12 декабря тридцать восьмого года знаменитый Дубовый зал Центрального Дома литераторов (бывшая масонская ложа графа Олсуфьева) был переполнен. Как говорится, яблоку негде упасть. Популярность Кольцова была велика, всем хотелось его увидеть и услышать, тем более что «Кратким курсом» все обязаны были интересоваться. На этом докладе присутствовал и мой дед. После доклада, выступлений и короткого заключительного слова братья встретились в гардеробе, и Борис предложил:

— Поедем ко мне, Миша. Попьем чайку. Между прочим, с пирожными.

— Чай с пирожными — это неплохо, — сказал Кольцов,

подумав. — Но у меня еще есть дела в редакции.

И они, расцеловавшись, расстались. Навсегда.

Кольцов поехал в редакцию «Правды», проверить очередной номер газеты, который должен был выйти на следующий день. Там его уже ждали…

1939 ГОД. ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД. ДОПРОСЫ

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ СВИДЕТЕЛЕЙ ПО ДЕЛУ КОЛЬЦОВА

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА САБАНИНА Андрея Владимировича, заведующего правовым отделом НКИД, от 25.1.38.

В американском посольстве, на устроенных Буллитом 1–2 больших приемах, я, в числе присутствовавших, видел Туполева, профессора ЦАГИ Некрасова, артистку Большого театра Шапошникову, композитора Глиэра, балерину Викторину Кригер, журналиста Михаила Кольцова. На этих приемах, как я заметил, военный атташе Файмонвиль беседовал с Туполевым, Некрасовым, с зам. наркома Постниковым и с журналистом Михаилом Кольцовым.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КРАСИНОЙ Натальи Германовны от 3.12.38.

КРАСИНА Н.Г. русская, 1900 г. р. ур. гор. Москвы, гр-ка СССР, из служащих быв. член ВКП(б) с 1921 года, исключена в 1938 году, до ареста — без определенных занятий.

Вопрос: Вы КОЛЬЦОВА знаете?

Ответ: Да. М.Е. КОЛЬЦОВА я знала по совместной работе в «Правде».

Вопрос: КОЛЬЦОВ имел непосредственное отношение к вашей антисоветской работе?

Ответ: Не имел. Я с ним не была связана.

Вопрос: В таком случае расскажите, что вам известно о КОЛЬЦОВЕ вообще?

Ответ: Мне известно было прошлое КОЛЬЦОВА, как выходца из буржуазной среды и человека, работавшего с начала гражданской войны в белых газетах.

Вопрос: Кто вам говорил об этом и когда?

Ответ: Я не могу точно вспомнить, кто именно говорил, но утверждаю, что об этом говорили ни один раз, и не один человек.

Вопрос: Что вы можете сказать о моральном облике КОЛЬЦОВА?

Ответ: Что касается его морального облика, то коллективу «Правды», в том числе и мне, были известны две жены КОЛЬЦОВА. Одна из них Е. КОЛЬЦОВА, проживавшая с ним в

Доме правительства, а вторая — Мария ОСТЕН, или как ее называли Немочка. И ту, и другую КОЛЬЦОВ усиленно протаскивал как журналисток на страницы «Правды». Насколько мне известно, обе никаких специальных данных для этого не имели…

О том, что Кольцов разложенец в бытовом отношении говорилось достаточно в том смысле, что он не пропускает ни одной девушки и что он ухаживает по очереди за всеми машинистками машбюро «Правды».

Вопрос: Откуда вам это известно?

Ответ: Об этом говорилось достаточно открыто. Одними — в том плане, что Кольцов известный бабник, фамилии этих лиц я назвать затрудняюсь, а личный секретарь Кольцова, Валентина Ионова неоднократно рассказывала, что Кольцов целует у нее ручки.

ПОКАЗАНИЯ С. УРИЦКОГО (Редактор газеты «Беднота») от 28.7.38 г.

Я не имел прямых заговорщических отношений с КОЛЬЦОВЫМ, но несколько моих разговоров с ним в апреле или мае 1937 года создали у меня впечатление, что он причастен к заговору. До своего обратного возвращения в Испанию, несколько раз заходил ко мне.

Рассказывая о положении дел в Испании, однажды КОЛЬЦОВ обратился ко мне со следующим: «Ну, а наши дела и в Испании и в Союзе плохи». Я удивленно спросил КОЛЬЦОВА, что он имеет в виду.

— Вы же все новости имеете, БЕРЗИН вам сообщает, люди у вас недавно были, так что мне нечего рассказывать.

В один из следующих его приходов ко мне, я спросил у него, что он имеет в виду, говоря о какой-то особой информации, которую я получаю от БЕРЗИНА.

В ответ КОЛЬЦОВ ответил, примерно, так:

— Да, сейчас говорить не о чем, — помолчав, немного, добавил, — Бухарин, Рыков провалились, из этого надо сделать выводы.

Уезжая, КОЛЬЦОВ сказал мне — «Я поеду на север Испании, там должны быть серьезные события». Что еще больше заставило меня подумать о том, что КОЛЬЦОВ в курсе заговорщических предательских дел.

ПОКАЗАНИЯ ЛЕОНТЬЕВОЙ Тамары Константиновны от 25.9.38 г.

Позднее, когда КИРШОН и АВЕРБАХ были разоблачены и

арестованы, эта группа объединилась вокруг КОЛЬЦОВА Михаила Ефимовича и его жены Елизаветы ПОЛЫНОВОЙ.

КОЛЬЦОВ Михаил является тем скрытым центром, вокруг которого объединились люди не довольные политикой ВКП/б/ и Советской власти вообще, и в области литературы в частности.

Всем нам было хорошо известно, что КОЛЬЦОВ является очень тонким мастером двурушничества, которому при всех политических поворотах удавалось не выпасть из тележки.

Именно эта уверенность членов троцкистской группы литераторов и послужила основанием к тому, что КОЛЬЦОВ занимал центральное положение.

Его жена КОЛЬЦОВА Е. играла роль хозяйки салона. Через нее в большинстве случаев получалась информация о ГОРЬКОМ, об Алексее ТОЛСТОМ (она бывала в этих домах), о предполагающихся перемещениях и назначениях в самых различных областях. У Е. КОЛЬЦОВОЙ были очень широкие связи, она бывала в посольствах, была связана с целым рядом иностранцев, насколько мне известно, даже интимно.

Первый откровенный разговор с КОЛЬЦОВЫМ происходил у меня в 1935 году, в связи с моим уходом из «Правды». В этом разговоре я рассказала ему о действительных причинах моего ухода из «Правды», о моих антисоветских троцкистских взглядах, находящих отражение в моих литературных трудах.

КОЛЬЦОВ был полностью солидарен с высказанными мной антисоветскими взглядами на политику ВКП/б/ и ее руководство и больше того, зная о моих организационных связях с троцкистами, предложил мне перейти на работу в «Жургазобъединение».

В этом разговоре КОЛЬЦОВ дал мне понять, что партийная организация «Жургаза» более для меня подходящая, так как секретарь парткома АБОЛЬНИКОВ свой человек и что он, КОЛЬЦОВ, сам состоит в этой организации, которая его не «тревожит».

Антисоветская работа троцкистской группы, возглавляемая КОЛЬЦОВЫМ, выражалась в том, что на сборищах, происходивших у КОЛЬЦОВА, велись антисоветские разговоры, имевшие определенную политическую направленность.

Обычно разговоры сводились к к-р критике существующих положений в литературе. Нами указывалось «на отсутствие, всяких возможностей излагать свои мысли», так как «при настоящем положении нельзя писать то, что хочешь, а поэтому приходится удовлетворяться фельетонами „о различной добродетельности советских людей“».

…Я написала несколько рассказов, которые охотно печатал

КОЛЬЦОВ в «Огоньке». В этих рассказах «Мать», «Одиночество», «Посторонний человек» в завуалированной форме проводилась антисоветская идея противопоставления индивидуума коллективу, разрыв интеллигенции с массой, обреченность интеллигенции…

В «достоверности» этих протоколов, зная методы, которыми добивались следователи-садисты показаний у арестованных, можно не сомневаться. Но интересна одна деталь — эти показания были даны еще до ареста Кольцова. Сведения о нем собирались в НКВД загодя. Почти все, кто уцелел, пройдя мясорубку НКВД, отказались от того, что «незаконными методами» выбили у них следователи. Некоторые еще во время следствия. Впрочем, для следствия это не имело ни малейшего значения.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Арестованного КОЛЬЦОВА Михаила Ефимовича От 26-го ноября 1939 г.

Допрос начат в 22–30 Окончен — 22–45 КОЛЬЦОВ М.Е. 1897 г. рожд. урож. гор. Киева, из семьи кустаря кожевника, бывш. чл. ВКП(б) с 1918 года. До ареста — чл. Редколлегии Газеты «Правда».

Вопрос: Вы ХЕЙФЕЦ Григория Марковича знаете?

Ответ Да, знаю.

Вопрос: Когда и где вы с ним познакомились?

Ответ: С ХЕЙФЕЦОМ я приблизительно познакомился в 1925–26 г. в гор. Москве, когда он обратился ко мне с предложением принять его на работу в Жургазобъединение, причем, когда он обратился ко мне с предложением своих услуг, то он мотивировал это тем, что он находится в слишком болезненном состоянии и подыскивает себе работу, которая соответствовала бы его физическим силам.

Вопрос: Как вы отнеслись к предложению ХЕЙФЕЦА?

Ответ: Я для начала предложил ему небольшую по объему работу, если не ошибаюсь, в редакции журнала «Изобретатель», которую он принял. Через некоторое время ХЕЙФЕЦ, поправившись от болезни стал более работоспособен, проявил активность на общественной и партийной работе и был привлечен к работе чисто издательской, т. е. административно-хозяйственной, на которой проявил себя также с положительной стороны. Позже, он работал в качестве зам. председателя управления журналогазетного объединения, одно время до этого

он также был секретарем парторганизации. Проявил себя как энергичный работник и хороший партиец.

Примерно в 1930 году ХЕЙФЕЦ пришел ко мне и сообщил, что его вызвали в ЦК и командируют на работу в НКВД и добавил, что переход в НКВД его лично мало устраивает, так как работа там очень интенсивная и часто по ночам, что это при его болезненном состоянии может совсем подорвать его силы. Когда же я предложил похлопотать в ЦК о его оставлении в Жургазобъединении, он отнесся к этому отрицательно, заявив, что вопрос о его работе в НКВД уже решен в ЦК и что ходатайство будет бесполезно.

Вопрос: Что вам еще известно о нем?

Ответ: Больше с ХЕЙФЕЦОМ мне сталкиваться не пришлось.

Вопрос: А вы жену ХЕЙФЕЦА — ХЕЙФЕЦ-ОЛЕЙНИКОВУ Марию Соломоновну, знаете?

Ответ: Да, я ее знаю, но меньше, чем самого ХЕЙФЕЦА, так как непосредственного общения с ней я не имел и поэтому, что-либо конкретно сказать о ней не могу.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

КОЛЬЦОВ.

Допросил: Ст. следователь следчасти ГУГБ НКВД

Лейтенант госбезопасности (КУЗЬМИНОВ)

В этом протоколе допроса фигурирует фамилия некого Хейфеца. Речь идет о довольно странной личности, обладавшей, несомненно, способностью входить в доверие к людям. Он как-то расположил к себе и Кольцова, который взял его на работу в ЖУРГАЗ, вряд ли зная, что берет к себе осведомителя из НКВД. Гриша Хейфец довольно часто приходил в ЖУРГАЗ со своей маленькой дочкой Илей, к которой бездетный Кольцов относился очень приветливо, ласково называл ее «Иличка — киличка, шпротик-сардиночка».

Вскоре, как мы уже знаем, Хейфец перешел на работу в НКВД, где сделал неплохую карьеру. Мне рассказывал дед, что он неожиданно встретился с Хейфецом в 1945 году в освобожденной от гитлеровцев Вене. Это произошло на обеде, который давал для журналистов из СССР командующий советскими войсками. За столом, естественно, поднимались тосты за советских солдат-победителей, за наших летчиков, танкистов, за нашу боевую разведку.

— И за нашу контрразведку, — добавил генерал Желтов, многозначительно наклоняя бокал в сторону сидящего за столом Хейфеца.

В свое время Хейфец был «внедрен» в Еврейский антифашистский комитет, члены которого, как известно, были

арестованы и расстреляны. Что касается Хейфеца, то он тоже был, естественно, арестован, но, видимо, неожиданно для себя получил 25 лет лагерей.

…В следствии наступила довольно длительная пауза. Кольцова больше не допрашивали. Да и допросы, проведенные после августа, почти не имели отношения к его «Делу». Видимо, Сталин взвешивал и размышлял — нужен ли ему большой процесс или нет. Судьба самого Кольцова была предрешена наверняка им еще раньше.

Сталин, безусловно, знал цену показаниям и методы их получения у допрашиваемых. И я думаю, что судьбы людей, на которых выбивали «компромат», зависели не от того, в чем их якобы уличали, а только от мнения о них самого Сталина, а может быть, иногда и от его сиюминутного настроения. Так это или не так, можно только предполагать. Во всяком случае, если судить по материалам «Дела» Кольцова, то все люди, которые, по версии следствия, были соучастниками Кольцова по «шпионской» и «антисоветской» деятельности, не были арестованы. В том, что Сталин читал показания Кольцова — можно не сомневаться. (Вспомним то, что со слов Фадеева написал Симонов). Есть и еще одно: в тексте «Дела» очень многое подчеркнуто, есть и несколько ремарок. Я не сомневаюсь, что «подчеркивать» и писать что-то в «Деле» не мог ни один из работников НКВД, включая и Берию, зная, что это дело будет читать Сталин. Скорее всего, Сталин решил, что эти люди пока могут ему быть полезны, и он отдал приказ: «Нэ трогать!» А если он передумает, то в архиве НКВД «вечно хранятся» показания на них — «доказательства» их «преступной деятельности», которые всегда можно пустить в ход. И не имело никакого значения, что Кольцов, Бабель и Мейерхольд отказались от своих «признаний».

Читая в «Вечерней Москве» рубрику «Расстрельные списки», я обратил внимание на сроки, в течение которых «расследовались» дела, — от момента ареста до расстрела. Как правило, это от двух до четырех месяцев. Кольцов провел во внутренней тюрьме на Лубянке почти 14 месяцев, Бабель — почти 9, Мейерхольд — около 7. Такие сроки следствия бывали только у тех, кого готовили к «показательным спектаклям» — так называемым «открытым процессам».

СЛЕДСТВИЕ ЗАКОНЧЕНО
1939 ГОД. ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД

ПРОТОКОЛ

Об окончании следствия 1939 года декабря «13» дня. Я, ст. следователь Следственной части

НКВД СССР Лейтенант Госуд. Без. Кузьминов рассмотрел следственное дело за № 21 620 по обвинению Кольцова Михаила Ефимовича в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п 1-а и 11 УК РСФСР.

Признав предварительное следствие по делу законченным, а добытые данные достаточными для предания суду, руководствуясь ст. 206 УПК, объявил об этом обвиняемому, предъявил для ознакомления все производство по делу и спросил — желает ли обвиняемый чем-либо дополнить следствие.

Обвиняемый Кольцов М. Е. ознакомившись с материалами следственного дела в двух томах заявил, что дополнений не имеет.

Подпись обвиняемого Мих. Кольцов

Следователь следственной части НКВД СССР Кузьминов

«УТВЕРЖДАЮ»

Нач. Следчасти ГУГБ НКВД СССР Майор госуд. безопасности (СЕРГИЕНКО)

«15» декабря 1939 года.

Обвинительное заключение по делу УТВЕРЖДАЮ.

Дело передать для слушания в Военную Коллегию Верхсуда в Порядке закона от 1.XII.34 и.о. Главн. Воен. Прокурора 21. 1. 40

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ По следственному делу № 21 620, по обвинению КОЛЬЦОВА М.Е. в преступлениях, предусмотренных Ст. 58 п. 1/а, 10, 11 УК РСФСР.

В НКВД СССР поступили данные о том, что КОЛЬЦОВ Михаил Ефимович, является участником право-троцкистской антисоветской организации и на протяжении ряда лет проводит активную шпионскую работу.

На основании этих данных КОЛЬЦОВ М.Е. 14-го декабря 1938 года был арестован и привлечен к уголовной ответственности.

В процессе следствия по его делу установлено, что КОЛЬЦОВ М.Е. на путь борьбы против партии и советского правительства встал в 1932 году.

КОЛЬЦОВ М.Е. будучи допрошен по существу предъявленного

обвинения виновным себя признал и показал:

«…Я виновен также в том, что в 1932 г. был привлечен РАДЕКОМ к антисоветской работе и в течение ряда лет снабжал германские разведывательные органы шпионскими сведениями.

Я виновен далее в том, что став на путь предательства интересов советского государства, я впоследствии в 1935–1936 г.г. дал согласие вести шпионскую работу и в пользу французской разведки и таковую работу вел» (л.д. 81–89).

Являясь агентом иностранных разведок, КОЛЬЦОВ М.Е. систематически снабжал последние шпионскими материалами. Признав это, КОЛЬЦОВ показал:

«Практически мое участие в этой шпионской группе выразилось в том, что я через МИРОНОВА сообщал агентам германской разведки ЮСТУ и БАСЕХЕСУ, работавшим в качестве корреспондентов германских газет, о различных известных мне неопубликованных распоряжениях правительства» (л.д. 90–102).

КОЛЬЦОВ также признал себя виновным в принадлежности к антисоветской заговорщической организации, существовавшей в Наркоминделе.

Признав это, КОЛЬЦОВ показал:

«Признаю, что я действительно скрыл свои связи с рядом участников антисоветской организации, существовавшей в Наркоминделе» (л.д.112–124).

Являясь участником антисоветской заговорщической организации в Наркоминделе, КОЛЬЦОВ проводил антисоветскую работу, направленную против мероприятий партии и правительства в области международных отношений.

КОЛЬЦОВ виновным признал себя полностью, а также изобличается показаниями арестованных: ЛЕОНТЬЕВОЙ Т.К., ЕЖОВА Н.И., ГЕНДИНА Е.А., ГИРШФЕЛЬДА Е.В., АНГАРОВА, САБАНИНА А.В., УРИЦКИЙ С., БИНЕВИЧ А.И., БАБЕЛЯ И.Э.

На основании изложенного — КОЛЬЦОВ-ФРИДЛЯНД Михаил Ефимович, 1898 года рождения, ур. г. Киева, из семьи кустаря-кожевника, еврей, гр-н СССР, писатель-журналист, в 1918–1919 г.г. принимал участие в белогвардейских газетах, быв. член ВКП(б) с 1918 г. по день ареста, до ареста член редакционной коллегии газеты «Правда»,

обвиняется в том, что:

1) с 1932 года являлся участником шпионской группы созданной РАДЕКОМ и проводил шпионскую работу в пользу Германии;

2) с 1935 года проводил шпионскую работу в пользу французской разведки;

3) с 1936 года снабжал шпионскими сведениями

американского агента Луи ФИШЕР;

4) с половины 1935 года, является участником антисоветской заговорщической организации в Наркоминделе и проводил вражескую работу против мероприятий партии и советского правительства в области международных отношений; т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58 п. 1/а, 10 и 11 УК РСФСР.

Считая дело следствием законченным, а обвинение доказанным, руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР

ПОСТАНОВИЛ:

Дело за № 21 620 по обвинению КОЛЬЦОВА М.Е. направить Прокурору Союза ССР с одновременным перечислением за ним арестованного КОЛЬЦОВА М.Е.

Ст. Следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР

Лейтенант госбезопасности (КУЗЬМИНОВ)

Пом. Начальника Следчасти ГУГБ НКВД СССР

Ст. Лейтенант госбезопасности

(ШКУРИН)

СПРАВКА: 1) КОЛЬЦОВ М.Е. арестован 14.XII.1938 г. находится под стражей во Внутренней тюрьме.

Вещественных доказательств по делу нет.

Ст. Следователь Следчасти ГУГБ НКВД СССР

Лейтенант госбезопасности (КУЗЬМИНОВ)

1940 год, лефортовская тюрьма

ПРОТОКОЛ № 168 Подготовительного заседания военной коллегии Верховного Суда Союза ССР

«31» января 1940 г. гор. Москва Председатель Армвоенюрист В. В. УЛЬРИХ Члены: Бригвоенюрист Д. Я. КАНДЫБИН Военный юрист 1 ранга В. В. БУКАНОВ Секретарь военный юрист 2 ранга Н. В. КОЗЛОВ Слушали:

Дело с обвинительным заключением НКВД СССР, утвержденным и. д. Главн. Воен. Прокурора Бригадвоенюристом АФАНАСЬЕВЫМ о предании суду Военной Коллегии Верхсуда СССР КОЛЬЦОВА-ФРИДЛЯНД Михаила Ефимовича по ст. ст. 58–1-а, 58–10 и 58–11 УК РСФСР.

Определили:

1. С обвинительным заключением согласиться и дело принять к своему производству.

2. Предать суду КОЛЬЦОВА-ФРИДЛЯНД Михаила Ефимовича по ст. ст. 58–1-а, 58–10 и 58–11 УК РСФСР.

3. Дело заслушать в закрытом судебном заседании, без

участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей.

4. Мерой пресечения обвиняемому оставить содержание под стражей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ
(УЛЬРИХ)
СЕКРЕТАРЬ
(КОЗЛОВ)

РАСПИСКА

«31» января 1940 г.

Мною, нижеподписавшимся КОЛЬЦОВЫМ Михаилом Ефимовичем получена копия обвинительного заключения по моему делу о предании меня суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Подсудимый
(КОЛЬЦОВ)

ПРОТОКОЛ

ЗАКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СССР

1 февраля 1940 г. гор. Москва

Председательствующий — Армвоенюрист В. В. УЛЬРИХ

Члены: Бригвоенюрист Д. Я. КАНДЫБИН и Военный юрист 1 ранга В. В. БУКАНОВ

Секретарь — военный юрист 2 ранга Н. В. КОЗЛОВ

Председательствующий объявил о том, что подлежит рассмотрению дело по обвинению КОЛЬЦОВА-ФРИДЛЯНД Михаила Ефимовича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–1-а,58–10 и 58–11 УК РСФСР.

Председательствующий удостоверяется в личности подсудимого и спрашивает его, получил ли он копию обвинительного заключения и ознакомился ли с ней.

Подсудимый ответил, что копия обвинительного заключения им получена и он с ней ознакомился и обвинение ему понятно.

Председательствующим объявлен состав суда.

Отвода составу суда не заявлено.

Ходатайств не поступило.

Председательствующий спрашивает подсудимого, признает ли он себя виновным.

Подсудимый ответил, что виновным себя не признает ни в одном из пунктов предъявленных ему обвинений.

Все предъявленные ему обвинения им самим вымышлены в течение 5-ти месячных избиений и издевательств над ним и изложены собственноручно.

Предъявленный ему том II-й собственноручных показаний он подтвердил, что все это им самим написано, но сделал это он по требованию следователя.

Отдельные страницы и отдельные моменты являются реальными.

Никому из иностранных журналистов он не давал информаций. С ЮСОМ, БАСТОМ и др. иностранными журналистами он встречался, но по шпионажу связан с ними не был.

УМАНСКИЙ и МИРОНОВ непосредственно имели связь с НКИД, откуда и получали официальную политическую информацию.

О том, что МИРОНОВ является английским шпионом, он ничего не знал. С ЛУИ ФИШЕР он встречался, но никогда с ним не имел а/с связи и в своих показаниях выдумал все.

С РАДЕКОМ он встречался, но не по а/с линии, а такие показания дал исключительно под избиением.

Оглашаются выдержки из показаний подсудимого о его а/с связи с РАДЕКОМ.

Подсудимый ответил, что это его вымысел.

В 1918 г. он действительно был настроен против большевиков и тогда он писал статьи против большевиков. После же он отошел от этого и ни от кого не скрывал это и последующие 20 лет он только честно работал.

Его статья в «Кивском Эхо» имела а/с характер.

Мария ОСТЕН — немка, коммунистка, в последующем она была его женой. Он с ней познакомился в 1932 г. в Берлине и привез в СССР. Ее знал М. Горький. Разошелся он с ней в Испании, где она работала, как немецкая журналистка. После его отъезда из Испании Мария ОСТЕН осталась там, а затем она уехала во Францию. Разошлись они по личным мотивам. Она уехала из Испании в 1937 г. Германского подданства она была лишена. Проживая в СССР она хлопотала о приеме ее в подданство СССР, но это дело затянулось и ее не приняли в подданство.

Некто НЕЕР является немецкой актрисой, которая заходила несколько раз в редакцию журнала «Огонек» и передавала свои антифашистские статьи.

Андрэ ЖИД он не давал никакой а/с информации и он несколько дней провел с Адрэ ЖИД. В своей книге Адрэ ЖИД пишет, что КОЛЬЦОВ его информировал все в прекрасных красках, а когда же ЖИД доехал до Тбилиси, то он понял по другому, «там в Тифлисе у него открылись глаза»

АНГАРОВ никакого отношения к приезду Андрэ ЖИД не имел

и почему тот дает такие показания, ему не понятно.

Он категорически заявляет, что все его показания вымышлены и вынуждены. Все уличающие его лица дали также ложные показания о нем.

Оглашаются выдержки из показаний подсудимого о его троцкистской принадлежности, вербовке РАДЕКОМ, шпионской деятельности в пользу Франции и его шпионской связи с американцем ЛУИ ФИШЕРОМ и передаче ему а/с информации.

Подсудимый ответил, что ни в одном из этих пунктов он не виноват и дал вымышленные показания.

Больше дополнить судебное следствие ничем не имеет.

Судебное заседание объявлено законченным и подсудимому предоставлено последнее слово, в котором он заявил, что за все время работы в Сов. Союзе он никакой а/с деятельностью не занимался и шпионом не был. Его показания родились из под палки, когда его били по лицу, по зубам, по всему телу. Он был доведен следователем КУЗЬМИНОВЫМ до такого состояния, что вынужден был дать согласие о даче показаний о работе его в любых разведках.

Он дал показания на совершенно невиновных людей, его знакомых, что он был завербован во французскую разведку. Все эти обстоятельства можно проверить и материалы не подтвердятся. Взять хотя бы то, что, якобы, его родной брат ФРИДЛЯНДЕР — троцкист расстрелян. У него никогда брата троцкиста по фамилии ФРИДЛЯНДЕР не было. Его единственный брат Борис ЕФИМОВ не троцкист и не расстрелян. Все его показания — выдумка и вымысел. Все его показания не логичны и легко могут быть опровергнуты, т. к. они никем не подтверждены.

В Испании со ШТЕРНОМ он ни в каком заговоре не состоял. С УМАНСКИМ, ПОТЕМКИНЫМ или МИРОНОВЫМ он также не состоял ни в каком заговоре. Он не отрицает, что в его годы юношества написал несколько а/с статей в 1918 году, но потом он был очень активным участником гражданской войны и этот свой поступок загладил. О своем прошлом «грехе» все знали и Партия и правительство и видели его безупречную работу и в Испании. Он никогда не бывал в американском посольстве. Его показания легко проверить, хотя бы путем допроса тех лиц, на которых он давал показания. Факта в Париже, где, якобы, съехались ПОТЕМКИН, ЛИТВИНОВ и СУРИЦ в его присутствии и вели а/с разговор не было. Он ни в одном из предъявленных ему пунктов обвинений виновным не признает, т. к. они все сфальсифицированы и поэтому он просит суд разобраться в его деле и во всех фактах предъявленных ему обвинений.

Суд удалился на совещание.

По возвращении суда с совещания Председательствующий огласил приговор.

Председательствующий
УЛЬРИХ
Секретарь
КОЗЛОВ

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР в составе:

Председательствующего Армвоенюриста В. В. УЛЬРИХ

Членов: Бригвоенюриста Д. Я. КАНДЫБИНА

Военного юриста 1 ранга В. В. БУКАНОВА

При секретаре военном юристе 2 ранга Н. В. КОЗЛОВЕ В закрытом судебном заседании, в гор. Москве «1» февраля 1940 года, рассмотрела дело по обвинению: КОЛЬЦОВА-ФРИДЛЯНД Михаила Ефимовича, 1898 г.р., быв. члена редакционной коллегии газеты «Правда» в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–1-а, 58–10, 58–11 УК РСФСР

Предварительным и судебным следствием установлено, что Кольцов-Фридлянд, будучи антисоветски настроенным в 1918–19 годах, в 1923 году примкнул к троцкистскому подполью, пропагандировал троцкистские идеи популярилизировал руководителей троцкизма.

В 1932 году Кольцов-Фридлянд был вовлечен в троцкистскую террористическую организацию врагом народа Радеком и по заданию последнего установил контакт с агентами германских разведывательных органов, кроме этого в 1935–36 годах Кольцов-Фридлянд установил организационную связь с агентами французской и американской разведок и передавал им секретные сведения.

Признается виновность Кольцова-Фридлянд в совершении им преступлений, предусмотренных ст. ст. 58–1-а, 58–11 УК РСФСР, Военная Коллегия Верхсуда СССР, руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР,

ПРИГОВОРИЛА:

Кольцова-Фридлянд Михаила Ефимовича подвергнуть высшей мере уголовного наказания расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председатель

Ульрих
Члены
Кандыбин Буканов

СПРАВКА

Приговор о расстреле Кольцова Михаила Ефимовича приведен в исполнение «2» февраля 1940 г.

Пом. Нач. 1-го Спецотдела НКВД СССР Ст. лейтенант государств, безопасности:

(КАЛИНИН)

В тот же день, что и у Кольцова, состоялся «суд» над Всеволодом Мейерхольдом. «Судил» тот же Ульрих. Расстреляли Мейерхольда вместе с Кольцовым. С Бабелем Ульрих «разобрался» на семь дней раньше — 26 января 1940 года. На следующий день его расстреляли. Тела всех троих были сожжены, а пепел бросили в одну большую яму на территории Донского монастыря. Эта яма-могильник, в которой лежит прах еще сотен ни в чем не повинных людей, называется — «захоронение № 1»…

Вспоминает Борис Ефимов:

«…В первых числах марта сорокового года, когда я в очередной раз явился в „помещение № 1“ с двадцатью рублями, деньги у меня не приняли. Сотрудник в окошечке сообщил, что дело Кольцова следствием закончено и поступило в Военную коллегию Верховного суда. Я понял, что наступил решающий момент и надо что-то предпринимать. Надо хлопотать, думал я, чтобы к судебному разбирательству допустили защитника (слово „адвокат“ было тогда не в чести). Как это сделать? И так случилось, что тогда же я встретил на улице известного московского адвоката Илью Брауде, участника всех политических процессов той поры, и поделился с ним своими заботами. Он посоветовал мне немедленно написать председателю Военной коллегии Ульриху просьбу принять меня по делу моего брата такого-то. Я сейчас же написал такое письмо и отнес его в секретариат Военной коллегии, находившийся в угрюмом четырехэтажном здании позади памятника первопечатнику Ивану Федорову.

По дороге в Военную коллегию я сгоряча решился на более серьезный и рискованный шаг — зашел на Центральный телеграф и дал телеграмму с просьбой разрешить участие защитника в деле Кольцова по адресу: Кремль, товарищу Сталину.

В подъезде Военной коллегии я увидел дверь с надписью

„Справочное бюро“ и решил на всякий случай туда наведаться. Сотрудник бюро повел пальцем по страницам толстой книги:

— Кольцов? Михаил Ефимович? 1898 года рождения? Есть такой. Суд состоялся первого февраля. Приговор: 10 лет дальних лагерей без права переписки.

— Опоздал, — с огорчением пробормотал я, — надо было раньше писать Ульриху. А теперь зачем он будет меня принимать?

Я вернулся домой. Каково же было мое удивление, когда мой одиннадцатилетний сын Миша сказал, что мне звонили из какой-то Военной коллегии, оставили номер телефона и просили позвонить. Я позвонил, и мне было сказано, что товарищ Ульрих примет меня завтра в 10 часов утра.

— Что это может означать? — недоумевал я. — Может быть, он хочет показать мне признание Кольцова: вот, полюбуйтесь, чем занимался ваш брат. Но я ничему не поверю. Скажу прямо: не верю!

— Ради бога, — сказала мне жена. — Ради бога, не хорохорься и не лезь на рожон. Не было бы хуже.

…В огромном кабинете, устланном ковром, стоял у письменного стола маленький лысый человек с розовым лицом и аккуратно подстриженными усиками. Ульрих был видной фигурой того времени. В течение многих лет он возглавлял Военную коллегию, председательствовал на всех крупных политических процессах двадцатых-тридцатых годов. Принял он меня со снисходительным добродушием, явно рисуясь своей „простотой“ и любезностью:

— Ну-с, — улыбчиво заговорил он, садясь в кресло, — садитесь, пожалуйста. Так чего бы вы от меня хотели?

— Откровенно говоря, Василий Васильевич, я и не знаю, чего теперь хотеть. Дело в том, что я собирался просить вас о допущении защитника к слушанию дела Кольцова, но вчера узнал, что суд уже состоялся. Как обидно, что я опоздал!

— О, можете не огорчаться, — ласково сказал Ульрих, — по этим делам участие приглашенных защитников не разрешается. Так что вы ничего не потеряли. Приговор, если не ошибаюсь, десять лет без права переписки?

— Да, Василий Васильевич. Но позвольте быть откровенным, — осторожно сказал я. — Существует, видите ли, мнение, что формула „без права переписки“ является, так сказать, символической и прикрывает нечто совсем другое…

— Нет, зачем же, — невозмутимо ответил Ульрих, — никакой символики тут нет. Мы ведь, если надо, даем и пятнадцать, и двадцать, и двадцать пять. Согласно предъявленным обвинениям.

— А в чем его обвиняли?

Ульрих задумчиво устремил глаза к потолку и пожал плечами.

— Как вам сказать, — промямлил он, — различные пункты пятьдесят восьмой статьи. Тут вам, пожалуй, трудно будет разобраться.

И далее наша беседа приняла характер какой-то странной игры. Ульрих твердо придерживался разговора на темы литературы и искусства, высказывал свои мысли о последних театральных постановках, спрашивал, над чем работают те или иные писатели и художники, интересовался, какого мнения о нем „писательская братия“, верно ли, что его улыбку называют „иезуитской“, и т. п. Все мои попытки узнать что-нибудь о брате он встречал благодушной иронией.

— Ох, обязательно вы хотите что-нибудь у меня выведать, — приговаривал он, посмеиваясь.

Я уже понял, что мой собеседник просто-напросто забавляется нашей беседой, но продолжал вставлять интересующие меня вопросы. Однако все, что я узнал, — это то, что председательствовал на суде над Кольцовым лично он, Ульрих, и что „выглядел Кольцов, как обычно, разве только немного осунулся…“

— А он признал себя виновным? — спросил я.

Ульрих юмористически погрозил мне пальцем.

— Э, какой вы любопытный, — сказал он со своей знаменитой улыбочкой и после маленькой паузы добавил: — Довольно ершистый у вас братец. Колючий. А это не всегда бывает полезно…

Потом помолчал и, став вдруг серьезным, сказал:

— Послушайте. Ваш брат был человеком известным, популярным. Занимал видное общественное положение. Неужели вы не понимаете, что, если его арестовали, значит, на то была соответствующая санкция?

Яснее нельзя было дать понять, что все мои вопросы, расспросы и хлопоты не только наивны, но и бессмысленны. Разговор явно пришел к концу. Я поднялся с места. Однако мой словоохотливый собеседник снова стал балагурить.

— А вот мне хорошо, — болтал он, выйдя из-за стола и прохаживаясь по громадному ковру, — никаких у меня нет братьев и вообще никаких родственников. Был вот отец, и тот недавно умер. Ни за кого не надо беспокоиться и хлопотать не надо. Да… Ну-с, а вам я советую спокойно работать и поскорее забыть об этом тяжелом деле. А брат ваш, — доверительно прибавил он, — думаю, находится сейчас в новых лагерях за

Уралом. Да, наверно, там.

Уже выходя из кабинета, я остановился в дверях.

— Василий Васильевич, — сказал я, — а вы разрешите через какое-то время вернуться к этому делу, ходатайствовать о его пересмотре?

В водянистых глазах Ульриха мелькнула усмешка:

— Конечно, конечно, — сказал он. — Через какое-то время…»

После этого замечательного приема у «армвоенюриста 1-го ранга» прошел год, второй, третий. Уже позади было нападение Гитлера на нашу страну, позади было отступление наших армий, позади было поражение немцев под Москвой, позади был разгром гитлеровцев под Сталинградом и на Курской дуге, но ожесточенная война с захватчиками продолжалась.

В течение многих лет, вплоть до смерти Сталина и ареста Берии мой дед получал известия о Кольцове от людей, якобы видевших его в лагере, находившихся там вместе с ним. Во время войны пришли сведения, что Кольцов служит в войсках Приволжского округа. Человек, рассказавший об этом, даже беседовал с ним по телефону. Редактор «Красной звезды», генерал-майор Н. А. Таленский совершил смелый по тем временам поступок — по просьбе Б. Ефимова послал следующий официальный запрос в Приволжский военный округ:

Прошу сообщить, действительно ли с сентября 1943 г. по март 1944 г. проходил службу в 5 батальоне вверенного Вам полка старший лейтенант КОЛЬЦОВ Михаил Ефимович, рождения 1898 г. гор. Киев, а также куда и когда убыл.

Ответственный редактор

Генерал-майор Н. Таленский

Но, конечно, никакого Кольцова там не оказалось. Подобные мифические сведения о Кольцове появлялись не раз. Я хочу подробно рассказать только об одном таком случае. Почему только об одном? Дело в том, что все предыдущие сведения о Кольцове исходили от людей, его лично не знавших. А тут речь пойдет о человеке, который Кольцова прекрасно знал и не мог ошибиться. Это — некто художник Храпковский, до своего ареста работавший в журнале «Крокодил», редактором которого был в то время Кольцов. Не верить Храпковскому, казалось, не было оснований. Вот его рассказ:

— Дело было в июле сорок второго года, в Саратове. Я увидел Михаила Ефимовича в бараке пересыльной тюрьмы. Он узнал меня, сказал, что его возвращают в Москву и он не ждет от этого ничего хорошего. «Если увидите Борю, — сказал он, — передайте

ему, что я ни в чем не виноват».

— А как он выглядел? — спросил дед Храпковского. — Во что был одет?

— Во что одет? Да что вы? Июль месяц, в бараке чудовищная жара. Все сидели полуголые, потные… Не можете себе представить…

Много лет спустя выяснилось, что такие «весточки» получали многие родственники осужденных, как правило, расстрелянных. Видимо, это трудилось ведомство Лаврентия Павловича, задачей которого была целенаправленная дезинформация.

Так случилось, что в начале 1944 года Борис Ефимов случайно столкнулся в коридоре Кремлевской поликлиники с Ульрихом. (Любопытно, что этому престижному лечебному заведению Б. Ефимов был прикреплен еще по ходатайству главного редактора «Известий» Н. Бухарина и по какому-то очевидному недосмотру не был откреплен, когда спустя несколько лет стал братом «врага народа».) Увидев Ульриха, дед решительно к нему подошел:

— Здравствуйте, Василий Васильевич. Если не забыли, Ефимов, брат Михаила Кольцова.

— Как же, как же, — с улыбочкой отозвался Ульрих. — Отлично помню.

— Василий Васильевич, вы тогда, при нашей встрече, сказали, что через какое-то время можно будет вернуться к делу Кольцова. Не пришло ли это время?

Улыбка Ульриха стала еще любезнее.

— Ну, что ж. Можно попробовать. Напишите-ка официальное заявление на мое имя.

— А что надо писать, Василий Васильевич?

Ульрих подумал.

— Пока что просите сообщить, где он находится.

На следующий день дед отнес в хорошо знакомое ему помещение на углу Лубянской площади следующее заявление:

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

товарищу В. В. УЛЬРИХУ

Уважаемый товарищ УЛЬРИХ!

Разрешите обратиться к Вам с просьбой сообщить мне, если возможно, где находится в настоящее время мой брат — КОЛЬЦОВ Михаил Ефимович — 1898 года рождения, арестованный органами НКВД 13 декабря 1938 года и осужденный Военной Коллегией в марте 1940 года на 10 лет лишения свободы.

Художник Бор. Ефимов
28/1-1944 г.

На сей раз Ульрих, видимо, не счел нужным повторять ложь о «дальних лагерях» и просто ничего не ответил.

В марте 1953 года умер Сталин. Некоторое время спустя был арестован и расстрелян Берия. Как и его жертвы, он был объявлен шпионом и «врагом народа». Хотя со вторым трудно не согласиться.

Назревали какие-то перемены. Из тюрем были выпущены заключенные, правда, в основном уголовники. Дед написал Ворошилову, в то время занявшему пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР:

«Глубокоуважаемый Климент Ефимович!

Простите, что беру на себя смелость обратиться лично к Вам по глубоко волнующему меня вопросу.

Речь идет о судьбе человека, которого Вы в свое время знали: это — Михаил Кольцов, мой брат.

Он был арестован в декабре 1938 года, вскоре после того, как во главе НКВД стал Л. Берия. В марте 1940 года в канцелярии Военной Коллегии Верховного Суда мне сообщили, что мой брат осужден на 10 лет заключения в дальних лагерях без права переписки.

Прошло 15 лет. О брате ничего не известно. Никаких сведений о нем не дают и органы МВД, куда я обращался.

Я не знаю, в чем обвинили Кольцова, не знаю теперь, была ли вообще за ним подлинная вина. Но, во всяком случае, я убежден, что он понес достаточно суровую кару не только пятнадцатилетним заключением, но еще более тем, что в расцвете творческих сил и энергии, накануне решающей схватки с гитлеризмом был вычеркнут из боевых рядов советской журналистики.

Дорогой Климент Ефремович!

Мой брат еще не стар. Он смог бы еще послужить Родине своим пером писателя-публициста. Обращаюсь к Вам с горячей просьбой уделить внимание судьбе Михаила Кольцова, помочь ему вернуться к жизни, работе, творчеству.

28 июня 1954 года. Бор. Ефимов».

От Ворошилова позвонил его помощник Леонид Щербаков и сказал, что заявление деда передано в Верховную коллегию для рассмотрения. Но дед этим не ограничился и написал письмо-заявление Александру Фадееву как депутату Верховного Совета.

Дорогой Александр Александрович!

Я не позволил бы себе оторвать у Вас время по личному вопросу, если бы дело не касалось трагической судьбы близкого мне человека, которого Вы в свое время знали.

Речь идет о Михаиле Кольцове.

Он был арестован 13 декабря 1938 года, т. е. вскоре после того, как у руководства НКВД стал Берия.

В марте 1940 года в канцелярии Военной Коллегии Верховного Суда мне сообщили, что брат осужден на 10 лет заключения в дальних лагерях без права переписки. С тех пор прошло 14 лет. О брате ничего не известно. Никаких сведений о нем не дают и органы МВД, куда я неоднократно обращался.

Я не знаю, в чем обвинили Кольцова, какие были приписаны ему преступления. Но теперь все чаще думаю о том, что он пал жертвой провокационной клеветы, сфабрикованной людьми, для которых стала нежелательной литературная и общественная деятельность Михаила Кольцова, которые решили устранить этого популярного советского журналиста.

Горько сознавать, что накануне решающей битвы с Гитлером, весь творчески мобилизованный и отдающий свои способности делу борьбы с обнаглевшим фашизмом, в расцвете сил и энергии Михаил Кольцов был вычеркнут из боевых рядов советской журналистики.

Горько думать, что в годы Великой Отечественной войны им могли бы быть созданы произведения подобные «Испанскому дневнику», который Вы, вместе с А. Н. Толстым, назвали «великолепной, страстной, мужественной и поэтической книгой» в статье «Испанский дневник», опубликованной в «Правде» в ноябре 1938 года, т. е. за немного дней до ареста автора этой книги.

Дорогой Александр Александрович! Хочу быть предельно краток, чтобы не отнимать у Вас лишнего времени. Мне известно, что по личному указанию Климента Ефремовича ВОРОШИЛОВА, Главная Военная Прокуратура производит в настоящий момент проверку дела моего брата и разыскивает его самого.

Я глубоко уверен, что Ваше мнение о Михаиле Кольцове, Ваша характеристика его, как писателя и общественного деятеля, имели бы сейчас первостепенное значение.

Позвольте мне надеяться, что Вы найдете возможным уделить внимание судьбе брата и поможете ему вернуться к работе и творчеству, если он жив, поможете реабилитации его честного имени советского писателя-патриота, если он погиб.

Глубоко Вас уважающий Бор. Ефимов

Непосредственной проверкой и изучением дела Кольцова занимается Заместитель Главного Военного Прокурора тов.

Терехов.

Если Вы, Александр Александрович, пожелали бы поговорить о затронутых вопросах более подробно, то я в любой день и час готов прибыть по Вашему вызову.

20 августа 1954 года.

На это письмо почти через два месяца был получен следующий лаконичный ответ:

7 октября 1954 г.

Уважаемый Борис Ефимович!

Ваше заявление по делу Вашего брата М. Е. Кольцова направлено мной Генеральному Прокурору СССР товарищу Руденко Р. А.

О результатах Вам будет сообщено.

С приветом А. Фадеев

ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Конечно же, никто из тех, в чьи руки попали ходатайства о реабилитации Кольцова — ни Ворошилов, ни Фадеев, ни Руденко, ни те прокуроры, которые непосредственно занимались проверкой «Дела Кольцова» — ни минуты не сомневались, что дело это фальсифицировано, и тем не менее самый процесс реабилитации был длительным и скрупулезным. Не раз и не два моего деда вызывал на допрос прокурор полковник Аракчеев и подробно, часами, выяснял все, связанные с арестом Кольцова, факты. Наконец в один из зимних дней 1954 года дед вышел из Главной Военной Прокуратуры со следующей справкой:

Сообщаю, что 18 декабря 1954 года Военная Коллегия Верховного суда СССР, по заключению Прокуратуры СССР, приговор по делу Вашего брата КОЛЬЦОВА Михаила Ефимовича отменила и дело в отношении его прекратила за отсутствием состава преступления.

За официальной справкой о прекращении дела в отношении КОЛЬЦОВА М.Е. Вам надлежит обратиться в Военную Коллегию Верховного суда СССР по адресу Москва, ул. Воровского, 13.

Зам. главного военного прокурора полковник юстиции Терехов

Простившись с Аракчеевым, дед вышел на улицу Кирова и в трескучий мороз направился прямо в Дом Союзов. Там уже третий день проходил Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Ему не терпелось, чтобы все поскорее узнали о реабилитации Михаила Кольцова. Был перерыв между заседаниями, и дед сразу направился за сцену искать Фадеева. Тот что-то писал. За его спиной стоял Константин Симонов.

— Здравствуйте, Александр Александрович! — сказал дед. — Вот, посмотрите.

Фадеев прочел справку прокуратуры. Помолчал.

— Ну, что ж. Отлично, — сказал он.

И после некоторой паузы, спросил:

— Ну, а какова же его судьба?

— Не знаю, Александр Александрович, но мне не очень нравится, что эту справку вручили мне, а не ему лично.

— Да, — задумчиво сказал Фадеев, — это внушает тревогу.

Трудно сказать, о чем в эту минуту думал Фадеев. Ведь по своему положению генерального секретаря Союза писателей он

скреплял подписью постановления об аресте того или иного члена Союза. Подписал он, наверно, и арест Кольцова, с которым был в многолетней дружбе. И не мог он, безусловно, без внутренней горечи читать в этой справке фразу об «отсутствии состава преступления».

— Александр Александрович, — сказал Ефимов, — может быть, с трибуны съезда как-то упомянуть фамилию Кольцова, которая пятнадцать лет была под запретом.

Фадеев подумал.

— Вы знаете, — сказал он, — главное не в этом. Писатель должен прийти к людям через свои произведения. Вот, Симонов курирует издательство «Советский писатель». Надо срочно переиздать «Испанский дневник». Потом другие произведения.

— Да, Александр Александрович, прежде всего «Испанский дневник». И с той рецензией, которую вы написали вместе с Алексеем Толстым для «Правды» незадолго до… А вы, Константин Михайлович, были тогда еще молодой, эту рецензию, наверно, не знаете.

— Напрасно вы так думаете, — отозвался Симонов. — Эту рецензию я очень хорошо помню.

Недели через три на секретариате Союза писателей было принято решение об утверждении Комиссии по литературному наследию М. Е. Кольцова в составе: Д. Заславский (председатель), Б. Агапов, К. Симонов и Б. Ефимов.

Вот подлинный текст документа, подобные которому получили широкое распространение в нашей стране под названием «посмертная реабилитация»:

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР
ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н — 011 726
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В составе: Председательствующего Генерал-Лейтенанта юстиции Чепцова и членов: генерал-майора юстиции Степанова и полковника юстиции Семика рассмотрев в заседании от «18» декабря 1954 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР

на приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 1-го февраля 1940 года, которым КОЛЬЦОВ-ФРИДЛЯНД Михаил Ефимович осужден по ст. ст. 58–1 «а», 58–10, 58–11 УК РСФСР к ВМН — РАССТРЕЛУ, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества, заслушав доклад тов. Степанова и заключение пом. Главного Военного прокурора подполковника юстиции Аракчеева,

УСТАНОВИЛА:

По приговору Кольцов-Фридлянд признан виновным в том, что, будучи антисоветски настроенным, в 1923 году примкнул к троцкистскому подполью, пропагандировал троцкистские идеи и популяризировал руководителей троцкизма.

В 1932 году был вовлечен в троцкистскую террористическую организацию врагом народа Радеком и по заданию последнего установил контакт с агентами германских разведывательных органов.

Кроме того, в 1935–36 г.г. установил организационную связь с агентами французской и американской разведок и передавал им секретные сведения.

В заключении Главного Военного Прокурора указывается, что Кольцов-Фридлянд осужден необоснованно, по непроверенным материалам, и ставится вопрос об отмене приговора Военной Коллегии и прекращении дела в отношении Кольцова-Фридлянда ввиду отсутствия преступления в действиях осужденного.

В заключении отмечается, что в связи с проведенной проверкой по этому делу открылись новые обстоятельства, которые не были известны суду при вынесении приговора по делу Кольцова-Фридлянда и которые свидетельствуют о его невиновности.

На предварительном следствии Кольцов-Фридлянд признал себя виновным в предъявленном ему обвинении, однако в суде от своих показаний он полностью отказался и признал себя виновным лишь в том, что он в 1918 году написал несколько статей антисоветского характера, но об этом своевременно было известно Партии и Советскому Правительству и этот «грех» он загладил последующей безупречной работой.

На следствии Кольцов-Фридлянд признал, что он имел преступную связь с врагом народа Радеком. Однако, просмотром дела на Радека установлено, что Кольцов-Фридлянд по его показаниям не проходит.

Кольцов-Фридлянд также на следствии показывал, что он установил преступные связи с бывшими работниками МИД СССР Гнединым, Гиршфельд, Мироновым и Штейн Б. Е. Просмотром архивно-следственного дела Миронова (Пинес) Б.М. установлено, что Кольцов М. Е. по его показаниям, как участник троцкистской организации и как агент иностранных разведок, не проходит.

Гиршфельд и Гнедин, изобличавшие Кольцова в преступной связи с ними, еще на предварительном следствии отказались от своих показаний и заявили, что они в результате применения к ним незаконных методов следствия, оговорили себя и других лиц.

Бывший полпред в Риме — Штейн Б. Е. по данным учетно-архивного отдела КГБ осужденным не значится. Просмотром

архивно-следственного дела по обвинению бывшего сотрудника редакции газеты «Правда» Леонтьевой Т. К., изобличавшей в ходе предварительного следствия Кольцова в его преступной деятельности, установлено, что она еще в процессе следствия отказалась от своих показаний. Дело в отношении Леонтьевой в 1941 году постановлением Особого Совещания прекращено.

Будучи допрошенной Главной военной прокуратурой 27 августа 1954 года Леонтьева характеризовала Кольцова, как преданного Советскому государству человека.

В отношении своих показаний от 25 сентября 1938 года Леонтьева показала, что таких показаний на Кольцова она не давала, что эти показания являются сплошным вымыслом и клеветой на Кольцова, что этот протокол сфальсифицирован следователем Макаровым и что подписала она эти показания в результате применения к ней незаконных методов следствия.

Далее в заключении отмечается, что в Постановлении на арест Кольцова М. Е. указано, что родной брат Кольцова — Фридляндер (историк) расстрелян органами НКВД, как активный враг, ближайший сподвижник Тер-Ваганяна.

Проверкой установлено, что в 1936 году действительно был арестован, а в 1937 году осужден к ВМН профессор истории Фридлянд (а не Фридляндер) Григорий Самойлович, однако, как это видно из материалов дела на Фридлянд Г. С., Кольцов М. Е. ни в каком родстве не состоял с ним и по его показаниям вообще не проходит.

В заключении утверждается, что как видно из оперативных материалов дела НКВД СССР, в процессе следствия в отношении Кольцова применялись незаконные методы следствия.

В связи с тем, что изложенные обстоятельства не были известны суду при рассмотрении дела в отношении Кольцова М. Е. Военный Прокурор полагает необходимым рассмотреть это дело по вновь открывшимся обстоятельствам и отменить приговор, а дело в уголовном порядке прекратить за отсутствием состава преступления в действиях осужденного.

Проверив все собранные материалы по делу и обсудив заключение Главного Военного Прокурора, Военная Коллегия Верховного Суда СССР находит, что в заключении обоснованно ставится вопрос об отмене приговора в отношении Кольцова-Фридлянда и прекращении его дела в уголовном порядке, а потому,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 1 февраля 1940 года по делу Кольцова-Фридлянда Михаила Ефимовича в связи с открывшимися новыми обстоятельствами

отменить и дело в уголовном порядке в силу ст.4 п.5 УПК РСФСР прекратить.

Председательствующий Чепцов

Члены Степанов, Семик

Получив справку о реабилитации брата, дед счел нужным написать Ворошилову:

Глубокоуважаемый КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ!

Согласно Вашему указанию, Прокуратура СССР произвела проверку дела моего брата КОЛЬЦОВА Михаила Ефимовича. Мне сообщено, что обвинения, выдвинутые в свое время против Кольцова, оказались фальсифицированными и ложными. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговор по делу Кольцова отменила и дело прекратила за отсутствием состава преступления.

Таким образом, Михаил Кольцов полностью реабилитирован. Руководство Союза Советских писателей считает нужным переиздать «Испанский дневник» и другие избранные литературные произведения Кольцова.

От всей души приношу Вам, дорогой Климент Ефремович, горячую благодарность за внимание к судьбе моего брата, так несправедливо и трагически пострадавшего.

К великому сожалению, никаких точных сведений о его участи я не получил. По мнению Председателя Военной Коллегии-генерала Чепцова, который лично со мной беседовал, Кольцова уже много лет нет в живых. Однако, это не подкрепляется никакими определенными данными. С другой стороны, мне известны факты, которые дают серьезные основания предполагать, что брат жив.

Дорогой КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ!

Ваше вмешательство привело к восстановлению честного имени коммуниста и писателя Михаила Кольцова. Это дает мне смелость еще раз обратиться к Вам и просить Вас дать указания о более тщательных розысках его самого.

Очень прошу Вас, Климент Ефремович, извинить меня за беспокойство, а также принять мои самые лучшие и самые искренние пожелания здоровья и счастья в Новом году.

2 января 1955 г. Бор. Ефимов

Через несколько дней после того, как дед отправил письмо Ворошилову, у нас дома раздался телефонный звонок. Дед подошел к телефону. Говорил Ворошилов:

— Здравствуйте. Ну, вы больше не «брат врага народа».

— Да, Климент Ефремович. Большое вам спасибо. Но…

— Да, да. Я знаю. К великому сожалению… Очень вам сочувствую. Ну, всего хорошего.

Дед почувствовал, что этот разговор тяготит Ворошилова и ему хочется поскорее его закончить. Его нетрудно было понять… Ведь на совести Ворошилова были смерть Тухачевского, Якира, Уборевича, Егорова, Блюхера, его боевых соратников по Гражданской войне, а также тысячи и тысячи других боевых командиров, к смертной казни которых он, Ворошилов, приложил руку…

…Я заканчиваю свой рассказ о судьбе Михаила Кольцова. Короткой была его жизнь. Он не знал старости и только-только вступил в пору зрелости. Но за эти не столь уж долгие годы успел сделать так много, что этого хватило бы на десяток биографий других людей. Об этом свидетельствует хотя бы сборник воспоминаний «Михаил Кольцов, каким он был», где о его кипучей, неутомимой, разносторонней деятельности пишут люди, его знавшие: писатели, журналисты, военачальники, дипломаты, политики, деятели культуры. Подробно рассказывая о том, каким он был энергичным, мужественным, талантливым, остроумным, веселым и т. д., авторы воспоминаний весьма неохотно обращаются к событиям после роковой ночи с 12 на 13 декабря 1938 года, то есть после его ареста в редакции «Правды». Как будто некий «железный занавес» секретности и тайны опускается над его дальнейшей судьбой. Воспоминания о нем заканчиваются, как правило, осторожными намеками:

«…Мы расстались весной 1938 года, а в декабре стреляного сокола не стало. Было ему тогда всего 40 лет». (Илья Эренбург)

«…Кольцов глубоко осмысливал события и не поддавался иллюзиям. В голове его роились замыслы будущих произведений, глубоких и прекрасных. Жестокая рука оборвала эти замыслы». (Д. Заславский)

…Кольцов «был уже у двери, когда Мария Ильинична, проводив его кивком, пригласила:

— Просим. Заходить. Писать. Почаще.

…Так начался в „Правде“ Михаил Кольцов.

На ниве „Правды“ он „старался“ после этого почти двадцать лет! Старался до самого конца своей трагически укороченной жизни». (Софья Виноградская — секретарь М. И. Ульяновой)

«…Последнее рукопожатие… Оно особенно трагично потому, что ни он, ни я не могли предполагать, что это — последнее… Больше не дано нам было встретиться». (Александр Дейч)

«…Пало ему на долю бороться со злом… Он это и делал безропотно по тот самый день, как был вынужден расстаться с

нами». (В. Ардов)

«…Читая его сейчас, мы остро ощущаем, какого выдающегося писателя утратили мы и сколько еще значительных и своеобразных книг могла бы создать эта „умная, храбрая, веселая голова“». (Л. Славин)

Подобных примеров можно привести еще немало. Умолчания о причинах исчезновения людей были вполне в духе того времени, когда, даже после смерти Сталина, власть не любила упоминаний фактов ареста и гибели безвинно репрессированных. Но я поставил себе задачу подробно рассказать именно об этих последних страшных четырнадцати месяцах жизни Кольцова. И смог (не без трудностей) получить в свои руки «навечно» засекреченное дело № 21 620. Хочу надеяться, что мое повествование о жизни и судьбе Кольцова даст читателю достаточно полное представление об этом незаурядном человеке.

Нередко можно услышать определение — «это был человек своего времени». Собственно говоря, эти слова применимы к любому из нас — ведь каждый, по существу, «человек своего времени». А время, выпавшее на долю Кольцова, — это 20 лет советской власти, которой он служил искренно, сознательно, преданно. Теперь почему-то принято охаивать без разбора почти всех людей, этой власти служивших. Что при советской власти было хорошо, а что плохо — на этот счет существуют различные мнения. Давать какие-то оценки — вне задач этой книги. Возникает, однако, вопрос: могли Кольцов не понимать творимых советской властью беззаконий и преступлений, не видеть террора, который обрушился на страну? Конечно, видел и понимал. Но, будучи человеком, фанатически верившим Сталину, как и многие другие, считал, видимо, что это неизбежно; и делается Сталиным в интересах всего общества и страны. Некоторыми своими публикациями, он, несомненно, поддерживал деяния Сталина. Но не он один занимал такую позицию. Подобный упрек можно отнести практически ко всем писателям и деятелям культуры того времени, за редкими исключениями. Тогда приходилось выбирать одно из двух: либо служить советской власти, либо отправиться в лагерь или на расстрел. Повторяю, почти все, и Кольцов в том числе, верили, что впереди ждет «светлое будущее», и своей деятельностью старались его приблизить. Теперь-то мы знаем, что не было впереди никакого «светлого будущего»…

Когда в наши дни читаешь статьи и книги или смотришь по телевизору передачи, в которых без всякого стеснения и без всяких аргументов смешивают с грязью таких людей, как Горький, Маяковский, Блок (этот список можно продолжить), то становится

горько и досадно. Достается и Кольцову. При этом очернители этих людей забывают или не хотят понять, в какие времена они жили, в каких ситуациях работали, в каких трудных условиях творили. И какие трагические судьбы выпали на их долю.

КОЛЬЦОВ Михаил Ефимович (1898–1940), русский советский писатель-публицист, фельетонист, сатирик. Родился в Киеве, учился в Реальном училище гор. Белостока. В 1916 году поступил в Петроградский психоневрологический институт. Начинал свою литературную деятельность в журнале «Путь студенчества». После Октябрьской революции работал в советской печати. В период Гражданской войны — сотрудник армейских и фронтовых газет, с 1921 года постоянный фельетонист и корреспондент газеты «Правда», где на протяжении почти двух десятков лет изо дня в день публиковал злободневные фельетоны, очерки и корреспонденции, затрагивающие значительные события и острые проблемы современности.

Крупным произведением Кольцова является «Испанский дневник» (1937–1938), посвященный гражданской войне в Испании, очевидцем и активным участником которой он был.

Кольцов был организатором и первым редактором массового еженедельника «Огонек», редактором сатирических журналов «Крокодил» и «Чудак», соредактором (вместе с А. М. Горьким) журнала «За рубежом», организатором и председателем правления Журнально-газетного Объединения (ЖУРГАЗ), членом правления и председателем Иностранной комиссии Союза писателей СССР, главным редактором газеты «Правда», организатором и командиром Агитэскадрильи самолетов им. Максима Горького и т. д. Принимал активное руководящее участие в работе Международных конгрессов писателей в защиту культуры.

В 1938 году избран депутатом Верховного Совета РСФСР и членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В декабре 1938 года арестован, в феврале 1940 расстрелян.

В декабре 1954 реабилитирован за отсутствием состава преступления.

ТАЛАНТЛИВЕЙШИЙ И НАИВНЕЙШИЙ ЧУДАК СТРАНЫ СОВЕТОВ
Послесловие Г. Боровика

Не знаю, как вам, читатель, но мне вряд ли приходилось читать книгу более трагическую, листать документы более страшные, быть свидетелем человеческой жестокости более бессмысленной.

И дело не только в том, что речь идет об уничтожении одного из талантливейших советских писателей. Дело в том — каким изуверским способом ломали и все же не сломили человека выдающегося таланта, огромной силы воли и искренней — я убежден в этом! — веры в победу великих гуманистических идей социализма.

И как бессмысленно было его убийство даже с точки зрения интересов той власти.

Я долго не мог взяться за это послесловие, которое меня просили написать родные Михаила Кольцова, создавшие эту книгу. Не мог, потому что долго перед глазами мелькали эти бесчисленные аккуратные бумажонки, бланки, заполненные по всей форме от руки или на машинке…

«Лейтенант или капитан госбезопасности (имярек) полагает, что следствие и содержание под стражей подследственного Кольцова М. Е. следует продлить еще на месяц». А ниже — «положительная» резолюция начальства повыше, и еще повыше, и еще…

А это означало продлить еще на месяц, а потом еще на месяц, и еще, и еще — избиения, издевательства, плевки в лицо, удары по почкам, пытки беспрерывностью допросов, бессонницей, ярким электрическим светом в глаза. И все это — в применении к человеку, которого знала и любила вся страна, которого ценили крупнейшие писатели всей Европы!

Казалось бы, нелогично в послесловии к только что прочитанной вами, читатель, книге приводить цитаты из нее же. Но я не могу удержаться, чтобы не привести. Это несколько выдержек из протоколов допроса Михаила Кольцова.

Вопрос. Следствие располагает достаточным количеством материалов, уличающих вас в совершении этих преступлений. Предлагаем вам прекратить запирательство и рассказать о своей предательской, а/с деятельности.

(Слово «антисоветский» так часто встречалось в протоколах допросов, что его заменили аббревиатурой «а/с». Для ускорения

работы и для облегчения следовательских мучений в области правописания!)

Ответ. Запирательством я не занимаюсь и еще раз заявляю, что никакой предательской и а/с деятельностью не занимался.

Вопрос. Следствие вам не верит. Вы скрываете свою предательскую а/с деятельность. Об этом мы будем вас допрашивать. Приготовьтесь.

И далее рукой Кольцова: «Протокол мною прочитан, в чем и расписуюсь. Мих. Кольцов».

И еще ниже: «Допросил следователь след, части ГУГБ НКВД Н. Кузьминов».

Вы обратили внимание на эти страшные слова — «Об этом мы будем вас допрашивать. **Приготовьтесь**»?!

Проходит 20 допросов, а Кольцов виновным себя все не признает, и следователь продлевает срок ведения следствия и содержание под стражей на один месяц, потом еще на один, потом еще…

20 допросов, которые прошли с 5 января по 21 февраля 1939 года, даже не запротоколированы, хотя на всех этих допросах его били по лицу, по зубам, по всему телу. Это стало известно теперь, из материалов следствия.

Бумажки, писанные в первые месяцы после ареста, означают, что Кольцов держался четыре месяца. Напрочь не признавал себя виновным в антисоветской деятельности, не приписывал ее другим людям, фамилии которых с выжидательной миной произносили следователи.

Кольцов держался.

Только 9 апреля 1939 года, через четыре месяца истязаний, когда запас человеческих сил истощился до предела, Кольцов начал давать показания, «нужные» следователю. Нелепые с его точки зрения и с точки зрения здравого смысла, нарочито нелепые, которые он потом опровергнет. В этом он уверен. На это он надеется.

Значит, он не сломался. Где-то в тайниках его сердца и души оставалась надежда, что когда эти показания выйдут из рук безграмотных следователей («моё фамилиё» — пишут они в протоколах) и их прочтет кто-то повыше, кто-то, обладающий хотя бы способностью логически мыслить, то там «повыше» поймут: показания Кольцова — выдумка, результат пыток, не более того. Таков был его план.

Ему надо было быть осторожным. Ему не следовало давать показания уж явно бессмысленные. Они могли вызвать новый всплеск жестоких побоев и изощренных истязаний. Ему надо было соблюсти внешнее правдоподобие. Но такое, которое рассыпалось

бы при первой же объективной проверке показаний. Ему нужно было такое «правдоподобие», которое не вызывало бы подозрений у темного следователя Шарикова, но на бессмысленность которого обратили бы внимание люди, хоть немного знавшие жизнь и творчество Михаила Кольцова.

Кольцов, например, «признается» следователю, что находясь в Испании, «по трусости всегда оставался в тылу, хотя надлежало быть на фронте… При этом, — говорит он, — я вел разлагающую работу, убеждая почти всех знакомых, испанских и советских, в бесцельности продолжения войны».

Это был рискованный, почти открытый сигнал тем людям, которые в конце-то концов будут же читать его показания и поймут, что слова его просто вопиющая ложь!

Потому что, в чем, в чем, но в трусости обвинить Кольцова было невозможно. О его мужестве, презрении к опасности знали и его друзья, и миллионы тех, кто читал его корреспонденции с фронтов гражданской войны в Испании. Это знали и члены политбюро. Об этом не раз говорил ему Ворошилов. Об этом говорил ему и сам Сталин!

Эрнест Хемингуэй в 1960 году на Кубе рассказывал мне о том, как там, в Испании, среди людей, приехавших помогать республиканцам отразить фашистский мятеж, существовал верный способ узнать — насколько мужествен твой друг, твой сосед, твой знакомый. Если в трудной опасной ситуации тот был способен сказать шутливое слово, улыбнуться, подбодрить товарищей — это был храбрый человек.

Так вот, по словам Хемингуэя, не было в Испании другого человека, который, как Кольцов, мог найти в себе силы пошутить в самую тяжкую минуту, поднять дух товарищей. Не было другого такого! А там, на той войне в Испании, где на стороне республиканцев собрались люди не по армейскому призыву, а по зову сердца, там трусов было не много.

И вдруг Кольцов утверждает перед следователем на допросе, что он, Кольцов, — на самом-то деле трус и поэтому не бывал в Испании на фронтах, а отсиживался в тылу! Более того — вел там пораженческие разговоры, пытаясь убедить своих собеседников в том, что борьба бесполезна, что одолеть фашизм все равно не удастся!

Кольцов «признается» следователю, что на антифашистском конгрессе писателей в Мадриде он произнес «пораженческую» речь. Но стоит перечитать речь Кольцова на Мадридском конгрессе, чтобы удостовериться — в ней говорит сердце бойца, солдата, антифашиста.

Кольцов уверен, что следователь не читал его речи. А искать

ее, чтобы прочесть и проверить «признание» Кольцова, — не станет. И тут он был прав.

Но он продолжал наивно верить, что найдутся все-таки люди, которые, прочтя хотя бы эти его слова, скажут: «Постойте, здесь что-то не так! Кольцов же явно оговаривает себя!»

Ведь сам Сталин одобрительно отзывался об этой речи. Уж не говоря о Ворошилове, который, кажется, вообще относился к Кольцову с симпатией.

Но таких людей не нашлось. Ни чуть повыше следователя. Ни значительно повыше. Ни на «самом верху».

Таких людей не оказалось. Умные люди — были. Жестокие и решительные — были. Но совестливых — не было. А те, у кого совесть еще шевелилась и доставляла некоторое беспокойство — тем была дарована Великим Кормчим свобода от этих мучений. Потому что сказано было Им: «По мере успешного строительства социализма, классовая борьба обостряется»; потому что молвлено было Им: «Незаменимых людей нет»; потому что одобрены были Им слова Вышинского: «Признание — царица доказательств».

Никто ничего не проверял, ничего не сопоставлял. Никто не высказывал никаких сомнений. Сомневаться было опасно. Топор висел над каждым.

Кольцов называл фамилии, которые ему подсказывали следователи. Читая эти, наверное, самые страшные страницы протоколов, я невольно вздрагивал, встречая имена своих друзей, знакомых или просто известных всем людей. Мой близкий, может быть, ближайший друг Роман Кармен, с которым я вместе сделал несколько фильмов. Николай Николаевич Кружков, удивительной души человек, — с ним я вместе работал в «Огоньке» в середине 50-х и начале 60-х. Илья Ильф, М. М. Литвинов, И. М. Майский — люди, известные всему миру. И еще десятки и десятки имен. Кто-то из них «вербовал» Кольцова то ли во французскую, то ли в немецкую разведку, кого-то «вербовал» он. И все они — в «Огоньке», в «Правде», Наркоминделе, в ЖУРГАЗе, в театрах Москвы, среди писателей, художников, среди членов ЦК и т. д. и т. п. — «состояли в а/с заговорах» и «занимались а/с деятельностью…»

Фантасмагория! Ирреальность! Насмешка над здравым смыслом!

Именно так. Именно на такую реакцию надеялся Кольцов. Не на реакцию следователей. Но на реакцию тех, кто это прочтет «наверху».

Но время шло. И все оставалось по-старому. Допросы продолжались. Никто не открыл дверь камеры, чтобы сказать: «Извините, товарищ Кольцов. Произошла трагическая ошибка. Вы

— свободны».

А Кольцов все еще верил. И готовился к своему последнему слову на суде, чтобы доказательно опровергнуть все, что выбивали из него следователи при помощи пыток…

И настал суд. И ему предъявили обвинение. И предоставили последнее слово. И он отказался от всех своих показаний, поскольку они бьши даны под пытками и угрозой пыток. И доказательно опроверг ту ложь, которую «показывал» следователю, выдавая ее за правду (обязательно перечитайте эту речь Кольцова, между прочим, аккуратно запротоколированную!). И суд, возглавляемый «совестью партии» товарищем Ульрихом, удалился на совещание. И совещался 20 минут. И вынес приговор — «к расстрелу с конфискацией всего личного имущества».

Приговор был приведен в исполнение на следующий день.

Вот и все. Тело Кольцова сожгли. А пепел сбросили в яму, находившуюся на территории Донского монастыря и носившую название «Захоронение № 1».

Мне хочется сказать, что книга, которую вы прочли, читатель, может быть, не имеет себе равных по глубине проникновения в трагедию тех лет. В какой-то степени она — энциклопедия той эпохи.

Я знаю, как тяжело было родным Михаила Кольцова, и прежде всего его родному брату Борису Ефимовичу Ефимову, решиться полностью издать документы «Дела» Кольцова. Особенно в той части, где Кольцов дает показания против своих друзей и знакомых.

Но я глубоко уверен, что все сделано правильно. Потому что вынужденный оговор других и самого себя под пытками — это еще одна грань трагедии того тяжкого времени. Может быть, самая страшная грань.

Если я узнаю, что человек под пыткой или под угрозой пытки лжесвидетельствовал о своем друге, я не буду его презирать. Люди, которые клевещут на других под пыткой, — не доносчики. И не лжесвидетели. Они — люди под пыткой. А под пыткой человек не может отвечать за себя.

Но если человек лжесвидетельствует по зависти или с тайной мыслью получить какую-то выгоду от своей клеветы — материальную, политическую или просто усладу злорадства, — такой человек мне мерзостен. Если б моя воля, я опубликовал бы имена всех доносчиков, клеветавших раньше и клевещущих ныне из любви к самим себе. Чтобы их имен стыдились дети и внуки их до седьмого колена.

Большой друг Михаила Кольцова и Романа Кармена по Испании, замечательный советский разведчик Хаджи Мамсуров (с

него Хемингуэй в большой степени писал Роберта Джордана, героя романа «По ком звонит колокол») вспоминал в своих дневниках о последней встрече с Кольцовым:

«Последний раз я видел Михаила Ефимовича поздней осенью 1938 года. Вернулся из командировки в Москву и в одной приемной столкнулся с Кольцовым. После Испании мы встречались впервые. Кольцов обнял меня, по-испански хлопнул меня по спине. Оставил номер телефона. Просил звонить. В приемной было человека три. Так я и не знаю, кто же из них, спустя несколько недель, написал, что я обнимался не с тем, с кем следовало бы…»

Кольцов вел себя более чем порядочно. Под пыткой он нарисовал фальшивую картину «а/с деятельности», в которой якобы принимали участие он сам и его друзья, знакомые и незнакомые люди. Настолько фальшивую, что следователь, минимально заинтересованный в поиске истины, мог без особого труда обнаружить это. Мало того, на суде Кольцов отказался от всех своих показаний. При этом — доказательно опроверг их. И был на другой день расстрелян.

Страшная фантасмагорическая картина. Веселые упражнения булгаковского Воланда в Москве — детские игрушки по сравнению с тем, что делал «Главный Воланд». Делал без причин, иногда даже во вред самому себе, своему, как бы сейчас сказали, «пиару» или «имиджу». Зачем?

Зачем Сталину нужно было уничтожать Михаила Кольцова, человека, который был предан советской власти, причем, если можно так сказать, — умно предан?

Зачем Кольцова арестовали в тот декабрьский вечер 1938 года, когда он вернулся в редакцию «Правды» из Центрального Дома литераторов после оваций, которыми его наградили лучшие представители творческой интеллигенции Москвы за великолепный доклад в связи с выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)»?

Всем тем, кто присутствовал в тот вечер в ЦДЛ, было известно: Кольцов делал этот доклад по личному поручению Сталина.

А за несколько дней до этого доклада в «Правде» была напечатана сверхпохвальная рецензия на «Испанский дневник» Кольцова, за подписью А. Фадеева и А. Толстого. Все понимали, что такой рецензии таких авторов «Правда» (членом редколлегии которой был тогда Кольцов) без одобрения самого Сталина печатать бы не решилась.

Так почему же арест произведен в вечер триумфа Кольцова, практически организованного Сталиным?

Разве не поставил вождь этим в идиотское положение всю горемычную творческую интеллигенцию Москвы, рукоплескавшую «врагу народа», присланного в ЦДЛ самим Вождем и Учителем? И разве не поставил Вождь и Учитель в такое же идиотское положение и самого себя?

Ведь тут же пошли пересуды шепотом: значит ли это, что левая рука Хозяина не знает, что делает правая? Значит ли это, что Хозяин был не в курсе предстоящего ареста Кольцова? Значит ли это, что всем в стране верховодит Берия? Значит ли это, что Берия умышленно поставил Вождя в неловкое положение, арестовав того, к кому Вождь явно благоволил? Ну и масса других вопросов, слухов, домыслов и предложений!

Константин Симонов в своей последней книге воспоминаний «Глазами человека моего поколения» пишет о том, что никто из людей, с которыми он, Симонов, тогда в 1938 году общался (московские писатели, актеры, т. е. та самая интеллигенция), никто из них не поверил, что Кольцов мог быть врагом народа. Никто!

Фадеев, по свидетельству Симонова, даже счел нужным намекнуть об этом Сталину. Сталин выслушал его и при следующей встрече дал Фадееву несколько листков с протоколами допросов Кольцова, чтобы тот показал их «тем, кто не верит».

Значит, читали «наверху» протоколы показаний, сконструированных Кольцовым так, чтобы их истинный смысл поняли люди, обладающие хотя бы способностью логически мыслить. Читали, но не поняли или не захотели понять.

Еще мальчишкой я, читая старые газеты с отчетами об открытых судебных процессах, поражался, что подсудимые называли себя оскорбительными именами — «я, как бешеная собака, старался навредить социализму», «да, я, будучи коварнейшим врагом советской власти, делал все, чтобы…» и т. п. (не ручаюсь за точность цитат, но ручаюсь за точность стиля «раскаяния»).

Так не мог говорить обвиняемый — это было понятно даже мне, мальчишке. Так мог говорить или писать о нем (или для него) не очень грамотный следователь или очень неталантливый журналист. В этом чувствовалась грубая фальшь.

Но этого не чувствовал Сталин.

Если бы почувствовал — не поздоровилось бы людям, которые написали такие «покаянные» речи подсудимых.

Мне хочется посоветовать читателю: вернитесь к страницам этой книги, где напечатаны фельетоны, очерки и письма Кольцова, писанные в двадцатых и тридцатых годах (не вошедшие

в собрания его сочинений, изданных после его реабилитации в 50-х годах). Вернитесь к этим страницам и перечитайте их. Вы еще раз убедитесь, каким «талантливейшим чудаком» (слова Горького о Кольцове) был этот необыкновенный человек.

Этот чудак был не только талантливейшим, но и очень умным, много повидавшим и много понимавшим человеком, преданным идеям социализма. У него был только один изъян. Как ни странно, он был еще и наивным человеком (талант и наивность часто существуют вместе). Он наивно надеялся на здравый смысл и хотя бы относительную порядочность людей «наверху».

Вот все, что я хотел сказать в своем послесловии. Добавлю только одно. Мы, читатели, должны поблагодарить создателей этой книги за гражданский подвиг.

Генрих Боровик

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Братья Борис и Михаил.

1908 г. Семья Фридляндов: отец Ефим Моисеевич, Борис, мать Рахиль Савельевна, Михаил.

На Тверском бульваре. 20-е годы. Слева направо: С. Буданцев, Е. Зозуля, Ю. Саблин, М. Кольцов, Л. Никулин, Сусанна Марр.

М. Кольцов в юности.

М. Кольцов, Н. Беляев, Б. Ефимов, 20-е годы

Апрель 1924 г. Годовщина журнала «Огонек». Сидит второй слева — М. Кольцов.

М. Кольцов.

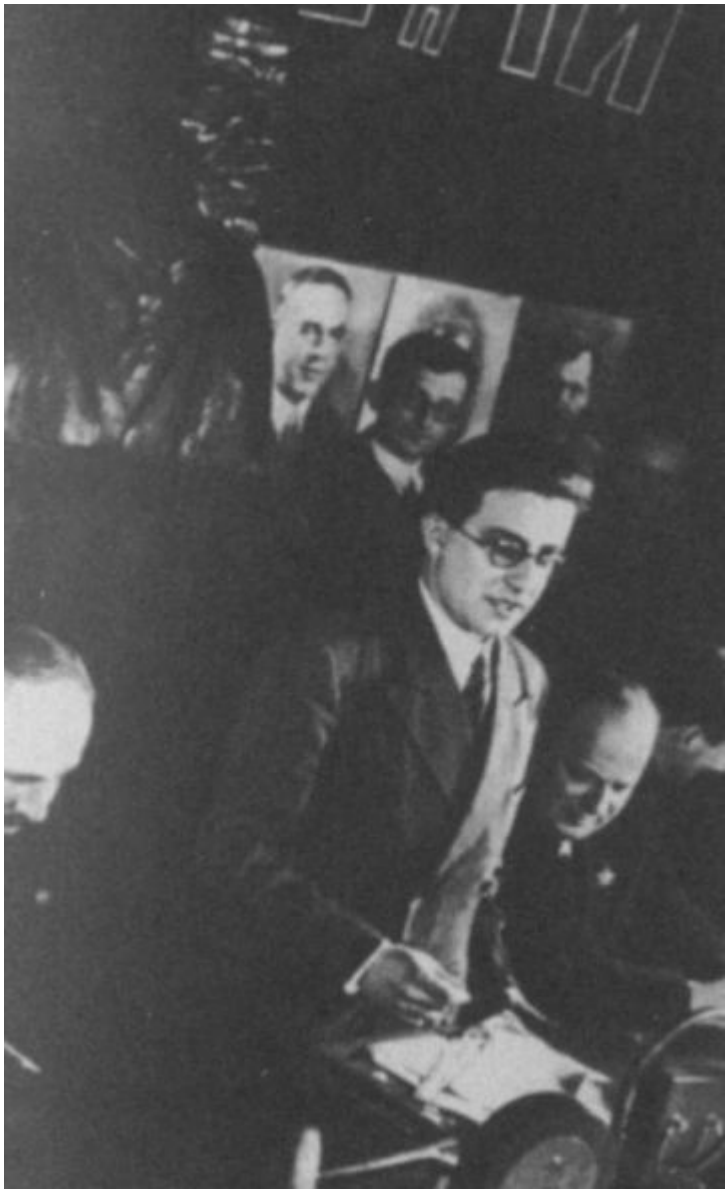
К середине 20-х годов М. Кольцов становится одним из ведущих сотрудников «Правды». На фото он рядом с М. И. Ульяновой.

В это время еще можно было без опаски подшучивать над тем, как «нянчится» с рабкорами М. И. Ульянова. Дружеский шарж Б. Ефимова

Участник рекордного перелета над Европой на самолете «Крылья Советов». Первым из советских журналистов он совершил в воздухе «мертвую петлю».

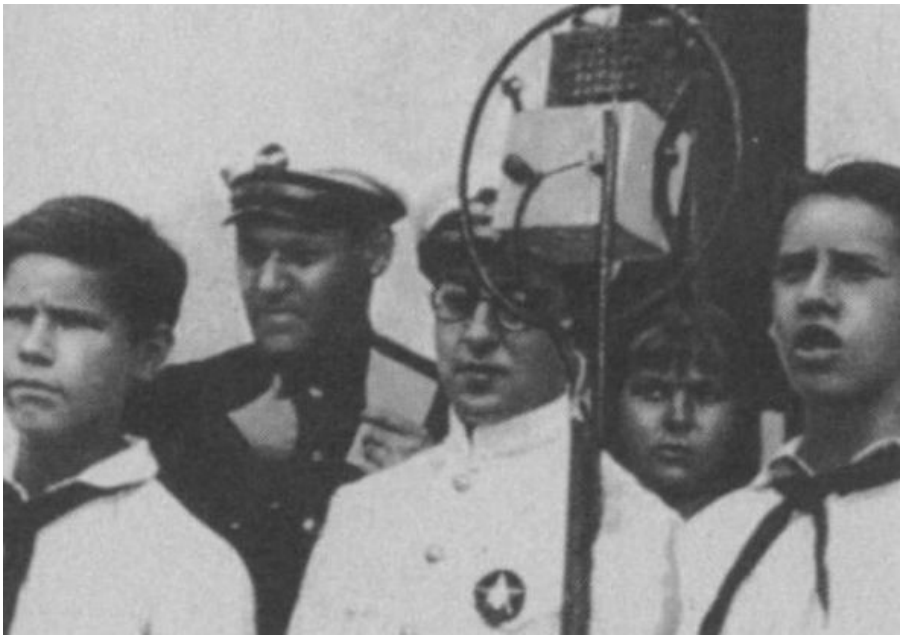
В 1926 году на одном из первых самолетов М.Кольцов перелетел через Черное море в Анкару.

В Риме после перелета. М.Кольцов, М. Громов беседуют с адъютантом Муссолини графом Рабилантом (крайний справа).



Журналист-летчик предложил построить гигантский самолет «Максим Горький», на борту которого были бы редакция и типография.

Авиационные заслуги М. Кольцова получили необычное для журналиста признание: приказом Реввоенсовета ему было присвоено звание летчика-наблюдателя. На переднем плане: К. Ворошилов, Я. Гамарник и М. Кольцов.

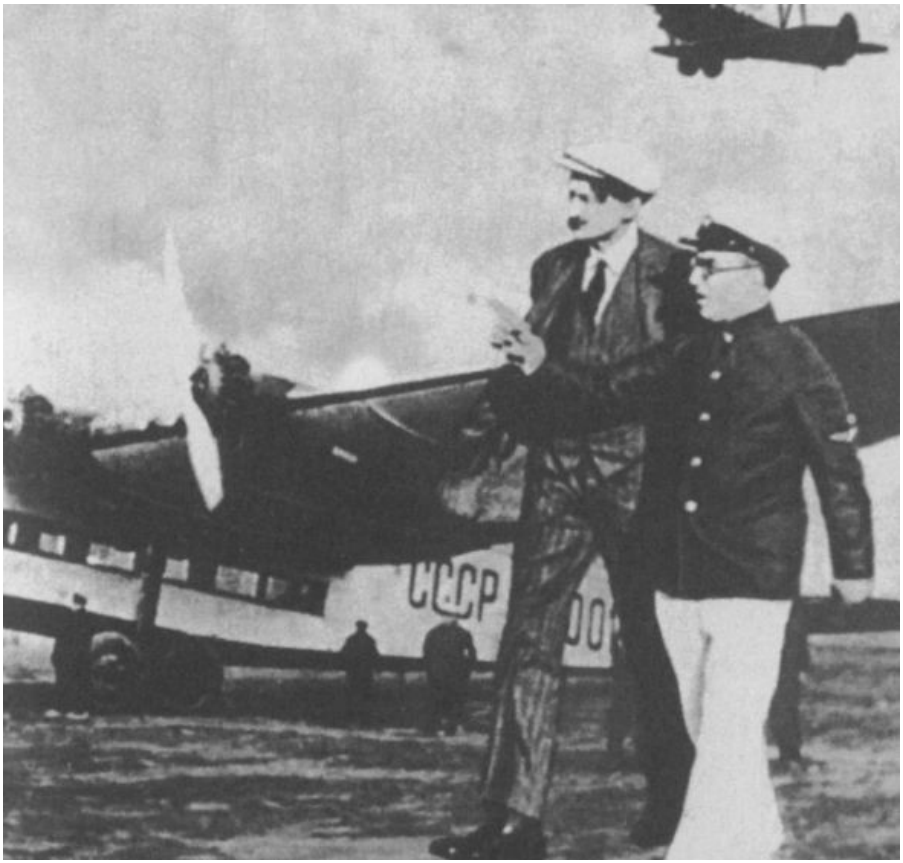


Михаил Ефимович выступил с инициативой создать целую агитэскадрилыо из самолетов «Правда», «Известия», «Крокодил», «Комсомольская правда» и даже «Пионерская правда». Он был назначен командиром этой эскадрильи.

М. Кольцов, которого называли «писателем в газете», принимал активное участие в основании Союза писателей СССР. Слева направо: М. Кольцов, М. Горький, Д. Бедный.

М. Кольцов — председатель Иностранной комиссии Союза советских писателей. Слева направо: Жан-Ришар Блок, Илья Эренбург, М. Кольцов. 1935 г.

Конгресс писателей в Париже. Слева направо: М. Кольцов, Ж.-Р. Блок, Л. Арагон, А. Мальро.



М. Кольцов показывает Анри Барбюсу самолеты эскадрильи.

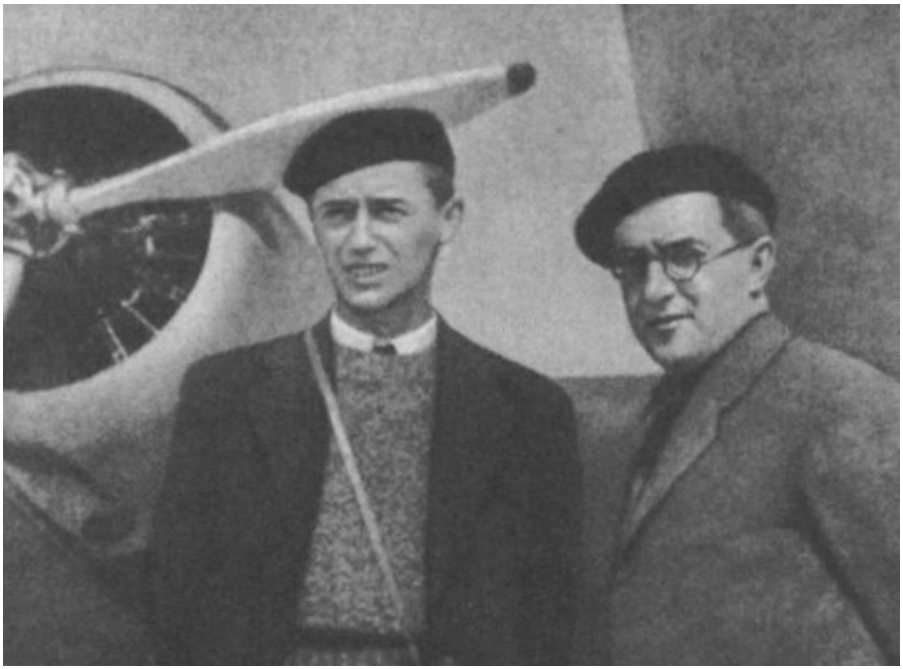
М. Кольцов и Бернард Шоу.

1937 г. Двадцатипятилетие газеты «Правда». В президиуме — справа налево: Н. Хрущев, М. Кольцов, Л. Мехлис.

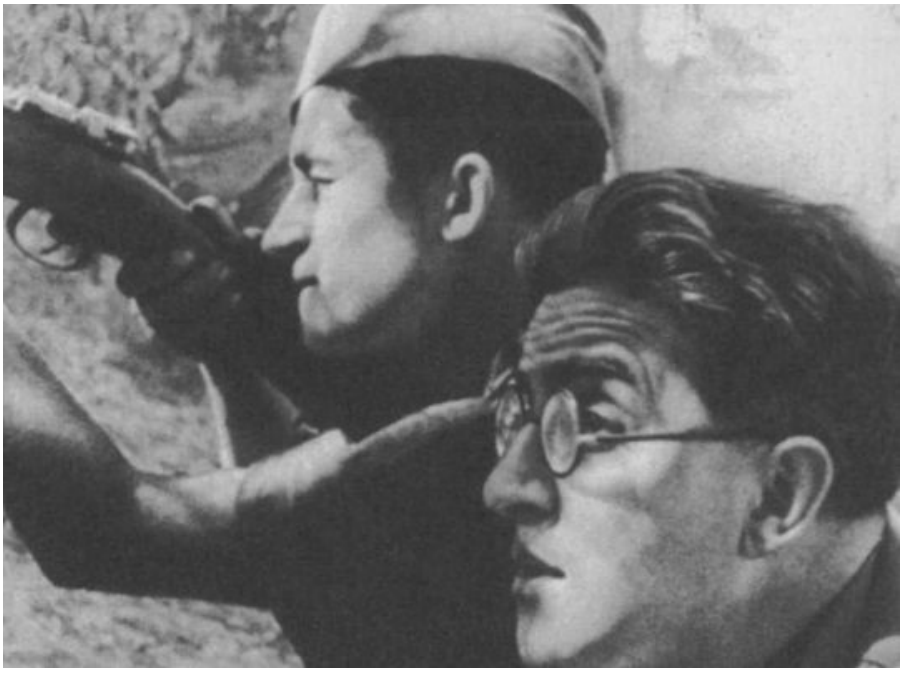
С. Прокофьева и М. Кольцов на собрании историков-марксистов в Комакадемии.

С метростроевцами.

1935 г. С братом на военных маневрах под Киевом.



Вместе с Р. Карменом в Бильбао.



В Испании.

На командном пункте генерала-республиканца Клебера.

Г. И. Петровский вручает М. Кольцову орден боевого Красного

Знамени.

Испанский дневник.

Жена М.Кольцова Мария Остен.

1941. Тюремное фото Марии Остен.

В тюрьме.

Памятный знак на месте захоронения № 1 на территории Донского монастыря.

Встреча на Белорусском вокзале в 1937 году. Рядом с Кольцовым его племянник Миша, автор предисловия к этой книге.

notes

Примечания

1

Орфография, пунктуация, стилистика, написание фамилий здесь и далее воспроизводятся по документам.

2

Достойный вид *(фр.)*.

3

Петроградская трудовая коммуна — организация исполнительных органов Советской власти в Петрограде в марте 1918 — феврале 1919 г.

4

Проклятый негодяй.

5

Развитие способностей *(нем.)*.

6

Центральное управление народно-хозяйственного учета (1931–1941 гг.).

7

Пропуск в оригинале.

8

Отдел агитации и политической пропаганды.

9

Высшая мера наказания.

10

Шведское название Хельсинки.

11

«Последние новости» — газета русских эмигрантов.

12

Речь идет о редакционной статье в «Правде» «Сумбур вместо музыки» (28.01.1936 г.), где подвергнута критике опера Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».

13

Клуб «Художники, литераторы, артисты, музыканты».

14

Легионеры *(исп.)*.

15

Испанское ругательство.

16

Библия. Книга Иова. XVII, 12.